

ГЕНЕРАЛ КУТЕПОВ

Святослав
Рыбас

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Александр Павлович Кутепов (1882–1930) принадлежал к тому героическому типу людей, которые выдвигались в трагические периоды отечественной истории. Один из лидеров Белого движения, он воевал в трех войнах (Русско-японской, Первой мировой и Гражданской). После поражения добровольцев пытался сохранить Русскую армию в Галлиполи и на Балканах, продолжая и в эмиграции борьбу с новым государством, образовавшимся после крушения империи. Похищение и гибель генерала Кутепова — один из самых загадочных эпизодов противостояния ОГПУ и Русского общевойска союза (РОВС).

Известный писатель и историк Святослав Рыбас, следуя за своим героем сквозь войны и лихолетье, размышляет о судьбах России, о трагедии ее лучших сынов, попавших под железное колесо российской трансформации (от реформы П. А. Столыпина к модернизации И. В. Сталина).

[Адаптировано для AIReader]

-
- [Святослав Рыбас](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)

- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)
- [Глава десятая](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
- [Глава двенадцатая](#)
- [Глава тринадцатая](#)
- [Глава четырнадцатая](#)
- [Глава пятнадцатая](#)
- [Глава шестнадцатая](#)
- [Глава семнадцатая](#)
- [Глава восемнадцатая](#)
- [Глава девятнадцатая](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

[illegible]

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)

- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)

- [116](#)
 - [117](#)
 - [118](#)
 - [119](#)
 - [120](#)
 - [121](#)
 - [122](#)
 - [123](#)
 - [124](#)
 - [125](#)
 - [126](#)
 - [127](#)
 - [128](#)
 - [129](#)
 - [130](#)
 - [131](#)
 - [132](#)
 - [133](#)
 - [134](#)
 - [135](#)
 - [136](#)
-

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1466

(1266)

Святослав Рыбас

ГЕНЕРАЛ КУТЕПОВ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

*При оформлении переплета использован
фрагмент картины Д. Белюкина
«Эвакуация дроздовцев и корниловцев из
Крыма» (1994)*

© Рыбас С. Ю., 2010

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот человек был героем и погиб в борьбе с Роком, как античный герой.

Александр Павлович Кутепов принадлежал к тому героическому типу людей, которые выдвигались в трагические периоды отечественной истории. Он был офицером Российской империи, созданной Петром Великим, с юных лет стремился им стать и стал им, воевал в трех войнах (Русско-японской, Первой мировой и Гражданской) и погиб, продолжая борьбу с новым государством, образовавшимся после крушения империи.

В его судьбе есть как минимум два обстоятельства, которые остаются поучительными и в XXI веке.

Первое. Русские офицеры и интеллигенты, впоследствии ставшие белогвардейцами, являлись носителями идеи державности и сторонниками постепенного реформирования государства, но после вопиющих ошибок элиты и развала традиционной России были вынуждены нести свой крест, пытаясь в вооруженной борьбе вернуть невозвратимое. Они испили скорбную чашу до дна, не подозревая, что русский раскол начался не в Октябре 1917 года и начали его не большевики, а российский политический класс.

Второе. Оказавшись в изгнании на полуострове Галлиполи в Турции, белая армия, благодаря генералу Кутепову, в беспримерно трудных условиях совершила чудо, которое было названо «Белым Китежем». В том эпизоде отразилась вся отечественная история с ее жертвенностью и торжеством духа.

Автор этой книги имеет личное отношение к тем далеким событиям. Его дед Виталий Иванович Григорьев в возрасте двадцати лет стал воином Добровольческой

армии и прошел с нею путь от Московского похода до Крымской эвакуации в Турцию.

Как свидетельство той трагедии, приведем отрывок из галлиполийского дневника юного штабс-капитана Константина Афанасьевича Цимбалова: «5. *III. 1921.* Все дни работаю над историей полка — подлость и предательство прошлых лет проходят перед глазами; всё залито кровью молодежи, интеллигенции, офицерства — «и все они умерли, умерли».

Цимбалов потом жил в Чехии, где получил образование врача, Григорьев вернулся в Россию и стал горным инженером. И еще сотни тысяч белых воинов разметало по всем континентам. Время их земной жизни давно закончилось.

Они глядят оттуда, и только Господь знает, что они знают о нас и от чего хотят предостеречь.

Глава первая

КАК РОЖДАЛИСЬ ЗАЩИТНИКИ ИМПЕРИИ

В октябре 1919 года в бою под Курском погиб пятнадцатилетний гимназист. Накануне он пришел в штаб 1-го армейского корпуса, только что взявшего город, записываться в добровольцы, и вот через сутки оборвалась его юная жизнь. Сколько пало таких пятнадцатилетних русских мальчиков на кровавых нивах? Бог ведает. В январе и феврале восемнадцатого года, в самом начале Гражданской войны, под Новочеркасском сражались совсем маленькие, двенадцатилетние кадеты, ростом меньше трехлинейной винтовки, круглоголовые, короткостриженные, в черных мундирчиках с красными лампасами. Потом их, окоченевших, в белых бумажных смертных венчиках вокруг желтых бескровных лбов, отпевали в Новочеркасском войсковом соборе, и редких молящихся, присутствующих на панихиде в полупустом храме, озадачивала горькая мысль: почему должны гибнуть дети, когда на Дону столько взрослых мужчин?!

Их были тысячи, их имена канули в Лету, остался только дух этих мальчиков, запечатленных в выцветших архивных фотографиях, — например в снимке 1923 года гимназистов-инвалидов Шуменской русской гимназии в Болгарии: подростки в белых гимнастерках сидят на каком-то низеньком заборе, положив рядом костыли, и со строгой бесхитростной улыбкой глядят на нас из вечности; у одного нет обеих ног ниже колен, у другого на груди крестик на георгиевской ленте, остальные ничем не выделяются, просто одноногие юноши, ветераны Гражданской войны. Что ждет их?

Остался безымянным и курский гимназист. Только известно, что его несчастный отец пришел к Кутепову и подарил ему любимую книгу сына — «Рассказы о Суворове».

— Что это? — спросил генерал.

Отец ответил:

— Пришли вы к нам в Курск, и ушел с вами мой мальчик. А уходя из дому, он попросил мать: мама, если меня убьют, отдай эту книгу генералу Кутепову... И вот я вам принес, исполняя его волю. Это первая книга, которую ему подарила мать.

Казалось, какие там книги, какой Суворов, когда кругом война и смерть? Разве великая православная держава с ее чудо-богатырями не превратилась в прах?

Но можно понять погруженного в горе отца: ему нужно было найти хоть какое-то оправдание потери, и он нашел его.

Кутепов был поражен. Он запомнил книжку гимназиста на всю жизнь, ибо в ней словно было записано то главное, что делало братьями тридцатисемилетнего генерала и погибшего мальчика.

У Кутепова был любимый образ — генерал Скобелев, которому он хотел подражать с детства. Для каждого русского мальчика существовал свой Суворов, Скобелев или Сергей Радонежский, а за ними проступал лик Отечества и приходило понимание смысла земного существования.

В. В. Розанов просто заметил: «Обстоятельства нашей истории и климата сказали русскому человеку: «Служи!» — и объединил в этой формуле многовековую историю нашей северной страны с ее скромными экономическими ресурсами, границами, не защищенными ни горами, ни морями, и крайним напряжением сил народа при организации хозяйственной жизни и защите Отечества. «Служи Отечеству», «За Богом молитва, за царем служба не

пропадет» — такие и подобные наставления естественно выражали нравственную атмосферу Российской империи, государства по преимуществу военного. У тогдашних русских это краткое «Служи!» не вызывало сомнений. Военная служба была наиболее престижной, гарантировала высокий социальный статус и даже дарила шанс остаться в истории, ибо главной работой офицера было погибать, защищая Отечество.

Александр Павлович Кутепов родился 16 сентября 1882 года в Череповце Новгородской губернии в семье потомственного дворянина Тимофеева. Отец рано умер, а мать вышла замуж за лесничего Кутепова, усыновившего мальчика.

Что такое российская уездная жизнь, мы уже не знаем, а если что-то и припомним, то нечто похожее на саркастическую «Историю города Глупова» Салтыкова-Щедрина. Но для того, чтобы понять, как русская провинция воспитывала подвижников и работников, надо обращаться к другим источникам.

В Череповце жили в согласии с традициями, по обычаю поклонялись местному святому Евстафию Синезерскому, погибшему от руки поляков в обстоятельствах, подобных кончине Ивана Сусанина, торговали лесом, сеяли ячмень, рожь, овес, занимались молочным скотоводством, — словом, жили и жили на своей земле, по своему нраву.

А что такое лесничий в северном лесном уезде? Это око государево, власть и закон. Не случайно Кутепов-старший во времена Столыпинской реформы был назначен председателем землеустроительной комиссии. Такие комиссии были сердцем преобразований и решали судьбу страны, помогая крестьянам свободно выходить со своим земельным наделом из общины. Кутепов обладал справедливым твердым характером и понимал, зачем служит.

За два с половиной месяца до рождения Александра Павловича в Москве скоропостижно скончался герой Русско-турецкой войны 1877–1878 годов генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. А родился Скобелев 17 сентября 1843 года. Кутепов же — 16 сентября. Совпадения случайные, но в детском возрасте всякая случайность воспринимается как намек судьбы. К тому же образ Белого генерала был почитаем у огромного большинства православных именно за его беспредельно жертвенное служение справедливости. Еще был памятен горячий подъем народного духа в защиту славянства в войне с Османской империей. По всей стране возникали Славянские комитеты, жертвовались деньги, звучали требования к правительству вступить за единоверцев на Балканах, страдающих от турок.

Пока Саша Кутепов растет, напивается преданиями и мечтает об офицерской службе, оглянемся на XIX век, на легендарных исполинов, в благодатной тени которых воспитывался наш герой. Этот славный век отечественной античности, увенчавший Российскую империю мировыми культурными достижениями, к началу века нового поставил перед страной трудные задачи.

После поражения России в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 годов, во время которой английские военные корабли с паровыми двигателями, олицетворявшие технический прогресс, продемонстрировали явное преимущество перед российским парусным флотом, Россия осознала необходимость срочной модернизации. Великие реформы Александра II дали толчок необходимым преобразованиям, началась быстрая смена экономического и технологического укладов, в российские губернии ворвался дух предприимчивости и капиталистической дерзости. Стали строиться железные дороги, развиваться металлургия, угледобыча,

машиностроение. При этом обнаружилась нехватка финансового капитала, в стране обосновались европейские банки и компании. Реформы коснулись и армии, она перевооружалась, потребовались офицеры новой выучки.

Гимназист Саша Кутепов пока был далек от экономических и политических проблем. Разве что отголоски героической обороны Соловецкого монастыря от английской эскадры во время Крымской войны волновали воображение мальчика или заставляли задуматься о том, почему блокада в ту войну нанесла архангельской торговле большой ущерб.

Саша Кутепов смотрел на историю по-детски. Самое большое его огорчение — то, что родители отдали его учиться не в кадетский корпус, а в скучную классическую гимназию в Архангельск.

Это город лесной и морской, торговый и монастырский. Двадцать тысяч жителей. Здесь строил флот Петр Великий, а монахи еще с XII века служили Господу в своем древнем мужском монастыре Архангела Михаила. Здесь Кутепов одержал первую победу.

Однажды зимой, после всенощной службы, во избежание беспорядка гимназистов выпускали из церкви по классам, а первоклассники были выпущены последними. Церковные ворота закрылись, и малыши в долгополых шинельках с башлыками на фуражках двинулись стайкой по пробитой в сугробах не тропинке, а настоящей траншее. И вдруг налетели на двух подгулявших обывателей. Что там взбрело в головы хмельным мужикам, но только они сцапали первого гимназистика, и тот с перепугу запищал. Остальные замерли. Неожиданно один из них крикнул:

— Ребята, вперед, ура! — и бросился на обидчика, толкая его в сугроб.

Это был Кутепов. Остальные навалились на взрослых, а те... взмолились о пощаде. Полная виктория!

Это детское, почти шуточное сражение — весьма показательно. Саша Кутепов почувствовал, что на нем лежит долг защищать слабого, что он — первый силач класса — обязан выйти вперед.

Впрочем, в каждой русской семье, как правило, многодетной, это считалось нормой: старший заботится о младшем, сильный о слабом, и это не доблесть, а будничность. Кроме Саши, в семье было еще четверо детей, поэтому, живя в общежитии при гимназии, он естественно влился в среду сверстников и даже стал авторитетом.

И все же в мальчике чувствовалась какая-то чрезмерность, заостренность на строгую жизнь. Чтобы развивать волю, вставал среди ночи, тщательно одевался, застегивая все пуговицы, и выходил из дома, направляясь в самые темные и страшные места. Самое страшное место — это кладбище, где водится всякая чертовщина. Что влекло его туда? Хотел ли он что-то доказать себе? Что родители ошиблись, не отдав его в кадеты?

Представим ночь, густые тени от памятников, тусклый блеск луны, мертвую тишину, — и его одного перед лицом потустороннего мира, откуда никому нет возврата. В этом есть что-то романтическое, средневековое, идущее от преданий.

Заостренность Кутепова проявлялась не в одном поступке, а в последовательной цепи таковых. Спросите любого учителя, что труднее всего дается детям, и вы услышите: дисциплина и аккуратность. У Кутепова же это было природным даром, казалось, счастливо соткавшимся из лесной русской природы, строгих северных нравов, белёных льняных холстов.

Но это еще не все. Почему-то он распространял лежавшую на нем в семье ответственность за младших сестер и братьев на своих товарищей. Кутепова-старшего перевели в город Холмогоры, и Саша стал

жить в гимназическом общежитии. Когда из-за тесноты в общежитии малышей переселили в мезонин, старшим у них был назначен Саша Кутепов, уже гимназист третьего класса. И сразу там воцарился образцовый порядок. До назначенного часа можно было шуметь и дурачиться, но после отбоя все стихало, как по мановению волшебной палочки. К послушникам Кутепов применял строгие меры воздействия, о которых история умалчивает, а мы не беремся гадать. Однако за одно ручаемся, зная последующую его жизнь: он никого не унижал. Он был просто сильный, справедливый мальчик, верящий в Бога и в свое предназначение.

В третьем же классе, в возрасте тринадцати лет, он задал себе небывалое испытание: участвовал в маневрах местной воинской части, проделав наравне с солдатами переход в 72 версты, и даже принял участие в «бою» за город. Самой большой сложностью этих маневров были его родители. Их, впрочем, беспокоили не физические перегрузки, не пребывание ребенка среди чужих людей, а опасение, как бы он не огрубел среди солдат. Опасения оказались беспочвенными. Солдаты не то что не позволяли себе в присутствии Саши грубого слова, но и следили за ним как за младшим братом, проявляя деликатность и простоту. Этот короткий эпизод еще больше укрепил желание Кутепова стать офицером. Он полюбил солдат, будучи не их начальником, а тем, кем был, по-видимому, Саша Пушкин для Арины Родионовны.

В четырнадцать лет Кутепов осиротел, умерла его мать. Мальчика вызвали телеграммой, но он опоздал на несколько минут, не застав ее в живых. Она умирала в полном сознании и все спрашивала своего первенца, а когда почувствовала приближение конца, благословила его портрет.

Что может быть тяжелее, чем утрата в юном возрасте самого близкого человека?

Вот он только что был героем в своих глазах, сильным и справедливым; его все уважали, он ничего не боялся. И вдруг вся его защищенность, его сила и стойкость, — все рухнуло. Он стал песчинкой перед грозным ликом Бога, забравшего к себе его маму. Это было непостижимо. Детское сердце утонуло в горе.

Потом он еще раз испытает остроту этого чувства, когда в Мукденском сражении погибнет его друг. А дальше потери уже не будут так рвать душу, станут привычными. Вид собственных ран, чужой крови, мучений сопровождает каждого офицера на войне. Впереди у Кутепова много испытаний. Со временем его сердце так закалится, что он признается жене, что ради спасения России он, если понадобится, пожертвует и своей семьей.

Но пока ему всего-навсего четырнадцать лет, он плачет и прощается с матерью...

Прошло два года. Он отлично сдал экзамены и перешел в седьмой класс. Теперь он может отбывать воинскую повинность на правах первого разряда.

Саша идет к отцу и просит разрешения пойти на военную службу вольноопределяющимся. Его план таков: как только наденет погоны, сразу подаст рапорт о зачислении в юнкерское училище и будет направлен туда за казенный счет как вольноопределяющийся. Последнее обстоятельство для многодетной небогатой семьи играло немаловажную роль.

Отец не возражал. Да и что возражать, когда сын уже выбрал путь?

Кутепов немедленно вышел из гимназии и спустя месяц был зачислен вольноопределяющимся в Архангельске. Дальнейшее случилось так, как он и предполагал. И даже чуть удачнее. В августе его направляют в Санкт-Петербургское юнкерское училище, он зачисляется «юнкером рядового звания». Но как раз в ту пору проходила реформа юнкерских училищ,

расширялась учебная программа, и выпускались из них уже не подпрапорщики, а самые полноправные подпоручики, как и из военных училищ.

Случай дал возможность Александру начинать карьеру со звездочек подпоручика. Оставалось только их заслужить.

Кутепов рвется вперед, выделяясь среди однокашников ясностью мышления, честностью, отчетливостью характера. Он продвигается к офицерскому званию, излучая огромную моральную силу. Через год у него на погонах — фельдфебельские нашивки. На строевом смотре великий князь Константин Константинович (вошедший в историю русской культуры еще и как поэт К. Р.) произвёл младшего портупей-юнкера Кутепова, в обход чина старшего портупей-юнкера, сразу в фельдфебели. «По-екатеринински», как вспоминал наш герой, отсылая нас к славным временам Екатерины Великой. Такое случалось очень редко.

Среди юнкеров Кутепов всегда почему-то казался старше. Его приказания выполнялись беспрекословно, от него веяло надежностью.

Однажды, впрочем, на экзамене по тактике этот выдающийся фельдфебель оказался неподготовленным. Чтобы не сесть в лужу да и просто не получить «ноль», ему можно было сослаться на единственное принимаемое во внимание обстоятельство, болезнь, и получить разрешение сдать экзамен в следующий «репетиционный день». Порядки в училище были строгие, «ноль» мог многое испортить Кутепову. Что делать? Сказаться больным, когда на самом деле он был здоровее самого здорового?

Перед экзаменом он подошел к Н. Н. Головину (впоследствии ставшему крупным военным писателем и военным педагогом русской эмиграции) и попросил отложить опрос.

Головин был удивлен, потребовал объяснений.

Кутепов ответил, прямо глядя ему в глаза, что вчера представился случай побывать в театре, поэтому не смог подготовиться.

Преподаватель должен был без дальнейших разговоров ставить низшую отметку, но вот оно, русское понимание справедливости, что выше закона, — Головин не мог наказывать за правду и сказал, что будет экзаменовать в следующий раз. А в следующий раз Кутепов отвечал блестяще.

Через много лет, уже в эмиграции, Кутепов признался Головину, что не рассчитывал на снисхождение и ждал «ноля».

Итак, пока наш герой прилежно учится, а общество готовится к будущим потрясениям, посмотрим на положение России, служить которой он начал.

Глава вторая

ПОДПОРУЧИК НА ВОЙНЕ

На горизонте — война с Японией, революция, переход к конституционной монархии, созыв Государственной думы, Столыпинские реформы. Это все — как сон. Если бы сказали молодому Александру Кутепову, что случится в ближайшие годы, то он, пожалуй, оскорбился бы. Ему были чужды всякие компромиссы, его дело — драться, побеждать, гибнуть, посылать на смерть своих солдат.

В одном из германских левых журналов начала XX века была помещена карикатура: Николай II и премьер-министр С. Ю. Витте стоят перед девушкой-великаншей, которая держит в руках какие-то шестеренки и у которой на платье написано «Промышленность»; император говорит премьеру: «Кого ты мне привел? Это же социализм!»

Да, страна развивалась, технический прогресс воспитывал самостоятельность и предприимчивость, но идеология дворянской империи оставалась прежней. Офицер должен был находиться вне политики и быть верным своему воинскому долгу. Он был обязан вести образ жизни, соответствовавший «офицерскому достоинству». Так, храбрость, честность и самоотверженность должны были в обыденной жизни подкрепляться исполнением обязательных правил: например, нельзя было посещать рестораны II и III класса, занимать в театрах (кроме Императорских) места дальше пятого ряда, носить на улице пакеты с покупками и т. д., а офицерские жены не могли заниматься торговлей или служить в конторе какой-нибудь фабрики. Офицеров воспитывали в кадетском корпусе, военном училище и в полку в сознании, что у

него нет прав ни на собственное благополучие, ни даже на собственную жизнь. Главным достоянием офицера считалась его рыцарская честь. Поэтому абсолютное большинство офицеров были носителями аристократических традиций созданной Петром Великим империи и заметно отличались от другого населения.

Ко времени окончания Кутеповым училища уже шла война с Японией. Как фельдфебель, он имел преимущественное право выбирать из списка офицерских вакансий наиболее удобную, но выбрал действующую армию, 85-й пехотный Выборгский полк. Кроме того, как окончивший училище по первому разряду, он имел право на производство в поручики через три года, а не через четыре, как все.

По дороге в Маньчжурию он заехал проститься с семьей и отдать свои «прогонные» деньги. Дома пригласили священника, отслужили молебен. Отец благословил. И тут надо было бы ему сказать что-то важное, ведь прощались, может быть, навеки, а он ничего важного не сказал: то ли постеснялся громких слов, то ли и без них все было понятно.

Только через две недели, прибыв в полк в деревню Хомутун и надевая парадный мундир для представления командиру, Кутепов нашел в кармане письмо отца с кратким заветом: «Будь всегда честным, никогда у начальства не напрашивайся, а долг свой перед Отечеством исполни до конца». Еще в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина Гринев-отец так же напутствовал сына: «Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их ласкою не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду».

Можно представить, как обрадовался молодой подпоручик, словно словами из батюшкиной записки благословение самого Отечества коснулось его сердца.

Незамысловатые, патриархальные слова, а что было важнее для молодого человека, готового к самому трудному? «Ты не один, — так, казалось, говорил отец. — За тобой все мы, живые и отошедшие к Господу, ничего не бойся и делай свое дело».

И вот Кутепов на войне. Но прежде, чем он оказался на фронте, он увидел Восток, безбрежное азиатское море, с которым сотни лет назад сжилась и породнилась Русь. Старшие офицеры, ветераны Русско-турецкой войны обращали внимание на поразительную любовь китайцев к своим предкам и, глядя на зеленеющие среди возделанных полей ритуальные рощи, в которых покоились деды и прадеды здешних крестьян, исполнялись уважением к народной традиции, сделавшей память о прошлом основой моральной силы живущих. Но ведь это и русская традиция! Если отойти на шаг от официальной церковной практики и приблизиться к тысячелетней простой крестьянской жизни России, то увидим то же самое поклонение предкам.

Молодые офицеры смотрели на ветеранов с почтением, ибо те как будто несли за плечами отсветы славы побед Скобелева, а о вечности не задумывались. Скобелев был интересен тем, что был молод, отважен, верил в свою звезду. Когда при штурме Ловеча Рыльский полк дрогнул, он выехал на белом коне перед полком и стал под огнем командовать ружейные приемы, чем мгновенно привел солдат в чувство. А штурм Плевны? А Шипка? Если бы русские войска заняли в 1878 году Константинополь, как того он страстно хотел, то это, не исключено, повлияло бы на итоги Берлинского конгресса. Он был генерал екатерининской эпохи, равный Суворову, опоздавший родиться.

Но с другой стороны, встречались на японской войне такие храбрецы, как черногорский доброволец, полковник Липовац Попович. С ним прибыла целая

ватага черногорских молодцов. Говорили о них, что подобных разведчиков нет в мире: расположившись на вершинах гор, они переговариваются, подражая крику разных зверей и птиц, и передают нужные сведения. Но не удалство решало судьбы нынешних баталий. Иная война: бездымный порох, пулеметы, батареи на закрытых позициях, защитные цвета мундиров вместо прежних белых.

И надо воевать, дело делать, готовиться, работать... А геройство? О геройстве все сказано еще поручиком Лермонтовым: «Я видел его в бою: он кричит, носится с места на место, машет саблей! Что-то не русская это храбрость!»

Начавшаяся война имела огромное геополитическое значение и повлияла на судьбу страны на сто лет вперед. Она оказалась второй в XX веке битвой за ресурсы и коммуникации. Первой была Англо-бурская война (1899–1902), по результатам которой Британская империя установила полный контроль над одним из богатейших регионов планеты, Южной Африкой. Опыт этой военной кампании оказал решающее воздействие на военную практику нового века. Боевые действия на юге Африканского континента сильно отличались от маневренных войн прошлого. Буры, потомки голландских колонистов, впервые применили эшелонированную оборону, создав несколько рядов траншей, связанных ходами сообщения, что позволило скрытно маневрировать и быстро снабжать передовую боеприпасами и продовольствием. Англичане же впервые использовали в массовом порядке пулеметы, стали применять колючую проволоку и отказались от своих красных мундиров, переодев войска в униформу защитного цвета «хаки». Они применили тактику выжженной земли, уничтожая поселки и фермы буров,

сгоняли сопротивляющееся население в концентрационные лагеря, где люди умирали тысячами.

На помощь избиваемым бурам отправились добровольцы, в том числе и из России. Один из самых известных — Александр Гучков, представитель известного московского купеческого рода, будущий председатель Второй Государственной думы.

Но не военные новшества и не эмоциональный порыв отдельных европейцев имели историческое значение. К этому времени обозначилась во всей страшной полноте перспектива тотальной борьбы мировых держав за полезные ископаемые и приоритеты в торговле, которые обеспечивались морским или сухопутным доступом к ресурсам. И вот здесь Россия, ограниченная с европейского фланга Германией, с черноморского — Турцией и Великобританией, в Средней Азии — той же Великобританией, устремилась на восток. С постройкой Транссибирской магистрали она начала экономическое освоение дальневосточных пространств и стала активным участником международной борьбы за ресурсы Тихоокеанского региона. Здесь она встретила соперничество Японии, США и Великобритании, поэтому столкновение (еще не обязательно военное) было фактически предопределено. В советской историографии считалось, что война с Японией была вызвана стремлением российской власти «маленькой победоносной войной» отвлечь общество от социального протеста. На самом деле, Россия самой логикой экономического развития была обязана выходить из своего «дальневосточного тупика» в сторону незамерзающих тихоокеанских проливов и гаваней. Вот как видел мировую ситуацию один из первых русских геополитиков генерал Алексей Вандам (Едрихин), тоже принимавший участие в Англо-бурской войне: «В настоящее время на земном шаре существует лишь два

истинно великих народа — 160 000 000 англичан и 160 000 000 русских.

Первые, утвердив в разных степенях власти свое господство над всеми океанами, тремя с половиной материками и почти всеми островами, отмежевали себе едва охватываемую воображением Океанскую Империю.

Вторые, завладев полузамерзшим и обильно изрезанным песчаными мелями океаном земли, образовали огромную на карте, но уже тесную для самих себя и пугающую остальные народы темнотой своих ночей и трескучими морозами Сухопутную Российскую Империю»^{1}.

Он утверждал, что англичане, «присваивая себе исключительное право на пользование всеми благами мира», являются геополитическими соперниками России.

Не учитывая этого соперничества, трудно понять ход Русско-японской войны.

Альтернатива военным действиям все же была. Влиятельнейший сановник России, министр финансов С. Ю. Витте был противником вооруженного столкновения, Николай II занимал двойственную позицию, а российские военные не считали Японию серьезным соперником. При этом вряд ли кто из них предвидел, что в надвигающейся схватке важную роль сыграет позиция других великих держав в регионе. А позиция США и Великобритании была антироссийской, обе великие державы не были в восторге от появления в регионе еще одного конкурента.

Надвигающийся конфликт был крайне невыгоден России из-за множества нерешенных внутренних проблем. Надо учесть, что восточный участок Транссибирской железнодорожной магистрали проходил по территории Маньчжурии, арендованной Россией у Китая. Таким образом, была сокращена протяженность дороги, удешевлена ее стоимость и создана база для закрепления позиций в Северном Китае, но

одновременно с этим Россия оказывалась перед лицом сильных противников.

Островная Япония, претендовавшая на ресурсы Китая и Кореи, потребовала ухода России из Маньчжурии и Кореи. Готовый к некоторым уступкам, Николай II не соглашался оставить Маньчжурию. Витте в 1901 году провел переговоры в Петербурге с японским маркизом Ито, и они уже почти договорились о мирном разделе влияний: России — Маньчжурия, Японии — Корея. Однако параллельно с этим японцы провели переговоры с англичанами и в январе 1902 года подписали с ними договор, согласно которому стороны признавали друг за другом право на защиту своих интересов в Китае и Корее и обязывались оказывать друг другу военную помощь в случае войны одного из союзников с двумя или более государствами. Договор имел антироссийскую направленность.

Германия также заверила Японию в своем дружественном нейтралитете и обязалась сдерживать Францию от попыток оказания помощи России. Президент США Т. Рузвельт заявил о поддержке Японии. Франция заключила с Россией союзнический договор, но вскоре уточнила, что он распространяется только на Европу.

В августе 1902 года Токио предложил Петербургу следующий «размен»: Россия признает японский протекторат над Кореей и сохраняет в Маньчжурии право только на охрану железных дорог. Николай II отказался, совершив стратегическую ошибку.

Ее суть заключалась в архаичном методе принятия решения. Царь поддался кулуарному давлению очень сильной «группы интересов», которая пролоббировала агрессивное вторжение российского капитала в Корею (разработка лесных концессий на китайско-корейской границе на протяжении 800 верст). Николай II позволил себе увлечься совершенно нереальной идеей

присоединить к России Маньчжурию подобно тому, как при Александре III были присоединены среднеазиатские владения. В число лоббистов входили несколько аристократов, крупных помещиков и великий князь Александр Михайлович. Они считали методы постепенного экономического проникновения неэффективными и слишком дорогостоящими.

Вслед за этим Витте был отстранен от дальневосточной политики и лишился поста министра финансов. Его назначили председателем Кабинета министров, на почетную, но незначительную должность, так как все решения принимали либо царь, либо министры. Перемещение сопровождалось резкой критикой. Витте обвиняли в «распродаже России», заключении невыгодных займов, в преклонении перед иностранными финансистами, пренебрежении интересами помещиков-землевладельцев. (Проводя политику модернизации промышленности, Витте черпал средства у аграрных производителей, а Россия, надо помнить, была страной земледельческой, и в политическом отношении доминировали дворяне.)

В Петербурге считали боевую подготовку японской армии низкой. На самом деле ее подразделения были обучены германскими инструкторами и по уровню подготовки приближались к западноевропейскому. Артиллерия уступала русской в скорострельности и дальностью, но имела значительное преимущество — стреляла с закрытых позиций, то есть в отличие от русской была малоуязвима. Японцы намного превосходили русскую армию и в обеспеченности скорострельным оружием, пулеметами. Например, генерал М. И. Драгомиров, обучавший Николая II военному делу, считал, что пулеметы в армии не нужны, что «человека довольно подстрелить один раз». В целом, русский генералитет был еще во власти традиций прошлого века и не понимал, что теперь

важны не «суворовские чудо-богатыри», подавляющие противника густыми колоннами на поле боя («ящиками»), а активные маневренные действия.

В начале XX века положение офицеров, которые занимали со времен Петра Великого ведущее положение в государстве и бывших кадровой опорой его модернизации страны, сильно изменилось. Внедренный в сознание населения после победы в Северной войне культ военной славы империи выполнял на протяжении двухсот лет свою роль оправдания трудностей и жертв, приносимых для укрепления страны, но после Великих реформ Александра II и бурного экономического роста на первые роли стали выдвигаться новые профессиональные слои — инженеры, юристы, земские работники; Происходила переориентация власти на приоритеты гражданского развития. Буржуа и бюрократ теснили воина. Если в середине XIX века в России насчитывалось 86 тысяч чиновников, то в начале XX века — уже 500 тысяч, причем они получали более высокое жалованье, чем офицеры. Кроме того, в России, в отличие от Германии и Японии, от призыва на военную службу освобождались преподаватели, врачи, обладатели ученых степеней, служители культов, имели значительные льготы выпускники высших и средних учебных заведений, то есть армия не получала образованных кадров и в глазах культурного общества выглядела как малоавторитетная структура.

В Японии же культивировалась военная доблесть, армия пользовалась массовой поддержкой. На перевооружение армии и флота с 1896 по 1903 год там было израсходовано 773 миллиона иен (почти 3 миллиарда долларов по современному курсу), заказы размещались в Англии, США, Германии, Франции. К концу 1903 года японская армия была полностью готова к войне. За несколько дней до начала боевых действий

Токио посетил американский военный министр У. Тафт, будущий президент США.

И вот в ночь на 27 января (9 февраля) 1904 года без объявления войны японский флот напал на русскую эскадру в Порт-Артуре. Николай II просчитался: он полагал, что война начнется через три-четыре года, когда будут достроены современные русские крейсера и завершена железная дорога вокруг Байкала. Но имелось ли вообще простое решение этого геополитического противостояния? С. С. Ольденбург в книге «Царствование Императора Николая II» так оценивает тогдашнюю обстановку: «Решался вопрос о выходе к незамерзающим морям, о русском преобладании в огромной части света, о почти незаселенных земельных просторах Маньчжурии. Иначе, как поставив крест над всем своим будущим в Азии, Россия от этой борьбы уклониться не могла. О двух «несогласимых судьбах» говорит американский летописец Русско-японской войны С. Тайлер: «Россия, — пишет он, — должна была прочно утвердиться на Печелийском заливе и найти свой естественный выход в его свободных гаванях, иначе все труды и жертвы долгих лет оказались бы бесплодными и великая сибирская империя осталась бы только гигантским тупиком»^{2}.

«Только неразумное резонерство, — писал Д. И. Менделеев, — спрашивало: к чему эта дорога? А все вдумчивые люди видели в ней великое и чисто русское дело... путь к океану — Тихому и Великому, к равновесию центробежной нашей силы с центростремительной, к будущей истории, которая неизбежно станет совершаться на берегах и водах Великого океана»^{3}.

Что значит судьба человека, попавшего на войну? Она печальна и мало что значит.

Кутепов был назначен в команду разведчиков. В ту пору он был худощав, плечист, с небольшими усиками.

Это последние его портреты доносят до нас облик коренастого, похожего на медведя, бородатого мужчины, а двадцатидвухлетний подпоручик — совсем другой. «У меня физиономия обыкновенного московского банщика», — скажет он много позже.

Кутепов сразу обратил на себя внимание. В ночь, предшествующую разведке, он выходил один или с одним-двумя из своих «охотников» для анализа обстановки, чтобы потом, в настоящем деле, действовать наверняка и с наименьшими потерями. Еженедельно было два или три выхода разведчиков, а для Кутепова эти выходы соответственно удваивались. Правда, никого это особо не удивляло. Удивляло то, что Кутепов отказывался в офицерской компании выпить рюмку «смирновки» или «поповки», доставляемых маркитантами по пять-шесть рублей за бутылку, и еще отказывался играть в карты. Но у него не оставалось на скромные развлечения времени. «Нет, что-то не хочется, — отвечал он товарищам. — Уж как-нибудь в следующий раз». Конечно, он мог сказать, что разведка — дело тонкое, и малейшая оплошность может стоить жизни.

Настоящие военные давно поняли истину, что побеждает тот, кто настроен на огромную работоспособность. «Бой — серьезное дело, и моральное превосходство в бою должно выражаться в настойчивой и упорной работе, в преданности общему делу, а не в стремлении показать фокус. Моральный элемент прежде всего высказывается в отношении к действительности; там, где о нем забывают, где все заняты только своим делом, где жизнь — на первом плане — там все обстоит благополучно». Эти строки принадлежат военному теоретику, генералу А. А. Свечину, участвовавшему в той войне капитаном.

Кутепов знал цену боевому духу. Военный человек должен смотреть прямо в лицо быстро меняющейся

действительности. XX век диктовал свои требования, которые выполнялись только благодаря постоянному напряжению воли и труду. Кутеповские разведывательные действия дали много ценных сведений при самых малых потерях, но требовалась какая-то яркая вспышка, которая бы осветила этого юного воина. Как-то ночью Кутепов с несколькими охотниками незаметно подполз к многочисленной японской заставе, насчитывающей 70–80 человек. Ее часовой был выдвинут вперед. «Сними его, только тихо», — велел подпоручик унтер-офицеру. Через минуту часовой был оглушен ударом приклада. Других часовых не обнаружили, заставка спала. Разведчики подошли к укрытиям, Кутепов крикнул «ура!», бросились вперед. Застава разбежалась, а пулеметы и винтовки стали трофеями разведчиков. За такой подвиг полагалась высокая награда.

И хотя орден Святого Георгия получил за это дело не Кутепов, а начальник команды разведчиков, который в вылазке не участвовал, подпоручик отныне был признан храбрецом. После войны один офицер услышал от солдат подробности той разведки и предпринял усилия, чтобы Кутепова все же наградили, так как Георгиевской думой еще принимались ходатайства о награждениях за минувшую кампанию. Александр Павлович ничего про это не знал. И ничего, к сожалению, из того ходатайства не вышло. Вскоре дополнительные награждения были прекращены.

А все-таки боевой орден нашел Кутепова. Как будто судьба решила проявить настойчивость и выбрала для этого приезд в полк германского принца. 85-й Выборгский имел своим шефом германского императора Вильгельма II.

В присутствии принца Кутепов докладывал об одной из своих разведок и был награжден орденом Германской Короны с мечами и на ленте Железного креста. Случай?

Конечно, случай. Но сюда надо прибавить то впечатление офицерской доблести, которое производил этот подтянутый крепкий подпоручик с темными задорными глазами.

Трудно представить нашего героя мечтателем, способным увлечься чувствами в ущерб службе. Трудно представить его растерявшимся, поддающимся безотчетному страху. Тем не менее такое с ним случилось. Вот что он сам рассказывал о себе (дело было в Монголии, куда его послали закупить лошадей):

«Путь был далекий. Я очень берег лошадей. Казенное имущество, да и остаться без коня — гибель. Было установлено точно, когда и как поить и кормить лошадей. А один солдат взял да и обкормил разгоряченную лошадь. Раздулся у нее живот — и пала. Накалился я страшно. Позвал солдата и только сквозь зубы сказал — отдам тебя под суд. Ну, а солдаты уже знали, что слово мое твердо. Солдатишка этот всю дорогу старался попасться мне на глаза и чем-то услужить, прямо осточертел, но я ему ни звука и не гляжу на него. Подъезжаем к одной фанзе, хочу войти в нее, а уж этот солдат вертится у меня под ногами, дверь, что ли, хочет отворить. Я споткнулся и в сердцах оттолкнул его. И толкнул-то его легонько, а он возьми да и треснись о землю. Я и говорю: прости, брат. Тут он вскакивает, руку к козырьку, грудь вперед, да как гаркнет: покорнейше благодарю, Ваше Благородие, что простили.

— Ну что же после этого станешь делать? Простил. Поддел меня»^{4}.

Чем-то очень народным веет от этого простого воспоминания. Видишь и-этого недотепу-солдата, и строгого подпоручика, и то главное, что их объединяет. Военская дисциплина, закон? Да, но только отчасти. О, конечно, это Восток! Никакой Европой здесь не пахнет. Тут же надо вспомнить, как у сотника барона Врангеля

его казаки выпили вино, просверлив в бутылочных донышках едва заметные дырочки. Или как, будучи в плену в Японии, наши солдаты умудрялись гнать самогон из фруктов, а охрана так и не смогла разгадать секрета их веселости. Что ж, солдат — это свой мир, хоть и близкий офицерам, но все же и далекий.

Однако от милосердия, проявленного Кутеповым, — сразу в кровавую сечу. Отряд у него был маленький, шли они по бескрайним степям, привлекая внимание хунхузов, китайских разбойников.

Едут, винтовки наготове, нервы напряжены. В одной стычке убили под Кутеповым лошадь. В другой — могло быть еще хуже: хунхуз налетел на Кутепова, но подпоручик успел выхватить шашку и выбил винтовку. Тогда разбойник схватился за нож. Кутепов стал рубить его сильными точными ударами по всем правилам сабельного боя. Теперь врагу не могло быть пощады. Зато потом он не находил себе места, зарубленный хунхуз стоял перед глазами.

«Действовать холодным оружием, пожалуй, самое неприятное дело», — как бы сквозь зубы признался он.

Конечно, война не выбирает, она великая испытательница, и ставит людей в самые неожиданные положения, когда смелый вдруг дрожит от страха, а слабый становится могучим воином. Она не выбирает своих даров.

Вот и Кутепов испытал погружение, провал в ее ужасные глубины. Произошло это неожиданно, в безобидном положении: в бою под Фучуном его разведчики атаковали группу японцев, по-видимому, тоже из разведывательной команды, наступавших на занятый русскими перевал, и отбросили их вниз от перевала шагов на 800-900. Дело было сделано. Возвращались назад, карабкаясь по крутому склону. Кутепов заметил блестящую на груди убитого японца медаль. Разведчики должны были забирать награды и

документы противника. Но с ними находился раненный в голову, нельзя было останавливаться. Поднялись на перевал, устроили людей по местам и перевязали солдат. Все. Следовало забыть убитого японца с его медалью. Кутепов же спускается к убитому, берет медаль. Она — за Китайский поход. И вот перед Кутеповым лежит один из солдат, уцелевший четыре года назад и павший сегодня за интересы своей страны. Мертвый противник не вызывал враждебных чувств.

Возвращаясь на перевал, Кутепов не мог взобраться на крутизну — подошвы сапог скользили по влажной траве, он несколько раз скатывался вниз, к японцу, словно тот не отпускал его. И тут со стороны японцев начали стрелять. Пули с коротким звуком «дзык!» били совсем рядом. Кутепов растерялся. Волна ослепляющего ужаса охватывала его. Он был один. Сейчас свинцовый удар расколется ему голову, все кончится. Он вспомнил разбитую голову солдата, которую только что перевязывал там, на холме, где сейчас сидят свои. Первобытный страх обуял подпоручика. Что было дальше, он не помнил. В глазах было темно, когда он вскарабкался на гору. Ему дали воды. Он напился и пришел в себя.

Больше никогда с ним не было такого. Даже в тех случаях, когда «воздух казался живым существом от разрываемых снарядов». Впрочем, хладнокровное отношение к опасности вошло у русских офицеров в привычку. Участник той кампании, впоследствии ставший командующим белогвардейскими армиями в Гражданскую войну А. И. Деникин неодобрительно заметил по этому поводу о традиции «не слишком бережного отношения к собственной жизни». Что ж, генералы и полковники демонстративно шли впереди солдатских цепей в атаку и столь же вызывающе спокойно пили чай под обстрелом противника. Казалось, они видят себя на Бородинском поле против войск

Наполеона: во всяком случае как пример достойный подражания вспоминали, как тогда французская кавалерия при виде русских пехотных каре, спокойно державших ружья у ноги, сперва замедлила ход, а затем повернула назад.

Теперь перенесемся через линию фронта. Перед войной о японцах сложилось весьма невысокое мнение, как о неумелых робких воинах. Между тем все было не так. Они сражались искусно, упорно и самоотверженно, показывая беспримерное напряжение воли. В их отношении к собственной жизни было что-то напоминающее русское — Отечество выше, обычаи сильнее чувства самосохранения, мертвые герои имеют над живыми безграничную власть. Но в этом сходстве японцы выглядели жестче, отчетливее.

Вот одно из свидетельств той поры: «Полковник Такеучи, занимавший со своим полком южную часть д. Лакампу (Юхун-туань) и почти окруженный неприятелем, приказал майору Окоши спасти знамя и доложить бригадному командиру о положении дела. Окоши с шестью солдатами выходит из деревни. Знамя, завернутое в полотнище палатки, они волокут за собой, дабы не привлечь внимания неприятеля. Когда эта кучка показалась в огромном поле, то вдруг засвистели пули и солдаты стали падать один за другим. Наконец, последний солдат был ранен в живот, а майор Окоши в правую руку и грудь. Ползком добрались они до небольшой покинутой деревушки. Здесь майор, не имея уже сил двигаться дальше, написал левой рукой следующую записку командиру бригады:

«Если я покинул поле сражения в такой момент, то это произошло по категорическому приказанию моего командира, поручившего доложить мне о ходе дела. Я знал, с какими опасностями связано достижение штаба, но я не смел забыть опасного положения командира полка, солдат и товарищей и решился, выполнив

поручение и обсудив средства для выручки, вернуться к ним, чтобы разделить их участь. Я глубоко сожалею, что оказался не в состоянии выполнить поручение, будучи ранен. Поэтому я решился лишить себя жизни, чтобы присоединиться к командиру полка и моим товарищам на том свете. Но я ранен в правую руку и не могу держать сабли, а потому лишаю жизни при помощи револьвера и прошу извинить меня за это. Позвольте мне поблагодарить вас за вашу дружбу в течение стольких лет и подумать о вас в это мгновение. Я чувствую большую слабость и лишь с трудом держу карандаш, поэтому я ограничиваюсь указанием на отчаянное положение нашего полка».

Поручив солдату доставить знамя и письмо, майор Окоши прострелил себе голову. Час спустя в штаб бригады приполз раненный в живот, почти умирающий солдат, к спине которого было привязано знамя, а в шапке находилось письмо»^{5}.

Вот и вся история. От нее веет эпическим героизмом.

В той войне не было ненависти, хотя было много страданий. Военный контакт порой приводил к совершенно добродушным соседским отношениям, когда русские и японцы вдруг удивляли самих себя. Так, во время кавалерийского рейда на порт Инкоу отряд генерала Самсонова (самоотверженного героя Восточно-Прусской операции 1914 года) несколько раз занимал деревню в промежуточной полосе боевых действий. На Новый год казаки нашли там корзину с вином и закуской и записку. Японцы приглашали русских офицеров в гости, показав на карте свою деревню. На это приглашение откликнулся молодой начальник заставы с шестью казаками. Добрались до японской цепи, их встретили дружелюбно и проводили в фанзу к офицерам. Там уже было готово застолье, правда, не на столе, а на кане, теплой лежанке. Не понимая друг друга, русские и японцы, поднимали тосты, перепились,

целовались, расстались сердечными приятелями. На прощание японцы передали ведро водки «смирновки», два крестьянина-китайца доставили его.

Примеров подобного общения было немало.

В записках очевидца приводится такой эпизод:

«Японские роты дрались храбро и погибли честно. Казаки подобрали своих раненых и японских. Последних оставили в деревне вместе с персоналом отбитого раньше японского госпиталя; снабдили медикаментами и повозками. Хмурые, бесстрастные толпились раненые японцы вокруг своих повозок, не понимая еще, что их отпускают к своим. А рядом невдалеке уральцы хоронили своих убитых, которых отпевал казак — старообрядческий начетчик...»^{6}.

Но в целом военные действия не могли складываться удачно для русских. В начале войны на Дальнем Востоке было всего около 100 тысяч солдат. Подкрепления подвозились из Центральной России, Транссиб мог пропустить всего шесть поездов в сутки. В Японии было призвано под ружье 2 миллиона 727 тысяч человек, из которых участвовало в войне 1 миллион 185 тысяч. Как говорил Витте, «в отношении Китая, Кореи, Японии наше общество и даже высшие государственные деятели были полные невежды».

Патриотический порыв населения быстро иссяк. Оказалось, что российское общество в отличие от японского относится к войне как к бессмысленной тяготе, в которой виновато правительство. Поэтому, несмотря на то, что военные поражения имели тактическое значение, известия о них воспринимались обвинениями правящему режиму.

Тем не менее у России в длительной войне были все шансы победить. В Маньчжурии русские войска в конце концов должны были передавить японцев своей несравненной мощью. К лету 1905 года Япония

оказалась в очень трудном положении: запасы военных материалов заканчивались, финансовая система была на грани краха. Англия вовсе не желала дальнейшего усиления Японии на Тихом океане и стала сокращать финансовую поддержку. Поэтому японское правительство обратилось к президенту США Т. Рузвельту с просьбой о посредничестве в проведении мирных переговоров.

Несмотря на локальные поражения сухопутных войск и потерю флота в Цусимском сражении, военные ресурсы России оставались огромными. Она была готова к длительной войне. Однако ключ побед лежал не на полях сражений под Ляояном или Мукденом, а в Петербурге, Москве, Киеве, Нижнем Новгороде и других городах, где десятки тысяч российских подданных, испытав чувство национального унижения, искали выход в революции.

Глава третья

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА: РЕВОЛЮЦИЯ, РЕФОРМЫ

Связанные с Россией всего лишь одной ниткой железной дороги войска должны были отступать, маневрировать, выжидать, то есть применять тактику 1812 года, что командующий русской армией генерал А. Н. Куропаткин и стал осуществлять, наметив рубежом отхода Харбин. В свое время Куропаткин участвовал в Туркестанских походах Скобелева, лично вел стрелков на штурм Коканда, был ранен, служил начальником штаба у Скобелева во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, но, увы, не обладал должной силой натуры да и необходимыми полномочиями. Например, ему приходилось скрывать свое намерение отступить ради выравнивания возможностей.

Впрочем, и генерал Куропаткин, и сменивший его Н. П. Линевич мало влияли на настроения российского общества, то есть на мнение оппозиционно настроенной части населения, которое считало политический строй империи безнадежно устаревшим.

«Я прекрасно помню, — свидетельствует участник Русско-японской войны, — как один мой знакомый, ныне видный и притом далеко не левый член Думы, откровенно сказал мне: «Чем хуже будет вам в Маньчжурии, тем лучше станет нам в России»^{7}.

Велась жестокая борьба за власть. Даже такой зубр государственности, как С. Ю. Витте, не скрывал своих «пораженческих» взглядов. «Как политик, — говорил он в начале июля 1904 года, — я боюсь быстрых и блестящих русских успехов; они сделали бы руководящие санкт-петербургские круги слишком

заносчивыми... России следует еще испытать несколько военных неудач».

Но армия совершенно спокойна, она начинает усиливаться, получая все больше и больше подкреплений. Время работает на Россию. Япония уже вывела все свои силы, а Россия еще только начала разворачиваться. Могла ли война завершиться успешно для нее? Безусловно. Это признавали и те, кто совсем не желал такого исхода. Если бы в тылу был покой, в конце концов русская маньчжурская армия наклонила бы чашу весов в свою сторону.

Однако внутренние волнения все больше мешали армии. Кому они были выгодны? Теперь уже имеется достаточно много свидетельств, подтверждающих участие Японии в финансировании революционного террора в России. И все же внутренний раскол российского общества представлял главную угрозу для воюющей страны.

Предостерегающие голоса раздавались в академической военной среде: «Общество начинает презирать воинскую доблесть и службу Отечеству!», «Ослабляется боевой дух офицеров!», «Неужели для своего излечения Россия должна пережить новое иноземное нашествие?!» — подобные мысли заботили многих.

Даже консерваторы были настроены крайне критически. Так, издатель самой тиражной российской газеты «Новое время» А. Суворин писал в дневнике о взяточничестве высших чиновников и саркастически замечал: «Щедрин правильно говорит, что «взяток нет, явились куши». Там проливают кровь, а здесь взятки берут! Россия — это поместье Романовых, и они наживаются всячески»^{8}.

И пример Японии, где армия была окружена любовью и доверием, резко оттенял российские беды.

Война закончилась подписанием Портсмутского мира. Япония хотела получить очень много, а вынуждена была согласиться на гораздо меньшее. Ни контрибуции, ни выдачи русских судов, укрывшихся в нейтральных портах, ни ограничения права России держать на Дальнем Востоке флот, ни всего острова Сахалина — ничего этого японцы не добились.

Японии все же отошли южная часть Сахалина, Курильские острова, она получила право на Ляодунский полуостров в Китае и возможность преобладать в Корее.

Теперь никакого перевеса у нее не было. Наши войска стояли даже не у Харбина, как планировал Куропаткин, а всего на 200–250 верст севернее, чем год назад. «Многие полагают, что Япония была истощена уже к концу мая и что только заключение мира спасло ее от крушения или полного поражения в столкновении с Россией», — делал вывод американский исследователь Т. Денет^[9].

«Ко времени заключения мира русские армии на Сипингайских позициях имели 446,5 тысячи бойцов (под Мукденом — 300 тысяч); располагались войска не в линию, как раньше, а эшелонированно в глубину, имея в резерве общем и армейском более половины своего состава, что предохраняло от случайностей и обещало большие активные возможности; фланги армии надежно прикрывались корпусами генералов Ренненкампа и Мищенко; армия пополнила и омоложила свой состав и значительно усилилась технически — гаубичными батареями, пулеметами (374 вместо 36), составом полевых железных дорог, беспроволочным телеграфом и т. д.; связь с Россией поддерживалась уже не тремя парами поездов, как в начале войны, а двенадцатью парами. Наконец, дух маньчжурских армий не был сломлен, а эшелоны подкреплений шли к нам из России в бодром и веселом настроении... Россия отнюдь не была побеждена, армия могла бороться дальше. Но...

Петербург «устал» от войны более, чем армия. К тому же тревожные признаки надвигающейся революции, в виде участвовавших террористических актов, аграрных беспорядков, волнений и забастовок, лишали его решимости и дерзания, привели к заключению *преждевременного мира*»^{10}.

Правда, эти выводы мало кого способны были утешить. Все понимали: поражение! Унижение и тоска охватывали русское сердце. Рушился миф о непобедимой империи, растерянность быстро распространялась через либеральные круги и вырывалась в форме социального протеста. При этом реальные военные потери были неизмеримо ниже потерь общества от психологической травмы. Всего с российской стороны погибло около 200 тысяч, с японской — свыше 260 тысяч человек^{11}.

Если поражение в Крымской войне 1853–1856 годов привело к глубокому реформированию государства, то поражение в этой войне будило самые радикальные инстинкты. 15 июля 1904 года в Петербурге был убит бомбой министр внутренних дел В. К. Плеве. Покушение организовала Боевая организация эсеров. Оно свидетельствовало об углублении еще одной войны, внутренней. Уже третий министр Николая II погиб от рук террористов. Раньше были убиты министр просвещения Н. П. Боголепов (1901) и предшественник Плеве Д. С. Сипягин (1902).

К террору добавилась подрывная деятельность японской разведки. Военный атташе посольства в Петербурге полковник Мотодзиро Акаси, перебравшийся вместе со всем посольством в Стокгольм, являлся инициатором использования российских революционеров для ослабления империи. С целью дестабилизации внутреннего положения в России был выделен один миллион иен (по нынешнему курсу это около 35 миллионов долларов) на поддержку партии

эсеров, Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров, Польской социалистической партии и Финляндской партии активного сопротивления. На эти деньги закупались оружие и боеприпасы, печатались нелегальные издания. Японцы открыли войну на разрушение государственности России, что во время Первой мировой войны повторяют и немцы.

В конце сентября — начале октября 1904 года в Париже прошел съезд оппозиционных партий, который патронировался финским националистом Кони Циллиакусом, партнером японского разведчика Акаси (социал-демократы в нем не участвовали). Была принята резолюция о необходимости ликвидации самодержавия, о замене его «свободным демократическим строем на основе всеобщей подачи голосов» и о праве «национального самоопределения народностей России». Революционные партии затем заседали отдельно от конституционалистов и вынесли решения пораженческого характера и в поддержку террора.

Официальный Петербург получил грозное предупреждение: либеральная интеллигенция заключила союз с эсерами, исповедовавшими террор.

Убийствами министров, губернаторов, офицеров доказывалось стремление к прогрессу общества.

Седьмого — девятого ноября 1904 года в столице прошел съезд земских деятелей. На нем после напряженной дискуссии неожиданно была принята резолюция с требованием конституции. Как говорилось в нелегальном журнале «Освобождение», издаваемом Петром Струве: либо конституция, либо война.

Решение съезда носило революционный характер, и за ним последовала большая кампания общественных банкетов, якобы приуроченная к сорокалетию Судебной реформы, а на самом деле пропагандировавшая идею конституции. Давление образованного общества создавало совершенно новую политическую атмосферу,

которая влияла и на правящую группу, что вскоре едва не привело к параличу власти.

Семнадцатого октября в 17 часов Николай подписал Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», назвав свой шаг «страшным решением, которое он тем не менее принял совершенно сознательно». Россия из абсолютной монархии становилась конституционной.

Манифест 17 октября провозглашал максимум возможного: «даровать народу незыблемые основы гражданских свобод» (неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, союзов, участие в выборах в Государственную думу всех слоев населения, признание Думы законодательным органом, без одобрения которого ни один закон не мог вступить в силу). Выборы в Государственную думу могли быть либо общими, прямыми, равными и тайными, либо по пропорциональной системе. Предпочли пропорциональную систему из опасения, что на прямых выборах простодушные крестьяне пойдут за наиболее радикальными и безответственными кандидатами. Один выборщик представлял 90 тысяч рабочих, 30 тысяч крестьян, 4 тысячи горожан, 2 тысячи землевладельцев. Монархия показывала, что готова к диалогу с главным оппонентом, состоятельной и образованной частью общества, не исключая и народ. Дальнейшие события зависели от способности сторон не впадать в разрушительные крайности и выстраивать новую, парламентскую государственность.

Сразу после публикации Манифеста С. Ю. Витте встретился с видным земским деятелем консервативного направления Д. Н. Шиповым и предложил ему пост государственного контролера. Д. Н. Шипов заявил, что для создания атмосферы доверия следует предоставить общественным деятелям портфели министров внутренних дел, юстиции,

земледелия, народного просвещения, торговли и промышленности. С. Ю. Витте это предложение принял и согласовал кандидатуры. Однако на следующую встречу прибыла делегация, в вызывающем тоне выдвинувшая требования немедленного созыва Государственной думы без проведения выборов, политической амнистии, созыва Учредительного собрания для выработки Основного закона (конституции) и др. То есть государство должно было «уйти». В этой обстановке не удалось привлечь в правительство известных общественных деятелей. Именно с этого момента начинает ощущаться трагическое для России отсутствие общего языка у двух ее главных политических сил: традиционной государственности и буржуазной демократии. Николай II, сделав беспрецедентный по трудности выбор, до конца своего пребывания на троне надеялся найти союзника в лице образованной части общества. В свою очередь общество постоянно стремилось окончательно освободиться от управленческой архаики. Обе стороны не имели опыта поиска компромисса. В результате коалиционное правительство не было создано. Министром внутренних дел стал П. Н. Дурново, бывший военный, моряк, военный юрист, по взглядам — монархист, против кандидатуры которого возражали все демократические деятели.

Компромисс не состоялся, и как следствие — революционный кошмар.

Десятого октября началась всеобщая политическая стачка в Москве, Харькове и Ревеле, затем охватила Смоленск, Екатеринослав, Лодзь, Курск, Белгород, Самару, Саратов, Полтаву, Петербург, Ростов-на-Дону, Тифлис, Одессу, Варшаву и др. К стачке присоединились «союзы» интеллигенции. Присяжные заседатели во многих случаях отказывались судить, адвокаты —

защищать, врачи — лечить. Мировые судьи закрывали свои камеры.

Проходили многотысячные митинги. Улицы городов заполнились конными и пешими патрулями, начались стычки с демонстрантами, строились баррикады. —

П. Н. Дурново собрал совещание командиров воинских частей петербургского гарнизона и был потрясен, когда услышал, что все они, кроме командира Семеновского гвардейского полка генерала Г. А. Мина, заявили, что в случае привлечения к подавлению народных волнений они за свои части ручаться не могут.

Второго ноября Совет рабочих депутатов объявил вторую политическую забастовку. Всего в 1905 году бастовало 90 процентов предприятий страны, состоялось 14 тысяч стачек, в них участвовало 2,9 миллиона человек^{12}.

Семнадцатого ноября началась забастовка работников почты и телеграфа. Столица лишилась связи с губерниями. Однако Дурново в два-три дня при помощи военных наладил работу телеграфа, а разборка писем и разноска их по домам велись при помощи добровольцев.

В Москве съезд почтово-телеграфных служащих вынес требование немедленной отставки Дурново. В ответ 21 ноября министр отдал приказ: все служащие, которые не выйдут на работу 22 ноября, будут уволены. Тут же арестовали руководство московского съезда и приняли меры защиты вернувшихся на работу служащих от насилия со стороны организаторов забастовки. Поняв, что законная власть тверже и сильнее, почтово-телеграфные служащие вышли на работу.

Дурново циркулярной телеграммой приказал губернаторам арестовывать местных активистов-революционеров. 27 ноября арестовали председателя Петербургского совета рабочих депутатов Хрусталева-

Носаря. Тогда Совет нанес удар по финансовой системе государства.

Вместе с главным комитетом Всероссийского крестьянского союза, ЦК и Оргкомитетом РСДРП, ЦК партии эсеров, ЦК Польской социалистической партии был выпущен «Финансовый манифест»: «Мы решаем: отказаться от взноса выкупных и всех других платежей; требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалованья уплаты золотом, а при суммах меньше пяти рублей полновесной звонкой монетой; брать вклады из ссудо-сберегательных касс и из государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом... Мы решаем не попускать уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну с народом».

Манифест был напечатан не только в партийных газетах, но и в буржуазных изданиях: «Русь», «Свободная Россия», «Русская газета».

Паника охватила вкладчиков ссудо-сберегательных учреждений, они с ночи занимали очередь, чтобы забрать свои вклады. Только за один месяц было изъято свыше 89 миллионов рублей. Предприниматели стали переводить деньги за границу. Немецкие банки потребовали прислать в Берлин транспорт с золотом для обеспечения русских ценных бумаг. И золото было отправлено. Министерство финансов встало перед необходимостью прекратить золотое обеспечение рубля. Это означало бы дефолт экономики государства.

И тут Дурново нанес последний удар: 3 декабря был арестован весь состав Петербургского совета.

В середине декабря началось вооруженное восстание в Москве. Общественный кризис вступил в решающую, кровавую фазу. В течение нескольких дней Москва фактически была во власти восставших. Положение выправилось после срочной переброски в Москву лейб-гвардии Семеновского полка. Семеновцы

действовали как на войне: на снова забастовавшей Московско-Рязанской железной дороге они захватили руководителей забастовки и расстреляли их на месте. В самой Москве семеновцы артиллерийским огнем разбивали баррикады на Пресне. Швейцарские винтовки и револьверы восставших, тайно доставленные сюда из Финляндии, были слабым аргументом против гвардейских пушек.

В середине декабря во время Московского восстания вышел закон о выборах в Государственную думу. Позицию Николая II не изменили ни забастовки, ни разгромы помещичьих усадеб, ни восстания в армии и на флоте. Он отверг требование монархических организаций отменить Манифест.

Было решено проводить пропорциональные выборы по сословно-куриальной системе, создавалось четыре курии: землевладельческая, городская, крестьянская, рабочая. Были внесены изменения в «Основные законы Российской империи». Подтверждалась самодержавная система власти. Монарх продолжал руководить внешней политикой, армией и флотом, назначал высших чиновников. Законодательная власть, а также право утверждения штатов и смет различных ведомств, бюджета, отчета Государственного контроля принадлежали Думе. Однако законы должны были утверждаться императором, который имел право в перерывах между сессиями Думы и Государственного совета издавать законы в виде указов.

Государственный совет становился верхней законодательной палатой, половина его членов назначалась царем, половина избиралась населением.

Конституционные изменения создали новую политическую реальность. Выборы потребовали формирования партий, обнародования их программ, создавали поле легальной политической борьбы. Власть пошла на максимально возможную в тех условиях

либерализацию. Позволить больше означало допустить к государственному управлению разрушительную силу. Теперь первый российский парламент должен был открыть новую главу отечественной истории.

После подавления Московского восстания финансовая ситуация стала выправляться. Перед Новым, 1906 годом французские банкиры выдали стомиллионный кредит, который предотвратил хаос дефолта.

Третьего апреля 1906 года после долгих изнурительных переговоров консорциум европейских банков подписал договор о размещении облигаций российского займа на колоссальную сумму в 2 миллиарда 250 миллионов франков (843 миллиона 750 тысяч рублей). Цена займа тоже была огромной: на каждые 100 рублей облигаций российский бюджет получал 83,5 рубля; средства подписчиков займа оставались в хранилищах иностранных банков и обеспечивали бумажную эмиссию рубля. За использование этих денег банкиры платили России крайне низкий процент — 1,25 процента годовых.

Конституционные демократы попытались воспрепятствовать заключению контракта, запугивали западных банкиров тем, что обязательства царского правительства не будут учитываться новым демократическим правительством России.

Финансовый кризис был страшнее, чем крестьянские волнения и Московское восстание. Если до него Николай II еще мог маневрировать, то теперь оставалось только одно — быстрее реформировать страну.

Финансовый кризис имел еще одно отдаленное последствие. Российское правительство намеревалось сделать заем международным, чтобы слишком не привязываться к интересам одной из европейских группировок, либо Англии и Франции, либо Германии и Австро-Венгрии. В условиях бурного роста

экономической и военной мощи Германии Париж и Лондон имели дальние планы сделать Россию союзником, но это не входило в намерения Петербурга. Однако в последний момент германские, итальянские и американские банкиры вышли из состава консорциума. Заем состоялся только благодаря увеличению доли французского участия. Это обстоятельство стало первой ступенью на пути формирования Тройственного союза (Англия, Франция, Россия) и вступления России в убийственную для нее войну 1914 года.

Но вернемся к нашему герою, которого мы оставили на полях Маньчжурии. Кутепову предстояло возвращение в столицу. Он прошел крещение огнем и стал боевым офицером, ветераном, как сказали бы сейчас. Ему предстояло исполнить печальный долг — передать матери своего убитого друга Максима Леви горсть земли с его могилы.

Погиб человек, с которым Кутепов подружился среди маньчжурских сопок. Они вместе учились в военном училище, вместе ездили по одной дороге на каникулы, а на войне встретились и нашли друг в друге частицу безвозвратно ушедшей юности. Вместе с Максом Кутепов устраивал в дни затишья офицерские вечеринки. Они варили пельмени, жарили пирожки, приглашали полковых музыкантов — и вечером возле фанзы, на площадке, украшенной китайскими фонариками, кружились в вальсе юные подпоручики и поручики.

После гибели друга у Кутепова никогда больше не было столь близкого товарища. Юность кончилась.

Максим Леви был убит наповал пулей в висок. Кутепов написал его матери письмо с горькой вестью, утешил, как мог, и признался, что не хочет верить в его смерть.

Прежде чем побывать в Новгороде у матери погибшего, надо было проехать по охваченной волнением Сибири.

Кутепов едет отдельно от полка. Он назначен в особую команду, посланную в Россию для обучения новобранцев; такие же команды выделены и другими полками. «На обратном пути, — вспоминал один из его сослуживцев, — Кутепов впервые сталкивается с революцией. Не то в Чите, не то в Иркутске объявлена республика — одна из тех, которыми в злосчастный 1905 год лихорадило заболевшую страну. Начальство растерялось и ушло».

Что делать? На Кутепове — эшелон. Стоять и ждать невозможно, надо прорываться. И он берет на себя всю ответственность. Во главе нескольких нижних чинов он арестовывает стачечный комитет и требует пропустить эшелон.

Пропустили. У Кутепова в характере чувствовалась особая власть человека, который знает, что его может остановить только смерть. До столицы добрались благополучно.

То, что происходило в это время на Дальнем Востоке и в Сибири, потом в громадных размерах повторилось в 1917 году. «Изданный под влиянием народных волнений Манифест 30 октября (н. ст.), давший России конституцию, ударил, словно хмель, в голову людям и вместо успокоения вызвал волнения на почве непонимания сущности реформы или стремления сейчас же явочным порядком осуществить все свободы и «народовластие»... Сама Сибирская магистраль перешла в управление «смешанных забастовочных комитетов», фактически устранивших и военное, и гражданское начальство дорог... Официальные власти растерялись... В революционное движение вклинился привходящий элемент — *бунт демобилизуемых запасных солдат*... При

этом, вместо того, чтобы организовать продовольственные пункты вдоль Сибирской магистрали и посылать запасных в сопровождении штатных вооруженных команд, их отпускали одних, выдавая в Харбине кормовые деньги *на весь путь*. Деньги пропивались тут же на Харбинском вокзале, и на ближайших станциях понемногу распродался солдатский скарб, а потом, когда ничего «рентабельного» больше не оставалось, голодные толпы громили и грабили вокзалы, буфеты и пристанционные поселки»^{13}.

В феврале 1917 года бунт запасных батальонов в Петрограде повернул русскую историю, но в 1905 году армию удержали в повиновении. Произошла самоорганизация офицеров, которые во многих эшелонах создавали своеобразные отряды и приводили в чувство «революционных» солдат. О том своем опыте Деникин писал, что «в дни революции небольшая горсть смелых людей могла пробиваться тысячи километров среди хаоса, безвластия и враждебной им стихии попутных «республик» и озверелых толп». Во время Гражданской войны именно так будет образована Добровольческая армия, в которой прославятся и Деникин, и Врангель, и Кутепов.

Прибывшие из Маньчжурии отряды представлялись императору, и из его рук подпоручик Кутепов получил за фронтовые отличия боевой орден — Святого Владимира с мечами и бантом. Через двенадцать лет, в охваченном смутой Петрограде полковник Кутепов вспомнит эти минуты, когда во главе маленького отряда попытается переломить ход начавшейся общероссийской смуты.

После представления он приехал в Новгород к матери Макса, передал землю с могилы, китайские игрушки для младшей сестренки. Он испытывал неловкость, словно был виноват в том, что он остался жив. Но что тут поделать?

С той поры Кутепов постоянно заезжал в Новгород, исполнял долг памяти, и однажды признался матери друга: «У вас нет сына, а у меня нет матери». Он не забывал ее до конца жизни, постоянно писал ей письма, последнее датировано 23 января 1930 года, то есть за два дня до гибели.

Глава четвертая **В ГВАРДИИ**

Итак, начался петербургский период службы. Произведенный в поручики Кутепов был переведен в старейший полк империи — лейб-гвардии Преображенский и назначен в учебную команду готовить унтер-офицеров. Лучшую характеристику полковым учебным командам дал маршал Георгий Жуков, сам закончивший таковую. Да и многие другие советские маршалы не миновали их строгих наук.

В гвардию Кутепов попал и случайно, и не совсем. В 1906 году 1-й батальон Преображенского полка Петровской гвардейской бригады, которым командовал В. М. Драгомиров, сын бывшего начальника Академии Генерального штаба и бывшего учителя Николая II, под влиянием революционных агитаторов предъявил коллективные «претензии», отказавшись идти маршем в Царское Село и потребовав отправки поездом. Батальон был расформирован, его офицеры переведены в армию, а на их место назначены лучшие армейские офицеры. Так Кутепов оказался в аристократической гвардейской среде.

В России призывали в армию с 21 года, в основном крестьян, которые в большинстве своем грамоты не знали и должны были пройти сразу два курса обучения — общеобразовательный и военный. Как формулировали эту проблему военные теоретики, «офицер, кроме военного дела, является воспитателем всего народа, который проходит через его руки». Требовались большие усилия, чтобы сделать из новобранца грамотного, умелого и морально твердого воина.

Но самому Кутепову только двадцать четыре года. Какой из него «воспитатель народа»? Он помнит свой

гимназический поход с солдатами, их добродушие и приветливость. И начинает заниматься с новобранцами терпеливо, как и следует настоящему учителю.

Чего чаще всего недостает новобранцу? Терпения, выдержки и дисциплины.

Что он чаще всего принимает за слабость и начинает с лукавством использовать? Либерализм и снисходительность начальника.

Например, генерал Деникин, будучи командиром роты, из-за своей снисходительности довел роту до плачевного состояния и был отстранен от командования.

У Кутепова подобных ошибок не было. Он начал так. Сначала терпеливо и по несколько раз объяснял новичку все, что от того требуется. Потом очень спокойно и как само собой разумеющееся указывал на совершенные погрешности, затем начинал предупреждать, что после определенного времени станет налагать взыскания за самую незначительную оплошность. В конце концов срок этот наступал, и помощник начальника учебной команды делался непреклонным. За каждую провинность — соответствующее дисциплинарное наказание, причем никаких снисхождений, никогда.

Неловко отдал честь? Изволь простоять несколько часов с полной выкладкой под ружьем. Не так ответил — наряд вне очереди. И без никаких — «войти в положение», «пожалеть».

Уважая воинскую дисциплину, иерархию чинов и званий, внешние формы армейской системы, он внутренне оставался так же близок солдатам, как и во времена гимназического похода. По воскресеньям и в праздники Кутепов брал своих новобранцев и водил в театры, музеи, картинные галереи, показывал и рассказывал все об искусстве и истории. Из строгого офицера он превращался в знающего и терпеливого учителя.

Не оставлял он солдат и по ночам. Точно так же, как в детстве, заставлял себя вставать среди ночи и идти в казармы, смотреть, что там происходит.

Он не был карьеристом. Большая карьера ему не светила в силу несветскости, отсутствия связей, провинциальности. Возможно, к концу жизни Кутепов мог превратиться в своеобразного лермонтовского Максима Максимыча, состарившись и подболев. Не окончив Академии Генерального штаба, куда он и не собирался поступать, вряд ли можно было продвинуться выше должности командира батальона. Как гвардеец Кутепов еще мог с повышением на одно звание перейти в какой-нибудь провинциальный армейский полк, даже стать его командиром. Если очень повезет. Как говорил генерал Деникин: «Среди служилых людей с давних пор не было элемента настолько обездоленного, настолько необеспеченного и бесправного, как рядовое русское офицерство. Буквально нищенская жизнь, попрание сверху прав и самолюбия; венец карьеры для большинства — подполковничий чин и болезненная полуголодная старость». Это относилось к армейским офицерам. Офицеры же гвардии были богатыми аристократами, и судьба у них складывалась по-иному.

Попав в гвардию, Кутепов постоянно ощущал скромность своего положения, необходимость экономить на всем, воздерживаться от трат в офицерском собрании и откладывать деньги для помощи младшим братьям и сестрам. Этот гвардеец был военным пролетарием.

Его рабочий день начинался в восемь часов утра и был наполнен учебой солдат, офицерскими занятиями, хозяйственными делами, административной перепиской, участием в разных комиссиях, производством дознаний, подготовкой докладов в офицерском собрании по различной тематике, вечерними и ночными проверками

порядка в казармах, ночными дежурствами, участиями в полевых маневрах.

В Наполеоны он не метил. Его карьера шла очень ровно. Он рос медленно, укореняясь в службу: помощник начальника учебной команды, начальник пулеметной команды, начальник команды разведчиков, командир роты, начальник учебной команды. Такие упорно тянут свою лямку.

Это качество сразу оценили старые унтеры, настоящие служаки, определявшие за версту суть любого офицера. Один из таких любил обучение солдат сопровождать действием кулаков. Кутепов заметил это и сказал, что солдат, согласно уставу, звание почетное, и надо соответственно с уважением к нему относиться. Унтеру ничего не оставалось, как согласиться с таким рассуждением. Но он не был бы заслуженным, если бы изменил себе. Он переменил только форму своего поучения и сделал это не без тяжеловесного изыщества. Когда, к примеру, шел солдат в отпуск и являлся к нему, то он его оглядывал с головы до ног, строго следя за тем, все ли пригнано, вычищено, и вдруг замечал, что сапоги не чищены. «Что ж ты сапог не вычистил? Лейб-гвардеец, преображенец, а спинку себе натрудить побоялся... Что ж, я, старый унтер-офицер, так и быть уважу тебя, молодого солдата... Ставь ногу на лавку... Ставь, приказываю тебе!» Проговорив такую речь, брал унтер щетку и начинал чистить сапоги. А в это время локтем заезжал солдату то в бок, то в живот. Вроде бы случайно.

Кутепов однажды застал эту сцену и предупредил: ты бы полегче «чистил».

Унтер-офицер понял, но возразил: никак нельзя, ваше благородие, солдат звание почетное, оно лежит даже на первых генералах, я и равняюсь на них, чтоб у них завсегда сапоги блестели.

История не донесла до нас конца этого забавного сюжета, в котором переплетены патриархальность, добродушие, неприятие методов молодого офицера. И, конечно, упорство заслуженного унтера.

Зато она подарила нам подобную картину, в которой главными действующими лицами были молодые офицеры, а не старорежимный дядька.

Кутепов слыл в полку самым строгим и «отчетливым» офицером. Своих младших товарищей он часто за свершенные оплошности именовал полушутливо-полуукоризненно: «Эх, Федора Ивановна!»

Не по уставу. По-домашнему.

Молодые офицеры однажды тоже подшутили: явились к нему на квартиру и преподнесли именинный пирог. С чего бы? Никакого праздника Кутепов не отмечал. Ему объяснили с улыбкой: да сегодня день святой Федоры, вот мы и поздравляем.

Кутепов понял, что это шутка, и тотчас вернул ее, пригласив всех Федор Ивановичен откусать именинного пирога. Господа офицеры не растерялись, сели за стол, и пирог моментально преобразовался в воспоминание.

Гвардейская молодежь легонько покусывала образцового офицера.

Его облик был ясен всем — монархист, консерватор, человек сильной воли, классический представитель могучей армейской организации, которая призвана охранять государство. Все, что противоречило этой задаче, ему было чуждо.

Но в стране идут демократические преобразования. Из абсолютной Россия становится парламентской монархией, российский парламент, Государственная дума, дышит оппозиционностью. Власть начинает радикальные реформы, разрушая крестьянскую общину и вводя крестьян в рыночную жизнь, где они лишены общинной опеки и защиты.

Но как же тогда быть с самой Российской империей, которая опирается на общинные порядки, на верность трону крестьян, которых в стране абсолютное большинство (до 85 процентов)? Конец монархии?

Несомненно, это конец прежней монархии, конец прежней России.

А Кутепов? Он тоже обречен?

И Кутепов.

Все обречены переродиться или погибнуть. Их ждет страшное будущее.

Однако скромный штабс-капитан еще далек от предчувствия конца света. Он может повторить вслед за Николаем II, что «относится к самодержавию как к догмату веры, как к своему долгу, которого ни в целом, ни в части уступить никому не может». Это означает: никаких конституций, никаких демократических уступок.

Премьер-министр Петр Аркадьевич Столыпин, сын генерал-лейтенанта, участника Крымской и Турецкой войн, проводил при осторожной поддержке императора и вопреки революционной практике оппозиции методичный курс на постепенные преобразования.

Монархия — это не сказочный сон Николая II, монархия еще жива и нужна государству, чтобы под сенью ее крепости провести необходимые перемены. Потом, когда общество укрепится, можно будет поставить вопрос, какой вариант конституционной монархии больше подходит.

Девятого ноября 1906 года произошло событие, которое можно считать рубежом в истории России: был обнародован указ, освободивший крестьян от власти общины. Крестьяне могли покупать землю через Крестьянский банк по льготному кредиту с многолетней рассрочкой, причем до 95 процентов стоимости кредита оплачивало государство. В Крестьянский банк передавались государственные и дворцовые земли. При

этом земля не продавалась ни помещикам, ни крестьянским обществам, только в личную собственность крестьян. Большинство покупателей были середняки и бедняки. Кроме того, теперь в личном отношении крестьяне стали совершенно свободны. Началась Столыпинская реформа, которая, не задевая поместных дворян, должна была наделить землей всех желающих расширять свое хозяйство.

Россия болезненно развернулась на новый курс. Предложив закон о свободном выходе из общины, Столыпин повел государственный корабль в неизвестное будущее.

Сколько было разбито сердец при этом повороте! «Измена!», «предательство!», «обман!» — вот некоторые возгласы добропорядочных подданных, раздавшиеся в столице. Монархисты видели вынужденную уступчивость государя и жаждали возвращения на прежний курс, с упразднением Думы и земельной реформы. Их противники, кадеты, эсеры, социал-демократы, отдавали себе отчет в том, что судьба революции, как писал В. И. Ленин, зависит больше всего от «успеха или неуспеха» новой политики.

А военные? Военные мрачно молчали. Они не понимали, что происходит. Их настроение выразил А. П. Игнатьев, член Государственного совета, бывший киевский генерал-губернатор. В разговоре с сыном, тоже гвардейским офицером, он сказал: «Мы попали в тупик. И придется, пожалуй, пойти в Царское с военной силой и потребовать реформ». Реформ, разумеется, для укрепления «монархического принципа».

По сути, происходит медленный государственный переворот, замена правящей дворянской верхушки на демократическую, абсолютной монархии — на конституционную, помещичьего землевладения — на крестьянское. Но к чему придерешься, если все это санкционировано государем-императором?

Даже кровавая борьба за власть, террор эсеров, от которого в 26 628 террористических актах погибло и было ранено около трех тысяч человек, не могли повернуть историю вспять. По приказу Николая II для борьбы с террористами были учреждены военно-полевые суды, террористов стали вешать и расстреливать. Столыпин, по выражению Василия Шульгина, проводил реформы «с плугом в одной руке и пулеметом в другой».

Но вот отсудили свое военно-полевые суды, усмирили смуту карательные экспедиции, вдовы и сироты оплакали: одни — казненных террористов и разбойников, другие — убитых офицеров, чиновников, обывателей. Первый акт русской смуты завершился.

Перемены оказались огромными. В пылу борьбы не сразу это было осознано. Полученные гражданские свободы превращали Россию в новую страну. Теперь законы и бюджет утверждались в Думе и Государственном совете, а после этого — царем. Положение печати резко изменилось, была отменена предварительная цензура, получили возможность выходить газеты резко оппозиционного толка, кадетские, большевистские и другие. Можно было писать обо всем, кроме призывов к бунту в войсках, богохульства и оскорбления государя. Свобода общественной жизни выражалась в разнообразии партий, союзов, разрешении проводить митинги и собрания.

Делая ставку на «сильных хозяев», правительство не предполагало насильственного разрушения крестьянских общин, которые существовали вне общей системы государственной администрации и были подчинены земским начальникам из дворян. Община осуществляла сильный социальный контроль, при котором крестьянин был, как выразился К. П. Победоносцев, «полуперсоной». Таким образом, в

стране продолжали параллельно существовать два мира с различным экономическим и морально-нравственным устройством: одна треть крестьян — активные рыночники и две трети — их антиподы. При этом те крестьяне, которые продали свои наделы и перебрались на городские заводы и стройки, несли туда общинную психологию. Можно сказать, что под внешним покровом Столыпинской аграрной реформы Россия оставалась двуликим существом, состоящим из двух половинок. Порой различие этих частей доходило до того, что язык, на котором изъяснялись люди из простонародья, не был понятен образованным горожанам, и наоборот.

Столыпин в одном интервью говорил: «Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!» У него были основания надеяться на то, что он проскочит между крестьянским молотом и монархической наковальней. Подтверждение этому — в начавшемся процессе адаптации общины к рыночной экономике, в развитии кооперативного движения. К 1914 году в стране работали десятки тысяч кооперативов, в которых люди приобретали опыт самостоятельного ведения дела, самоуправления, диалога с властями.

Десять лет думской монархии являются малоизученной историей страны. Эти десять лет были для России тем допустимым пределом свободы, которая, по выражению германского канцлера О. Бисмарка, «существует для всякого государства и превышение которой быстро приводит, через анархию, к утрате всякой свободы».

Но гвардия была предана трону и никаких перемен не желала. С особым шиком привел Кутепов свою команду на один из петербургских заводов, где рабочие пытались остановить производство и забастовать. Штабс-капитан никого не запугивал и не разгонял, он только скомандовал несколько строевых приемов,

которые были исполнены с поразительной четкостью и мощностью отлаженного механизма, после чего на заводе воцарился порядок.

Военные стояли на страже государственного порядка. Ни о каком их серьезном вмешательстве в этот порядок не могло быть и речи. Для страны, только что пережившей революционную смуту, главным было обретение спокойной жизни. Недоуменно оглядываясь на перемены, браня Думу и непонятно откуда взявшиеся партии, военные тем не менее честно несли службу.

Они в тяжелом положении, ибо общество, тонкий и властный слой интеллигенции, — против них, считает царскими сатрапами, палачами свободы, тупой силой самодержавия. Они и ответить по-настоящему не могут. Армия — «великая молчаливица».

В 1909 году собран небывалый урожай, вывоз русского хлеба за границу достиг рекордного уровня в 748 миллионов рублей, превышая на треть суммарный зерновой экспорт США, Канады и Аргентины. В промышленности царило большое оживление. Налицо были признаки выздоровления.

Закончилась внутренняя смута. Еще равновесие было шатким, еще революционные партии надеялись на реванш, но главного горючего материала революции, земельного вопроса, больше не существовало.

Пока же идет быстрое нарастание положительных начал. Вместе с выдающимися русскими авиаторами думская империя поднимается в небо, вместе с полярными исследователями утверждается в Арктике. На глазах Кутепова растет мощь вооруженных сил. Простые люди и целые города жертвуют деньги на строительство военного флота. Резко поднимается финансирование народного образования. Темпы экономического роста России становятся самыми высокими в мире. «Это были скверные годы, это годы

торжества победителей», — отметил будущий руководитель Красной армии Л. Троцкий.

В 1912 году Кутепову было суждено пережить тяжелое испытание: умер отец, и забота о двух младших братьях и сестре полностью легла на его плечи.

Можно только догадываться, как он выкручивался, берег каждую копейку. Гвардеец жил спартанцем, ограничивая себя во всем. Подрастали сестра и братья, благополучно продолжали обучение на Высших женских курсах, в университете, Санкт-Петербургском военном училище. Часто Кутепов сидел с младшими над учебниками, готовил их к экзаменам.

Может быть, это время было для него самым дорогим? Пора найти невесту, пора все же подумать об Академии Генерального штаба... Кутепов же занят другим. Он служит. Он заменяет отца младшим братьям Сергею и Борису и сестре Раисе. В его душе слиты воедино семья и служба.

Каким будет ему воздаяние?

Он не ждет никакого воздаяния.

Вокруг происходят невиданные перемены. Пока штабс-капитан в гостях у сестры, в компании студентов и курсисток, поддразнивает молодежь своим правоверным монархизмом, а они именуют его верность «черносотенством», Россия становится иной. Подъем благосостояния населения. Развитие кооперации. Рост урожая. Расширение народного образования. Земледельческий прогресс. Кутепов слушает дерзкую молодежь, посмеивается... Он верит, что нет на свете такой силы, которая победила бы Россию.

В конце каждого дня совершается таинство, объединяющее армию в единое целое. Преображенский полк, как и все российские полки, выстраивается на «вечернюю зорю». После трудного дня, умывшись и оправив гимнастерки и мундиры, солдаты и офицеры стоят по обе стороны охраняемого караулом полкового

знамени. Проходит перекличка, читается приказ, отдаются распоряжения на завтра, а затем в ожидании сигнальной ракеты наступает тишина. Благоговейная тишина в эту минуту, кажется, стоит над всей Россией. И вот раздается сигнал горна, и тысячи голосов поют молитву, уходящую в небеса. Потом снова глубокая тишина и команда: «Накройсь! Разойдись!» Еще один день вечности миновал.

Глава пятая

НА ЦАРЬГРАД!

В июне 1909 года Николай II на торжествах в Полтаве по поводу двухсотлетнего юбилея Полтавской битвы в беседе со Столыпиным неожиданно задал вопрос: «Вы мне говорите о революции, а была ли революция?» В словах царя отразились оптимизм правящего класса и желание ограничить реформаторство. Действительно, в стране наступило успокоение, экономика успешно развивалась.

Революционные потрясения, казалось, ушли безвозвратно. Однако благополучие создавалось на фоне подспудной подготовки европейских держав к переделу мира. И насколько была к нему готова Россия? В 1898 году Берлин принял решение о создании мощного военно-морского флота. Будучи «чемпионом мира» по уровню промышленного развития и обладая сильнейшей в Европе военной машиной, Германия бросила вызов мировой гегемонии Британской империи. Ей требовались новые рынки сбыта и новые источники сырья. Опоздав в колонизации стран Азии и Африки, Германия стала конкурировать с Англией и Францией.

Казалось, только что Лондон был соперником Петербургу и поддерживал Токио, но теперь Япония превратилась в конкурента англичан в Тихоокеанской зоне, а Россия, наоборот, становилась желанной союзницей.

В апреле 1904 года английская дипломатия, всегда отличавшаяся замечательной рациональностью, начала стратегическую операцию по обретению «солдат на континенте» — было подписано генеральное соглашение с Францией по комплексу спорных территорий от Ньюфаундленда до Сиама, получившее

название «Сердечное согласие» (Антанта). Попытка Николая II заключить континентальный союз с германским императором Вильгельмом II и привлечь к союзу Францию была резко отклонена Парижем.

Франция и Англия предложили Петербургу формировать союз с ними, что, в свою очередь, не устраивало российское руководство, предпочитавшее не связывать себе руки.

После тяжелого финансового кризиса в конце 1905 года и спасительного французского займа ослабленная Россия оказалась крепко пристегнута к французской политике. Чтобы уменьшить вероятность военных конфликтов, российская дипломатия заключила в 1907 году англо-русскую конвенцию, урегулировав спорные вопросы в Персии и Средней Азии. Это был первый шаг к вступлению России в Антанту.

Окончательный поворот произошел после Боснийского кризиса 1909 года, когда Австро-Венгрия при поддержке Германии ввела войска в Новобазарский санджак (турецкий район между Сербией и Черногорией), аннексировала Боснию и Герцеговину. Благодаря этому центральные державы получали путь к Средиземному морю и Ближнему Востоку.

В России общественное мнение было возмущено, печать требовала заступиться за Сербию. Франция и Англия дипломатически поддерживали Россию, Германия — Австро-Венгрию.

В январе 1909 года Париж и Лондон предоставили России новый заем, который еще больше привязал Петербург к французскому финансовому рынку. (Французский заем в 1906 году, во время революционных потрясений, спас финансы России от дефолта.) Германия же, требуя от России заставить Сербию признать аннексию, выталкивала Российскую империю в англо-французскую систему безопасности.

Столыпин решительно выступил против патриотических призывов заступиться за братьев-славян: «Пока я у власти, я сделаю все, что в силах человеческих, чтобы не допустить Россию до войны, пока не осуществлена целиком программа, дающая ей внутреннее оздоровление».

В этой трудной обстановке на правительство оказывали давление экспортеры зерна, банкиры, углепромышленники, судостроители, нефтепромышленники, для которых было принципиально важно получить контроль над Черноморскими проливами, дающими выход в Средиземное море. Многие из них были связаны с французским капиталом (экспорт нефти и зерна). Таким образом, миролюбие Столыпина порождало сопротивление влиятельного слоя правящего класса. Можно сказать, что с фотографической точностью повторялась ситуация Русско-японской войны. Правда, в 1909 году Россия, смирив гордыню, благоразумно успокоилась.

Уже с 1910 года реорганизация армии и строительство флота велись по плану, обеспеченному финансами. В 1911 году были спущены на воду четыре dreadnoughta. Военные и промышленные круги приобретали уверенность, чему способствовали и французские банки, вложившие большие средства в российские военные заводы. В июле 1911 года, незадолго до своей гибели, Столыпин отмечал: «...каждый год мира укрепляет Россию не только с военной и морской точек зрения, но и с финансовой и экономической».

Летом 1912 года была заключена франко-русская морская конвенция, согласовавшая действия флотов, а также подтверждена, в ходе совещания начальников генеральных штабов, стратегическая цель — поражение Германии. Кроме того, французское правительство

предложило ежегодные займы от 400 до 500 миллионов франков на военные цели (постройку стратегических железнодорожных линий). Параллельно шло сближение России с Англией.

Еще одно обстоятельство оказало решающее влияние на приближение мировой войны — это борьба за нефть. В апреле 1912 года по инициативе первого лорда английского адмиралтейства У. Черчилля было принято решение строить линкоры на мазутном топливе (а не на угле, как прежде). Начиналась новая технологическая цивилизация, эпоха углеводородов и борьбы за энергетическую безопасность и коммуникации. Переход на новое топливо давал увеличение в скорости и радиусе действия кораблей. Единственное неудобство заключалось в том, что нефть добывали не в Англии, а в Персии. А именно туда, на Ближний Восток, была нацелена германская экспансия. Поэтому, чем активнее продвигались немцы на Балканах и в Турции, тем очевиднее становилась угроза английским, французским и российским интересам в Средиземноморье и на Ближнем Востоке.

К этому времени Столыпин уже не мог ни на что повлиять, он скончался 5 сентября 1911 года после смертельного ранения. Стрелял киевский адвокат Д. Г. Богров, сын богатого еврейского домовладельца, человек радикальных взглядов, видевший в Столыпине «главного виновника реакции». После гибели Столыпина в российской верхушке не осталось деятелей, способных удержать страну от военных авантур. Его предупреждение о двадцати годах «покоя, внутреннего и внешнего» было забыто. Красноречивой была реакция одного из виднейших церковных иерархов, члена Священного синода архиепископа Волынского Антония (Храповицкого), которую он выразил во время панихиды по Столыпину в Житомире. Архиепископ счел

необходимым сказать, что покойный «проводил слишком левую политику и не оправдал доверия Государя».

Осенью 1912 года на Балканах начался еще один кризис и Россия снова оказалась в шаге от войны. Болгария, Греция, Сербия и Черногория выступили против Турции. К началу ноября турецкая армия была разбита. Русское общество охватило воодушевление, но за восторгами, как обычно, не рассмотрели серьезной проблемы. Болгария, за которой стояли Германия и Австрия, могла захватить Проливы, что Россию никак не устраивало. Петербург потребовал прекратить наступление и предложил Германии, Франции, Англии, Австро-Венгрии и Италии выступить против раздела Турции.

Италия и Австро-Венгрия не согласились. Они хотели создать новое государство — Албанию, которое отрезало бы Сербию от Адриатического моря. В подтверждение своих намерений Австро-Венгрия произвела частичную мобилизацию резервистов и стала концентрировать войска на российской границе. Россия в ответ задержала отправку в запас старших возрастов.

С большим трудом удалось отвести угрозу войны: Англия, Франция и Россия проявили сдержанность. Николаю II пришлось выдержать сильный натиск общественности, требовавшей вмешаться в войну и в Константинополе «водрузить крест на Святую Софию».

Проливы Босфор и Дарданеллы имели немалое значение для российского экспорта: в 1907 году через них ввозились 89 процентов русского хлеба и вся нефть. (Этим бизнесом занимались в основном банки, связанные с французским капиталом.) В экономико-стратегическом плане Проливы не имели аналогов. Но военная роль Проливов была еще больше — единственная морская коммуникация для российского флота, позволявшая оставаться игроком мирового уровня в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Не

надо также сбрасывать со счетов и религиозный фактор: для России всегда было важным присутствие на Святой земле.

В июле 1913 года вспыхнула 2-я Балканская война. На этот раз против Болгарии выстроились ее бывшие союзники и Румыния с Турцией. Каждый из них стремился переделить в свою пользу обширные территории, захваченные Болгарией в предыдущей кампании.

София, которую поддерживали Берлин и Вена, не намеревалась уступать. Болгары первыми напали на сербские и греческие позиции и были быстро разбиты. По условиям заключенного в Бухаресте мира Болгария потеряла почти все свои завоевания.

После 1-й и 2-й Балканских войн резко обострились противоречия между Антантой и центральными державами. Балканы были расколоты. Сербия выступала на стороне России и ее союзников, а Болгария — на стороне Германии. Германия имела сильное влияние в Греции и Турции.

Создавшуюся ситуацию российская разведка оценивала как тревожную, росла угроза внешнеполитическим интересам страны. Было понятно, что Европа стоит на пороге больших потрясений.

Оба военно-политических союза, втянувшись в программы перевооружений, уже мысленно смотрели друг на друга сквозь прорези прицелов. Тем не менее Николай II в третий раз за три года удержал страну от рокового выбора.

Вместе с тем экономическое положение страны было прочным. В конце 1913 года редактор парижского экономического журнала Эдмон Тери по заданию французского правительства провел обследование российской экономики. Главный вывод отчета: «Если у больших европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 годами, как они шли между

1900 и 1912-м, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении».

С другой стороны, начальник германского Большого Генерального штаба генерал Гельмут фон Мольтке так оценивал результаты российских реформ: «Боевая готовность России со времени русско-японской войны сделала совершенно исключительные успехи и находится ныне на никогда еще не достигавшейся высоте».

Российский военно-морской флот уже включал новые линкоры, завершалось строительство четырех дредноутов, а еще четыре были запущены в производство. На верфях Николаева шли работы еще над тремя, один из них находился в стадии завершения. Также строились легкие крейсеры, эсминцы, подводные лодки. К 1917 году флот должен был стать одним из сильнейших в мире.

Но в данный момент страна еще не была готова к войне. «По признанию военных авторитетов, армия вообще до 1910 года оставалась в полном смысле беспомощной. Только в самые последние перед войной годы (1910–1914) работа по восстановлению и реорганизации русских вооруженных сил подняла их значительно, но в техническом и материальном отношении совершенно недостаточно»^{14}.

Будучи страной со среднеразвитой экономикой, Россия по совокупному военному потенциалу стояла на втором месте в мире после Англии, а по количеству сухопутных войск — на первом. При этом средняя продолжительность жизни в 1913 году в Англии составляла 52 года, в Германии — 49 лет, во Франции — 50 лет, России — 30 с половиной лет. На тысячу новобранцев неграмотных было в Германии — 1, во Франции — 68, в Италии — 330, в России — свыше 400.

Можно сказать, что в качественном отношении российское население было более не готово к такой индустриальной войне, какой оказалась Первая мировая. Что касается военной промышленности, то в России в 1914–1917 годах было произведено всего 28 тысяч пулеметов (в Германии — 280 тысяч), 11,7 тысячи артиллерийских орудий (в Германии — 64 тысячи), 3,5 тысячи самолетов (в Германии — 47,3 тысячи)^{15}.

Россия отворачивалась от азиатских просторов, поворачивалась к опасным европейским разломам. Либеральная интеллигенция приветствовала перемену, видя в сближении с Англией путь к «демократии», а в дружбе с Германией — «реакцию».

Этот поворот вскоре должен был определить и судьбу Кутепова, а затем и перевернуть весь мир. Огромный маятник качнулся от маньчжурских границ к европейским.

И вот что поразительно! Николай II и Столыпин стремились укрепить государственные позиции в Азии, что и позволяло осуществить англо-русское соглашение о разделе интересов в этом регионе. Столыпин в думской речи о проекте Амурской железной дороги даже употребил сильнейший образ — истекающего кровью двуглавого орла, у которого отсекали обращенную к Востоку голову. Но, несмотря на такую позицию двух главнейших руководителей России, ее внешняя политика получила иное направление.

На Царьград!

Конечно, никакого Царьграда вслух не называли, но направление указывалось то самое, старинное, уже залитое кровью и осененное былой славой.

«Для создания Великой России есть только один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область — весь бассейн Черного моря, т. е. все европейские и азиатские страны, выходящие к

Черному морю». Так писал либерал, будущий академик и член правительства генерала Врангеля Петр Струве в «Русской мысли» в начале 1908 года.

Маятник достиг предела и обрушился.

«Я не знаю, найдется ли в мировой истории пример большего ослепления, чем взаимное истребление русских и немцев ради выгоды англосаксов», — признался адмирал Тирпиц в своих воспоминаниях.

В феврале 1914 года П. Н. Дурново, член Государственного совета, консерватор по взглядам, представил Николаю II записку. Вот ее разделы:

1. Будущая англо-германская война превратится в вооруженное столкновение между двумя группами держав.

2. Трудно уловить какие-либо реальные выгоды, полученные Россией в результате ее сотрудничества с Англией.

3. Жизненные интересы Германии и России нигде не сталкиваются.

4. В области экономических интересов русские польза и нужды не противоречат германским.

5. Даже победа над Германией сулит России крайне неблагоприятные перспективы.

6. Борьба между Россией и Германией глубоко нежелательна для обеих сторон, как сводящаяся к ослаблению монархического начала.

7. Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой трудно предвидеть.

8. Германии в случае поражения предстоит перенести не меньшие социальные потрясения.

9. Мирному сожителству культурных наций более всего угрожает стремление Англии удержать ускользающее от нее господство над морями.

Дурново предвидел весь ход катастрофы: «Главная тяжесть войны выпадет на нашу долю. Роль тарана, пробивающего толщу немецкой обороны, достанется

нам... Война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием на Берлин. Неизбежны и военные неудачи — будем надеяться, частичные — неизбежными окажутся и те или другие недочеты в нашем снабжении... При исключительной нервности нашего общества этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение... Начнется с того, что все неудачи будут приписываться правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная борьба против него... в стране начнутся революционные выступления... Армия, лишившаяся наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные в глазах населения оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»^{16}.

Кажется, Дурново изложил сценарий грядущих событий.

И косвенно подтвердил правильность проводимой Столыпиным земельной политики. Но Столыпина уже нет. Удержать страну от военного похода в пропасть некому.

Дурново делает вывод об искусственности «Тройственного согласия», будущее за другим союзом — России, Германии, примиренной с ней Франции, и связанной с Россией оборонительным союзом Японии. Это не сбылось.

Особую роль сыграла и российская печать, стремившаяся показать «реакционной» Германии, что Россия относится к ней враждебно и тяготеет к «демократическому Лондону».

В результате — «исход не поддается даже предвидению».

Глава шестая

КУТЕПОВ — КОМАНДИР ПЕРВОГО ПОЛКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Летит время. Растет Россия. Служит штабс-капитан.

С началом войны учебная команда Преображенского полка была расформирована, и Кутепову предстояло нести службу в запасном батальоне, обучать новобранцев. Он же подал рапорт о направлении на фронт.

Четырнадцатого августа 1914 года полк выступил в поход. Кутепов — командир 4-й роты.

Двадцатого августа к юго-западу от польского города Люблина, у села Владиславово происходит первый бой. Кутеповская рота — в головном отряде. До этого дня наступали австрийцы, но преображенцы сминают их, теснят, вынуждают к поспешному отступлению. Кутепов бежит в солдатской цепи. Где еще находиться ротному? «Вперед, ребята!» — кричит он. И вдруг кто-то бьет его будто палкой по левой ноге. Он падает, не понимает, что случилось, пытается встать — не может. Ногу заливают кровью, кость перебита. Что это? В первом же бою? Ему еще не больно. Горячка боя не отпускает его.

Он не замечает, что атака отбита, что австрийцы переходят в ответное наступление. А когда замечает, они уже близко. Он поднимает с земли отброшенный при падении револьвер. Пусть подойдут поближе. Но было бы слишком просто для него уйти в лучший мир в первом же бою. К нему подползли раненые преображенцы и

поволокли к своим. Он ободрял их, даже пошучивал сквозь зубы.

Согласно всем законам стратегии российское командование в первые дни войны должно было отвести свои войска от границы, чтобы беспрепятственно завершить мобилизацию. Вместо этого, по просьбе Франции, на которую был направлен прямой удар основных германских сил, русские войска предприняли энергичное наступление в Восточной Пруссии, имея конечной целью Берлин. Немцы стали отступать, в Берлине началась паника. Однако быстрой победы не получилось.

Германский Генеральный штаб направил в кризисный район генералов Гинденбурга и Людендорфа, которые сумели, используя развитую железнодорожную сеть, перебросить основную группу войск против наступающей с юго-запада 2-й армии генерала А. В. Самсонова. При этом немцы легко ориентировались в планах русских, так как те все свои сообщения передавали по радио прямым текстом без шифрования. 2-я армия была разбита.

Но павшие воины все-таки выполнили свою главную задачу: ценой своих жизней они оттянули от Парижа два корпуса и одну дивизию немцев (одну пятую их сил), что не позволило Германии победить в битве на Марне.

По германскому плану война должна была завершиться победой на 39-й день. Благодаря России этого не случилось. Случилось то, что было вскоре названо «чудом на Марне».

Однако гибель лучших русских частей стала предзнаменованием будущих страшных трудностей. К концу 1914 года стало ясно, что цена войны будет очень высока, хотя в боях против австрийских войск русские добились больших успехов. Воодушевление первых недель схлынуло. Обнаружилась пропасть старого раскола общества.

В сентябре 1914 года германский канцлер Т. фон Бетман-Гольвег назвал задачи войны: создание «Срединной Европы», объединение стран германского блока в банковский и таможенный союз с Италией, Швейцарией, Бельгией, Голландией, балканскими государствами. Осуществление этих задач предполагало организацию общих вооруженных сил. Россию следовало отодвинуть от немецких рубежей, она должна вернуться к допетровским границам, и от нее должны быть отторгнуты территории, населенные национальными меньшинствами. В 1914–1916 годах под эгидой Германии создавались многочисленные национальные бюро и комитеты. Был выработан план «Лига нерусских народов России», стимулировались центробежные тенденции и «революционизирование» России. Через лигу оплачивалась работа некоторых журналистов стран Антанты, публиковавших выгодные для Германии статьи о России^{17}.

Планы России выглядели так. Овладение Проливами, установление контроля над Константинополем; присоединение турецкой Армении и Курдистана; присоединение немецкой и австрийской частей Польши и создание автономного польского государства в границах Российской империи. Великобритания и Франция должны доминировать на Западе, Россия — в Восточной Европе, а между ними — урезанная, ослабленная Германия. Российское руководство объявило, что не намерено проводить против нее внутренних подрывных действий. Австро-Венгрия должна была лишиться Боснии, Герцеговины, Далмации и Северной Албании, которые предполагалось передать Сербии. Болгария должна была получить часть Македонии. Греция и Италия — разделить Южную Албанию, а Англия, Франция и Япония — германские колонии. Чехия должна была стать независимой.

Николай II говорил: «Главное — уничтожение германского кошмара... в котором Германия держит нас уже более сорока лет. Нужно отнять у германского народа всякую возможность реванша»^{18}.

Это был колоссальный геополитический план, требующий огромных усилий и жертв. Было ли к ним готово население? Насколько он отвечал первоочередным задачам государственного развития? Не могла ли Россия после его реализации стать объектом конкуренции со стороны союзников, как это было перед Русско-японской войной? Ответы на эти вопросы были получены предельно ясно и жестоко.

Но и союзники были далеко не в восторге от российских планов закрепления в Средиземноморье. Поэтому английский флот беспрепятственно пропустил в Черное море два крупных германских крейсера «Гебен» и «Бреслау», которые, присоединившись к турецкому флоту, значительно увеличили мощь последнего и сделали его сильнее русского Черноморского флота. Таким образом, стала нереализуемой вековая мечта царского правительства овладеть столицей Второго Рима. Россию лишали главного военного приза и оставляли ей все тяготы и жертвы основного сухопутного оппонента германских армий. Как отмечал министр иностранных дел Великобритании Э. Грей: «Английская политика всегда преследовала цель не допустить Россию к Константинополю и проливам; мы боролись за это в Крымской войне... и это было основным направлением нашей политики под руководством Биконсфильда... В настоящее время Англия намерена захватить Константинополь, с тем чтобы, когда Англия и Франция с помощью России выиграют войну, Россия при наступлении мира не получила бы Константинополь»^{19}. К тому же на попытку английских и французских дипломатов склонить Петроград к сепаратному миру с Австро-

Венгрией (с целью концентрации всех русских сил против Германии) Россия ответила категорическим отказом. Царский министр иностранных дел С. Сазонов заявил: «Австро-Венгрия должна быть расчленена»^{20}.

Первая серьезная проблема, нехватка в армии снарядов и вооружений, подтолкнула общество к созданию Военно-промышленного комитета (ВПК) с множеством отделений на местах, который был призван срочно ликвидировать дефицит. Просчеты Военного министерства были очевидны: например, расход снарядов на фронте превосходил миллион в месяц, а их производство было в десять раз меньше. Кроме того, после закрытия Турцией Проливов подвоз из-за границы был сильно затруднен. В тот момент Россию сравнивали с домом, в который можно попасть только через дымоходы или по водосточным трубам.

В ноябре Кутепов вернулся из госпиталя в полк. К той поре война уже приобрела черты обыденности: горечь героического поражения в Восточной Пруссии забывалась, а успехи против австрийцев и взятие Львова согревали душу.

Война обнаружила, что в ее глубине перекрещиваются разные народные течения, верхние, нижние, видимые и невидимые постороннему наблюдателю.

Вот дневник солдата Штукатурова. Сквозь его строки как будто проглядывают образы патриархальных богатырей, питавшихся силой родной земли. Даже сама смерть Штукатурова передана с эпической простотой: он носил с собой надписанную почтовую открытку с адресом семьи, там было написано: «Я убит... числа». Однополчанам лишь оставалось поставить дату гибели.

Начинается дневник описанием прощания с семьей и родными могилами: «Ночью жена плакала, но я, как мог, старался успокоить ее, пускаясь в некоторого рода

философию. Проснулся я в два часа ночи и стал собираться. Грустно делалось на душе при мысли, что все эти дорогие лица, быть может, вижу в последний раз. Поставили самовар, приготовили яичницу со свининой, но есть ничего не хотелось. Разбудили дочурок. Я попросил мать благословить меня. Пошли слезы и причитания как жены, так и матери.

Сам по себе я не стал бы плакать, но я не могу смотреть на слезы других, в особенности дорогих, близких сердцу людей. Тщетно хотел я удержаться от слез, нервы не выдержали, и я заплакал... Мать, плача, благословила меня иконой святого Николая Чудотворца, я в свою очередь благословил деток иконой пресвятой Богородицы. Жена так расплакалась, что я не знал, что делать, чтобы она успокоилась.

Дети подняли громкий плач.

...Когда строения деревни стали исчезать за горой и мы миновали свое поле, то я еще раз посмотрел на все это. Ехать было хорошо: не было пыли и грязи, дождь перестал накрапывать. В Самуйлове я решил сходить на могилку отца и с прахом его проститься. Жена тихо поехала по дороге, я пошел на кладбище, где, преклонив колена, помолился за упокой его души, а также попросил благословения на мой дальнейший опасный путь».

В этих строчках все дышит простотой и силой духа. Нет ни слова о любви к родным, о страхе смерти, зато есть покорность, сознание долга, даже возвышенность. Уходящего на войну человека благословляет мать, он оставляет свое благословение детям и, простившись с земным, личным, обращается за поддержкой к памяти ушедших, к самой матери-земле.

Это не солдат, а крестьянин с былинным сознанием поклонился на все четыре стороны света. Он перетерпит всю тяжесть войны, он вытащит из-под огня раненого

товарища, он верит в Царство Божье и поэтому ничто ему не страшно.

Штукатуров — духовный брат Кутепова. Они одной породы, хотя из разных сословий.

Вот еще один их собрат, армейский подполковник Николай Иванович Соболевский. Его показания рисуют горькую картину, как встречал смерть русский офицер.

«5 октября 1914 года в Восточной Пруссии я, командуя 8-й ротой, получил приказание атаковать деревню Соболей своей и 7-й ротой... Ввиду того, что это было днем (около 2 часов дня) и местность на всем расстоянии между нашими окопами и деревней не имела укрытий, я решил атаковать быстрым, насколько возможным, движением вперед, дабы не дать возможности противнику пристреляться... Мы шли настолько быстро, что три или четыре стены неприятельских снарядов дали перелет и лишь один разорвался среди нашей цепи. Отойдя около версты, я получил шрапнельные раны, две в левую ногу, три в правую ногу и одну в локтевую часть левого предплечья; я продолжал вести роты вперед; шагах в 200 от неприятельского окопа я снова был ранен ружейной пулей в левое плечо навывлет, но с криком «ура» бросился вперед, задыхаясь от быстрого бега. Я широко раскрыл рот и уже на бруствере окопа был ранен ружейной пулей, которая, раздробив мне всю правую половину верхней челюсти и выбив три зуба в нижней, вышла в затылок у сонной артерии. Когда я пришел в себя... ко мне подошел немецкий офицер... на мою просьбу перевязать меня офицер, ничего не ответив, вынул нож... увидев ужас в моих глазах, он покачал головой и сказал: «Schande» (стыдно). Отрезав погон, офицер положил его в карман и ушел. Через некоторое время тот же офицер вернулся с другим, имевшим повязку Красного Креста... Он поднял мне голову (у меня все это время беспрерывно текла кровь изо рта и

затылка), кровотечение усилилось, и врач, опустив мою голову на землю, громко сказал: «Er wird gleich sterben» (он сейчас умрет). Офицер... взял мою правую руку и сказал: «Adio, Kamrad» (прощай, приятель). Я снова стал терять сознание... Подошел солдат, взял меня за ноги... Очнулся я уже вечером от толчков и торможения... Около меня копошились три германских солдата... Они вынули у меня из кармана бумажник с деньгами (225 р.), срезали шашку, револьвер, бинокль Цейса, сумку офицерскую, часы, расстегнули воротник, оборвали шейную цепочку и сняли ее с образками С. Иннокентия и Спасителя. Когда старший из них обрезал и снял флягу, я, т. к. мне очень хотелось пить и тошнило (три раза вырвало кровью), обратился к унтер-офицеру со словами: «Lassen Sie mir die Flasche mit Wasser, ich will trinken» (дайте мне флягу с водой, я хочу пить).

...Унтер-офицер ударил меня с силой каблуком в нос... а затем приказал одному из солдат приколоть меня... Солдат ударил меня тесаком по шее, прорезал воротник шинели и ранил шею, но позвонков не задел. Я вновь потерял сознание и пришел в себя уже ночью. Шел дождь... Страшно хотелось пить; я попробовал ползти и пополз, теряя сознание через каждые 6–7 шагов... Утро застало меня в канаве на картофельном поле. День я пролежал в полубредовом состоянии... а ночью снова принялся ползти... Я мог пользоваться только правой рукой и коленями, левая же рука была совершенно лишена способности действовать, плечо и локоть распухли. На третий день я был замечен своими и вечером поднят...»

Каким тогда был наш герой, точно передает рассказ преображенца Вл. Дрентельна.

«Недели через две после моего прибытия в полк, я в качестве конного разведчика дежурил при штабе. Утром рано солдатская почта принесла известие, что по излечении от ран возвратился капитан Кутепов. Вскоре

появился и он сам. Я вытянулся и взял под козырек с тем рвением, на какое только способен человек, все военное образование которого заключается в добром желании и в том, что он за два года перед тем окончил университет по юридическому факультету. Кутепов с улыбкой осмотрел меня с ног до головы и поправил мне пальцы.

— Здравствуй, молодчинище...

Я почему-то почувствовал, что я действительно молодец.

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие...

В этот момент я от души желал здоровья Кутепову.

— Хорошо отвечаешь... — удовлетворенно и точно с удивлением сказал Кутепов и погладил бороду.

Я опять почему-то почувствовал, что действительно хорошо отвечаю.

— Студент?

— Так точно, ваше высокоблагородие, студент.

— Охотник?

— Так точно, ваше высокоблагородие, охотник.

Кутепов посмотрел мне прямо в глаза.

— Это хорошо, — наконец сказал он. — Но помни — сейчас в тебе не студент нужен, а охотник. Сумей умереть, если надо. И умри преображенцем. За Россию умрешь...»^{21}

В марте 1915 года Кутепов снова был ранен осколком гранаты в правую ногу. На этот раз кость цела, и через несколько недель он снова на фронте. Но это уже другой фронт. Отступление. Германские армии ударом в районе Дунайца прорвали фронт, началось долгое выдавливание русских войск из Карпат. Не хватает снарядов. Промышленность не успевала восполнять их расход. Потом это обстоятельство оппозиция использует для обвинения правительства в измене, подтвердив тем самым пророчество Дурново. Никакой измены не было.

Девятнадцатого июля Кутепов произведен в капитаны. 27-го у деревни Петрилово Ломжинской губернии завязывается сильнейший бой. Тяжелые орудия германцев крушат оборону преображенцев. С ужасным скрежетом, будто по небу летит железнодорожный состав, бьют тяжелые снаряды. Солдаты называют их «чемоданами». От передовой 3-й роты остается один взвод. Немцы идут в атаку и начинают охватывать левый фланг полка. Кутепов со своей 4-й ротой стоит в батальонном резерве и всё это видит. Но нет приказа действовать. 3-я рота погибает. Еще несколько минут и будет поздно.

— Вперед, ребята! — командует капитан и бросается в контратаку.

Немцы уже захватывают окопы.

Кутепов успевает в центре позиции опередить их. Воздух содрогается от пуль. Но никому не страшно. Смерть вплотную подступает к нему, уже заносит над ним свою косу. А капитан будто ослеплен. Что-то бьет его слева в пах, опрокидывает на землю. Подбегают санитары. Он ранен. Его кладут на носилки, собираются унести.

— Опустите! — велит Кутепов.

Ему больно. Он зажимает рукой пах и другой рукой указывает на занятые противником окопы. Там еще надо помучиться. Бой продолжается. Немцев выбивают штыками. Кутепов не знает, сколько ему остается жить. Но пусть сначала выбьют их оттуда, а потом душа оставит его тело. Не он первый, не он последний. Мимолетно вспоминается тот животный страх, который обуял его на маньчжурской сопке, когда он спустился к убитому японцу.

Ура! Окопы очищены!

И все. Сейчас его поднимут и понесут. Несут. Он еще на что-то надеется, но нет, чудес не бывает. Он ранен, рана тяжелая... Полегло две трети его роты.

Но прорыв закрыт. Позиция за нами. Слава богу!

Эта инициатива Кутепова остановила успех немцев и задержала на несколько часов наступление целой Баварской дивизии. О Кутеполе заговорили в 1-м Гвардейском корпусе. За петриловский бой он был награжден орденом Святого Георгия.

Вскоре, 20 августа, был убит капитан Баранов, командир первой, «государевой», роты, никогда не пригибавшийся и не ложившийся при перебежках, ибо считал, что коль у него на погонах царские вензеля, он не имеет права кланяться пулям.

Кутепову было суждено его сменить.

А пока его везут в госпиталь, где, он знает, будет много молодых хороших русских людей, которым отрезают руки и ноги, которым не страшно умирать и хочется жить, и они смотрят, смотрят на сестер милосердия с кроткой улыбкой, веря, что их не забудут, или же, когда впадают в беспамятство, стонут в бреду слова полкового марша, как простонал их смертельно раненный еще в первом августовском бою 14-го года преображенец Чернявский.

Солдат выбывало много больше, чем офицеров. Это иной мир, еще близкий офицерам, но уже отдаляющийся.

С каждым боем уходили из жизни отборные защитники империи, на смену им трудно было найти достойных. Начинали войну дворяне, десятилетиями воспитывавшиеся в кадетских корпусах и юнкерских училищах, заканчивали — прапорщики ускоренных выпусков, вчерашние гимназисты, реалисты, студенты, чьим политическим идеалом была буржуазная республика. (К 1917 году в пехоте сменилось от трех до пяти офицерских составов.)

О кадровых офицерах генерал П. Н. Краснов писал так: «Лежа в ста метрах от противника, спокойно говорил по телефону батальонному командиру:

«Достреливаем последние патроны. Нам остается одно: встать и атаковать». Или: «Прошу прислать заместителя, я убит».

Но Кутепову еще рано погибать. Убьют осенью 1916 года Штукатурова, сметет огнем сотни тысяч русских героев, а «черный капитан» останется жив.

Во время Брусиловского прорыва в тяжелых боях на реке Стоход, где была нерасчетливо растрочена императорская гвардия, опора трона, Кутепов вновь отличился. Гвардейские полки атаковали на открытых пространствах хорошо укрепленные позиции, идя по болоту по колено в воде, лишенные возможности даже прилечь, не то что окопаться.

Они честно дрались и гибли, не зная, что вскоре за ними отверзнется зияющая пустота.

Особенно памятным для Кутепова был бой 7 сентября 1916 года.

Накануне весь день до рассвета велась артподготовка, а в пять часов утра Семеновский и Измайловский полки атаковали и заняли несколько рядов германских укреплений. Однако между полками образовался довольно значительный разрыв, с правого же фланга семеновцев не поддерживали соседние части. Поэтому следующая фаза боя — за противником. Он проводит две стремительные контратаки, обходя семеновцев справа, а измайловцев слева.

Контратаки отбили, употребив резервы. Но наметилась третья контратака на северную опушку Свинюхинского леса, в тыл измайловцам и введенному в дело Егерскому полку.

Дошел черед до Кутепова. Он стоял на этом участке со своим 2-м батальоном. Его и выдвинули исправлять положение.

Гвардейские цепи быстро пошли вперед. Редко кто видел такую стремительную атаку. Она была красива и ужасна, как борьба человеческого духа со страхом

смерти. Едва передовая цепь показалась на горизонте, тяжелые и легкие батареи неприятеля открыли заградительный огонь, отрезая Кутепова от леса. Цепи шли словно по огнедышащей горе, безостановочно, ни разу не нарушив уставного порядка выдвижения под артиллерийским обстрелом. Батальон все время лавировал, уходил от разрывов, как будто действовал на смотру. Кутепов шел в середине, управляя всем движением.

Он ударил во фланг наступающим немцам, они отхлынули назад, и батальон наконец полностью очистил лес, довершив прорыв фронта.

За этот бой Кутепова наградили Георгиевским оружием.

Гвардейский полковник с 1916 года и георгиевский кавалер — он достиг зенита своей славы. Гвардия же в тех боях потеряла 30 тысяч человек, которых не хватило в феврале 1917 года, чтобы удержать государственный порядок.

Брусиловский прорыв закончился, положение выравнилось, войска укреплялись, устраивались, ожидая, что на будущий год перелом в войне, наконец, наступит.

В осеннюю пору в рукописном журнале преображенцев появился посвященный Кутепову рассказ. Он назывался «Военачальникова находчивость» и раскрывал добродушную привязанность молодых офицеров к своему командиру.

«Военачальник некий, отменной храбростью и находчивостью в делах против неприятеля неоднократно отличавшийся, таковые свои качества и в обстановке штильштанда (затишья. — *С. Р.*) не преминул проявить.

На ассамблее находясь, девицу некую нрава приветливого, Феодорой Ивановной именуемую, на

вальс пригласивши, оной девице столь великое кружение головы учинил, что не в силах будучи на ногах сдержаться, девица сия вовсе к нему припала и отдыха для к креслу подвести себя попросила.

Таковой слабостью однако не смущенный военачальник строго приказал: выше голову, тверже ногу, — каковыми словами девицу подбодривши, конфуза и нареканий счастливо избежал».

Вот и весь рассказ. Как будто гусарский полк стоит где-нибудь в провинциальной простоте — и шутят, и веселятся, и верят в свою звезду.

А идет осень шестнадцатого года. Скоро — конец!

Следует, конечно, пояснить, что вопреки расхожему и укрепившемуся после 1917 года мнению, будто Россия проиграла войну, по результатам кампании 1916 года она как никогда была близка к победе: войска снабжались уже хорошо; армия одержала огромную победу в Брусиловском наступлении; на Кавказском фронте она глубоко проникла на турецкую территорию, на Анатолийское плоскогорье; финансы находились в удовлетворительном состоянии.

Но Россия была больна усталостью от войны. Образованная часть общества, вторая опора империи после армии, считала, что Николай II совершил слишком много ошибок.

Глава седьмая

РАЗРЫВ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ

Накануне Первой мировой войны историческая память русских была многослойной и противоречивой, предполагая несколько векторов развития. Раскол общества осознавался уже тогда как самая большая опасность. Поэт Александр Блок писал в письме Константину Станиславскому 9 октября 1908 года: «Полуторастамиллионная сила пойдет на нас, сколько бы штыков мы ни выставили, какой бы «Великой России»(по Струве) ни воздвигли. Свято нас растопчет...» Соотношение сил в российской буржуазии было следующим: промышленники — два процента, купцы и торговцы — 87 процентов, ремесленники — 11 процентов. Четыре пятых всех предпринимателей считались выходцами из старых городских сословий (купцы, мещане, ремесленники) и возможностями политического влияния не обладали.

В конце мая 1915 года в Москве произошли крупные беспорядки, вызванные сдачей недавно завоеванной австро-венгерской крепости Перемышль. Пострадало 475 торговых и промышленных предприятий, в основном принадлежащих иностранцам. Толпа забросала камнями автомобиль великой княгини Елизаветы Федоровны, родной сестры императрицы. Это было грозное предупреждение властям: интернациональная по своему составу правящая элита получила от низов ощутимый удар. Несколько погромщиков были застрелены полицией и войсками.

Собравшийся в Москве торгово-промышленный съезд потребовал от власти перемен, был создан Военно-промышленный комитет (ВПК) с целью добровольной «мобилизации промышленности» для нужд войны. Его

возглавил А. И. Гучков, бывший председатель 3-й Государственной думы, представитель крупного московского капитала. Этим решением стало реализовываться оформление параллельной власти промышленной буржуазии, причем опирающейся не только на интересы московских предпринимателей, но и провинциальных. Индустриальная война XX века быстро делала то, что вчера казалось немыслимым.

Косвенно было выражено недоверие петербургской финансово-промышленной группе, тесно связанной с высшей бюрократией и иностранным капиталом. С учетом десятков тысяч действующих кооперативов Союза земств и городов (Земгор) ВПК приобретал организующий гражданское общество характер. Это не могло не оказывать влияние на политические верхи и на армию. Появление на фронте структур Земгора имело огромное значение. Уполномоченные Земгора нашли в офицерской среде поддержку и понимание. В основной массе офицерский корпус русской армии состоял из разночинцев и даже выходцев из крестьян, тогда как политическая верхушка была аристократической. В конце концов, недовольство экономическим и военным управлением создавали в обществе совершенно новые связи. Лично Гучков имел обширные контакты в военной среде.

После тяжелых неудач лета 1915 года Николай II возглавил командование армией. К этому времени недовольство достигло Совета министров, министры открыто критиковали сложившееся двоевластие между Ставкой и Советом министров. Решение царя стать верховным главнокомандующим еще более углубляло конфликт, так как он фактически оставлял положение «над схваткой». Но попытки отменить это решение ни к чему не привели. Николай II даже поссорился с матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая не согласилась с выбором сына. Решительная и

волевая супруга императора, Александра Федоровна, однако, полностью поддержала его. Теперь он оставался один на вершине ответственности, открытый со всех сторон для критики.

За месяц до смены главнокомандующего в Государственной думе был образован депутатский Прогрессивный блок, в который вошли около 300 депутатов из 420, — кадеты, октябристы, прогрессисты, националисты. Его естественной опорой были Военно-промышленный комитет и Союз земств и городов. Объединившаяся с умеренными фракциями, оппозиция потребовала права формировать правительство (ответственного перед Думой), то есть продолжила борьбу за государственную власть. Вместо того чтобы последовательно выстраивать гражданское общество, либералы двинулись в направлении дезорганизации и изоляции режима. Вокруг Прогрессивного блока стали объединяться либерально настроенные члены Государственного совета, министры и даже генералы.

Власть ответила жестко: 3 сентября Николай II объявил «перерыв в работе Думы».

Шестого сентября в Москве, которая все определеннее становилась центром оппозиционности, прошли Земский и Городской съезды. Они приняли резолюции о смене правительства.

Особую роль в укреплении оппозиционных настроений играл русский национальный капитал, наиболее активных его агентов заклеили ярлыком «черносотенцев». Вообще-то «черная сотня» — это в дореформенной России население городских посадов, ремесленники, купцы. Из их среды был выдвинут во времена Смуты организатор нижегородского ополчения староста торговых мясных рядов Кузьма Минин. Это прообраз русского среднего класса, национальной буржуазии. Это — «третья Россия», которая нуждалась в

расширении прав, крепком государственном порядке, сильных армии и флоте, укреплении внутреннего рынка. Именно «третья Россия» требовала защиты прав отечественного производителя.

Ее лидерами были известные купеческие семьи Рябушинских, Третьяковых, Морозовых, Гучковых, которые создали свое богатство не на западные инвестиции, а на базе крестьянских текстильных мануфактур. Средой их обитания являлась купеческая Москва. Они критически относились к космополитическому Петербургу, который был пропитан, на их взгляд, чуждым «немецким» духом. В конкурентной борьбе с петербургскими финансовыми и промышленными соперниками московский капитал был слабее, его не поддерживала коронная власть, которой требовались для ускоренного развития средства, гораздо большие, чем могла предложить «текстильная Москва».

Будучи к тому же старообрядцами, русские купцы и промышленники испытывали постоянные ущемления. Например, до Манифеста 1905 года им было запрещено учиться в университетах. Но именно старообрядцы братья Рябушинские финансировали «радиевую экспедицию» (в поисках урана) академика В. И. Вернадского, издавали модернистский журнал, книги, создали Аэронавигационный институт, начали строить в Москве автомобильный завод, будущий ЗИЛ времен социалистической индустриализации. Также не случайно, что именно один из братьев стал инициатором создания в Государственной думе Прогрессивного блока, который объединил большинство депутатов и явился фундаментом Февральской революции.

Не могущий навязать власти свои требования национальный капитал для противостояния ей вошел в гибельный для себя и для империи союз со своими

петербургскими конкурентами. И с этого момента империя была обречена.

Пятнадцатого сентября Николай II уволил министров, выступавших за уступки блоку.

В сентябре 1915 года власть получила еще один болезненный сигнал. На выборах делегатов «рабочей группы» ВПК от петроградских рабочих большинство в ней получили большевики.

И среди прогрессистов, и среди рабочих стала отчетливо звучать мысль о желательности поражения в войне, так как это обрушит самодержавие.

Причем кадеты сравнивали обе либерализации, наступившие после поражения в Крымской войне и после поражения в Русско-японской, с перспективами нынешней войны, после которой страна должна освободиться от старых форм и органов власти.

Два тревожных для власти события, образование Прогрессивного блока (25 августа) и конференция левых социалистических партий в швейцарской деревне Циммервальд (23 августа), произошли практически одновременно. Конференция приняла резолюцию с осуждением «империалистической войны» и осудила всех социалистов, которые под предлогом «защиты отечества идут на сотрудничество с буржуазией». Очень скоро «Циммервальд», как стали называть этот документ, распространился по обе стороны фронта. В России он был доведен до крайности идеей В. И. Ленина «превратить империалистическую войну в гражданскую». Уставшее от тягот войны население не видело в мировой войне никакого смысла.

Эти процессы шли на фоне продолжающегося изменения в политическом сознании низов. Перерыв работы Думы повернул недовольство масс в политическое русло. В сентябре 1915 года в политических стачках участвовало около 100 тысяч

рабочих примерно 170 предприятий Петрограда, Москвы и Юга России.

Можно считать, что в 1915 году уже были готовы все спусковые пружины революции.

С мая по октябрь этого года произошла катастрофа на фронте. Русские армии, испытывая огромную нехватку в снарядах, оставили Польшу и Галицию. К лету в армию было призвано 10 миллионов человек, ежемесячно она теряла в боях убитыми и пленными по 200 тысяч человек. Стало бесспорным, что немецкие офицеры и солдаты в целом находятся на более высоком культурном уровне, а также то, что отечественная промышленность не в состоянии без помощи союзников, которым была необходима российская живая сила, соперничать с германской. Кадровые части российской армии уже утратили лучших воинов и были наполнены резервистами. Героизм и упорство русских не могли достойно противостоять превосходящей технической мощи противника. Число беженцев дошло до десяти миллионов, они несли в центральные губернии свою тоску и злобу.

Но в этом гибельном положении армия продолжала сопротивляться, избегая окружений, и с каждым днем ее отступления стратегическое положение Германии становилось все неопределеннее: запланированное окружение и уничтожение русских не состоялось. Перспектива затяжной войны на два фронта не оставляла Германии никаких надежд. К концу 1915 года экономика России начала медленно выправляться. Так, если в начале года выпускалось 450 тысяч снарядов, то уже в сентябре — миллион. По сравнению с предвоенным 1913 годом промышленное производство выросло на 13,7 процента. В 1916 году рост составил 121,5 процента. По числу производимых орудий Россия превзошла Францию и Англию. В армию в массовом количестве стали поступать (в том числе и от

союзников) винтовки, грузовики, самолеты (222 аэроплана в месяц), телефоны, обмундирование.

Пережив страшные поражения, российская армия перешла к изнурительной позиционной войне. Фронт застыл. Внутреннее положение можно было охарактеризовать как растущую напряженность. Новый, 1916 год должен был показать, какая из двух тенденций, разрушительная или созидательная, определит будущее страны. На предложение Германии о сепаратном мире Николай II ответил решительным отказом. Судя по всему, он не отдавал себе отчета в реальном положении вещей. Берлин сделал ответный ход: выделил 40 миллионов марок на поддержку сепаратистских движений и революционных партий в России с целью ее расчленения.

В феврале 1916 года началась сессия Думы. Это решение Николай II объяснял желанием не давать оппозиции новых поводов для недовольства. Военная и экономическая обстановка позволяла надеяться, что самые трудные времена уже пройдены. 4 февраля была взята мощная турецкая крепость Эрзерум. 5 апреля — Трапезунд.

Двадцать второго мая началось наступление Юго-Западного фронта в Галиции и на Буковине (Брусиловский прорыв). Это свидетельствовало о новых возможностях армии.

В итоге Германия остановила свое наступление во Франции и перешла к обороне на обоих фронтах.

Но здесь власти совершают непростительную ошибку, соглашаясь в ответ на требования оппозиции начать следствие по делу бывшего военного министра генерала В. А. Сухомлинова за просчеты в подготовке к войне. Николай II, демонстрируя объективность, в ход следствия не вникал, а когда в Государственном совете решили предать Сухомлинова суду по обвинению в

измене и 20 апреля заключили в Петропавловскую крепость, согласился с этим. На самом же деле генерал не был ни изменником, ни шпионом, но недоказанное обвинение стало для многих подсказкой к объяснению всех тягот. Отныне объектом обвинений становились сам император, его жена — «немка» и вся «царская камарилья». Особое значение придали фигуре «старца» Григория Распутина, обладавшего способностями экстрасенса и помогавшего облегчить неизлечимую болезнь (гемофилию) наследника престола Алексея (1904 г. р.). Распутин имел большое влияние на императрицу, пытался через нее влиять на Николая II, но без особого успеха. Хотя царь в письмах упрекал жену за попытки Распутина вмешиваться в его дела, внешне создавалось впечатление о всемогуществе «старца». На более низком уровне Распутин кое-каким влиянием все же обладал.

В феномене «Распутин» образованное общество видело не частный случай, а символ духовной деградации элиты, уход в мистицизм и чуть ли не в простонародное колдовство. Таким образом, конфликт выходил на цивилизационный уровень.

Осенью 1916 года Николай II все же распорядился перевести Сухомлинова из тюремной камеры под домашний арест, но было уже поздно. Фактически он «сдал» генерала, который пять лет руководил Военным министерством и многое сделал для укрепления обороны. Кроме того, благодаря делу Сухомлинова осталась в тени диспропорция в распределении финансовых средств на вооружения: по распоряжению Николая II приоритет был отдан флоту, хотя Совет государственной обороны выступал за преимущественное финансирование сухопутных сил, как более важных, чем морские. Трудно сказать, насколько учитывались при этом интересы французского капитала,

которому принадлежала значительная часть российской судостроительной промышленности.

«Сдав» Сухомлинова, власть все-таки была вынуждена начать выяснять отношения с крупными монополиями, которые через систему распределения заказов ВПК диктовали цены на свою продукцию, ставя свои интересы выше государственных. 22 июня 1916 года было принято постановление, которое сводилось к сокращению посреднических функций военно-промышленных комитетов, обязательной публикации информации о деятельности ВПК и отмене существовавшего запрета военной цензуре не допускать в печати критики в адрес ВПК. Был установлен строгий контроль за бюджетами Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов и других организаций по призрению больных и раненых воинов. В это же время Военное министерство увеличило на заводах контроль военной приемки. Власть почувствовала не только политическую, но и экономическую угрозу, исходящую от крупного капитала. Реакция на это была названа «государственным социализмом». Так, Министерство путей сообщения планировало помимо казенной добычи угля и нефти расширение собственного транспортного машиностроения и создания собственных металлургических заводов. (Некоторые заводы даже были национализированы.)

Руководители обороны и военной промышленности, таким образом, подчеркивали неэффективность и коррумпированность существующего порядка управления. Соответственно, промышленники и банкиры выступали против усиления государственного контроля. Такой же конфликт интересов наблюдался и в других важнейших отраслях экономики, — прежде всего в угледобыче и хлеботорговле.

В марте был уволен военный министр А. А. Поливанов. Николай II выразил недовольство его

близостью к руководству ВПК. Прогрессивный же блок увидел в решении царя очередную ошибку.

В мае 1917 года экономический кризис 1916 года нашел свое объяснение в докладе министра юстиции Временного правительства В. Н. Переверзева на III съезде военно-промышленных комитетов: «Спекуляция и самое беззастенчивое хищничество в области купли-продажи заготовленного для обороны страны металла приняли у нас такие широкие размеры, проникли настолько глубоко в толщу нашей металлургической промышленности и родственных ей организаций, что... сделалось уже бытовым явлением... Хищники действовали смело и почти совершенно открыто»^[22].

Неспособность правительства навести порядок в экономике и фактическое двоевластие (военные полностью распоряжались в обширной прифронтовой полосе) вынудили начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева подать Николаю II доклад с предложением ввести «военную диктатуру». Предлагалось передать власть во внутренних областях империи «верховному министру государственной обороны». В подчинение «диктатора» должны были войти все министры, он должен был в первоочередном порядке решить проблемы «транспорта, топлива и продовольствия». Если бы царь утвердил этот проект, власть перешла бы к военным и промышленникам. Но этого не случилось, Николай II ограничился лишь небольшим увеличением полномочий председателя правительства. Это было не то, чего ждали от него авторы доклада. И, возможно, в качестве отступного генерал Н. В. Рузский, о котором хлопотал председатель Думы М. В. Родзянко, был назначен командующим Северным фронтом^[1].

Весь 1916 год все страшнее делался разрыв между двумя уровнями управления — дворянско-монархическим и промышленно-буржуазным. Чем

должен был завершиться этот процесс, было сказано в газете Рябушинского «Утро России» 19 мая 1916 года: «Дворянину и буржуа нельзя уже стало вместе оставаться на плечах народа: одному из них приходится уходить».

Конфликт должен был разрешиться либо компромиссом («министерством доверия», формируемым Думой), либо катастрофой. Возможно, Николай II и уступил бы, если бы не дополнительные условия компромисса, высказанные председателем Думы М. В. Родзянко: императрица не должна вмешиваться в государственные дела и до конца войны будет безвыездно жить в Ливадии (Крым), все великие князья — отстранены от государственных должностей, уволенный военный министр Поливанов — возвращен на службу.

Несмотря на то, что снабжение армии уже было налажено, в обществе царила тревога и проявилась нетерпимость. К тому же две трети всей промышленности работало на военные нужды, а оставшаяся треть не могла удовлетворить потребности населения. Начиная со второго полугодия стали расти товарный голод, дороговизна, спекуляция. Инфляция и цены по сравнению с мирным временем почти удвоились, а цена, например, гвоздей выросла в восемь раз. Крестьяне из-за неравноценного обмена перестали продавать хлеб и прятали его, боясь реквизиций. Экономические трудности усугубляли общее недовольство властью и поиски виноватых, направленные на царя и его семью.

В стране началась борьба за победу, но не на фронте, а над властью. Огромный разрушительный эффект произвела речь кадетского лидера П. Н. Милюкова, произнесенная 1 ноября 1916 года в Думе. Он обвинил правительство «в злонамеренности и неспособности», адресовал ему риторический вопрос

«это глупость или измена?», обличал «придворную партию» в пронемецких настроениях и стремлении к сепаратному миру. Если отбросить антиправительственный пафос, то главным в речи можно считать зондаж по поводу возможного заключения мира с Германией. Правительство тотчас опровергло такую возможность. Тем не менее союзники были встревожены: главной фигурой «пронемецких сил» они считали Распутина, действующего через императрицу Александру Федоровну.

Тридцатого ноября 1916 года Дворянский съезд принял резолюцию о «министерстве доверия» и о необходимости противостоять «темным силам». Это свидетельствовало о приближающейся развязке.

В ночь с 16 на 17 декабря 1916 года в доме князя Ф. Ф. Юсупова, женатого на племяннице Николая II, был убит Григорий Распутин. В убийстве, кроме Юсупова, участвовали великий князь Дмитрий Павлович, депутат Думы В. М. Пуришкевич и английский разведчик Освальд Рейнер (о его участии стало известно только в 2004 году). Заинтересованность Лондона в устранении предводителя «темных сил» была очевидной. В донесении британского посла Дж. Бьюкенена от 18 октября говорилось: «Германское влияние сделало огромные успехи». Резидент английской разведки, однокашник Юсупова по Оксфорду Самьюэл Хор, координировал операцию.

После убийства в Петрограде стали активно распространяться слухи о готовящемся военном перевороте. Великий князь Михаил, родной брат царя, в разговоре с Родзянко сказал: «Вся семья сознает, насколько вредна Александра Федоровна. Брата и ее окружают только изменники»^[23].

Приехавший с фронта генерал А. М. Крымов говорил членам Прогрессивного блока, что в армии «все с радостью будут приветствовать известия о перевороте».

Председатель Центрального ВПК А. И. Гучков планировал захват царского поезда, чтобы добиться отречения Николая II от престола. О готовящемся перевороте было предупреждено английское посольство.

В этой обстановке у царя был один выход: судить убийц Распутина, распустить Думу, ввести в столицу войска.

Этого не было сделано. Положение усугублялось тем, что военные казармы в городе были заняты новобранцами из запасных батальонов (200 тысяч человек), они жили в невообразимой тесноте и не желали отправки на фронт. Распоряжение Николая II перевести в Петроград 1-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию не было выполнено под предлогом, что ее некуда разместить. Наличествующих в городе сил полиции и казаков было очень мало — всего 10 тысяч человек.

Накануне 1917 года Николай II распорядился провести сенатскую ревизию всех отсрочек от воинской службы, полученных представителями Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов. Это было еще одним сигналом для оппозиционных кругов, что царь не пойдет на компромисс.

К тому же полиция арестовала «рабочую группу» ВПК, которая была связующим звеном с революционными организациями рабочих, также было объявлено о «перерыве в работе Думы».

Есть свидетельство, что Николай II согласился на «министерство доверия», но, озабоченный невыполнением приказа о введении гвардии в столицу, уехал в Ставку. На следующий день, 23 февраля, в городе начались беспорядки. Сначала это были спонтанные манифестации, вызванные слухами об ожидаемых перебоях в снабжении столицы продовольствием. Для слухов имелись все основания. 20

февраля на заседании Государственного совета А. И. Гучков указал на плачевное состояние транспорта, что неотвратимо приведет к перебоям в поставках. Встревоженные горожане стали делать запасы муки, сушить сухари. Возник дефицит некоторых видов хлеба, у магазинов стали выстраиваться очереди. Но 23 февраля забастовало 90 тысяч человек. Комитет партии социал-демократов (большевиков) Выборгской стороны постановил привести в действие маховик всеобщей забастовки. Так началась революция.

Дальнейшие события показали, что ни руководители Прогрессивного блока, ни столичные власти, ни военные не поняли характера происходящего. Оно показалось временным и неопасным явлением, которое блок хотел использовать для усиления давления на правительство. Полиция и казаки вяло разгоняли или вытесняли толпы с центральных улиц. Но постепенно сопротивление толпы росло, был убит полицейский пристав, избито 28 полицейских, стреляли в казаков. Ситуация качественно изменилась, когда солдаты запасных батальонов стали защищать манифестантов и стрелять в полицейских и казаков. Здесь — рубеж, начало вооруженного восстания. Теперь для власти было важным не дать оппозиционерам возглавить (или использовать) стихийный протест и быстро подавить бунт. У запасников по условиям военного времени оставалось два пути: либо под расстрел, либо быстро найти влиятельную защиту. Такой защитой могла стать только Дума.

Однако вопреки логике политического конфликта в борьбу вмешалась еще одна сила: освобожденные из тюрьмы члены «рабочей группы» ВПК направились в Таврический дворец (место заседаний Думы), там вместе с социал-демократами организовали Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов и к тому же призвали рабочих всех заводов прислать своих уполномоченных

(один человек от тысячи). Очень быстро Совет стал притягательным местом и для солдат, так как там организовали для них столовую, обеспечив простую связь с солдатскими массами.

Депутаты Думы создали Временный комитет Государственной думы, но что делать дальше, никто не знал.

Реальная власть в столице принадлежала Совету. В его название добавили «и солдатских депутатов». Солдаты, расправившиеся с офицерами, были ударным отрядом революции и одновременно — противниками всякого порядка. Для того чтобы сдержать анархию вооруженных людей, Совет издал «Приказ № 1», суть которого: следует избирать солдатские комитеты в ротах, батальонах, полках; а также депутатов в Совет; в политических делах подчиняться только Советам и своим комитетам; оружие держать в распоряжении комитетов и не выдавать офицерам; думские приказы без подтверждения комитетом не исполнять; вводилось равноправие солдат и офицеров; отмена отдания чести, титулование и т. д.

Таким образом, не думский комитет с системными оппонентами монархическому порядку, культурные и состоятельные люди, а представители иного социального слоя, крестьянские общинники в серых шинелях и разночинцы неожиданно оказались революционной властью.

В Европе такие ситуации разрешались по-другому. Восстания солдат в Германии, Италии, Франции были беспощадно подавлены. В Англии на время войны забастовки были запрещены, а в Австро-Венгрии парламент не работал.

Впрочем, Николай II еще не признал поражения, в его распоряжении были фронтовые части, что позволяло бороться за власть с огромными шансами на победу.

При этом, конечно, надо помнить, что его жена и дети находились в Царском Селе рядом с восставшей столицей, то есть самые близкие люди в любую минуту могли превратиться в заложников.

Императору предстояло сделать выбор. В его положении крайне важно было иметь объективную информацию, но он ее не получал. Именно здесь роковым образом сказалось его отсутствие в столице. Верховный главнокомандующий тоже становился заложником своего окружения, которое интерпретировало получаемые из Петрограда сведения и мысленно взвешивало возможности противостоящих сторон. В удалении от центра событий генералам казалось, что в принципе нет большого различия в том, будет ли создано «ответственное министерство» или останется все по-прежнему. Думские лидеры были людьми одного с ними круга, их нечего было опасаться.

С другой стороны, все понимали, что решение зависит от одного человека, которому они присягали — от царя. Если он решится, восстание будет раздавлено любой ценой, даже ценой потерь и отступления на фронте.

В эти дни и генералы должны были сделать свой выбор. При этом надо учесть, что они тоже устали от войны, проблем снабжения, спекуляции в тылу, политических дразг и правительственной чехарды, слухов о шпионах и «темных силах» вокруг императрицы.

Тяжелые ошибки управления отбрасывали иллюзию прекрасной сказки о православной империи. Наступал решающий час. Каждый в душе уже делал выбор, словно голосовал за ту или иную партию в Государственной думе. Одиннадцать лет работы парламента воспитали новое политизированное поколение.

Двадцать седьмого февраля Николай II узнал о беспорядках в Петрограде и записал в дневник:

«Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия!» Он послал в столицу генерала Н. И. Иванова с батальоном георгиевских кавалеров «водворить порядок», вызвал с фронта десять полков и сам направился в Петроград, не подозревая, что тем самым отдает себя в руки революционной стихии.

Вот и всё. Имперский занавес опускается. Тени Петра Великого, Екатерины Великой, Потемкина, Суворова, Державина, Пушкина, всех героев и творцов Петровской империи скорбно стоят в глубине российской сцены.

Глава восьмая

КУТЕПОВ — ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА НА СПАСЕНИЕ ИМПЕРИИ

В этот час полковник Кутепов оказался в самом центре революционного урагана и, согласно собственному моральному закону, должен был, пусть на краткий миг, встать на защиту гибнущей империи и погибнуть. Так и вышло. Он встал на ее защиту, но его спасло чудо.

Феномен нашего героя понимали его однополчане. «Кутепов был храбр той волевой храбростью, которая сознательно преодолев страх смерти, уже не имеет далее, кроме велений разума, задерживающих рубежей. Мы, стараясь изо всех сил быть храбрыми, все-таки сознавали, что Кутепов храбрее нас. Этим объяснялось то влияние, которое он как начальник имел над нами в бою»^{24}.

В это время в столице солдаты убивали офицеров, громили богатые дома, грабили магазины. Но в Ставку передавалась ложная информация о воцарившемся спокойствии. Опираясь на нее, начальник штаба генерал Алексеев невольно дезориентировал командующих фронтами.

Чем явственнее ощущался приход весны, тем тягостнее становилась атмосфера в казармах. Они наполнились слухами об ужасах фронта, о продажности правительства, о благородстве оппозиции, которой мешают темные силы.

На следующий день после отбытия государя в Петрограде начались серьезные демонстрации.

С середины месяца из-за сильных снежных заносов замедлился подвоз продовольствия в столицу. По городу поползли слухи, что скоро не будет хлеба.

«Голод? Никакого голода в столице не было. Купить можно было решительно все без карточек, а по карточкам — сахар. Благополучно было с маслом, рыбой соленой и свежей, битой птицей... вышла какая-то задержка с выдачей муки пекарям». Это — Солженицын, «Красное колесо. Март Семнадцатого».

Двадцать четвертого февраля газеты успокоили население, что хлеб есть, что запасы муки достаточны, а военное ведомство даже выделило ее из своих запасов для нужд горожан. И что же?

Нет, здесь дело было не в хлебе.

Двадцать четвертого февраля на заседании Государственной думы депутат Чхеидзе бросает с трибуны:

«Господа! Как можно продовольственный вопрос в смысле черного хлеба ставить на рельсы?.. Единственный исход — борьба, которая нас привела бы к упразднению этого правительства! Единственное, что остается в наших «силах — дать улице здоровое русло!»

А в это время большевики решают использовать народное движение в своих целях — в русле всеобщей забастовки. Для них это вполне здорово.

В итоге хлеб появился, а беспорядки усилились. За два дня, 23 и 24 февраля, было избито 28 полицейских.

Дума продолжала обличать правительство, желая произвести в нем изменения.

Улица уже двинулась. 25 февраля демонстрации затопили Невский проспект и всю центральную часть города. К Знаменской площади перед Николаевским вокзалом непрерывно шли люди, там не прекращался ни на минуту митинг. На пьедестал памятника

Александру III один за другим взбирались ораторы и обличали, обличали, обличали. Главный лозунг: «Долой войну!» На площади множество солдат. Полицейский пристав Крылов попытался вырвать у митингующего красный флаг и был убит револьверным выстрелом из толпы.

Это была толпа, азартная и трусливая. Ее еще можно было остановить решительным поступком. Например, на Трубочном заводе поручик Госсэ застрелил агитатора, который грозил ему кулаком, и тотчас толпу как ветром сдуло, остались на земле только флаги, плакаты и бездыханный труп.

Поздно вечером правительство собирается на заседание и обсуждает... нет, не уличные беспорядки, а отношения с Думой. Думские говоруны, пугавшие министров обвинениями в «измене», кажутся самыми грозными в этот час. Решают: объявить на несколько недель перерыв в заседаниях Думы. Стало быть, с этой стороны защитились. Это и не роспуск Думы, за что можно быть припечатанными разными ужасными словами вроде «презренного политиканства», «провокаторов», «умственного убожества носителей своеволия», а вместе с тем заткнули рты.

Двадцать пятого февраля Николай II наконец получил сообщение о тревожном положении в Петрограде. Он не колебался и телеграммой приказал Хабалову: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии».

В Совете министров паралич воли у некоторых министров достиг в эту пору опасного уровня, они спрашивали себя: неужели беспорядки так велики, чтобы требовать энергичных мер?

И это говорилось тогда, когда уже убивали на улицах.

Но все-таки повеление государя надо исполнять, да и впрямь ведь убивают приставов и постреливают по казакам, — надо принимать меры.

А кому эти меры исполнять? Где тот решительный человек, который примет на себя тяжкий грех братоубийства и который спасет город (пока еще только один город!) от большего кровопролития?

Такого человека в столице не оказалось!

Были министры, великие князья, генералы, полковники. Их было много. Но не оказалось единственного.

В это время в Петроград приезжает в трехнедельный отпуск полковник Кутепов. На фронте царило спокойствие: солдаты зарывались глубже в землю, вяло перестреливаясь с противником. В такой обстановке можно было отлучиться.

Он остановился у сестры на Васильевском острове, и они были рады встрече, ощутив в смутное время, как хорошо встречать родных. Раиса рассказала ему о тревожных событиях, да он и сам уже кое-что успел увидеть: солдат в караульной амуниции с винтовками, толпы, нервное настроение улиц.

Полковник сразу пошел в родные Преображенские казармы на Миллионную улицу и там был поражен речами офицеров. За завтраком капитан Приклонский и поручик Макшеев прямо ругали министров, говорили, что теперь надо дать Думе больше прав и создать новое правительство, ответственное перед ней. Кутепов не выдержал и прямо заявил, что во время войны каждый русский человек, особенно офицер, обязан укреплять власть, а никак не критиковать ее.

Начали спорить. Кутепова поддержал полковник Павленко, совсем, правда, квелый, больной, так что больше говорил сам Александр Павлович.

Его нельзя было переспорить. Он разложил все по полочкам: преступно действовать так, как действуют

запасные полки, выведенные для охраны порядка на улицы. Что это за заставы, которые должны запереть отдельные районы от прохода посторонней публики, но которые всех пропускают? Неисполнение приказа роняет авторитет офицеров, разбалтывает дисциплину солдат, толпа приучается не выполнять распоряжений начальства. Надо выбрать одно из двух: либо твердо стоять и применять оружие, либо убрать войска до крайнего случая.

И ни одного слова в защиту прав народа и депутатов Думы.

Все чувствовали: с этим лучше не связываться, опасно. Завтрак кончился. Дальше события разворачивались, как ураган.

На следующий день рано утром Кутепова вызвали к телефону. Он был еще в постели, разговаривала сестра. Звонил поручик Макшеев, просил Александра Павловича спешно приехать на Миллионную.

Значит, что-то случилось. Кутепов, предчувствуя недоброе, быстро оделся, взял извозчика и помчался к старым Преображенским казармам. Там поручик Макшеев торопливо объяснил, что в казармах Гвардейской конной артиллерии взбунтовалась учебная команда лейб-гвардии Волынского запасного полка: волынцы ворвались в казармы Преображенской нестроевой роты и заставили ее к себе присоединиться. При этом же закололи заведующего полковой швальей полковника Богданова, он хотел выгнать волынцев со двора.

Кутепов понял: беда! Надо действовать. Где командир Преображенского запасного батальона полковник князь Аргутин-ский-Долгоруков?

Ответили: вызван к Хабалову.

Но почему здесь несколько офицеров из новых казарм, что на Кирочной?

Кутепов распорядился штабс-капитану Эллиоту-старшему и остальным вернуться туда.

Ему подчинялись. Его положение помощника командира Преображенского полка и его решимость влияли крепко.

Тут же Макшеев доложил, что от Хабалова прибыл автомобиль, приказано немедленно ехать на Гороховую, в градоначальство.

Поехали. У подъезда Кутепова ждал жандармский ротмистр и сразу провел полковника наверх, в большой кабинет генерала Хабалова.

— Господин генерал, полковник Кутепов прибыл!

И одного взгляда на него достаточно, чтобы стало ясно: может!

На Кутепова смотрят все, человек семь, среди них и полковник Павленко (а, это он, наверное, сосватал!) и градоначальник генерал Балк.

Генерал-лейтенант Хабалов начинает говорить:

— Я назначаю вас начальником карательного отряда.

Кутепов отвечает:

— Я готов исполнить любое приказание. Но, к сожалению, нашего лейб-гвардии Преображенского полка здесь нет. Я нахожусь в отпуску, никакого отношения к запасному полку не имею. Мне кажется, на этот случай надо назначить лицо, более известное в Петроградском гарнизоне.

Он еще не знает, что такого лица нет! У собравшихся — расстроенный и потерянный вид. У Хабалова при разговоре заметно трясется челюсть.

Хабалов продолжает довольно твердым тоном:

— Все отпускные мне подчиняются. Я назначаю вас начальником карательного отряда.

Кутепов начинает догадываться, что положение хуже, чем он думал:

— Слушаю. Прошу указать мне задачу и дать соответствующий отряд.

Хабалов распоряжается:

— Приказываю вам оцепить район от Литейного моста до Николаевского вокзала и всех, кто будет в этом районе, загнать к Неве и там привести в порядок.

Кутепов совершенно спокойно отвечает:

— Я не останавлиюсь перед расстрелом толпы. Но только для оцепления мне надо не менее бригады.

Хабалов видит, что полковник держится уверенно, но никакой бригады для него нет (вернее, он не знает, на кого опираться) и потому раздражается:

— Дадим то, что есть под руками.

И называет части: роту Кексгольмского запасного с пулеметом (она здесь же, напротив здания градоначальства), затем идти по Невскому, взять в Гостином дворе и в Пассаже еще две роты преображенцев, да еще от Николаевского вокзала сюда идет пулеметная рота с 24 пулеметами, взять из нее 12 пулеметов.

Кутепов спрашивает:

— А будут пулеметчики стрелять?

— Это хорошая рота, — заявляет генерал и добавляет, что уже отдано распоряжение двигаться сюда роте Егерского запасного, надо ее тоже взять под командование.

И началась для Кутепова Гражданская война! Он еще, конечно, этого не понял. Думал: беспорядки, можно прекратить. То, что народ больше не хочет ни правительства, ни оппозиции, ни офицеров, ему в голову не могло прийти. Собственно, он знал, что солдат-новобранец всегда трудно начинает, но потом втягивается. Значит, надо втянуть. Кого силой, кого словом. Солдат он не боялся.

Кутепов взял кексгольмцев и преображенцев. Правда, преображенцы вчера не ужинали и по сей час ничего не ели. Он распорядился купить ситного хлеба, колбасы и накормить людей на первой остановке.

Потом на Невском около магазина Елисеева остановил роту пулеметчиков. Они несли тяжелые пулеметы и коробки с лентами на плечах, сгорбившись от усталости. А где же пулеметные двуколки? Мало того что их не было, но и пулеметы, оказалось, не готовы к стрельбе: нет ни воды, ни масла. Кутепов приказал штабс-капитану послать за всем необходимым и изготовить пулеметы к бою.

Он не мог предположить, что его приказание останется невыполненным.

Дошли по Невскому до угла Литейного. Городовые стояли на местах, народу было меньше обычного.

Кутепов спросил у городского о роте егерей. Не проходила.

Тут на извозчике подъехал полковник Аргутинский-Долгоруков, быстро выскочил из саней и побежал к Кутепову, путаясь в длинной николаевской шинели.

Через него Хабалов передавал новое распоряжение: взбунтовавшиеся солдаты и рабочие подожгли здание окружного суда и теперь идут к Зимнему дворцу, Кутепову надо вернуться.

— Неужели у вас в Петрограде только и имеется что мой так называемый карательный отряд? — насмешливо спросил Кутепов. — Значит, генерал Хабалов отменяет свое первое распоряжение?

— Да, прошу вас поспешить к Зимнему, — волнуясь, сказал Аргутинский-Долгоруков.

Что же, возвращаться? В голове у Кутепова наметился иной план: повернуть по Литейному, затем по Симеоновской улице к цирку Чинизелли и Марсовому полю. А там где-нибудь он и пересечется с толпой.

Тронулись. Он шел впереди, за ним кексгольмцы, пулеметчики, преображенцы.

На углу Литейного проспекта и Артиллерийского переулка стояла группа офицеров Литовского полка, а дальше было видно: в казармах бьют стекла,

выламывают рамы, выскакивают солдаты. Что такое? Кутепов остановил отряд. Из той группы подошел полковник, оказался командиром Литовского запасного батальона, поведал, что во двор казармы ворвалась толпа солдат, литовцев и волынцев, во главе со штатскими и стала подбивать находящуюся здесь часть присоединяться к ним. А сам полковник был бессилен им помешать.

Это бессилие вызывало у Кутепова презрение. Что же это за офицеры?

Через час-другой он столкнется с новым для него офицером, с красным бантом на груди, и, не задумываясь, скомандует открыть по нему огонь.

А пока — звон стекол, огонь и дым над зданием окружного суда, отдельные выстрелы и даже пулеметная стрельба — в направлении кутеповского отряда. О, значит, заметили! По Литейному засвистали пули.

Дело приняло серьезный оборот, не мог Кутепов бросить этих потерявшихся офицеров и выламывающихся из армейского порядка солдат. Здесь ему и действовать. Он послал подпоручика Скосырского доложить по телефону в градоначальство обстановку.

И начал действовать — распределил силы своих рот, отдал приказание перекрыть улицы, а в случае противодействия толпы — немедленно открывать огонь.

Тем временем множество солдат-литовцев с винтовками собралось на Литейном проспекте. Они стояли кучками на тротуаре, отдельно от них — офицеры Литовского запасного батальона, не вмешивались. Кутепов послал своего унтер-офицера подзвать тех солдат. Те четко подошли, вид у них был надежный, и один из них заявил, что сейчас в казармах такая суматоха, не знаешь, что и делать. Кутепов распорядился открыть два двора на Литейном и

собирать там, приводить в порядок всех этих солдат, не отдавать их бунту.

Управившись с ними, он подошел к пулемету возле Артиллерийского переулка, направленного на Баскову улицу. Пулемет не был готов, в кожухах не было ни воды, ни глицерина. Понял Кутепов, что нет надежды на пулеметчиков, да не время сейчас разбираться.

Его внимание привлекла мирная и спокойная толпа солдат, заполнившая Баскову улицу. Доложили, что оттуда пришел унтер-офицер и просит подойти кого-нибудь из господ офицеров. Оказывается, солдаты хотели бы построиться и вернуться в казармы, но боятся, что их потом будут судить и расстреляют.

Кутепов немедленно направился к офицерам-литовцам, предложил полковнику привести сюда тех солдат. Но тот наотрез отказался, до того потерял самообладание.

Кутепов не стал с ним церемониться, сказал:

— Удивляюсь, что вы боитесь своих солдат. Вы должны исполнить ваш последний долг перед ними. Если боитесь пойти, пойду я.

Он и пошел. Никакого страха у него не было. Он помнил и свой первый поход с солдатами еще мальчиком, и как по воскресеньям ходил с ними в музеи, как они вытаскивали его, раненого, с поля боя... А сейчас их надо было взять и отвести от пропасти.

Он подошел к ним и громко сказал:

— Всякий, кто построится и кого я приведу, расстрелян не будет.

Его тотчас подхватили на руки! И просили: еще скажите, громче, чтоб все услышали.

С высоты он увидел всю улицу, массу солдат и несколько штатских и еще писарей Главного штаба. Снова громко объявил:

— Те лица, которые сейчас толкают вас на преступление перед государем и Родиной, делают это

на пользу нашим врагам-немцам, с которыми мы воюем. Не будьте мерзавцами и предателями, а останьтесь честными русскими солдатами.

В ответ:

— Мы боимся — нас расстреляют.

И еще:

— Не верьте, товарищи! Он врет, вас расстреляют!

Кутепов снова заговорил:

— Приказываю построиться! Я полковник лейб-гвардии Преображенского полка Кутепов, только что с фронта. Если я вас приведу, никто из вас расстрелян не будет.

И приказал опустить его на землю.

Тотчас же унтер-офицеры, подхватывая его командирскую твердость, закричали: литовцы, волынцы такой-то роты, строиться сюда! Толпа задвигалась, началась невидимая глазу борьба внутри нее. Раздавались команды: «Строиться по казармам!» и одновременно: «Бей его! Вас расстреляют!»

Все разрешилось через несколько минут. Толпа разделилась, часть кинулась бежать по направлению к Преображенскому собору, часть — в казармы. Вряд ли это был полный успех, но все же что-то налаживалось.

Потом Кутепов распорядился занять одной полуротой Кирочную улицу, усилить караул Казначейства, очистить прилегающие улицы. По отряду продолжали постреливать. Он скомандовал открывать огонь по любой толпе.

Сомнений не было ни у кого — это фронтовой полковник.

Вскоре кексгольмцы огнем разогнали толпу, которая разбивала окна и лезла в казармы Жандармского дивизиона. Со стороны Литейного оружейного завода и с колокольни Сергиевского всей артиллерии собора открыли ответный огонь по кексгольмцам, несколько человек было ранено и четверо из них тяжело.

Русские стреляли по русским. И некогда было размышлять: отчего так?

Раненых разместили в доме графа Мусина-Пушкина, в управлении Красного Креста Северного фронта. Поступили и новые раненые.

Со стороны Марсова поля двигалась толпа к Литейному проспекту. Ее встретили залпами.

На Сергиевской улице собралось несколько автомобилей с вооруженными людьми внутри и на подножках. Войска приготовились отбивать их атаку. Автомобили вылетели из-за угла на Литейный. Мелькали красные обрывки в виде флагов. С ходу пошла беспорядочная стрельба. Кексгольмцы ответили четкими залпами, сбивая нападавших на мостовую и дробя ветровые стекла машин. Автомобили потеряли ход, завияли и встали. Уцелевшие кинулись бежать... Нет, один автомобиль еще едет, с него падают люди, он вдруг разворачивается на полном ходу — и назад.

Кутепов посмотрел на поле боя, распорядился унести убитых в каретный сарай во дворе поблизости. Тут же ему доложили, что от них сильно разит спиртом. Где-то, выходит, молодцев подогрели!

Ну, Бог им судья, а пока Кутепов держался и даже расширял свой район.

Тут к нему подбежал бледный штабс-капитан Розенбах, с оторванным погоном, без шашки. Только что он со своей ротой вышел на угол Пантелеймоновской и Моховой улиц, солдаты смешались с толпой, и толпа накинута на него, он еле вырвался.

Вид побитого был жалок.

Кутепов немедленно двинулся на Пантелеймоновскую.

Подошли две роты, семеновцев (с двумя прапорщиками Соловьевым и Эссеном-четвертым) и егерей.

Доложили: убит прапорщик Кисловский.

С семеновцами Кутепов вышел на Пантелеймоновскую улицу, и толпа сразу рассосалась.

«Литейный проспект уже привык к высокой фигуре полковника, не взятого ни одной пулей», — пишет Солженицын об этих минутах защиты Кутеповым Петрова града. Конечно, здесь дело не в ошибке с определением роста коренастого Кутепова, а в том, что этот офицер Петровской империи стал в эти часы высокой, даже самой высокой фигурой в столице.

Именно тогда полковник услышал со стороны кексгольмцев странные крики «не стреляй!», поспешил на них и увидел идущего от Артиллерийских казарм по Литейному какого-то офицера. Тот делал солдатам знаки: не стрелять. На груди у него был большой красный бант.

— Огонь! — скомандовал Кутепов.

Раздались выстрелы. Офицер кинулся бежать, пробежал несколько шагов, упал. Всё.

Кутепова тут позвали, сообщили, что можно переговорить с градоначальством.

Он пошел в дом Мусина-Пушкина. Смеркалось. Отовсюду доносился гул огромной толпы, все прилегающие улицы были заполнены враждебной массой. Что по сравнению с ней куте-повский отряд?

Александр Павлович разговаривал по телефону с барышней с центральной станции и смотрел в окно. Барышня говорила, что градоначальство с полудня не отвечает.

(Куда же исчез Хабалов? Почему не послал никого из офицеров для ознакомления с обстановкой? Потом выяснилось: Хабалов со штабом перешел в Адмиралтейство и забыл предупредить Кутепова да и центральную станцию — тоже.)

В окно полковнику было видно, что в дом бегут солдаты, всё больше и больше, вот понесли двух

офицеров с безжизненно повисшими головами. При свете фонаря трудно было разобрать — кого именно.

Кутепов быстро вышел на улицу. Сердце его сжалось — из всех переулков на Литейный проспект валила толпа, била фонари, орала, материлась, а в ней, как маленькие островки, стояли солдаты его отряда, стояли, да быстро их размывало, растаскивало. Ни о каком сопротивлении не могло быть и речи. Отвоевался полковник.

Среди криков он разобрал и свою фамилию. Грозили и страшно ругались.

Кутепов вернулся и приказал запереть двери. Что делать? С задачей он не справился. Что происходит в городе, он не знает.

Полковник распорядился накормить солдат заготовленными для них ситным хлебом и колбасой. Странно, хотя и кричали недавно на улицах «хлеба!», но хлеб даже сегодня был в булочных. Но ни один батальон не прислал обеда своим людям...

Распорядившись об ужине, Кутепов направился в лазарет к раненым. Чужие были ему эти солдаты и два умирающих прапорщика Соловьев и Эссен-четвертый, не успел он их узнать, хотя бы спросить об именах. Но теперь для них Кутепов и отец, и священник, и последний командир. Не каждому суждено умереть со славой в честном бою. Да и нельзя выбрать себе смерть. Надо исполнять свой долг, а там как Бог даст.

Соловьев и Эссен были совсем слабы, кончались. Он посидел с каждым, вглядывался в бледные влажные от испарины лица, сказал ободряюще, что они сегодня держались превосходно. Он знал, что за этими его простыми словами открывается широкая дорога, по которой прошли все русские офицеры, и те, чьи имена высечены золотом на мраморных досках храма Христа Спасителя, и те, кто легли в землю не на полях

Отечественной войны 1812 года, а все же — за Отечество.

Жалко было юных прапорщиков. Но делать нечего, следовало позаботиться о других солдатах.

Врачи волновались, просили вывести из дома всех здоровых. Он подумал: оборонять дом? Отпустить? Как лучше?

Улица бурлила, еще сильнее собирала злобу. У нее была какая-то бесовская мощь, неодолимая ни словом, ни страхом. Это не фронт, это не имело названия. Разве беспорядки на железной дороге в Чите и Красноярске, когда молодой поручик Кутепов возвращался из Маньчжурии, могут с этим сравниться? Не могут. Там он легко справился, солдаты были что надо. Здесь же — не было тех солдат, вот в чем дело. Не было и гвардии.

И Кутепов решил отпустить здоровых бойцов. Поблагодарил их за честное до конца исполнение долга и приказал: оставить винтовки на чердаке, расходиться малыми группами со своими унтер-офицерами.

Толпа все гудела, слышались угрозы Кутепову. Ему тоже предложили переодеться в штатское и покинуть дом, пока не поздно. Как, в штатское? Он наотрез отказался. Послал двух унтеров посмотреть, может ли он незаметно покинуть дом. Но у всех выходов стояли вооруженные рабочие, ждали полковника.

Наступала ночь. Кутепов отпустил последних унтер-офицеров и остался один, решив спокойно ждать, что будет дальше. Он задремал в кресле. Поздно ночью его разбудил ефрейтор учебной команды преображенцев, которого послал подпрапорщик Лисов с комплектом солдатского обмундирования, чтобы полковник мог переодеться и ускользнуть. Может быть, это был последний шанс.

«Но мне был противен какой-либо маскарад, и я отказался», — напишет в 1926 году генерал Кутепов.

Почему же «маскарад»? Ведь сейчас его растерзают!

Между тем восставшие овладели почти всей правобережной частью города, а также Литейной и Рождественской частями. Таврический дворец, в котором заседала Дума, тоже был захвачен.

Дума как реальная политическая величина перестала существовать. Но от ее имени рассылались по стране телеграммы, изображая положение в выгодном для восставших виде.

Вскоре рабочая группа Военно-промышленного комитета была освобождена из тюрьмы «Кресты». Совместно с депутатами-социалистами и несколькими большевиками был образован Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, по всем заводам разосланы агенты, чтобы там немедленно проводили выборы в Совет, заседание которого назначалось на семь часов вечера. Восставшие самоорганизовывались.

Один из руководителей ВПК инженер Петр Пальчинский догадался открыть в помещении Думы столовую для взбунтовавшихся солдат и распорядился реквизировать продовольствие «для нужд революции». Таврический дворец стал притягательным еще и на утробном уровне.

А что правительство? Оно все не понимало обстановки. Министры думали: надо уступить давлению Думы, поменять неугодного ей министра внутренних дел Протопопова, убеждали того сказаться «больным». Последнее царское правительство обнаружило свое полное ничтожество.

Происходившее точно укладывалось в философскую формулу Владимира Вейдле: «Лучшей гарантией успеха было для революции истребление правящего и культурного слоя, и эту гарантию Ленин от народа получил».

Еще бьется Кутепов, еще хлопочут думцы, воображая себя создателями новой власти, еще в

Зимнем дворце есть около полутора тысяч верных солдат...

А тем временем Исполнительный комитет уже провел первое собрание Совета, получил поддержку представителей восставших полков, которым не было пути назад, избрал Исполнительный комитет, куда преимущественно вошли сторонники поражения России в войне, стал готовить выпуск «Известий Совета» и манифест.

Из Зимнего правительственные войска переходят в Адмиралтейство (чтобы не подвергать опасности обстрела ценности Эрмитажа), из Адмиралтейства тоже уходят (морской министр Григорович просил пожалеть «ценные кораблестроительные чертежи»), — и потом эти части исчезают.

Справедливости ради, надо отметить, что существует версия о заговоре английского посла Дж. Бьюкенена, который планировал организацию дворцового переворота, опираясь на Прогрессивный блок Думы. Приводим запись из дневника генерала Жанена от 7 апреля 1917 года: «Долгий разговор с R., который подтверждает то, что недавно сказал мне М. Посетовав, что Германия ненавидит его самого и всю его семью, он заговорил о революции, которую, заявил он, устроили англичане, а именно сэр Джорж Бьюкенен и лорд Мильнер. Петроград в это время кишел англичанами... Он утверждал также, что мог назвать улицы и номера домов, в которых квартировали британские агенты. Им было приказано во время восстания раздавать деньги солдатам и подстрекать их к мятежу. Он самолично видел на Миллионной улице людей, бывших, как он точно знал, британскими агентами, которые раздавали 25-рублевые купюры солдатам Павловского полка, переодетшимся несколькими часами ранее в гражданскую одежду и примкнувшим к бунтовщикам».

У Солженицына об этом написано так:

«Бьюкенен давно перешагнул все дипломатические приличия и правила. Он открыто сближался со всеми врагами трона, дружески принимал Милюкова, обвинившего императрицу в измене союзному делу, у него в посольстве думские вожди и даже великие князья заседали, злословили, обсуждая интриги против Их Величеств, если не заговоры».

Это, конечно, не документ, а своеобразная версия, взгляд на ситуацию глазами Николая II. Верно только общее направление, противостояние монархии и оппозиционного думского Прогрессивного блока, заинтересованность союзников в том, чтобы, отстранив царя, склонного, как они считали к заключению сепаратного мира, сохранить русский фронт, оттягивающий на себя почти половину немецких армий.

Здесь надо признать, что содействие англичан смещению царя и содействие Германии большевикам — это только фрагменты общей картины.

Впрочем, эгоистические действия союзников в отношении России объяснялись не злокозненностью, а тем, что они сами, по выражению бывшего кутеповского учителя генерала Н. Н. Головина, «продолжали вести борьбу не на жизнь, а на смерть». «В этих условиях национальный эгоизм, свойственный британской, а особенно французской политике, проявился с особенной силой»^{25}.

Русская трещина — это было внутри русских. Милюков назвал февральские события «самоликвидацией старой власти». Многое говорит о том, что он прав.

Мы оставили полковника Кутепова одного в маленькой гостиной в доме на Литейном проспекте. Почти обреченного.

Послушаем его голос:

«Проснувшись утром 28 января довольно поздно и напившись чаю, который мне дали во временном лазарете, я подошел к окну «своей» маленькой гостиной и увидел Литейный проспект, сад Собрания Армии и Флота и угол Кирочной улицы — всюду бродили вооруженные рабочие, не спускавшие глаз с окон дома гр. Мусина-Пушкина. В это время из-за угла Кирочной улицы выехали две броневые машины и два грузовика. Все они были наполнены вооруженными рабочими, среди которых было несколько солдат. Машины остановились посреди Литейного проспекта, и рабочие, соскочив с них, начали галдеть, все время показывая на окна. В этом приняли участие и гуляющие по Литейному рабочие. Затем, направив пулеметы на окна верхнего этажа дома, все они пошли к подъезду.

В это время ко мне в гостиную вбежала сестра милосердия и стала уговаривать меня надеть халат санитаря, так как, по ее словам, приехали рабочие и солдаты, чтобы убить меня. Попросив ее оставить меня одного в гостиной, я сел на маленький диванчик в углу и стал ждать прихода представителей новой власти.

Гостиная, бывшая длиной меньше восьми шагов и шириной шагов в пять, имела двое дверей — одни вели в ряд комнат, идущих вдоль Литейного проспекта, другие, обращенные к окнам, выходили на площадку вестибюля. Напротив первых дверей было большое зеркало на стене, напротив вторых — тоже зеркало между окнами. Сидя в углу, я видел, как по комнатам бежали двое рабочих с револьверами в руках. Случилось так, что на порогах обеих дверей моей комнаты одновременно появились рабочие с револьверами в руках. Посмотрев друг на друга и увидя, в зеркалах, вероятно, только самих себя, они повернулись и ушли, не заметив меня»^[26].

Кутепова спасло необъяснимое чудо. Ему не на что было надеяться. Он был готов к смерти, помолился Богу

и подумал о самом для себя главном, о настроении частей на фронте, о том, что они вскоре наведут в Петрограде порядок. Будучи бессилён повлиять на судьбу, он мысленно продолжал борьбу.

Двадцать восьмого февраля восстание перекинулось на окрестности города. В Кронштадте оно было особенно жестоким: убили адмирала Вирена и десятки офицеров. В Царском Селе разгромили все винные склады. Что же касается охраны царской семьи, то ее сотрудники объявили нейтралитет.

С. С. Ольденбург бесстрастно повествует: «Солдатская масса, лишённая офицеров, обратилась в вооруженную толпу, одинаково готовая разорвать на части всякого «недруга» и разбежаться во все стороны при первом залпе...»

В это время Николай II решает направить в столицу по две кавалерийские дивизии, по два пехотных полка и пулеметные команды с каждого фронта. Все окружение царя ратовало за уступки, но царь считал, что уступки только придадут восставшим больше уверенности в своих силах и безнаказанности.

Николай II тут же выезжает в Царское Село, покидая Ставку, где он был под непробиваемой броней всех вооруженных сил России, и бросает себя в пучину хаоса. Можно понять его тревогу за семью, но положение главнокомандующего, не говоря уже о положении главы государства, обязывало принимать более продуманные решения. Отъезд из Ставки оказался роковым шагом.

В его представлении Россия была страной, где жили крестьяне Штукатуровы, верные Отечеству солдаты и офицеры, подчиняющиеся законам империи промышленники, и, самое главное, она управлялась свыше традициями православия, которые проводил он, православный царь. Но на самом деле этого уже не было. И он сам стал главным преобразователем

государства, когда создал парламент и поддержал реформы Столыпина. Но выйти из границ своего миропонимания он не смог и поэтому превратился в заложника своей ментально находящейся в прошлом веке семьи и жаждущей больших прав промышленно-финансовой элиты.

Во вторник 28 февраля царь покинул Ставку, а в четверг 2 марта ему предстояло подписать манифест об отречении от престола.

Пока он находится в пути между Петроградом и Ставкой, все нити управления в руках начальника штаба Алексеева. К нему поступают сведения об успокоении в столице, которым он верит.

То, что произошло в последующие два дня, полностью подтвердило непонимание характера событий ни императором, ни его генералами, которые верили, что уступками думской оппозиции можно избежать гражданской войны и удержать порядок. Они разыгрывали привычную комбинацию «правительство — дума», то есть «бюрократия — промышленники — интеллигенция», где вправду можно было бы найти компромисс.

Они хотели заштопать прореху, не замечая пропасти.

Первого марта Николай II прибыл в Псков, где размещался штаб Северного фронта.

Генерал Алексеев в Ставке и генерал Рузский в Пскове считали, что надо отменить посылку верных войск в Петроград.

Свое особое мнение генерал Н. Н. Рузский выразил свите государя весьма открыто. «Остается, — сказал он, — сдаваться на милость победителей», считая, что «победители» — это Думский блок, так называемый Прогрессивный, в который входили конституционные

демократы, промышленники, руководители военно-промышленных комитетов.

В устах генерала слова о сдаче были признаком формального предательства.

Тем временем верные войска двинулись на мятежную столицу.

Батальон георгиевских кавалеров с генералом Н. И. Ивановым во главе вечером 1 марта достиг Царского Села. Железнодорожников они приводили в чувство одной угрозой полевого суда, на ближних к столице станциях усмиряли революционных солдат, ставя их на колени.

Полки Северного фронта, 67-й и 68-й, выдвинулись к городу. С других фронтов продолжали идти надежные полки.

Вечером 1 марта Николай II и генерал Рузский разговаривали в течение нескольких часов. Этот разговор все решил.

Но еще во время беседы от имени царя из штаба Рузского была послана генералу Иванову телеграмма: «Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать». Тогда же генерал Рузский остановил отправку войск Северного фронта и повернул обратно уже двигавшиеся в столицу части. Еще до этой встречи Ставка распорядилась отправляемыми частями Западного и Юго-Западного фронтов: остановиться, движения не производить «до особого уведомления».

Долгий разговор государя с генералом закончился согласием Николая на формирование правительства из членов Думы.

Но поскольку Дума не имела реального влияния на революционные события и ею только прикрывался Совет рабочих депутатов, опирающийся на взбунтовавшиеся запасные батальоны, согласие царя означало просто капитуляцию.

Он не знал, что подписывает себе смертный приговор. И всей империи.

Он стремился избежать ненужного кровопролития. Он предполагал, что государство останется конституционной монархией.

Второго марта, оказалось, положение в Петрограде таково, что требовалось отречение императора.

Генерал Алексеев запросил по этому поводу мнение всех командующих фронтами. Он сопровождал запрос таким заключением: «Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения. Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии».

Командующие согласились с Алексеевым. Только один командующий Черноморским флотом адмирал А. В. Колчак решился возразить.

Алексеев разочаровался в своих надеждах уже на следующий день. Он заявил: «Никогда не прощу себе, что поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграмму Главнокомандующим по вопросу об отречении Государя от Престола».

Впоследствии и Рузский выражал такие же мысли.

«Кругом измена и трусость и обман», — записал Николай II в своем дневнике 2 марта 1917 года.

Российская империя сошла с исторической сцены. Ее эпоха была яркой и славной. Ее культура, ее храмы, ее военные победы сделали ее великой. И вот ее не стало. Устранением монархии был нанесен сокрушительный удар авторитету и цементирующей способности имперского центра, объединявшего многонациональные территории. Замена имперского принципа идеей национальной России оборвала взаимосвязь между центром и окраинами, которые держали

государственное здание. Взамен общегосударственного принципа родилась идея договорных отношений между разными частями державы. «Навыки и приемы императорской России были не по плечу ее наследникам»^{27}.

Один из прощальных гимнов в честь Российской империи принадлежит Уинстону Черчиллю, тогдашнему английскому военному министру:

«Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду. Она уже перетерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена...

Согласно поверхностной моде нашего времени царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен был бы исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна.

В управлении государством, когда творятся великие события, вождь нации, кто бы он ни был, осуждается за неудачи и прославляется за успехи. Дело не в том, кто проделывал работу, кто начертывал план борьбы; порицание или хвала за исход довлеют тому, на ком авторитет верховной ответственности. Почему отказывать Николаю II в этом суровом испытании?.. Бремя последних решений лежало на нем. На вершине, где события превосходят разумение человека, где все неисповедимо, давать ответы приходилось ему. Стрелкою компаса был он. Воевать или не воевать? Наступать или отступать? Идти вправо или влево?

Согласиться на демократизацию или держаться твердо? Уйти или устоять? Вот поля сражений Николая II. Почему не воздать ему за это честь? Самоотверженный порыв русских армий, спасший Париж в 1914 году; преодоление мучительного бесснарядного отступления; медленное восстановление сил; брусиловские победы; вступление России в кампанию 1917 года непобедимой, более сильной, чем когда-либо; разве во всем этом не было его доли? Несмотря на ошибки, большие и страшные, — тот строй, который в нем воплощался, которым он руководил, которому своими личными свойствами он придавал жизненную искру — к этому моменту выиграл войну для России.

Вот его сейчас сразят. Вмешивается темная рука, сначала облеченная безумием. Царь сходит со сцены. Его и всех его любящих предают на страдание и смерть. Его усилия преуменьшают, его действия осуждают, его память порочат... Остановитесь и скажите: а кто же другой оказался пригодным? В людях талантливых и смелых, людях честолюбивых и гордых духом, отважных и властных — недостатка не было. Но никто не сумел ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависела жизнь и слава России. Держа победу уже в руках, она пала на землю, как древле Ирод, пожираемая червями».[{28}](#).

Глава девятая

КАК РОДИЛАСЬ БЕЛАЯ ИДЕЯ

Власть в столице перешла к восставшим, но у них не было надежды ее удержать. Даже решение Совета рабочих и солдатских депутатов не отправлять петроградский гарнизон на фронт не делало этих солдат боеспособными в сравнении с фронтовыми частями. Нужен был решительный удар, который мог бы отсечь армию от офицеров, — и тогда бы положение изменилось.

Такой удар был сделан. 2 марта был опубликован «Приказ № 1» в целях «обеспечения интересов революционных солдат». Солдатам предписывалось избирать полковые, батальонные и ротные комитеты, выбрать депутатов в Совет, в политических делах слушаться только Совета и своих комитетов, думские приказы исполнять только тогда, когда они не противоречат решениям Совета, держать оружие в распоряжении комитетов и ни в коем случае не выдавать его офицерам, даже по их требованию. Было объявлено равноправие солдат и офицеров вне строя, отменены отдание чести, титулование.

Это был безотказный прием для опрокидывания царской армии. Его мгновенное разрушительное действие ярко показало, как введение «равенства» уничтожает понятия чести и патриотизма, сменяя власть дисциплины властью низменных инстинктов, хулиганства и демагогии.

В стратегическом отношении уже не имело большого значения то, что Временное правительство выступило за верность союзническим обязательствам и продолжение войны. Война только усугубила разложение армии. За что воевать?

В Петрограде Кутепов избежал гибели. Его пытались арестовать у Преображенских казарм, на квартиру к его сестре трижды являлись матросы, но он ускользнул.

Он еще пытался что-то изменить, заходил в офицерское собрание полка, в штаб округа, в Зимний, в Думу, пока наконец 92

не понял, что здесь все поражено смертельной болезнью, и тогда уехал из столицы первым попавшимся эшелонам на фронт. В Твери его чуть было не арестовали, он снова ушел, выскочив из набирающего ход поезда.

До полка, стоявшего в Волынской губернии на Ковельском направлении, добрался благополучно.

Второго апреля командира преображенцев генерал-майора Дрентельна зачислили в резерв, а Кутепов был назначен командиром полка.

На фронте было еще тихо, солдаты ограничивались разговорами, размышлениями. Запланированное на лето наступление еще казалось реально исполнимым.

Но день за днем с тыла проникал «новый порядок», освобождающий солдат от дисциплины. Солдатские комитеты набирали силу, заставляли с собой считаться даже стойких людей. Через комитеты просачивалась надежда не быть убитым, избежать тяжелой работы, ведь больше нет царя-батюшки, а офицеры — слуги старого режима, угнетатели народа, с ними незачем считаться, а будут лезть и толкать под немецкие пули, так теперь можно их крепко прижать.

В полк прибыло пополнение из «революционных» маршевых рот, и один из прибывших сразу на заседании полкового комитета неожиданно задал смертельно опасный вопрос: а что делал наш командир в Петрограде 27 и 28 февраля и не стрелял ли он там в народ?

По смыслу вопроса следовало без излишних разговоров предать полковника Кутепова революционному суду.

Офицеры, члены комитета, возмутились и, заявив о полной солидарности офицеров полка со своим командиром, потребовали этот вопрос снять с обсуждения, в противном случае они покинут комитет.

Вопрос сняли, но не из-за позиции офицеров, а из-за выступления ротного писаря Ивана Богового, который когда-то служил под началом ротного командира Кутепова. Этот писарь был эсер по партийной принадлежности и чрезвычайно революционно настроенный.

— Такие люди, как полковник Кутепов, нам нужны! — сказал он. — Да, он не наш. Но он честный и правильный человек. Ему нельзя ставить в вину, что он поступал по своей совести. Старые солдаты его знают. С ним не пропадешь.

На этот раз Кутепова отстояли.

Далеко не у всех офицеров первое же столкновение с новой реальностью заканчивалось мирно.

«Один полк был застигнут праздником святой Пасхи на походе. Солдаты потребовали, чтобы им было устроено разговение, даны яйца и куличи. Ротные и полковой комитет бросились по деревням искать яйца и муку, но в разоренном войною Полесье ничего не нашли. Тогда солдаты постановили расстрелять командира полка за недостаточную к ним заботливость. Командира полка поставили у дерева, и целая рота явилась его расстреливать. Он стоял на коленях перед солдатами, клялся и божился, что он употреблял все усилия, чтобы достать разговения, и ценою страшного унижения и жестоких оскорблений выторговал себе жизнь. Все это осталось безнаказанным, и казаки это знали»^{29}.

О каких боевых действиях можно было говорить? О какой службе? О какой дисциплине? Приказы

командиров делились на «боевые» и «небоевые», их могли всегда отменить решением комитета. Достаточно было любому солдату, даже самому негодному, заявить, что назначенное учение или работы — это возвращение к старому режиму, как они отменялись.

Но воевать как-то надо было.

В один из ясных теплых дней Кутепов сидел на опушке возле дерева, прислонившись спиной к стволу, и грустно смотрел вдаль, на болотистую долину, за которой располагался его полк. Рядом с ним расположился полковой адъютант капитан Малевский-Малевич. Ординарцы держали лошадей. Из-за болота доносились крики. Предстоял переход полка на новые позиции вместе со всем Гвардейским корпусом, приближалось наступление.

О чем думал Кутепов? Наступление было обречено, никакое чудо не могло переломить судьбу. Он был спокоен, ибо, давно переломив страх смерти, философски смотрел на многое.

Подъехал молодой поручик Владимир Дейтрих и сообщил, что в полку идет дивизионный митинг.

— Поедем, посмотрим, — сказал Кутепов и сел на коня.

И снова, как в рассказе Краснова, лесная поляна, возбужденные солдаты нескольких полков, сбивчивые речи, разрастающаяся стихия самоуправства. Появление Кутепова вызвало отрезвление многих преображенцев и злобу солдат из 2-й дивизии, находившихся здесь.

Кутепов шел в центр толпы. Она расступалась перед его бесстрашием и волей. Раздался крик:

— На штыки Кутепова!

Поднялось несколько винтовок с примкнутыми штыками. Крик повторился, и винтовок поднялось больше. Волна злобы накатывалась на небольшую группу офицеров.

Может быть, кто-то вспомнил, как два года назад Кутепов вел 1-й батальон под артиллерийским огнем, молча, не пригибаясь и не ложась, лишь затягивая образовавшиеся от огня разрывы в цепях. Величие и страшная простота той атаки были незабываемы.

И вот взвинченная, с каждым новым криком возбуждающаяся все сильнее толпа захлестывает Кутепова. Еще секунда — и он пропал.

Кутепов словно вырастает над солдатами, его темные глаза загораются решимостью боя, и он громко, перекрывая шум толпы, восклицает:

— Преображенцы, ко мне!.. Преображенцы, выдадите ли вы своего командира?

И словно скала поднялась над волной злобы. В одну минуту вокруг него встали десятки солдат, нет, уже не десятки — сотни, и произошло чудо, полк сомкнулся вокруг командира.

Надолго ли?

В мае на Офицерском съезде в Могилеве генерал Деникин выступил со страстной речью в защиту офицеров:

«Проживши с вами три года войны одной жизнью, одной мыслью, деливши с вами и яркую радость победы, и жгучую боль отступления, я имею право бросить тем господам, которые плюнули нам в душу, которые с первых же дней революции свершили свое каиново дело над офицерским корпусом... я имею право бросить им:

— Вы лжете! Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником.

Забитый, загнанный, обездоленный не менее, чем вы, условиями старого режима, влача полунищенское существование, наш армейский офицер сквозь бедную трудовую жизнь свою донес, однако, до Отечественной войны — как яркий светильник — жажду подвига. Подвига — для счастья Родины.

Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни:

— Берегите офицера! Ибо от века и доныне он стоит верно и бесменно на страже русской государственности. Сменить его может только смерть»[{30}](#).

Призыв Деникина ничего не изменил и никого не спас, только показал всему офицерскому корпусу, что есть прямые и твердые офицеры. Во время смуты и это было важно.

Шестнадцатого июня 1917 года началось последнее русское наступление. 25 июня 8-я армия генерала Корнилова прорвала фронт примерно на 30 километров, были заняты города Калуги и Галич, взяты десятки тысяч пленных. Планировалось, что ударная группа 6-й и 11-й армий войдет в этот прорыв. Но случилось иначе.

Разложение настолько глубоко проникло в солдатскую массу, что она предпочитала боевым действиям митинговые обсуждения приказов. Как только австрийцы получили подкрепление более сильными германскими частями и двинулись в контрнаступление, русские корпуса и дивизии покатались назад.

После ночного боя 6-я Сибирская дивизия отступила левым флангом, загнув его, и туда, как в дыру, хлынул противник. У него была ближайшая цель — захватить местечко Езерно, где находились огромные фронтовые склады Юго-Западного фронта, и выйти в тыл 8-й армии, сосредоточенной на Тарнопольском плацдарме.

Преображенский полк в составе Петровской бригады стоял в резерве в Тарнополе.

Шестого июля Верховный главнокомандующий приказал для ликвидации прорыва направить из резерва фронта Петровскую бригаду (преображенцев и семеновцев). В обед Кутепов собрал офицеров и отдал

приказ незаметно подготовиться к срочному выступлению. Полк по тревоге был построен, у солдат при себе не было ранцев, одни подсумки. Собирался дождь, низкие тучи не обещали легкого перехода.

Кутепов сказал речь, которая была проста и понятна всем: только победа даст свободу Родине. Он закончил такими словами:

— С вами говорит ваш старый командир для того, чтобы вы не могли потом сказать, что он не предупредил вас в грозную минуту. Россия в опасности. Все простить можно. Нельзя простить предательства. Преображенцы предателями не были. Пусть шкурники остаются — они не нужны. Полк сейчас выступит и пойдет со мной. В ружье!

Хлынул ливень, словно природа предупреждала о тяжести предстоящего пути. Полк развернулся и двинулся ровным маршевым шагом. Шли целую ночь, промокшие и озябшие.

На рассвете вошли в деревню Мшаны. На обочине, верхом на коне, Кутепов пропускал мимо себя уставших солдат. Увидев отстающих, сбивающихся с ноги, громко подбадривал:

— Эх, Федора Ивановна, неужто заморился!

Эти знакомые немудреные слова действовали на людей, как приближающийся родной дом на путника. Солдаты поднимали головы, улыбались командиру и «давали ногу».

— Спасибо, братцы, за переход!

— Рады стараться! — гремело в ответ.

Светало. Квартирьеры разводили людей по домам, можно было высушиться и поспать.

Но Кутепову было не до сна. В деревне стоял штаб 3-й пехотной дивизии, чьи окопы находились в нескольких верстах впереди деревни вместе с окопами 176-й пехотной дивизии. Было тихо. Судя по карте, прямой угрозы со стороны противника еще не наблюдалось.

Однако Кутепов не обращает внимания ни на тишину, ни на усталость и приказывает команде конных разведчиков скакать на передовую, проверить позиции, подступы к ним и дух тех частей.

Только после этого он прилег.

Взошло солнце. На площади у церкви разорвалась очередь шрапнели. Кутепов выскочил на улицу. К нему скакал разведчик: немцы в версте от деревни! Разведчики наткнулись на германские цепи, которые они сперва приняли за отходящие части 176-й дивизии. Стало понятно, что дивизия ночью оставила позиции.

Преображенцы не отойдут. Кутепов командует 2-му и 3-му батальонам контратаковать немцев, обеспечить фланги и пулеметами прикрыть переправу через гать позади деревни. С юго-западной окраины Мшан потянулась пехота 3-й дивизии. Больше впереди никого не было. Только пулеметные команды и две батареи остаются от ушедших помогать преображенцам. В несколько минут уставшим солдатам надо прийти в себя, изготовиться к бою, занять позиции. А немцы уже в деревне. Кутепов ждет. К нему подбегают связные:

— Батальон по тревоге поднят! К атаке готовы!

— Готовы!

— Готовы!

Со стороны 3-го батальона слышатся звуки трубы, играющей сигнал атаки. Сигнал принимают трубачи 2-го батальона. В утреннем, еще не разбитом выстрелами воздухе летит команда: «Слушайте все!» Эхо подхватывает, стихает. И снова двенадцать труб повторяют сигнал.

Из дневника боевых действий Преображенского полка:

«...Противник встал во весь рост и, косясь головами своими в сторону стрельбы и движения в направлении 3-го батальона, уверенно шел на нас, тысяча людей готовы так же встретить его... Цепи идут одна за

другой. Видны винтовки без штыков и темнеет в цепях краска его пулеметов... Построение баталиона и все события продолжались секунды, быть может минуты. Я торопил пятую роту и баталион... Вдруг подбегает баталионный штаб-горнист... «Ваше Высокоблагородь, в третьем баталионе играют атаку — слышно в ротах принимают — прикажите принять баталиону?» Я к Швецову, быстрый ответ: теперь близко подпущены — прикажи принять... быстро выбежали горно-флейтисты в самую грязь на середину дороги... затрубили горны баталиона «слушайте все». Эхом отдалось «слушайте все» в утреннем воздухе где-то на буграх, а быть может и в сердцах цепей 8-го гренадерского Имени Императора Александра I Баварского полка. Затем могучие звуки двенадцати горнов, прозвучали сигналы атаки... Послышались команды, затопала тысяча ног, задвигались... 7-я и 8-я роты бросились через заборы, плетни, через переулки — вперед... Не выдержали. Раздалось могучее «ура». Подхватил весь баталион. Закричали на месте резервы и инстинктивно помимо всякой команды устремились туда же».

Двумя короткими контратаками Кутепов отбросил наступающих версты на две от деревни. На преображенское «ура!» отозвались роты, стоявшие в резерве, и без команды ринулись на поддержку своим. Но ведь общая задача — это оборона. Надо остановить немцев, пока не взорвут склады в Езерно и не перегруппируются войска. И Кутепов понимает, что порыв преображенцев скоро будет остановлен, придется отступать, как это ни горько.

Он поднимается на колокольню, лестница скрипит под его тяжелым телом. Ему тридцать пять лет, он могуч и бесстрашен, он командует первым полком России. Но Россия больна!

С колокольни было видно, что немцы обтекают Мшаны справа и слева, собираются выйти в тыл. Надо

отводить оба батальона назад. В голове Кутепова проносятся, как видения, сцены этого отступления: на плечах преображенцев немцы должны ворваться в деревню, а узкая переправа по гати не успеет пропустить его полк.

Отступать нельзя! И отступать надо. Нужна жертва. Как всегда на войне, необходимо пожертвовать частью людей и не дать погибнуть другим. Без колебаний. На то он и командир.

План Кутепова прост, но для его успеха от обреченной части требуется не просто стойкость, а героизм.

Полковник вывел находившийся в резерве 1-й батальон вперед к отступающим и приказал рассыпаться по волнистому гребню и держаться во что бы то ни стало, пока полк не оттянется, и, пропустив эти части через себя, прикрывать их отход, сдерживая наступление немцев с фронта. Затем начать собственный отход, перекатываясь назад от рубежа к рубежу.

Кутепов остается с 1-м батальоном. Постепенно отходят 2-й и 3-й, все тяжелее бой для остающейся части.

Люди устали. Палит солнце, хочется пить. Надолго ли хватит силы духа? Но Кутепов обходит залегший батальон — прямо по гребню, под выстрелами, идет вместе с адъютантом полка Малевским-Малевичем и офицерами штаба. Зачем он так рискует? Но солдаты на него смотрят и начинают приходить в себя, загораться злым огнем боя. Ротные командиры встречают Кутепова, каждый на своем участке, докладывают ему и провожают, идя рядом во весь рост. Вокруг ложатся пули. Кутепов продолжает идти, не обращая внимания на обстрел, останавливается, делает замечания солдатам. Разрыв снаряда чуть ли не у самых ног Кутепова. Полковник отброшен на несколько шагов. По

окопам проносится: «Командир убит!» Все его спутники — лежат. Но снова происходит чудо: через несколько секунд павшие оживают, Кутепов встает и идет дальше, продолжая свой страшный обход. Только один из сопровождавших офицеров — Мещеринов никогда уже не встанет. Судьба выбрала его.

А батальоны отходят, отбиваются отседающих немцев вот уже гранатами и даже прикладами. Немцы вцепились в них, не дают оторваться, чтобы за их спинами ворваться на гребень. Но нет, не получается опрокинуть преображенцев, обратить их в бегущую толпу. Те отступают в полном порядке, впереди несут тела погибших офицеров и раненых.

Что за молодцы эти солдаты! Нет, еще не все потеряно, еще можно возродить армию. А возродится армия, спасется и Россия.

«Вот перед залегшим батальоном уже нет никого из своих. Кутепов командует пулеметам открыть огонь, и бросившиеся было вперед баварцы отброшены. К 15 часам 2-й и 3-й батальоны подошли к д. Мшаны и заняли позицию, дав тем самым возможность батальону семеновцев, находящемуся под командой капитана Смарчевского, отойти. Долго семеновцы не хотели уходить, желая сменить остатки двух преображенских батальонов и собой прикрыть дальнейший отход. Но находившийся в деревне командир 3-го преображенского батальона, как старший, приказал немедленно оттягивать 2-й семеновский батальон через гать.

В 15 ч. 30 м. через гать отошел 3-й батальон преображенцев под командой полковника Квашнина-Самарина, — унося с собой последних оставшихся в деревне раненых.

В 16 часов остатки второго батальона, в последний раз перейдя в контратаку и отбросив нападающего противника и унося и прикрывая идущих раненых, под

командой капитана Зубова, медленно стали отходить за гать.

Противник, войдя в деревню, мог вперед броситься только через гать — где и был встречен огнем восьми пулеметов 2-го батальона. С высоко поднятыми головами проходили цепи 2-го батальона через позицию, занятую полком. Впереди окопавшегося полка стоял полковник Кутепов. Ни у него, ни у людей 2-го батальона, вышедших только что из тяжелого боя, негнулись головы, когда неприятельские снаряды взрывались вокруг их и рвались по позиции. Слышно было: «Спасибо братцы второй батальон!» «Рады стараться Ваше Высокоблагородие!» — на этот раз был ответ. «Господин полковник» и Керенский — были забыты.

Итоги боя 7 июля: Действиями Петровской бригады 48 часов времени было вырвано из рук германцев, — Езерно успели минировать и к вечеру этого же дня взорвать на воздух, — части 8-й армии успели быть оттянуты на новые позиции и большая часть тяжелой артиллерии была снята с позиций и отведена в тыл. К итогам надо также отнести и потери Петровской бригады. Из батальонов бригады 2-й батальон преображенцев потерял около 600 н/ч., 3-й батальон преображенцев — 400 н/ч., 1-й и 4-й батальоны преображенцев — около 300 н/ч. 15 преображенских офицеров выбыло из строя; 5 преображенских офицеров, павших со славой, были донесены до церкви в д. Мшаны, где артиллерийским огнем большая часть носильщиков была перебита. По приказанию они были внесены в церковь и на груди каждого положена была записка: «полк, чин, фамилия, пал за Родину».

За огромной убылью в людях, — вынести их с поля боя не удалось.

Тяжелой ценой, в дни «углубления революции», — поддержана была старая слава и воинский долг

батальонами Петровской бригады»^{31}.

В сообщении Ставки от 7 июля 1917 года говорилось: «...на Юго-Западном фронте при малейшем артиллерийском обстреле наши войска, забыв долг и присягу перед Родиной, покидают свои позиции. На всем фронте, только в районе Тарнополя, полки Преображенский и Семеновский исполняют свой долг».

Благодаря действиям Преображенского полка германское наступление было задержано надвое суток, склады в Езерно успели минировать и взорвать, 8-я армия была передислоцирована, тяжелая артиллерия отведена в тыл.

Преображенцы положили на это 1300 солдатских жизней и 15 офицерских, хотя, конечно, они все были равны перед Богом.

За этот бой Георгиевская дума представила Кутепова к ордену Святого Георгия 3-й степени. Получив его, он должен был сравняться с такими выдающимися генералами, как Деникин, Корнилов, Каледин. Но к тому времени главное противоречие исторического момента — противостояние армии и революционной перестройки — достигло предела. Наградное представление Кутепова не дошло до правительства.

В июле 1917 года социально-экономическое положение России еще более ухудшилось. В металлургии по сравнению с февралем производство упало на 40 процентов, в текстильной промышленности — на 20; росли безработица, инфляция, преступность.

Нехватка продовольствия сильнее всего ударила по людям с низкими доходами, которым не были доступны продукты на черных рынках и в обычных продовольственных магазинах, где цены неуклонно росли. В начале августа стало ясно, что зимой половина петроградских предприятий из-за отсутствия топлива остановится.

Экономика по-прежнему сползала в пропасть, теоретически остановить падение могли только диктатура, устранение большевиков и проведение реформ под силовым прикрытием. Впрочем, на реформы в духе Витте и Столыпина времени не оставалось. Реформаторская российская социал-демократия (по западноевропейскому образцу) оказалась бессильна перед наползающим на нее общинным крестьянским валом. К лету 1917 года Россия разорвалась по швам, стягивающим ее различные культурно-цивилизационные основания: петровская, дворянско-буржуазная культура — в одну сторону, допетровская, объединяющаяся с радикальной частью дворянско-буржуазной, — в другую. (В целом, с февраля по октябрь 1917 года в стране было собрано всего треть подоходного налога, что свидетельствовало об одном — предприниматели не поддерживали Временное правительство.)

В ночь с 7 на 8 июля генерал Корнилов вступил в командование Юго-Западным фронтом. Это произошло благодаря решительному требованию комиссара фронта Бориса Савинкова, известного эсера, в прошлом — террориста, руководителя Боевой организации партии эсеров, на чьем счету покушения на министра внутренних дел Плеве, великого князя Сергея Александровича и десятков, если не сотен, других высших лиц и руководителей Российской империи. Но времена изменились, и Савинков выступал за «необходимость твердой революционной власти, осуществляемой Временным правительством». Он объяснял, что его настойчивость вызвана к тому же и симпатией к личности Корнилова, который является наиболее подходящим человеком для восстановления дисциплины в армии.

Став командующим фронтом, Корнилов на следующий же день послал Верховному главнокомандующему Брусилову, министру-

председателю Львову и военному министру Керенскому телеграмму. Для приведения частей в боеспособное состояние он потребовал введения на фронте смертной казни, милитаризации тыла, создания концентрационных лагерей, запрета митингов, демонстраций и забастовок. В той или иной степени все это уже применялось в Европе. Керенский колебался. На открывшемся 2 августа в Москве Государственном совещании войсковой атаман Донского казачьего войска генерал А. М. Каледин высказал требование военных: «Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и Советами должен быть немедленно и резко поставлен предел».

Обозначилась война армии с безвластием, что и следует считать началом рождения Белой идеи. Ее корни были в преобразованиях Петра Великого, который проводил модернизацию страны, опираясь на военные структуры, делая офицера проводником навязываемых патриархальному обществу реформ. Понимание своей ответственности за судьбу государства всегда было присуще офицерскому корпусу, и во время Первой мировой, или, как тогда говорили, «Великой войны», оно вылилось в офицерское сопротивление развалу.

Керенскому не пришлось выбирать, надо было как-то останавливать беспорядочное отступление армии. Он телеграфировал: «Приказываю остановить отступление во что бы то ни стало, всеми мерами, которые вы признаете нужными...»

Получив телеграмму, в тот же день, 9 июля, Корнилов приказывает всем строевым начальникам в случае самовольного отхода войсковых частей открывать по ним огонь из пулеметов и орудий. Дезертиры расстреливались. Генерал Брусилов поддерживает эти меры. Керенский — тоже. 12 июля закон о смертной казни на фронте принят и немедленно введен в действие по телеграфу.

Для большинства солдат, для солдатских комитетов имя Корнилова отныне связано с жестоким наведением порядка. Закон, однако, не отменял и не мог отменить самих комитетов, не мог повернуть к обычному армейскому единоначалию, дисциплине, ответственности.

На следующий день немцы взяли Ригу. В Казани взорвался огромный оружейный склад, было уничтожено множество военного имущества, в том числе 12 тысяч пулеметов.

Савинков был послан Керенским в Ставку договориться с Корниловым. Он вез согласие министра-председателя на меры, принятые Корниловым, и на переподчинение генералу Петроградского военного округа, за исключением самой столицы.

Кроме того, в разговоре с Верховным главнокомандующим Савинков высказал соображение, что не исключена возможность сопротивления большевиков и Совета этим мерам, и поэтому правительству надо иметь в своем распоряжении достаточно войск, чтобы подавить восстание. Корнилов согласился с этим и сообщил, что в ближайшие дни 3-й конный корпус генерала А. М. Крымова будет сосредоточен возле Петрограда.

За Корниловым стояли финансово-промышленные круги (А. И. Гучков, П. П. Рябушинский, А. И. Вышнеградский, А. И. Путилов) и кадетская партия. Как говорил тогда председатель главного комитета Союза офицеров армии и флота подполковник Л. Н. Новосильцев, повторяя слова декабриста П. И. Пестеля: «Всякое временное правительство должно быть диктатором».

Экономическая обстановка катастрофически ухудшалась. Введение хлебной монополии привело к замораживанию цен на продовольствие, тогда как цены на промышленные товары и инфляция росли с бешеной

скоростью. Поэтому, не видя справедливости, деревня прекратила продажу хлеба. Таким образом, очень быстро после «весны свободы» наступил конец иллюзиям, обозначилась угроза переворота.

«Заговор Корнилова» только усугубил дело. Премьер-министр Керенский совершил двойную ошибку: поддавшись давлению военных, он ранее санкционировал введение в столице военного положения и беспощадное подавление большевистских сил, но затем, когда в Петроград прибыли снятые с фронта войска и ему стало понятно, что хозяевами положения станут генералы, он объявил о «заговоре» и призвал дать отпор «контрреволюции».

Двадцать восьмого августа ввиду близкой победы Корнилова резко поднялись цены российских акций на Петроградской фондовой бирже.

Однако настроение масс было антикорниловским, Петроградский совет решительно выступил за организацию отпора. Офицеров, заподозренных в сочувствии перевороту, убивали; профсоюз железнодорожников (Викжель) заблокировал маршруты продвижения войск в столицу.

Конфликт между правительством и военными, вырвавшись наружу, взорвал власть. Армия была окончательно деморализована, правительство потеряло свою главную опору и было вынуждено обратиться за помощью к оппозиционным политическим силам. Поэтому на сцене появилась петроградская большевистская организация, которая обладала необходимыми структурой и аппаратом, чтобы поднять на отпор контрреволюции всю имеющуюся в городе рабоче-солдатскую массу.

Заводской комитет Сестрорецкого оружейного завода передал вновь созданной рабочей Красной гвардии тысячи винтовок и патроны. Выдавали оружие и из арсенала Петропавловской крепости. Рабочие

получили 20 тысяч винтовок. По требованию большевиков были выпущены из тюрем их однопартийцы, обвиняемые в подготовке и участии третьей июльской восстания. Рабочие крупнейших петроградских заводов (Путиловского, Металлического, Новоадмиралтейского и Судостроительного) заявили: «Государственная власть не должна ни одной минуты оставаться в руках контрреволюционной буржуазии. Она должна перейти в руки рабочих, солдат и беднейших крестьян и быть ответственной перед Советами рабочих, солдатских депутатов».

Подобные декларации были выдвинуты всеми воинскими частями Петроградского гарнизона. 19 судовых комитетов Балтфлота постановили поднять на своих кораблях красные флаги; Центробалт поддержал это решение.

Двадцать седьмого августа Керенский направил в Ставку телеграмму с приказанием Корнилову временно сдать должность генералу Лукомскому и выехать в Петроград, не дожидаясь приезда нового Верховного главнокомандующего.

Корнилов отказался выполнить это требование.

Командующие фронтами, Северного — генерал Клембовский, Юго-Западного — генерал Деникин, Западного — генерал Балуев, Румынского — генерал Щербачев, выступили в поддержку Корнилова. Только командующий отдаленным Кавказским фронтом генерал Пржевальский остался верен Временному правительству.

Противостояние армии и власти достигло верхней точки. Корниловские части шли на Петроград. Временное правительство было в панике, обсуждался вопрос о передаче власти генералу Алексееву. Корнилов выпустил обращение с обвинением правительства в том, что оно под давлением большевистского большинства

Советов действует в полном согласии с планами германцев, убивает армию и потрясает изнутри страну. Керенский объявил Корнилова изменником Родины и призвал армию к защите революции.

В дальнейшем события разворачивались очень быстро.

Повторялась февральская история.

На сей раз ее разыграли те же силы: бюрократия вместе с военными, интеллигенция в основном либерального толка, народные массы во главе с леворадикальной интеллигенцией.

Продвижение войск к столице было блокировано уже 29 августа, войска были распропагандированы, а генерал Крымов застрелился.

В этой обстановке Корнилов согласился подчиниться генералу Алексееву, который, в свою очередь, согласился принять должность начальника штаба Ставки при Верховном главнокомандующем — Керенском. Оба генерала надеялись, что еще есть надежда сохранить армию.

Но было уже поздно. Ни о каких решительных мерах, на которых настаивал Корнилов, не могло быть и речи. Общественная сила все больше переходила к большевикам, реальным спасителям «свободы». Судьба Керенского была предрешена.

Первого сентября в 5 часов утра (!) после ночных дебатов депутаты Петроградского совета приняли предложенную большевиком Л. Б. Каменевым декларацию. В ней содержалось требование отстранения от власти всех представителей буржуазии и создание правительства «из революционного пролетариата и крестьянства», основные задачи которого: провозглашение демократической республики, конфискация без выкупа всех помещичьих земель и передача их крестьянским комитетам впредь до решения Учредительного собрания; введение рабочего

контроля на производстве, национализация важнейших отраслей промышленности, предложение народам воюющих стран заключить всеобщий демократический мир.

С каждым днем ситуация для правительства становилась все хуже и хуже. Западные послы, представляемые английским — Дж. Бьюкененом, убеждали Керенского начать переговоры с Корниловым, то есть подталкивали к уступкам военным.

Влияние союзников, главной задачей которых было удержать Россию в войне, можно считать одним из решающих факторов поражения Февраля. Не будет преувеличением сказать, что Запад приговорил Керенского и весь социалистический эксперимент умеренного толка как непродуктивный в условиях войны. Союзники не боялись даже временного усиления леворадикалов во главе с Лениным. Наоборот, если даже Ленин и захватит власть, считали они, он не продержится больше трех-четырех недель, и тогда она перейдет к правым.

На фронте последовали еще большие перемены. Отныне приказы командиров должны были исполняться лишь после подписи членами комитетов, устанавливался контроль за всеми телефонными и телеграфными переговорами. Солдатская масса окончательно убедилась в том, что ее первыми врагами являются офицеры.

От фронта осталась одна оболочка — солдатская шинель.

Двадцать пятого октября 1917 года большевистский Военно-революционный комитет произвел бескровный государственный переворот. Временное правительство было свергнуто. Ни одна влиятельная политическая сила не выступила в его защиту.

Октябрьский переворот добил армию. Новые власти распорядились упразднить погоны, избирать командиров, как атаманов, прямым голосованием. Офицерский корпус стал ненужным.

Какая судьба была уготована им, ненужным русским офицерам? Казалось, только смерть. Российского государства больше не было. Служить некому. Подчиняться толпе? Терпеть унижения? Исполнять волю комитетов, назначавших капитанов и полковников кашеварами и писарями? Зачем цепляться за жизнь, когда она лишилась смысла? И — револьвер к виску. Ведь как человеку жить без веры, без отечества, без своего народа?

От Великой России осталось только полковое знамя. Преображенский полк еще держится, но все громче в комитете звучат торжествующие голоса, что Кутепов — «стратег старого режима», его надо назначить писарем хозяйственной части полка. Недолго оставалось Преображенскому кораблю выдерживать бурю, он был обречен.

Двадцать первого ноября офицеры прощались со знаменем полка. Его сняли с древка и аккуратно свернули. Кутепов отцепил с полотнища Георгиевский крест, спрятал его на груди и отвернулся к окну. По его бороде текли слезы. Он забарабанил пальцами по стеклу. К чему теперь слова? Не было ни торжественных заверений, ни прощальных клятв отомстить. словно подчеркивая распад всех традиций, на походных кроватях лицом к стене лежали Малевский-Малевич и Ваисович. Они издавали глухие, лающие звуки, выдающие сдержанное рыдание. Несколько офицеров, униженные увиденным, мрачно смотрели в пол.

Они стали сиротами. Во всем мире у каждого человека, даже у самого убогого, были в душе огни, которые светили в любой тьме. У них теперь ничего не было, настала ночь.

Второго декабря 1917 года последним приказом Кутепова полк был расформирован. Петр Великий, наверное, перевернулся в гробу — любимый его полк больше не существовал!

В горе, отчаянии, безнадежности офицеры потянулись на Дон. Это была агония Великой России, породившая яркую жертвенную вспышку Белой идеи — идеи борьбы с разложением государства. Наконец-то они были свободны от всего, кроме этой высокой идеи. За ними была великая история, культура, слава. А что было за их врагами? Жажда добить, доломать империю и создать новое государство на идее справедливости?

Но насколько были соизмеримы противостоящие силы, в конце 1917 года никто не знал.

Глава десятая

ЗАПАДНЫЙ МИР СОЗДАЕТ В РОССИИ НОВУЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Третьего декабря (н. ст.) 1917 года английский посол Дж. Бьюкенен получил из Лондона рекомендацию о необходимости организовать на территории России «Южный блок» (Кавказ, Дон и Кубань, Украина, Румыния), что «позволило бы создать умеренно прочное правительство, которое во всяком случае при наличии у него нефти, угля и зерна поставит под контроль всю Россию»^{32}.

Этот замысел был быстро реализован. 23 декабря (н. ст.) в Париже было подписано «Соглашение между Англией и Францией относительно действий в Южной России» о разделе страны на английскую зону (казачьи территории, Кавказ, Армения, Грузия, Курдистан) и на французскую (Бессарабия, Украина, Крым).

Вскоре решение стало основой для поддержки антибольшевистских сил на Дону, а потом и на всем Юге. Бывшие союзники первоначально не преследовали в России какие-то внутривполитические цели, кроме тех, которые ставила перед ними продолжавшаяся война с Германией. Выход России из войны менял всю стратегию союзников. Сто немецких дивизий с Восточного фронта могли переломить ход кампании, поэтому и надо было восстановить российскую армию.

Если бы немцы захватили Украину и Кавказ, они бы имели большие шансы, во-первых, выйти в Персию, где находилось «нефтяное сердце» британского флота, и, во-вторых, взять под контроль всю Центральную Россию.

По инерции союзники еще не были готовы рассматривать большевиков как противников, но с каждым днем пространство для маневра сужалось.

Третьего февраля (н. ст.) 1918 года большевистское правительство аннулировало внешние и внутренние долги России. По мнению союзников, Советская Россия перешла Рубикон. Особенно больно были задеты интересы французов, российский долг в 10,5 миллиарда франков превращался в прах (по другим данным, общая задолженность составляла 27 миллиардов франков^{33}). Если до этого французское правительство продолжало сотрудничество с новой властью, пытаясь сохранить финансовый рычаг воздействия и восстановить Восточный фронт, то отныне его политика по отношению к большевикам стала враждебной. Долг Англии составлял 600 миллионов фунтов стерлингов. Россия вышла из-под финансового контроля. У Парижа и Лондона, кроме военных, иных средств воздействия на нее не осталось.

Четырнадцатого февраля в России был введен григорианский календарь, что было символично — прошлое упразднялось навсегда.

Девятого марта в Мурманском порту началась высадка английского десанта, который должен был по первоначальному замыслу создать основу для отпора немцам и защиты находившихся здесь огромных складов оружия и военного снаряжения, но в связи с изменением стратегии превратился в часть оккупационных сил союзников. Всего в 1918–1919 годах на Русский Север были переброшены 29 тысяч англичан, 7,5 тысячи американцев, около тысячи канадцев. Вместе с находившимися по линии Мурманской железной дороги бывшими пленными сербами, чехословаками и поляками они стали опорой антисоветским белогвардейским частям.

Но главные события происходили во взаимоотношениях России с Германией. Продолжившиеся в Бресте переговоры для России были безнадежны, хотя руководивший советской делегацией Троцкий пытался убедить немецких генералов в неотвратимости мировой революции. (В январе по Германии прокатилась волна забастовок на самых крупных заводах, в которых участвовали миллионы рабочих. Они тоже требовали мира без аннексий и контрибуций.)

Свои речи за столом переговоров Троцкий дополнял обращениями по радио ко всему миру, в которых призывы к социальной справедливости и обвинения в кровавых преступлениях империалистов звучали не менее грозно, чем залпы орудий.

Продолжая политику раскола России, германский министр Кюльман подписал сепаратный мирный договор с Украиной. Отныне Германия контролировала огромную территорию до Черного моря и Дона.

Территория Украины превращалась в важнейший фронт советской власти. В Харьков были направлены боевые части и вскоре провозглашена Украинская Советская Республика.

В ответ украинский военный министр С. В. Петлюра направил войска на восток, чтобы взять под контроль важнейшие железнодорожные линии, связывавшие центральную Украину с Доном и Донбассом.

Пятого января 1918 года Центральная рада объявила о независимости, что и следовало из германского сценария.

Франция же не поддержала украинскую «незалежность», так как видела в этом усиление немцев.

Советские войска стремительно продвигались к Киеву, не встречая серьезного сопротивления.

Двадцать третьего января начался штурм Киева советскими войсками. Во время жестоких уличных боев гайдамаки Петлюры оказали сильное сопротивление. 26 января Киев был взят.

Десятого февраля на переговорах в Брест-Литовске Троцкий заявил об отказе советского правительства подписывать аннексионистский мир, а также о выходе России из войны и роспуске ее армии. В ответ немцы начали быстрое наступление с целью занять Петроград и максимально ослабить Россию. В последнюю неделю февраля они взяли Житомир, Гомель, Дерпт, Ревель, 27 февраля — Могилев и бомбили Петроград.

Ленин на заседании ЦК потребовал под угрозой своей отставки немедленно заключить мир на любых условиях ради сохранения базы мировой революции — Советской России.

Третьего марта в Бресте был подписан мирный договор.

Территория России по сравнению с 1914 годом сократилась на 2 миллиона квадратных километров. Она отказывалась от претензий на Украину, Финляндию, Прибалтику, должна была передать Турции города Батум, Карс, Ардаган, выплатить репарацию в 6 миллиардов марок, демобилизовать Черноморский флот.

Немцы не удовлетворились полученным и планировали вскоре разделить Россию на четыре государства: Украину, территорию Дона, Кубани и Северного Кавказа, Центральную Россию и Сибирь. Германия, казалось, была в шаге от победы в мировой войне. Но безудержные амбиции Берлина требовали присутствия на Восточном фронте не менее одного миллиона солдат, которых в конце концов и не хватило им для победы над Антантой.

После Брестского мира стало очевидным, что роль мирового лидера переходит от Великобритании к Соединенным Штатам Америки, президент которых

Вудро Вильсон был заинтересован, прежде всего, в переустройстве мира не на основе колониальных стратегий прошлого века, а на принципе свободной конкуренции, в чем у его страны, финансового и производственного гиганта, не было соперников. В этом смысле Вильсона можно было назвать «революционером западного мира», разрушающим существующую внешнеполитическую систему.

Поэтому США не были заинтересованы в дезинтеграции Советской России и усилении за ее счет Англии, Франции, Японии, Германии.

Глава одиннадцатая **ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ** **КАК ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОПЫТКА** **СПАСТИ ГОСУДАРСТВО**

Двадцать четвертого декабря 1917 года в столице донского казачества Новочеркасске Кутепов вступил в Добровольческую армию.

Здесь со 2 ноября сухощавый старик в очках, с седыми жесткими усами, одетый в штатский костюм, занимался организацией патриотических вооруженных сил. Это был генерал Алексеев, одна из самых значительных фигур злосчастного семнадцатого года. Это он являлся одним из организаторов давления на императора Николая II в смутные февральские дни, это он разочаровался в руководителях Февраля, это он морально поддерживал Корнилова в августе и тем не менее для спасения армии вступил в соглашение с Керенским, это он арестовал Корнилова в Могилеве. За плечами этого шестидесятилетнего больного человека была по сути уже вся жизнь. Он предчувствовал близкую смерть и считал, что сейчас делает «свое последнее дело на земле». Он был не дворянином, а сыном сверхсрочного солдата. Воевал на трех войнах, еще с далекой Русско-турецкой, осененной участием Александра II и наследника престола будущего императора Александра III, генералов Скобелева, Драгомирова, Гурко.

Дон представлялся ему богатой и обеспеченной собственными вооруженными силами базой; опираясь на казачество, он намеревался собрать последнее ополчение — офицеров, юнкеров, добровольцев из всех

слоев населения, чтобы восстановить в государстве порядок. По-видимому, Алексеев представлял положение сходным со Смутным временем, когда в Кремле засели иностранцы, поставившие своего царя Лжедмитрия, а окраинные области России должны были организовать национальное сопротивление. Но положение, и вскоре генерал в этом убедился, было иным: как и в дни корниловского выступления, народная масса, в том числе и казачество, была равнодушна ко всякой патриотике, считая ее уделом высшего слоя. Появляться в офицерской форме на улицах города было просто опасно. Людей в добровольцы записывалось на удивление мало!

В Новочеркасске, на окраине, в помещении лазарета № 2 Союза городов на Барочной улице разместилось офицерское общежитие — под видом команды выздоравливающих, требующих ухода. В ноябре Алексееву удалось получить благодаря пожертвованиям всего четыреста рублей.

Атаман войска Донского генерал Каледин находился в двойственном положении. Он горячо сочувствовал Алексееву, но в области царили настроения настолько враждебные попыткам вовлечь казачество в новую войну, что донское правительство, куда вошли представители казаков и иногородних, надеялось, не принимая участия в борьбе, уклониться от противостояния с большевиками. Поэтому Каледин просил Алексеева не задерживаться в Новочеркасске дольше недели и перебраться со своей горсткой офицеров куда-нибудь за пределы области — на Волгу в Камышин или на Северный Кавказ.

Алексеев же по-прежнему хлопотал, искал провиант, кровати, хоть немного денег.

Каждый день прибывали на поездах с севера и юга новые группы офицеров. Они находили приют у Алексеева. Им приходилось переодеваться в гражданскую

одежду, днями высиживать в лазарете, чтобы не дразнить казаков своим появлением на улицах, но все же они были там, где им следовало быть.

Долго так не могло продолжаться. Пружина сжималась. Для того чтобы успокоить либеральные круги, Каледин даже устроил инсценированный «допрос Алексеева», однако старик пришел в негодование и отверг нелепую игру. Вместе с тем атаман и его жена тайно передавали офицерам деньги. Неопределенность кончилась тогда, когда Каледин не нашел верных войск, чтобы разоружить стоявшие в городе два запасных пробольшевистских полка. И он обратился к Алексееву.

«Полки эти получили приказание от большевиков немедленно уничтожить зачаток армии. Конечно, будь полки в порядке, а не так дезорганизованы, как была дезорганизована вся русская армия, им не стоило бы никакого труда в один час искрошить кучку офицеров и юнкеров, собравшихся в Новочеркасске. Произошло же на самом деле обратное...

В подкрепление приказа (Каледина. — *С.Р.*) на Хутунок, место расположения двух полков под Новочеркасском, демонстративно были наведены орудия и пулеметы под прикрытием добровольцев, число которых не превышало тогда 600 человек; и 10 тысяч пехоты сдались, беспрекословно выполнили все приказания атамана — разъехались в два-три дня из Донской области»^{34}.

Повторялась августовская история. Снова сталкивались две силы — слабое, нерешительное донское правительство, Донской круг, который можно сравнить с Временным правительством, и офицеры. У Каледина не было в руках не только военной силы, но и какой-либо реальной власти. Как свидетельствует Деникин, заседания правительства походили на заседания «провинциальной городской думы с нудными,

митинговыми, а главное, лишенными практического значения словопрениями».

К тому же с возникновением органов регионального управления расцвел казачий сепаратизм, имеющий на Юге и Кавказе значительную базу, так что казаки восприняли государственную идею добровольчества очень холодно.

Двадцать шестого ноября равновесие нарушилось, большевики выступили в Ростове и Таганроге, власть там перешла в руки военно-революционных комитетов. Каледин обратился к казакам — те отказались навести порядок, считая, что, если не будут вмешиваться, их оставят в покое.

Атаман тоже не хотел начинать военных действий, боялся первым пролить кровь, предчувствуя, что из этого ничего не выйдет. И он снова пришел к Алексееву за помощью.

Добровольцы чудом взяли Ростов. В их отряде насчитывалось тогда не более пятисот штыков, а противостояло им 15 тысяч.

Тотчас по прибытии на Дон Кутепов получил назначение начальником гарнизона в Таганрог и прилегающий округ. В городе имелось юнкерское училище. Кутепову придали Георгиевский батальон в 80 человек под командованием семнадцать раз раненного, опирающегося при ходьбе на палку полковника Николая Тимановского, по прозвищу «железный Степаныч», и партизанский отряд Семилетова, состоявший практически из одних юнкеров, кадетов и гимназистов-подростков. Тимановский был знаменит еще тем, что в 1905 году, будучи гимназистом, сбежал в Маньчжурию и участвовал в русско-японской войне, был тогда дважды ранен.

С севера наступал многотысячный отряд Сиверса. Северо-западнее в шахтерском поселке Макеевка

Таганрогского округа была провозглашена Донская социалистическая республика.

Стояли сильные морозы, обороняться было тяжело. По железной дороге к Матвееву Кургану подходили составы с красногвардейцами; солдаты рассыпались вдоль полотна и вперевалку шли к станции, стреляя на ходу. Напор был сильный и бестолковый. Кутепов раз за разом отбивал эти атаки. Бои шли ежедневно. Большевики, получив отпор, митинговали у своих поездов, силой захватывали их и двигались обратно. Им на смену прибывали новые отряды. Это была тяжелая, давящая на нервы война, без надежды на серьезный успех. Пока что горстка удерживала тьмы. Пленных не брали.

Своих убитых складывали на платформы. Сами жили в товарных вагонах с печками. За спиной — рабочий Таганрог, 40 тысяч рабочих. На добровольцев те смотрели мрачно, редкие юнкерские патрули вызывали у них злобу. 14 января рабочие Балтийского завода восстали. Два дня юнкера отбивались, начальник училища полковник Мастыко собрал их вокруг себя и приказал пробиваться к Кутепову. Был ранен. Его несли по улице под обстрелом. Мастыко видел, что с ним юнкерам тяжело и они все тут лягут. Он приказал его оставить, прикрикнул, и молоденькие юноши, хмурясь и отворачиваясь, побежали вдоль улицы. Он проводил их взглядом и застрелился. Не первым и не последним был полковник Мастыко, царство ему небесное!

Но все же половина юнкеров добралась до Кутепова. Это не война, этому нет названия.

Под Таганрогом добровольцы не могли долго держаться. Их просто вытесняла накапливающаяся масса, рвала маленькую плотину Кутепова.

Они тогда еще не могли знать, что обречены. Ни ложившиеся лицом в снег фронтовые офицеры, ни

четырнадцатилетние кадеты, ни бесстрашные юнкера, ни старые генералы.

В Добровольческой армии потом было всё — и жестокость, и воровство, и грабежи. Гражданская война пробуждает в человеке звериное начало. Но тогда, в начале восемнадцатого года, добровольцы были рыцарями Белой жертвенной идеи.

Когда в Новочеркасском войсковом соборе отпевали погибших мальчиков, чувства и мысли живых обращались к Господу с немим вопросом: за что они погибают? За чьи грехи?

Это были русские 300 спартанцев, перегородившие в новом Фермопильском ущелье путь полчищам врагов — соотечественников.

Разбившаяся сказка о дворянской империи собрала на Дону в январе 1918 года около четырех тысяч добровольцев. По этому поводу возникает множество аналогий. Может ли культурный человек безболезненно изменить исторической традиции, в которой жили еще его отцы и деды и которая, по сути, является духовной оболочкой его физической жизни? Или не может, и поэтому обречен сражаться не на жизнь, а на смерть?

А что было до этого крестьянину, казаку, рабочему?

Тоска по утраченной прекрасной родине ощущалась далеко не всеми.

Корнилов намеревался собрать 10 тысяч человек и потом начинать активные боевые действия. Однако, несмотря на свои внешне бесплановые действия, большевики окружали Дон со стороны Украины, Царицына и Северного Кавказа, намереваясь сжать кольцо.

В середине января добровольцы оставили Новочеркасск и перешли в Ростов, покинув негостеприимную донскую столицу, где они находились в ловушке. Но и в Ростове они не могли долго держаться.

Добровольческая армия была практически обречена, и спасти ее могло только чудо. Оставалась надежда на Кубань, где еще не было сильного влияния большевиков. Но и здесь настроения казаков-фронтовиков оставались такими же, как и у донцов, — ни с кем не воевать, держать нейтралитет.

Двадцать шестого января (8 февраля н. ст.) генерал Каледин телеграммой позвал Алексеева и Корнилова в Новочеркасск, чтобы обсудить план дальнейшей борьбы. Они не приехали, послали генерала А. С. Лукомского, который вместо помощи, наоборот, потребовал срочно вернуть офицерский батальон в столицу донского казачества. Защищать Новочеркасск было некому. Оставалось уповать, что бронзовый Ермак у Атаманского дворца оживет и пойдет оборонять двухмиллионное войско Донское.

Лукомский предложил Каледину переехать на юг, в район низовых крепких станиц и там продолжать борьбу. Каледин заявил, что не оставит города, ибо атаману недопустимо бежать, — лучше погибнуть.

Двадцать восьмого января (10 февраля) Корнилов послал Каледину телеграмму, что более оставаться на Дону губительно и что добровольцы уходят на Кубань.

Каледин свое обещание выполнил. Этот храбрый 55-летний генерал, герой Брусиловского наступления, собрал последнее заседание правительства и, сообщив, что фронт защищают всего 147 офицеров, юнкеров и гимназистов, сказал на прощание:

— Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но и настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития; предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия войскового атамана я с себя слагаю.

Начались дебаты, он их оборвал:

— Господа, короче говорите. Разговоров было и так достаточно. Проговорили Россию...

Потом он вышел в комнату, находящуюся рядом со своим кабинетом, снял китель, отцепил Георгиевский крест, лег на кушетку и выстрелил себе в сердце.

И что же теперь делать остальным, тоже стреляться?

Между тем положение добровольцев в Ростове с каждым часом становилось все тяжелее. Неожиданным ударом со стороны Ставрополя большевистский отряд пехоты с артиллерией занял Батайск и начал обстреливать Ростов из пушек. На Таганрогском направлении добровольцы под напором частей Сиверса, усиленных прибывшими из центра новыми отрядами и мощным бронепоездом с дальнобойными морскими орудиями, отступили почти до Ростова. И, наконец, в самом предместье Ростова Темернике рабочие начали обстреливать вокзал.

Занавес опускался. Уходить зимой, без запасов, полуодетыми — в никуда?

А оставаться — наверняка погибнуть в неравном бою.

В России тогда было около 460 тысяч офицеров, уходило из Ростова 3683 человека.

Двадцать первого февраля в 16 часов 15 минут добровольцы покидают город. Идут в молчании. Мороз, сухой снег. Каждый переживает про себя и, может быть, еще не верит до конца, что это происходит с ним. Тянется обоз, подводы с чемоданами, узлами, ящиками. Вывозят винтовки, снаряды, патроны, консервы, чай, сахар. Пятьсот комплектов белья, восемь тысяч банок консервов... Двести раненых. Восемь артиллерийских орудий с ничтожным запасом снарядов.

Арьергард из восьмидесяти человек ждет, когда все пройдут.

В городе стреляют.

Впереди колонны идет Корнилов. Он в коротком полушубке с генеральскими погонами. Отказывается от лошади. Текинец из его охраны несет трехцветный флаг, сшитый за несколько часов до похода из девяти аршин белой, синей и красной материи.

Вышли к Аксайской станице. Казаки не хотят пускать на ночлег, боятся. Что же, усмирять казаков?

Нет, их нельзя обижать и притеснять, на них вся надежда в будущем. Да и свои это, как воевать со своими? Еще трудно к этому привыкнуть.

За Аксайской — станица Ольгинская. Здесь стояли два дня, дожидаясь отставших, и долго решали, куда идти. В район Сальских казачьих зимовников? Но там армия должна будет рассредоточиться и просто потеряется без связи между отдельными частями. Оставалось двигаться на Кубань, где незахваченный большевиками Екатеринодар оставлял надежду на организацию сопротивления. Офицерский полк возглавлял генерал С. Л. Марков, Корниловский — полковник М. О. Неженцев, Партизанский, в котором большинство кадетов, студентов и гимназистов, — генерал А. П. Богаевский.

В Офицерском полку — три роты по 250 человек. 3-й ротой командует полковник Кутепов.

Для него, тридцатипятилетнего, как будто возвратилась молодость, начало службы. Иди впереди и гибни.

Да что там Кутепов. Офицеры идут рядовыми. Вот и генерал Деникин — потерял теплое пальто в Батайске, в худых сапогах, кашляет от простуды.

Надежда — на Корнилова. Настрой этого 47-летнего генерала бескомпромиссен: «Пусть надо сжечь пол-России, залить кровью три четверти России, а все-таки надо спасти Россию!»[\[35\]](#).

Никто не забыл, что в Таганроге красногвардейцы бросили в пылающую доменную печь 50 юнкеров и офицеров.

Нищая жалкая армия, равная по численности полку военного времени, вышла из Ольгинской. Провожать ее высыпала вся станица. Стоял весенний голубой день, сияло солнце. И вроде бы не было предчувствия беды. Казаки с семьями, улыбаясь, смотрели на тянущуюся по улице пехоту. Кто мог подумать, что это воинство — носитель общенациональной идеи?

— Ну что, станичники, не хотите нам помогать — готовьте пироги и хлеб-соль большевикам и немцам, — язвительно заметил генерал Богаевский. — Скоро будут к вам дорогие гости!

— На всех хватит, — ответил пожилой бородатый казак, и вся его семья засмеялась, явно довольная, что офицеры уходят.

Дальше пролег путь на Хомутовскую, Мечетинскую, Егорлыцкую. За Егорлыцкой начиналась Ставропольская губерния, где еще нет советской власти, но есть ушедшая с Кавказского фронта пробольшевистская 39-я пехотная дивизия, осевшая в районе узловых станций Тихорецкая и Кавказская, местные Советы, местный сепаратизм. Впереди — Екатеринодар. Надо спешить, чтобы прорваться туда, опередить противника. Как писал участник похода генерал А. Н. Черепов: «Территорию наша армия занимала ту, на которой в данный момент стояла, и пока стояла».

В нескольких верстах за «иногородним» селом Лежанкой железная дорога, занятая частями 39-й дивизии. Надо ждать боя.

Но к Корнилову в Егорлыцкую прибыла из Лежанки депутация, обещала от имени всех жителей пропустить добровольцев.

Ясное, чуть морозное утро. Тянется по степи колонна. Впереди Офицерский полк. Во главе широко шагает, опираясь на палку, помощник командира полка полковник Тимановский. Его ждет очередное ранение, о котором он меланхолически скажет в первую же минуту: «Восемнадцатая дырка», еще ждет командование Офицерской имени генерала Маркова дивизией и смерть от тифа. А пока он посасывает неизменную трубку и идет, несмотря на то, что каждый шаг отдается болью в раненом позвоночнике.

Одну из рот ведет Кутепов.

«Внутренне, по силе своего духа, по вере в своего вождя, по решимости идти на неизвестное, бросая базу, с туманной надеждой впереди лишь на соединение с какими-то кубанскими добровольцами, ни численность, ни положение которых никому, собственно, не были известны, Добровольческая армия эпохи 1-го похода является прямо военно-исторической загадкой. Любовь к родине и вера в вождя двигали эту горсть едва вооруженных людей на беспримерный в военной истории поход. Без надежды на помощь, без тыла, без снарядов. Добровольческая армия высоко подняла знамя Единой Великой России, пошла против заливавшей Россию красной волны навстречу неизвестному будущему. Вряд ли за всю свою военную историю Россия когда-нибудь дала равную по героизму добровольцам Корнилова армию»^{36}.

Первый бой добровольцев! Офицеры шли спокойно, не ложась, прямо на Лежанку. Село опоясано окопами. Речка, мост, у церкви стоит батарея и бьет вдоль дороги. Офицерские роты идут в полный рост, блестят штыки. Огонь все чаще. Уперлись в реку, залегли. Корниловский полк пошел прямо по пахоте вправо, в обход. Партизанский — влево. Прямо на дороге юные юнкера артиллерийской батареи подполковника Миончинского

установили два орудия и начали стрелять. В атаке — заминка. Сколько ждать?

Кутепов лежит на оттаявшей липкой земле и вот приказывает своей роте:

— Броском! В реку.

Рота встает и переходит холодную с илистыми берегами речку вброд. Вода доходит до груди.

— Ура!

На том берегу смятение. Бегут!

И Кутепов, весь мокрый, сухая только фуражка, выскакивает на берег, перехватывая винтовку покрепче.

Добровольческая армия продвигалась к Екатеринодару. Прошли станицы Плоскую, Незамаевскую, Веселую, Новолеушковскую, Старолеушковскую, Ираклиевскую, Березанскую, Журавский хутор, Выселки-первые, Выселки-вторые, Кореновскую... Бои были непрерывные. Потери равнялись четыремстам убитых и раненых. Непрерывное напряжение боя и «кошмара походного лазарета» изматывало людей.

Взятие Новодмитриевской — это и есть эпопея, потом давшая название всему походу — Ледяной поход.

Добровольческая армия, осколок Российского государства, только по исторической инерции пробивала все преграды. Ледяной поход был наивысшей точкой напряжения сил.

Накануне всю ночь лил дождь. Утром он не прекратился. Полкам пришлось идти прямо по полю, по размякшему вязкому чернозему, налеплявшемуся комьями на сапоги и полы шинелей. Иных путей в этом направлении не было.

Снова повторялось — надо до предела измучиться, искалечиться, чтобы добиться короткой передышки перед следующим боем.

Уже начинало смеркаться. Погода сделалась еще хуже, ударил мороз, да еще с ветром. Запуржило, насквозь вымокшие под дождем люди стали обрастать льдом, руки застывали в бесчувственные чурки.

Надо пройти и это мучение.

Пушки и пулеметные двуколки не могут переправиться. Значит, с одними винтовками!

Обледенели затворы. Значит, штыками!

Вдобавок трехтысячный отряд кубанских казаков-добровольцев под командованием военного летчика В. Л. Покровского, которые должны были штурмовать Новодмитриевскую с юга, не подошли, не захотели выступать по такой непогоде...

Конный дивизион — быстро вправо вдоль берега! Найти переправу! Охватить станицу с фланга!

Не получилось у конницы. Не нашли переправы, вернулись. Все — в ледяной корке, и всадники, и кони.

Ждать больше нечего. Или взять Новодмитриевскую, или подохнуть в поле!

А в станице, в тепле — тоже люди. Не уступят просто так.

В промокших до нитки, раздувшихся шинелях, скользя и падая в скользкую грязь, офицеры побежали к станице. Всего два десятка человек, два отделения.

Подошли к балочке. Через нее мосток. Перебрались. На бугре — часовой, окопы, орудия. Затаились, окоченевая. Потом подошло скудное подкрепление. И ударили!

Начался штыковой бой. Дрались насмерть у каждой хаты. Раскаленные злобой и яростью добровольцы были неудержимы. В их облике не осталось ничего человеческого, это были несчастные полузамерзшие ледяные существа.

А те, что нежились в теплых хатах, не успели ни построиться, ни изготавиться к бою.

Снова меньшая сила переломила большую.

Уже кончался бой. Вот и окраина.

Несколько офицеров забегают в какой-то сарай. Нет, там никого нет. Один шарит в углу, там бочки.

— Господа, да здесь моченые яблоки да помидоры с огурцами!

— Где? А ну-ка дай!

Запахло укропом, рассолом. Все вдруг почувствовали страшный голод, стали хрустеть яблоками, оставив в левую руку винтовки с незастывшей кровью на штыках.

Снаружи доносились редкие выстрелы. Вдруг раздался мерный топот. Кто? Почему?

Выглянули наружу. Увидели — шагает строем в обледенелых шинелях, в белых бородах и усах рота Кутепова. Сбоку идет командир, блестят сосульки в бороде, он резко командует:

— Ать-два! Ать-два!

Как на учении.

— Рота, стой!

Встали, звеня, но нечетко. Кто-то сбился.

— Отставить! — И снова повторяется: — Рота, стой!

На этот раз остановились все разом. Кутепов удовлетворенно сказал:

— Разойдись!

Это какая-то фантаσμαгория. Это мог быть только Кутепов. Другому бы никто не стал подчиняться.

Да, это были люди-осколки. Их связывали тысячи нитей с прошлым, с любовью матерей, с молитвой, с книгами.

— Ать-два! — командует полковник Кутепов.

Горит тусклая свеча. Голос раненого читает о Наташе Ростовской и Андрее Болконском.

Не прерывается в душе, тянется нить к старым заветам.

А вокруг пылает новая пугачевщина. Вешают священников, кастрируют и распинают офицеров, насилюют гимназисток. Там нет ничего, только мрак.

— Рота! — командует Кутепов, и за ним встают герои Шипки, суворовские чудо-богатыри, «могучее, лихое племя» эпохи 1812 года.

В Новодмитриевской произошло соединение добровольцев с кубанским отрядом Покровского, армия получила так не хватавшую ей конницу, переформировалась. Кутепова назначили помощником командира Офицерского полка.

Впереди был Екатеринодар.

Там Добровольческая армия израсходует силу своего порыва. Там погибнет вождь армии Корнилов. Там Кутепов сменит убитого командира Корниловского полка Неженцева. Там во главе армии встанет Деникин и поведет ее обратно к Ростову.

А пока — на Екатеринодар!

Риск, самоотверженность, воля — все было здесь.

Легко вышли на окраины города. Эти легкость, подъем духа побудили Корнилова, не дожидаясь развертывания всех сил, начать штурм. Если бы не это решение, исход мог бы быть иным.

Поднимая цепь, убит командир корниловцев 32-летний Митрофан Неженцев. Командование временно принял 24-летний капитан Скоблин, одеревеневший от усталости. Вскоре Корнилов назначит на место погибшего — Кутепова.

Атаки продолжаются, потери добровольцев громадны.

Что делать? 11 апреля едва не случилось чудо, в ночь с 11-го на 12-е батальон с генералом Казановичем во главе (ранен в плечо, рука на перевязи), преследуя отступающих защитников, дошел почти до центра города. И сорвалось.

Военные привыкли к близости смерти, к страданиям раненых, неудобствам и мучениям боевого быта. Они знают, что каждый день на войне может быть для них

последним. Погибнешь — станешь землей, степью, ковылем. Боялись не смерти, а ранения. У Корнилова наверняка было предчувствие близкой смерти. Словно испытывая судьбу, он ходил под обстрелом возле своего штаба и на попытки увести его только отмахивался.

Он погиб быстрой легкой смертью: граната пробила стену в той комнате, где он один сидел за столом, и разорвалась под столом. Его отбросило взрывом, ударило о печь. «С арены борьбы 13 апреля сошла самая крупная и яркая фигура не признавшей большевиков России»^{37}.

Смерть главнокомандующего потрясла всех, многие офицеры плакали. После гибели вождя продолжать штурм становилось бессмысленным. Начался отход добровольцев. Отступали с боями, оставляя тяжелораненых, и не знали, что с ними со всеми будет дальше. В станице Медведовской тяжелораненым сделали смертельные уколы морфия, чтобы избавить их от неизбежных мучений плена.

Добровольческую армию спасли донские казаки. Перелом в их настроении наступил после решения областного Совета в Ростове о национализации казачьих земель. 14 апреля восставшие казаки неожиданным ударом захватили Новочеркасск. Бронзовый Ермак на пьедестале перед Атаманским дворцом, казалось, ожил.

Все вдруг изменилось. На Украине были немцы и украинская Центральная Рада во главе с гетманом Скоропадским. Они благосклонно отнеслись к казачьему выступлению, их войска образовывали заградительный щит с запада, прикрывая остатки Добровольческой армии и казаков от красных отрядов. К Ростову на соединение с добровольцами пробился тысячный отряд добровольцев с Румынского фронта под началом полковника М. Г. Дроздовского.

В конце апреля Деникин, новый командующий Добровольческой армией, смог направить раненых в

вольный Новочеркасск. Их было две тысячи. Ростовское купечество пожертвовало в их пользу по подписке 470 рублей. На одного раненого пришлось 23,5 копейки.

Начинался новый этап Гражданской войны. Уже соорганизовались казачьи станицы, собрался Круг спасения Дона, решивший образовать регулярную армию взамен партизанских отрядов. Атаманом был избран генерал П. Н. Краснов. Он считал, что в новых условиях, уже не мировой, а Гражданской войны, надо временно ориентироваться на Германию, которая после Брестского договора с большевиками оккупировала Украину и создала защитный барьер, огородивший Дон от красных армий. Деникин стоял за «единую и неделимую» Россию, не желая признавать никаких региональных образований, никакой самостоятельности, Краснов же — за признание местных интересов и через этот компромисс — за дальнейшее сложение всех сил в единый фронт освобождения России.

Кто из них был прав?

Все русские генералы, волею судьбы оказавшиеся во главе белых армий на окраинах империи, были за «единую и неделимую», — Е. К. Миллер в Архангельске, Н. Н. Юденич на западе, адмирал А. В. Колчак в Сибири, Деникин на юге. Расплачиваться за военную помощь территориями Польши, Украины, Прибалтики, Финляндии для них было неприемлемым. В этом вопросе они стояли насмерть, отвергая возможных союзников. Например, Колчак дал категорический отказ на предложение генерала К. Маннергейма двинуть на Петроград сотысячную финскую армию в обмен на официальное заявление о признании «Верховным правителем» независимости Финляндии.

Полковник Кутепов ничем не отличался от своих командиров. «Единая и неделимая» как исторический образ прекрасной Родины был неприкасаем. А то, что

этот образ исчез из политической реальности и остался только в памяти, он не осознавал.

Генерал же Краснов был не только русским, но и казачьим генералом. Он хотел опереться на всех, кто был против большевиков, на казачьих сепаратистов, на украинских «незалежников», на немцев.

Казачи, всегда особо оберегавшие свои обычаи, заметно отличались от добровольцев. Что такое было Всевеликое войско Донское для офицера Добровольческой армии? Донская область, регион и больше ничего... Тем, кто в сердце своем носил бело-сине-красное знамя великой и неделимой России, не внушал доверия новый донской флаг. Ненадежность казаков уже была выказана во многих случаях.

Но пока донской атаман вел за собой шестидесятитысячную армию, а у Деникина вместе с кубанцами в пять раз меньше сил, пока все снабжение шло через донского атамана, взявшегося быть посредником между Украиной и немцами, с одной стороны, и Добровольческой армией, с другой, Деникин молчал. Только окружение его готовило грозную кампанию против генерала Денисова, атамана Краснова и других донских начальников. Эти люди стремились свалить донских генералов и впоследствии при помощи англичан свалили их.

У добровольцев с казаками как не заладились отношения с самого начала, еще с конца 1917 года, так не сложились и к лету 1918-го. На Ростовском вокзале, возмущая русские души, висела огромная вывеска на немецком языке — «Кавказ». Немцы поддерживали Краснова и готовы были поддержать Деникина. Ни англичан, ни французов не было и в помине. Добровольческая армия получала через донцов снабжение от немцев, но вела резкую пропаганду против украинского гетмана Скоропадского и германских войск. В конце концов немцы возмутились и

запретили Краснову передавать оружие и снаряжение. Атаман был вынужден делать это тайно.

Наследие предков, традиции, пролитая кровь диктовали с того берега живым людям, что они должны действовать по законам рассыпавшейся империи.

Антибольшевистские силы юга России имели возможность весной 1918 года «сесть в германский поезд» и к осени доехать до Москвы. Атаман Краснов предлагал Деникину совместное с немцами наступление в направлении Царицына и Воронежа.

Горько ехать в германском поезде по России? А вспоминая подрывную работу германского Генерального штаба по развалу России на национальные государства, — не страшно ли? Лучше подождать англо-французского поезда? Но будет ли он? У них свои интересы. Поступят ли от союзников войска? На это надеялись.

А пока Краснов договаривается с гетманом Скоропадским о совместных действиях против большевиков и привлечении самостоятельной Грузии, автономных Кубани, Крыма, Северного Кавказа, Добровольческой армии. О «единой и неделимой» ни слова. Ее судьба будет решаться после победы.

Но Добровольческая армия отворачивается от «сепаратистов», начинает борьбу за освобождение Кубани, чтобы иметь на юге широкую базу. Поход на север ее пока не интересует.

Что ожидает столь разных союзников?

Глава двенадцатая **КУТЕПОВ — ГУБЕРНАТОР, КОМАНДИР БРИГАДЫ, КОРПУСА. НА МОСКВУ!**

Из Ростова добровольцы выступили в свой второй Кубанский поход. Первый Кубанский, он же Ледяной, уходил в историю. Против них было около ста тысяч штыков с огромными боевыми припасами со складов бывшего Кавказского фронта. Но теперь у них за спиной — не равнодушные, отводящие глаза казаки. Стало легче. Добровольцы испытали, как погибают в безнадежном бою и вопреки всему побеждают.

Через три дня после начала похода в одной из первых схваток был убит 39-летний генерал Сергей Леонидович Марков, отважный, веселый, всегда шедший в самое пекло. Как было сказано в приказе Деникина, Марков «не жил, а горел любовью к Родине» и «пал от братоубийственной русской пули». 1-й Офицерский полк отныне получал имя генерала Маркова.

Его хоронят, и слезы текут по обветренным офицерским лицам. Сколько еще впереди таких похорон? Никто не вернет Корнилова, Неженцева, Маркова...

Здесь же, под станицей Шевлиевской, Деникин назначает полковника Кутепова командовать 1-й дивизией добровольцев. Временно.

Он командовал дивизией месяц, был с ней в боях под станицами Великокняжеской, Тихорецкой, Куцевкой. Под Тихорецкой после жестокого боя едва не был убит: красноармейцы уже подняли над окопами белые платки на штыках, Кутепов со штабом подъехал к окопам, а

оттуда открыли стрельбу, убив рядом с ним несколько человек. «Поэтому, когда окопы попали, наконец, в руки добровольцев, пощады не было никому...»^{38}.

День за днем Кутепов проводит на передовой, со своими офицерскими полками, с Корниловским прежде всего. Он делает то, ради чего живет. Он холост, одинок, его жизнь принадлежит только ему.

Он не был жестоким, не любил, когда исстрадавшиеся душой офицеры, те, у кого убили, сожгли, изнасиловали, распяли близких, вели личный счет убитым врагам, делая на винтовочных прикладах зарубки.

Через полтора месяца добровольцы взяли Екатеринодар.

Второй Кубанский тоже стал историей, и новые мертвые герои полегли в землю.

В Екатеринодаре добровольцы с ужасом узнали, что могилы Корнилова и Неженцева разрыты, тела растерзаны и сожжены. Это небывалое обращение с павшими было одной из черт озверевшей вольницы, поставившей себя за грань христианской морали. Оскверняли могилы, испражнялись в церквях, стреляли в иконы, — стиралась память, отрезалась возможность вернуться к человеческим законам.

Вот как расправлялись с тремястами офицерами, содержащимися в трюме крейсера «Румыния» в Евпатории. Смертников вызывали к люку. Вызванный поднимался наверх и шел к месту казни через строй матросов, которые срывали с него одежду и били. Затем офицера валили на палубу, скручивали ноги и руки и начинали медленно отрезать от живого человека уши, нос, губы, половой орган, руки. На залитых кровью досках лежал извивающийся обрубок с оскаленным кровавым куском мяса вместо лица. Только после этих мучений офицера сбрасывали в море, и он тонул, избавляясь от страданий.

Один из сподвижников Кутепова рассказал такой случай: «Однажды мы выбили большевиков из какого-то села Ставропольской губернии и разошлись по хатам. Я был вместе со своим большим другом, еще с Великой войны. Большевики совершенно неожиданно перешли в контратаку и застали нас врасплох. Кто в чем был, выскочил на улицу и помчался за околицу. Я тоже... Пока пришли в себя, пока подобрали всё, прошло немало часов... Подхожу я к своей хате, а около нее лежит мой друг, раздетый догола, весь в крови... Глаза выколоты, все тело обезображено... Я как увидел это, так и пошел без оглядки. Иду и иду... Смотрю, а я уже в степи, в пшенице... Огляделся и вдруг вижу невдалеке небольшой шалаш, а около него две винтовки. Сторожевое охранение красных, а я с голыми руками... Заклокотало во мне, на весь полк полез бы... Подскочил я к винтовкам, схватил одну и заглянул в шалаш, а там сидят два красногвардейца.

— Ну-ка, товарищи, — сказал я, — прислонитесь друг к другу головами. — И одним выстрелом обоих наповал... Отлегло от сердца».

Сколько еще будет крови, жестокости, отмщения. Пленных по-прежнему не брали. Это потом обе стороны будут обращать их в свою веру, во всяком случае использовать на фронте. Но тогда — некуда было брать. Расстреливали после каждого боя.

Как-то взяли в плен двух красных курсантов. Вывели на расстрел и поставили в ряд. Они не просили о пощаде, но попросили закурить по последней папиросе. Им разрешили. Они выкурили.

— Теперь разрешьте нам спеть.

— Пойте.

Запели «Интернационал».

Офицеры, криво улыбаясь, слушали.

Им дали допеть, и грянул залп, унося неприятное чувство.

Главную массу Красной армии составляло крестьянство, по словам Деникина, «инертное и невоинственное». Основой военных частей были коммунистические ячейки, цементирующие крестьянскую массу. «Наконец, огромную роль в утверждении коммунистической власти, в особенности вначале, играли отряды наемников — латышей, китайцев, пленных венгров и немцев. Полное непонимание совершающихся событий, презрение к стране и народу, холодная страшная жестокость и садизм и, вместе с тем, тревожное чувство обреченности и грядущего возмездия делали этот элемент чрезвычайно удобным, слепым и покорным орудием в руках советской власти... Летом 1918 года сводки штаба Добровольческой армии устанавливали резко бросающуюся в глаза черту Красной армии: борьбу между начальниками, старавшимися установить порядок, и подчиненными, пассивно, иногда активно сопротивлявшимися этому»^{39}.

На Кубани шли жестокие кровопролитные бои, добровольцам противостояла сотысячная группировка. Генерал Алексеев не видел перспектив борьбы, был настроен глубоко пессимистично. У армии не было ни денег, ни союзников, ни знания о том, что происходит в России. Генерал Краснов обещал дать деньги, но взамен требовал подчинения себе Добровольческой армии. Впрочем, общероссийская идея добровольчества была сильнее казачьего сепаратизма, и предложение донцов не было принято.

В середине июня 1918 года Добровольческая армия добилась стратегического успеха, были захвачены узловые станции Тихорецкая и Торговая, и весь Северный Кавказ с его хлебными запасами и грозненской нефтью был отрезан от Центральной России.

Победы добровольцев принесли огромные трофеи: железнодорожные составы, бронепоезда, броневики, аэроплан, 60 орудий, в том числе и морские дальнобойные, много пулеметов, винтовок, боеприпасов, интендантского имущества. Но тут же возникли трения с кубанским правительством, которое посчитало все трофеи своей собственностью и потребовало их передачи в свое распоряжение. Кроме того, кубанцы попытались самостоятельно организовывать свои воинские части, что внесло еще один элемент разлада в их взаимоотношения с Добровольческой армией. Эти трения не обещали ничего хорошего. Если у красных противоречия между центральной властью и анархистскими устремлениями отдельных командиров быстро ликвидировались суровыми мерами вплоть до показательных расстрелов, то белым приходилось мириться с казачьими притязаниями.

Эти притязания порой превосходили все мыслимые рамки. Так, в кубанском правительстве взяли верх «черноморцы» (потомки запорожцев), которые стремились к государственной федерации в составе «Великой Украины», образованию отдельной Кубанской армии, что на местах выражалось в разгуле казачьего шовинизма. Иногородних (неказаков) объявляли поголовно большевиками, отбирали у них дома и земли, изгоняли их детей из школ, а зачастую просто вешали или расстреливали. Во время военного конфликта Добровольческой армии с независимой Грузией, захватившей в июне — июле 1918 года Абхазию, Адлер, Сочи и Туапсе, председатель кубанского правительства Лука Быч вошел в тайное соглашение с грузинским руководством (которое поддерживали немецкие войска, в мае высадившиеся в Поти), согласившись уступить эту территорию. (В начале февраля 1919 года добровольцы под командованием генерала А. Н. Черепова за

несколько дней освободили Сочинский округ, пленив около 700 солдат и 50 офицеров.)

Подобные конфликты постоянно сопутствовали борьбе белых за «единую и неделимую», в отдельных случаях проявляясь в мстительном и жестоком отношении властей национальных окраин к русскому населению. В итоге эти противоречия привели к тому, что белые так и не смогли стать объединяющим центром.

В оценке тогдашних перспектив Добровольческой армии, кроме того, надо учитывать, что ее героическая беспримерная борьба все же была незначительным эпизодом решающих сражений Первой мировой войны. Освободившись от необходимости держать почти половину своих армий на Восточном фронте, Германия прилагала титанические усилия, чтобы повергнуть противников на Западном. Она была в полушаге от победы, но ей не хватило тех 40 дивизий, которые она держала на Украине и Северном Кавказе, обеспечивая свои потребности в ресурсах. К белым, которые не признали Брестского договора, немцы относились спокойно, не видя в них серьезных врагов.

После взятия Екатеринодара прошло несколько дней, и был занят Новороссийск. Кутепова назначили черноморским военным губернатором. Он стал главноначальствующим, военным и гражданским, на маленькой российской территории, на которую без всяких казачьих притязаний распространялась общероссийская власть. Это назначение сразу выделило нашего героя из числа бесстрашных офицеров-первопоходников.

На Кутепова свалились заботы о финансах, самоуправлении, налогах, хозяйстве. Опереться было не на кого, губернские чиновники находились в безвестном отсутствии, а может, их уже и не было на этом свете. И гвардейский офицер одним из первых решений

учреждает земство, без различия сословий, на самой демократической основе, как сказали бы сегодня. Именно без различий сословий. То есть Кутепов руководствуется не существовавшей до сих пор государственной практикой, а здравым смыслом. Вокруг губернатора постепенно складывается аппарат власти, с которым он постоянно спорит, защищает население от попыток взыскать новые налоги. Он не дает разгуляться спекулянтам, коих всегда в военном тылу возникает множество, сурово карает за грабежи, твердо утверждает смертные приговоры бандитам.

«Главным же горем его положения было отсутствие надежных сотрудников. Он ни на кого не мог положиться и ему приходилось принимать особые меры против возможных с их стороны злоупотреблений... При таких условиях его служба в Новороссийске — сплошной подвиг. Не имея возможности никому довериться, он хочет сделать все сам... Он подтягивает распущенных офицеров, борется с произволом всевозможных новоявленных начальников, преследует злоупотребления и беспощадно предаёт грабителей и насильников, кто бы они ни были, полевому суду...»^{40}

За свои строгости он удостоился нелюбви коммерсантов и либералов, они окрестили Черноморскую губернию Кутепией. Но губернатора это мало интересовало.

В 1919 году Кутепов составил «Записку о своей деятельности в Новороссийске в бытность Черноморским военным губернатором».

Этот документ краток, лишен бытовых красок, отражает только некоторые стороны его работы. И вместе с тем деятельность губернатора видна очень ясно.

«13 августа 1918 года я прибыл в Новороссийск и согласно приказа Командующего Армией вступил в исполнение обязанностей Черноморского военного

губернатора. В этот же день я заметил, что на рейде стоит германский миноносец, командир которого сразу же явился ко мне с приветствием по случаю моего прибытия. Встреченный мною очень сухо, он скоро уехал. В этот же вечер мне доложили, что германский миноносец приказал наливному судну с полным грузом керосина и нефти отправиться в Севастополь. Узнав, что это судно русское, я послал к командиру миноносца передать, что, не имея к уходу из порта германского миноносца, я вместе с тем против выхода русского наливного судна, так как, во-первых, — я не знаю, кому из русских владельцев принадлежит это судно, а во-вторых, — город сам нуждается в керосине и нефти, и без них остановится городская электростанция. Одновременно я сделал распоряжение поставить на мол трехдюймовое орудие и не выпускать из гавани без разрешения командира порта ни одного судна, кроме иностранных военных. Об этом распоряжении был уведомлен и командир миноносца. На следующее утро миноносец снялся с якоря и ушел в море. Через несколько дней он вернулся обратно. Ко мне опять явился командир миноносца, но уже в сопровождении капитана 1-го ранга, по фамилии, кажется, князь Ливен. Через этого офицера командир миноносца просил разрешения переговорить с генералами Алексеевым и Деникиным. Но мною еще раньше была получена инструкция, по которой я должен был принимать немецких и австрийских чинов, но ни в какие политические разговоры с ними не вступать и каждый раз давать понять, что главное командование уклоняется от каких бы то ни было переговоров. Командир миноносца начал тогда говорить о наливном судне и доказывать, что нефть и керосин, находящиеся на нем, куплены им у торговцев. Представить документов он не мог, но указывал на свидетелей состоявшейся сделки. Мы тогда договорились, что одна

треть груза будет отдана немцам, две трети оставлено городу, а само судно будет возвращено владельцу. После ухода командира миноносца капитан 1-го ранга, оставшись у меня, стал говорить, что немцы хотят войти в соглашение с Добровольческой Армией, причем всячески убеждал меня быть посредником между нашим главным командованием и немцами. Вскоре миноносец ушел, но быстро вернулся и опять с тем же русским моряком. Последний на этот раз привез различные предложения, так, например, получить для Добровольческой Армии разные медикаменты и перевязочные материалы. Я понял, что это только предлог для того, чтобы завязать с нашим командованием переговоры, но все-таки запросил Екатеринодар, и мне было разрешено дать этому моряку пропуск для поездки в Ставку. Через несколько дней он вернулся, видимо, не добившись никаких результатов. Миноносец все эти дни поджидал возвращения капитана. За это время произошел инцидент с немецким матросом, который на берегу напился и стал буянить. Его арестовали и дали знать на миноносец. Командир его немедленно ко мне приехал и извинился. Миноносец еще несколько раз уходил и возвращался и однажды прибыл с одним очень напыщенным немецким ротмистром, который стал от меня добиваться разрешения проехать в Екатеринодар, где ему, по его словам, было поручено лично переговорить со Ставкой о взаимоотношениях на случай каких-либо недоразумений, могущих возникнуть между русскими и немцами, высадившимися на берег...»

Нет, немцы ничего не добились от Кутепова. Он запросил Екатеринодар, прошло два дня, ответа не последовало. И миноносец ушел ни с чем.

Понимал ли губернатор, что происходило, когда задерживал германских офицеров?

Да он и не думал ни о каких переговорах с врагами. А то, что он видел в них противников, это не вызывает сомнений. Полковник просто повторяет Деникина.

Зато в остальном, в отнятом у немцев грузе, в этих двух третях нефти и керосина, потребных для городской электростанции, в отсутствии всякого интереса к «перевязочным материалам», в трехдюймовой пушке, — во всем этом явно чувствуется могучая натура.

Кажется, сквозь сухость документа просвечивает облик гвардейского полковника из навеки ушедшей Великой России. «Кутепия? — слышится его чуть насмешливый голос. — Черте ним, пусть Кутепия! А мимо меня не проскочите».

Суров командир Преображенского полка, ничего не скажешь. Но приходится на эту пору его жизни и влюбленность, и женитьба на «дочери коллежского советника Лидии Давыдовне Кют, девице православного вероисповедания», как определена она в «Краткой записке о службе генерала от инфантерии Кутепова Александра Павловича».

Попался холостяк в руки милой русоволосой женщины с открытым, чуть полным лицом и теплыми глазами. Именно ей он мог сказать с жестокой откровенностью, что готов пожертвовать ради блага России и ею самой, и маленьким сыном Павлом. Она позволила ему так сказать.

Глава тринадцатая **ДЕВЯТЫЙ ВАЛ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

С мая 1918 года как реакция на распад экономических связей в Советской России началась политика «военного коммунизма» — принудительное изъятие «излишков» у крестьян и производителей продовольствия и товаров, национализация предприятий и магазинов, трудовая повинность, централизованное распределение продуктов и товаров первой необходимости. Центр экономической жизни переместился в деревню, но крестьяне отдавали продукты только в обмен на промышленные товары, золото или драгоценности. О том, чтобы заставить их добровольно лишиться собственных продуктов, не могло быть и речи. Тогда было решено «перенести классовую борьбу в деревню»: стали создаваться «комитеты бедноты», состоявшие из беднейших крестьян и батраков, которые при помощи вооруженных солдат должны были силой изымать продукты у имущих, при этом часть оставлять себе. Грубейшее беззаконие привело к множеству эксцессов и злоупотреблений, но тем не менее продовольствие под угрозой штыка и револьвера было вырвано и вывезено. То, что комбедчики проели и пропили на местах, в счет не шло. Это породило массовое сопротивление крестьян.

«Даже по неполным данным сводок ВЧК, за 1918 год (главным образом за вторую его половину), в 32 губерниях Советской России произошло 258 восстаний!..на одну советскую губернию приходилось в среднем по 8 восстаний, в которых погибало примерно по 170 человек. Крестьянская война против властей

стала отныне важнейшим фактором Гражданской войны»^{41}.

Впервые русские крестьяне, ранее отрекшиеся от культурного покровительства дворян, почувствовали на своем горле железную хватку радикальных реформаторов. Но впереди их ждали еще более жестокие испытания.

Двадцать пятого мая восстал тридцатитысячный Чехословацкий корпус, состоявший из бывших пленных, который при финансовой поддержке Франции перевозили через всю страну по железной дороге во Владивосток, чтобы потом перебросить на Западный фронт. Теперь Волга в районе Казани была перерезана, для белых открывался путь на Москву, Дон и Кавказ. По всей линии Транссиба, от Волги до Тихого океана советская власть пала. На этой территории образовались многочисленные, в основном просоциалистические, правительства, выступавшие под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!».

Шестого июля в Москве левые эсеры предприняли попытку переворота. Восстания произошли в Витебске, Орше, Владимире, Ярославле, Рыбинске, Муроме. Казаки при поддержке немцев осадили Царицын.

На Восточном фронте Красная армия отступала. Командующий фронтом левый эсер М. А. Муравьев решил поддержать левоэсеровский мятеж в Москве и был убит.

Белые взяли Казань. На юге англичане вторглись в Закаспийскую область (Туркестан) и Закавказье. Добровольческая армия занимала Кубань. Теперь советское правительство контролировало только центр России, где проживал 61 миллион человек, менее 40 процентов населения страны.

Десятого июля 1918 года на 5-м Всероссийском съезде Советов была принята Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

В преамбуле указывалось на стремление нового пролетарского государства к светлой цели — мировой революции. Конституция отражала трагичность момента. Несмотря на то, что местные Советы избирались всеобщим голосованием, избирательных прав были лишены все предприниматели, торговцы, торговые посредники, «лица, живущие на нетрудовой доход», священнослужители, бывшие полицейские, члены царствовавшего дома Романовых. Фактически все экономически активное население было лишено гражданских прав.

В июле 1918 года ЦК РКП(б) принял решение начать подготовку к переходу в подполье в случае падения советской власти. Съезд Советов потребовал массового террора против буржуазии. В ночь с 16 на 17 июля в Екатеринбурге был расстрелян Николай II вместе с женой и детьми.

Тридцатого августа растущее напряжение разразилось покушением на Ленина. Он был тяжело ранен.

В ответ Совнарком объявил «красный террор», ввел заложничество и заключение контрреволюционеров в концентрационные лагеря. Несколько ранее такие лагеря были созданы англичанами на Севере для просоветских элементов.

Теперь судьба новой власти полностью зависела от Красной армии и ее двенадцатитысячного офицерского корпуса из числа офицеров царского времени. Безусловно, подавляющее большинство офицеров не были сторонниками Ленина и Троцкого, не даром Ленин советовал к каждому офицеру приставлять по два «рукастых» комиссара с заряженными револьверами. Но других офицеров советская власть не имела.

Кроме комиссаров для офицеров Совнарком применил и чисто экономический стимул для солдатских масс — их семьи получали продовольственные пайки.

Военные действия в 1918 году шли с переменным успехом. К осени чехословаки были вытеснены за Волгу, немцы и австрийцы в связи с поражением в Первой мировой войне оставили Украину, а поддерживаемые ими войска генерала Краснова и гетмана Скоропадского оказались без опоры.

И возможность «доехать на немецком поезде» до Москвы развеялась. Атаман Краснов говорил о ней определенно и недвусмысленно: «Тогда — и это по тогдашнему настроению и состоянию Красной армии, совершенно не желавшей драться с немцами, несомненно так бы и было — тогда немецкие полки освободителями вошли бы в Москву. Тогда немецкий император явился бы в роли Александра Благословенного в Москву, и вся измученная интеллигенция обратила бы свои сердца к своему недавнему противнику. Весь русский народ, с которого были бы сняты цепи коммунистического рабства, обратился бы к Германии, и в будущем явился бы тесный союз между Россией и Германией. Это была бы такая громадная политическая победа Германии над Англией, перед которой ничтожной оказался бы прорыв линии Гинденбурга и занятие Эльзаса. И державы Согласия приняли все меры, чтобы не допустить этого. Они усилили свой напор на фронт, а требование Вильсона и нежелание союзников говорить о мире с имп. Вильгельмом, но лишь с германским народом, пошатнуло положение династии. Имп. Вильгельм был принужден отказаться от престола, власть в стране перешла в руки социалистов во главе с Эбертом, а Вильгельм с наследным принцем покинули страну. В войсках немедленно образовались Советы солдатских депутатов, а в городах — Советы рабочих депутатов. Ни о каком выступлении германских войск против Советской республики уже нельзя было думать. В самой

стране начались беспорядки, поднятые большевистски настроенными группами «Спартак».

Сбылось предсказание старого консерватора Дурново! Война обрушила обе империи.

Военное поражение Германии изменило ситуацию в России, Брестский договор был аннулирован. Однако теперь из Архангельска наступали английские, американские, французские части, из Сибири — войска адмирала А. В. Колчака, признанного державами Антанты «Верховным правителем России», на юге — Добровольческая армия генерала А. И. Деникина, с северо-запада — армия генерала Н. Н. Юденича. Противостояние достигло крайнего ожесточения. Для борьбы с дезертирством в Красной армии сжигали в деревнях избы, где укрывали дезертиров. Однако более глубокая мотивация позволяла красным частям успешно сопротивляться. Если белые имели в своих программах возврат к Учредительному собранию и не давали никакой ясности в вопросе о земельной собственности, то решения красных отвечали интересам масс. Ради земли крестьяне были готовы перетерпеть, но не возвращаться к прошлому. Когда вслед за белогвардейскими частями шли помещики и начинались реквизиции, крестьяне быстро определялись, что им ближе. Наиболее рельефно они выражали свою позицию в Сибири, где создавали на больших территориях свои республики и воевали как с красными, так и с белыми за право жить по своему усмотрению. На Украине царили подобные настроения, что в конечном счете вылилось в восстание под руководством Н. И. Махно.

Тем не менее на фоне экономической и морской блокады, которую организовали бывшие союзники, положение коммунистического государства казалось безнадежным. В конце ноября 1918 года, после ухода германских войск из России, английские и французские военные корабли высадили десанты в Новороссийске,

Одессе, Севастополе. В декабре в Одессу прибыла 156-я французская дивизия, вскоре усиленная греческими частями. Французское командование разработало план удара на Москву. Английский флот занял российские порты на Балтике и Белом море. Пять английских бригад стали продвигаться вдоль Закавказской железной дороги к Бакинским нефтяным промыслам. Теперь, когда у Антанты не было заинтересованности в союзнике на востоке, она перешла к прямой интервенции.

В ответ Совнарком перевел всю экономику в мобилизационный режим, республику объявили «военным лагерем». В декабре 1918 года были ликвидированы иностранные банки и частные земельные банки, объявлена «продовольственная диктатура». Продовольственные «излишки» крестьян поступали в распоряжение Наркомата продовольствия.

Одновременно, пусть и в неполных объемах, крестьяне снабжались промышленными товарами, что было шагом вперед по сравнению с политикой комбедов. Комбеды ликвидировались. Был утвержден план создания в ближайшее время регулярной армии в 1,5 миллиона человек. (Численность белых армий и иностранных частей составляла 515 тысяч человек.) В армию призывались офицеры, унтер-офицеры, военные чиновники, врачи. К началу 1919 года в Красной армии было уже 42 дивизии. Именно тогда стала создаваться мобилизационная по характеру советская экономика с чрезвычайными методами управления и концентрации сил. Но, несмотря на это, шансы Советской России были не так уж велики. Воевать со всем миром и почти половиной собственного населения она вряд ли могла.

В начале января 1919 года советские дивизии Южного фронта получили пополнение и в упорных боях отбросили белоказачьи части Донской армии и вышли к Донбассу. В середине января украинское правительство

(Директория) объявило войну России. В конце января Донбасс заняли части Добровольческой армии. К середине февраля белые овладели почти всем Северным Кавказом, обеспечив прочность позиций английских войск в Закавказье и на Каспии. Однако общий план английского и французского командования был сорван: расположенные в Одессе и Севастополе французские, греческие и румынские войска после заключения перемирия с Германией отказывались воевать. Украинское командование не желало сотрудничать с Деникиным, так как не принимало его политики «единой и неделимой». Поэтому главной стратегической силой Антанты становилась готовая на смертный бой Добровольческая армия, которая и должна была наносить удар на Москву.

Из Сибири должны были наступать армии Колчака. Адмирал в январе 1919 года заключил соглашение, по которому «высшее русское командование обязывалось согласовывать свои действия с директивами высшего междусоюзного командования», то есть с английскими и французскими генералами. На обеспечение белых армий западные правительства выделили большие кредиты. (262 миллиона долларов выделило Колчаку правительство США.)

К весне 1919 года советское командование в выборе стратегии учитывало крайнюю для экономического выживания РСФСР необходимость обеспечить выходы к Балтийскому и Черному морям, контроль над зерновыми областями Украины и Северного Кавказа, промышленными регионами Донецко-Криворожского бассейна и нефтяной промышленностью Баку. По сути, это зеркальное отражение Парижского соглашения (декабрь 1917 года) Англии и Франции о создании «Южного блока».

Однако в отличие от красных белые армии не имели прочного тыла, у них за линией фронта

восстанавливалась экономика, подобная экономике периода Временного правительства — со спекулятивными военными поставками для армии, отягощенная реквизициями и грабежами населения. «Огромное стремление к наживе...» — отметил академик В. И. Вернадский и привел пример «нехорошей наживной деятельности» братьев Рябушинских^{42}.

Провалились попытки создать на несоветских территориях социалистические правительства в Архангельске, Самаре, Омске. В условиях военного времени это оказалось принципиально невозможным, везде власть перешла в руки военных, опиравшихся на предпринимательские круги и иностранную помощь. Можно сказать, там удался вариант Корниловского мятежа, что привело к идейному расколу всего антисоветского фронта. Более сложный и противоречивый режим белых генералов был слабее советского, монолитного и более простого в управлении страной.

Кроме того, идея мировой революции при всей кажущейся фантастичности опиралась на вполне реальные основания. В западноевропейских странах социализм уже стал элементом повседневной практики в работе социал-демократических партий, профсоюзов, парламентов. Там действовали демократические механизмы защиты интересов рабочих, и в целом общественное мнение имело значительный вес. Поэтому западные социал-демократические партии изначально не были враждебно настроены в отношении Советской России, а их левые фланги стали союзниками российских коммунистов.

В ноябре 1918 года немецкие социал-демократы, воспользовавшись восстанием военных моряков и гарнизонов в Киле, Гамбурге, Бремене и других городах, а также всеобщей стачкой, вынудили императора Вильгельма II отречься от престола, но в отличие от

российских большевиков предпочли капитулировать перед странами Антанты, не желая повторения революции и гражданской войны. Здесь лежит водораздел между германскими коммунистами и социал-демократами, которые пошли на союз с армейским руководством и крупными предпринимателями, создав свой «корниловский заговор». При этом революционный потенциал все же выплеснулся в марте 1919 года, когда были провозглашены советские республики в Венгрии, Баварии, Словакии.

Красная армия получила директиву прорваться им на помощь через Бессарабию. Однако попытка создать европейскую советскую республику была пресечена ударом польских войск, которые вошли в Восточную Галицию и преградили путь советским армиям. Поляки захватили Белоруссию и часть Литвы. С территории Эстонии на Петроград стала наступать белая армия генерала Н. Н. Юденича.

Это сочетание различных факторов, а также протест западной общественности против военной интервенции в России создавали своеобразный баланс сил на Западе.

Глава четырнадцатая

СМЕРТНЫЙ ПУТЬ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА

Полгода Кутепов был черноморским губернатором. В январе 1919 года его за боевые отличия в Кубанских походах произвели в генерал-майоры и назначили командиром 1-го армейского корпуса, в который входили развернутые в дивизии добровольческие части. Он сдал должность командиру 2-й дивизии генералу Черепову, который должен был выставить опиравшихся на немцев грузин из Сочинского округа.

Прощай, Новороссийск! Может быть, надолго. Может, навсегда. Кто знает? Фронт — не гадалка, судьбу не напророчит, всяко может быть. Но уезжал с радостью. Какой из него чиновник?

К тому времени красные на Кавказе были разбиты. Добровольцы уже почти не встречали сопротивления, шли по дорогам, на обочинах которых валялись сломанные телеги, походные кухни, трупы лошадей. Попадались и живые кони. Они неподвижно стояли, опустив голову, и слабо ржали, почуяв движение людей.

Добровольцам доставались богатые обозы с разнообразной поклажей: мануфактурой, сапогами, мукой, спиртом, завязанным в узлы церковным имуществом. А сколько всего по матушке России было тогда бесхозного, награбленного добра и сколько растерявшихся бегущих толп в серых шинелях?

Кутепов ехал на станцию Прохладная Владикавказской железной дороги, в штаб корпуса, переформированный из штаба 1-й дивизии.

Его ждали. Офицеры отобрали несколько вагонов, вымыли, очистили от мусора, вытравили горячим паром

клопов и составили штабной поезд.

Вокруг толпами бродили, направляясь кто куда, безоружные красноармейцы. Они шли по шпалам на север к Ростову, гроздьями облепляли проходившие поезда. Отставшие, больные и ослабевшие слонялись по путям и перрону станции. На них не обращали внимания. Они не представляли опасности. Многие тихо умирали от тифа и истощения. Каждое утро два местных казака обходили пути и подбирали трупы, волоча их за ноги. Конец врагов был виден воочию, и горечь обжигала душу: ведь то были наши русские солдаты, наш народ.

Кутепову чудилось, что близко освобождение страны, выздоровление ее.

Однако в действительности положение было тревожное. В конце ноября 1918 года германские войска покинули область войска Донского, обнажился огромный фронт, куда врывались красные части.

«Красные полчища», как называл большевистскую армию председатель Реввоенсовета Троцкий, получили руководителей в виде военспецов, бывших офицеров. Партизанщина жестоко искоренялась, за дезертирство расстреливали.

С конца февраля 1919 года шли жестокие бои. Северный фронт белых растянулся более чем на 800 километров, его удерживали 42–45 тысяч добровольцев и казаков. Им противостояли 130–150 тысяч красных. Казалось, уже все предрешено. Но у белых нашлось сильное оружие, которым они блестяще воспользовались.

В середине апреля 1919 года красная 10-я армия вела наступление на Ростов. Донцы сопротивлялись слабо, отступали. Красные уже перешли реку Маныч и вышли на линию железной дороги Батайск — Торговая, а их передовые части находились в переходе от Ростова.

Учитывая опасность со стороны Маныча, Деникин стал перебрасывать туда свои самые надежные части —

добровольцев. Кутепов был назначен командующим одной из войсковых групп в этом районе и вместе со штабом прибыл на станцию Песчанокоскую. Фронт шел по степи. Мелкие окопчики, в которых сидело по пять-шесть человек, тянулись тонкой линией.

В селе Песчанокоском, что рядом со станцией, во время 1-го Кубанского похода отступавшие добровольцы оставили часть своих тяжелораненых. Оставили на смерть? Но об этом старались не думать. И все-таки не могли не думать... Сперва в Песчанокоской раненые надеялись, что с ними ничего не случится. За ними ухаживали и не выдавали. Только это продолжалось недолго, все-таки выдали. Их судил сельский сход, судил просто: постановил казнить, что и было исполнено. Этим сход как бы продемонстрировал большевикам свою полную лояльность, непричастность к Белому движению, и избавил такой ценой село от репрессий. Крестьянам казалось, что это мудрое решение.

Трудно поверить, но все было именно так.

И, чтобы Кутепов не слишком сосредоточивался на этом неразрешимом вопросе, судьба поднесла ему новый — в виде взрывного устройства, подброшенного в его вагон. Оно попало в руки Лидии Давыдовны, и она с удивлением разглядывала странный сверток, пока Кутепов не забрал адскую машинку у нее из рук.

Она впервые ощутила, что ее жизнь с Александром Павловичем не принесет ей счастья, а скорее всего кончится чем-то страшным. Кто ее защитит? Эта военная сила, эти офицеры, эти казаки? Нет. Она видела, что здесь для семьи нет места, и что те малоразговорчивые жители Песчанокоскрго, так жестоко ограждавшие свои хаты от войны, озабочены тем же, чем и она: сохранением своего маленького мира.

Но с Кутеповым об этом нечего было и разговаривать. Он лишь чуть насмешливо улыбался, и

его улыбка так освещала его суровое лицо, что заставляла верить в благополучный исход.

На станции простояли недолго. Прибывшие кавалерийские части опрокинули переправившихся через Маныч красных. Прямо с поездов Кутепов кинул их в бой, несмотря на то, что начальник дивизии генерал П. Н. Шатилов, сам раненый, передвигавшийся на костылях, просил его отложить атаку, чтобы привести войска в порядок. Кутепов дал ему высказаться, затем подтвердил приказ, ибо на отдых не было времени. Затем он весело улыбнулся Шатилову и пошел его провожать, помогая спуститься с крыльца, сказав на прощание, что не ожидал приезда Шатилова, так как знал о его тяжелых ранах, но теперь совершенно спокоен за успех завтрашнего дела. Он как бы говорил: «Павел Николаевич, мы с вами военные люди, наша судьба известная...»

В эту же пору Кутепов познакомился с союзниками. К нему в штаб прибыли два английских офицера, чтобы оценить положение дел на фронте. Это были простые, невысокомерные люди, обожженные войной. Они побывали на передовой, под обстрелом, и, не обращая внимания на пули, сосредоточенно записывали что-то в записные книжки. Они видели рваные шинели добровольцев, дырявые сапоги, побитые щитки пулеметов с облезлой краской. Они все поняли без слов.

На обратном пути англичанам устроили ужин в кубанском казачьем полку — с тостами за английского короля, за главнокомандующего Деникина, крепким самогоном, бешеной лезгинкой и отчаянной джигитовкой на площади, озаренной большим костром из соломы и хвороста. Казалось, древняя Скифия высунулась из ночной тьмы и показала Европе свое дикое простое обличье.

Потом англичане признались Кутепову, что у них дрогнуло сердце. Они еще помнили о русских жертвах в

Великую войну. И они обещали поддержку. Что могли знать эти британцы о настроениях и интересах британской короны? Да и Кутепов ничего не знал. Он жал руки гостям, видел, что они искренние и честные офицеры.

Снабжение Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) через Новороссийский порт было успешно налажено. Англичане, несмотря на противоречия во взглядах премьер-министра Д. Ллойд Джорджа и военного министра У. Черчилля, стали поставлять боеприпасы и снаряжение.

Ллойд Джордж считал единую Россию опасным соперником Британской империи и открыто высказывался за ее расчленение. Черчилль же, предвидя возрождение Германии, желал иметь в Восточной Европе не группу мелких и враждебных Западу государств, а единую и мощную Россию, союзника Англии.

Что касается позиции французов, то о ней в мемуарах генерала Деникина говорится так: «Англичане, доставляя нам снабжение, никогда не возбуждали вопроса об уплате или компенсациях. Французы не пожелали предоставить нам огромные запасы свои и американские, оставшиеся после войны и составлявшие стеснительный хлам, не окупавший расходов по его хранению и подлежавший спешной ликвидации. Французская миссия с августа вела переговоры о «компенсациях экономического характера» взамен за снабжение военным имуществом и после присылки одного-двух транспортов с ничтожным количеством запасов...»^{43}.

Кроме того, между английской и французской миссиями при штабе Деникина шло постоянное соперничество. У Лондона и Парижа были свои интересы в России. Показательно отношение к созданию «Великой

Польши» за счет России. Англичане предостерегали Варшаву от чрезмерных притязаний, французы, как деликатно замечает Деникин, «колебались». Однако генерал приводит высказывание одной польской газеты, которое многое объясняет: «Если генерал Деникин, не обращая внимания на поставленную ему Антантой цель (Москву), все же начнет продвигаться (к Киеву), имея в виду соединиться с польскими войсками как союзниками в борьбе с большевизмом, то он ошибается: польские войска вынуждены были бы указать ему, что не туда лежит его путь...»^{44}.

Первоначально французы вообще не считали себя обязанными соблюдать элементарные приличия. Так, представитель французского командования предлагал прислать на помощь донским войскам свою дивизию при условии, что атаман Краснов согласится на «возмещение всех убытков, которые французские граждане понесли с момента революции», и признает над собой верховную власть не генерала Деникина, а французского генерала Франше д'Эспере. Краснов с возмущением отказался и сообщил об этом Деникину. Французы были вынуждены дезавуировать свое предложение.

Готовился новый, ставший самым ярким, боевой поход 1-го армейского корпуса.

К маю красные, получив крупные пополнения, почти вытеснили добровольцев, оборонявших Донбасс. Отдать угольный район означало потерять не только сырьевую базу, важную для военных перевозок и промышленности, но и оставить важный стратегический плацдарм, с которого можно было вести наступление на Харьков и Москву.

Здесь уже три месяца сражались наиболее надежные дивизии — Корниловская, Марковская, Дроздовская, Алексеевская. Они были обескровлены, в некоторых ротах осталось по 10–20 штыков. Отступали.

Уже дошли до последних рубежей, станции Иловайской, да и та обстреливалась артиллерией красных. Добровольцы еще находились в Донбассе, а на деле были лишены не только угля, но и возможности перебрасывать войска по разветвленной сети железных дорог, собирать свои малые силы в крепкие кулаки на нужных участках.

Кутепову фактически достался безнадежный фронт. Почему именно ему, а не какому-либо генералу, окончившему Академию Генерального штаба? Потому что он должен был победить вопреки науке и логике.

Кутепов почти каждый день был на передовой, вел себя, как диктатор. Но он не сковывал инициативу подчиненных, не влезал в каждую мелочь, — он был мотором для пассивных, грозой — для нерадивых, вождем — для сильных духом.

«Первоначальная линия фронта, подходившая к Курску и Воронежу... с падением гетманской и петлюровской Украины откатилась уже к Азовскому морю. Донская армия, упавшая духом и совершенно расстроенная, находилась в полном отступлении к Северскому Донцу и Салу. Чувство усталости и безнадежности охватило не только казаков, но и часть донской интеллигенции. Советские войска наступали почти безостановочно, направляясь на Новочеркасск... На крайнем левом фланге Донской армии, прикрывая ростовское направление, стоял отряд генерала Май-Маевского — малочисленный, но состоявший из старых испытанных добровольческих полков... К началу января отряд этот, заняв главными силами район Юзовки, выдвинулся в харьковском направлении до Бахмута и Константиновки, в бердянском — до Пологи. На этой линии, перехватив все пути, идущие с севера и запада к Донецкому каменноугольному бассейну, Май-Маевский, то наступая, то отходя, непрестанно маневрируя, с необыкновенным упорством выдерживал напор

значительно превосходящих сил: левого фланга Украинского и правого Южного большевистских фронтов»^{45}.

У Деникина все достаточно верно, кроме одной детали: за генералом В. З. Май-Маевским стоял Кутепов.

Для советской власти, согласно приказу Троцкого, Донбасс был ключевым звеном фронта — «смертельно нужен уголь».

Но командование ВСЮР держалось за Донбасс из-за всех сил, перебросив сюда несколько дивизий с Кавказа.

В это время перед командованием ВСЮР встал вопрос выбора стратегии. Со стороны Сибири белые войска адмирала Колчака рвались к Волге, и надо было решить: либо идти им навстречу, либо закрепляться на Украине, оставленной немцами, а затем двигаться на Москву.

Трудно представить тогдашний пожар на юге России, размах крестьянской войны Нестора Махно, разгул множества банд, разнузданность дезертиров («зеленых»), ужас обывателей.

Командующий Кавказской армией генерал П. Н. Врангель предлагал оставить Донбасс и обеспечить соединение с Колчаком, но Деникин предпочел более надежный вариант, защищая свою опору — Дон и обеспечивая фронт со стороны Украины. Однако первоначально расхождения Деникина и Врангеля в вопросе стратегии были не столь велики, как их представляет Врангель в своих мемуарах. Сначала Деникин намеревался установить связь с армиями Колчака, что «должно было вылиться впоследствии в общее наступление к центру России». Поворот в сторону Украины все изменял. Тогда Врангель направил главнокомандующему рапорт, доказывая необходимость двигаться к востоку. Это обозначило раскол в руководстве добровольцев.

В дальнейшем борьба белых шла под двойной звездой Деникина — Врангеля. Эти люди были разными во всем.

Деникин (род. 1872) был сыном крепостного крестьянина, дослужившегося до звания майора пограничной стражи. Участник Русско-японской войны, в 1917 году закончил Академию Генерального штаба, командующий Юго-Западным фронтом, поддержал выступление Корнилова.

Врангель (род. 1878) был сыном барона, доктора философии, председателя и члена правления нескольких акционерных обществ, знаменитого коллекционера. Подчеркнем, что он был инженером, что выделяло его из всего генеральского корпуса. Он закончил Горный институт и Академию Генерального штаба, участвовал в Русско-японской войне командиром казачьей сотни. В августе 1914 года в Восточной Пруссии эскадрон под командованием ротмистра Врангеля в конной атаке захватил германскую батарею под деревней Каушен. Все офицеры эскадрона были убиты, одному снесло голову. Врангель чудом остался жив, а его лошадь получила девять картечных ран. Он первым в той войне был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. В 1917 году был назначен командиром корпуса, поддержал Корнилова. Врангель — прямой потомок по материнской линии инженер-поручика Ганнибала, «арапа Петра Великого», и, соответственно, дальний родственник поэта Александра Пушкина. В роду Врангеля было семь генералов и фельдмаршалов. Генерал-адъютант А. Е. Врангель воевал на Кавказе, его войска взяли в плен Шамиля; Ф. П. Врангель — выдающийся путешественник; на пятнадцатой стене храма Христа Спасителя, посвященной сражениям при Колоцком монастыре, Шевардине и Бородине 24 и 26 августа 1812 года, указан среди раненых прапорщик Софийского полка

барон Врангель. Именно Петр Врангель, возглавив в августе 1918 года 1-ю конную дивизию Добровольческой армии, с успехом применил новую тактику глубоких кавалерийских прорывов, подобных тем танковым клиньям, что через целую эпоху, во время Второй мировой войны успешно применили армии вермахта.

За Врангелем, казалось, стоит вся история Российской империи. По пушкинской линии он был связан с родом ближайшего сотрудника и боярина Александра Невского Гаврилы Олексича. Через Гаврилу Олексича и его старшего сына Ивана Морхиню — с родом победителя Наполеона фельдмаршала М. И. Кутузова. По материнской линии М. И. Кутузова (через Беклемишевых) — с князем Дмитрием Пожарским, руководителем Второго народного ополчения и освободителем Москвы от поляков в 1612 году^{46}.

Генералы Деникин и Врангель представляли две ипостаси русского офицерства — демократическую и аристократическую. Врангель был монархистом, Деникин проводил политическую линию «непредрешенчества», то есть отодвигал определение политической программы на послепобедное время, чтобы не сталкивать между собой различные по политическим взглядам группы белогвардейцев.

Врангеля же приводила в бешенство «Особая декларация» Деникина, в которой были записаны неконкретные положения: «уничтожение большевистской анархии и водворение в стране правового порядка», «восстановление могущественной Единой и Неделимой России», «широкое местное самоуправление», «немедленный приступ к земельной реформе для устранения земельной нужды трудящегося населения», «немедленное проведение рабочего законодательства, обеспечивающего трудящиеся классы от эксплуатации государством и капиталом». По сравнению с «Особой декларацией» декреты советской

власти «О земле», «О рабочем контроле», «О национализации банков» были гораздо понятнее и ближе массам.

Заметим, что те группы населения, которые сегодня именуют «средним классом», к белогвардейцам относились очень сдержанно. «Представители земства, народного просвещения, городских самоуправлений и, особенно, кооперации душою почти поголовно были на стороне большевиков. Власть и армия оказывались в изолированном положении, могли полагаться только сами на себя и на незначительный слой городской буржуазии»^{47}.

Разница между настроениями в Омске и Ростове была не очень значительной. Врангель считал, что по складу своего характера Деникин не способен управлять войсками белых. «Казавшийся твердым и непреклонным генерал Деникин в отношении подчиненных ему старших начальников оказывался необъяснимо мягким. Сам настоящий солдат, строгий к себе, жизнью своей давший пример невзыскательности, он как будто не решался требовать этого от своих подчиненных. Смотрел сквозь пальцы на происходивший в самом Екатеринодаре безобразный разгул генералов Шкуро, Покровского и других. Главнокомандующему не могли быть неизвестны самоуправные действия, бесшабашный разгул и бешеное бросание денег этими генералами. Однако на все это генерал Деникин смотрел как будто безучастно»^{48}.

Деникин же считал Врангеля выдающимся кавалерийским начальником, но высокомерным, неуживчивым, склонным к интригам.

На фоне их противостояния отчетливо проявился раскол Белого движения на «думскую монархию» и «Февраль». Военный переворот адмирала Колчака, совершенный 18 декабря 1918 года, отверг социалистический и демократический вариант

организации белых. Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), создавший Всероссийское Временное правительство, в котором преобладали социалисты-революционеры, оказался неспособным организовать военное сопротивление красным. Адмирал Колчак в своем воззвании к населению определил свою позицию так: «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности»^{49}. По приказу Колчака все военачальники обязаны были пресечь деятельность учредилковцев, «не стесняясь применить оружие». Англичане и французы поддержали переворот адмирала, как год назад поддерживали «заговор» Корнилова.

В начале марта 1919 года бои за Донбасс продолжались. Весы качались то в одну, то в другую сторону. А. И. Деникин писал: «Мы оставили Юзово (ныне Донецк. — *С. Р.*), Долю, Волноваху, Мариуполь». Белые продолжали переброску войск с Кавказа в Донбасс, готовили удар в направлении Луганска, а группа генерала Кутепова изготавилась наступать в направлении Царицына. На Дону в тылу красных вспыхнуло Вешенское восстание (к апрелю у восставших было 30 тысяч бойцов и 6 орудий). В начале мая Кутепов был назначен командиром Добровольческого корпуса. Врангель, познакомившийся с ним тогда, так рисует его портрет: «Небольшого роста, плотный, коренастый, с черной густой бородкой и узкими, несколько монгольского типа глазами, генерал Кутепов производил впечатление крепкого и дельного человека»^{50}.

Через год оценка звучала иначе: «Генерал Кутепов был начальник, хорошо разбирающийся в обстановке, большой воинской доблести, совершенно исключительного упорства в достижении поставленных

целей, умевший близко подойти к офицерам и солдатам, прекрасный воспитатель войск»^{51}.

В начале мая белым на правом фланге сопутствовал крупный успех. Кубанская конница генерала А. Г. Шкуро прорвала фронт у станции Дебальцево и продвигалась по тылам белых к Мариуполю, главному порту Азовского моря. Кавалеристы генерала С. Г. Улагая прошли севернее Маныча более 100 верст и разгромили на реке Сал всю Степную группу 10-й армии, а затем и шесть полков красной конницы из корпуса Б. М. Думенко. Затем конная группа генерала Врангеля нанесла поражение центральной группе красных и взяла станицу Великокняжескую. 10-я армия, потеряв одними пленными более 15 тысяч человек, поспешно отступала к Царицыну. Ее преследовала Кавказская Добровольческая армия под командованием генерала Врангеля.

Одновременно на всем донецком фронте, отбив наступление красных, Добровольческая армия под командованием Май-Маевского в течение нескольких дней вновь заняла весь Донбасс и захватила Мариуполь.

Однако на востоке уже иссякал атакующий порыв колчаковских армий. Выйдя к Волге и угрожая ворваться в Центральную Россию, к середине апреля они, однако, стали терпеть неудачи. К началу июня красные войска уже теснили Западную армию к Челябинску, и Реввоенсовет получил возможность перебросить часть сил против ВСЮР.

С мая 1919 года началось безостановочное наступление войск Деникина.

Корпус Кутепова наносил удар в стык между 13-й и 14-й красными армиями в направлении Харькова. Штаб Кутепова переместился в Бахмут (ныне Артемовск). Командир корпуса опередил директиву армейского штаба, отдав приказ наступать на Харьков. За пять

недель Кутепов прошел от Иловайской до Харькова с боями 300 верст. 11 июня после пятидневных боев в предместьях Харьков был взят.

В дневнике Ивана Бунина «Окаянные дни» есть выписка из большевистской газеты, относящаяся к этим событиям: «Харьков пал под лавиной царского палача Деникина... Он двинул на Харьков орду золотопогонных и озверелых от пьянства гуннов. Дикая орда эта, подобно саранче, двигается по измученной стране, уничтожая все, что завоевано кровью лучших борцов за светлое будущее. Прислужники и холопы мировой своры империалистов несут трудовому народу виселицы, палачей, жандармов, каторжный труд, беспросветное рабство...» Приведя это газетное сообщение, Бунин добавляет: «Рад так, что мороз по голове...»

Бунин — это Петербургская Россия, красные — престолярная сила.

Добровольцы прошли по улицам маршем. Их засыпали цветами, кто-то плакал, какие-то женщины становились на колени. После большевистского правления обыватели полюбили армию белых. Но ненадолго...

Вскоре после освобождения на пустыре возле пятиэтажного дома, где размещалась ЧК, был проведен другой, страшный парад: были вырыты трупы замученных и уложены длинными рядами. У многих была содрана кожа с рук, палачи обваривали руки жертв кипятком и затем сдирали «перчатки» вместе с ногтями. Мимо тел часами ходили женщины, искали отцов и мужей.

Кутепов не ездил туда. Может быть, харьковчане имели право назвать его бесчувственным за то, что на собрании объединенных городских организаций он заговорил о солдатских сапогах и не проливал слез по убитым. Он сказал, что армия без тыла обречена, сколько бы громких слов в ее адрес ни произносили.

Слов он уже наслышался. «В эти дни, господа, я объезжал фронт и видел — идет в бой батальон. Идет хорошо, лихо развертывается, но он... босой. Сейчас на дворе лето, а как я буду посылать в бой зимою моих солдат? Вам, общественным силам, надо позаботиться о своей защитнице, Добровольческой армии».

Кутепову была обещана помощь, а горнопромышленники подарили командующему Добровольческой армией генералу Май-Маевскому эшелон с углем. На деле снабжение армии всегда было плохим. Многие солдаты, не дождавшись сапог или шинели, вынуждены были «самоснабжаться» за счет обывателей. Как впоследствии объяснял один из белых генералов: «Война на данной территории всегда несет с собой много лишений и страданий. Война, а в особенности гражданская, сама себя кормит и пополняет!»^{52}.

Кутепов (как Деникин и Врангель) издавал приказы, объявлял населению, что будет защищать его от насилия и грабежей, но то, что происходило в штабах, отражалось в жизни рядовых самым противоречивым образом. Что было делать генералу, когда перед ним клали приговор военного суда о расстреле солдата или офицера-инвалида за грабеж местного жителя? Утвердить приговор? Помиловать? Бедного офицера и нашли-то по особой примете: у него вместо ноги была деревяшка, на которой он и передвигался в боях.

Кутепов утверждал приговоры. Это было ужасно. Но он считал, что наказание должно следовать неотвратимо. Точно так же в Ростове по его приказу были повешены несколько офицеров и солдат, грабивших еврейский квартал.

Добровольцы за все были обязаны расплачиваться деньгами и... своими жизнями.

В Харькове надо было, по всем законам войны, освоиться, укрепить базу, а потом продвигаться дальше.

Освоиться не пришлось. Против корпуса шла активная перегруппировка красных войск, перебрасывались полки с запада и из Сибири. Разведка доносила Кутепову о готовящемся наступлении красных.

Общая обстановка складывалась для белых благоприятно. Кавалерийская группа казачьего генерала К. К. Мамонтова форсировала Дон и, пройдя за четверо суток 200 верст, вышла в тыл Царицыну. В конце мая Кавказская дивизия Шкуро разбила под Гуляйполем Махно, захватила Екатеринослав. В Новочеркасске торжественно отпраздновали освобождение Дона. Занят Крым. Кавказская армия генерала Врангеля вышла к Царицыну, и после жестоких боев, во время которых белые потеряли убитыми и ранеными пять начальников дивизий, двух командиров бригады и одиннадцать командиров полков, город был взят.

Однако сосредоточение красных частей против Кутепова становилось угрожающим. И к кому же обращаться командиру корпуса, если в это время командующий армией Май-Маевский находился в запое и был не в состоянии быстро реагировать?

Смешное и трагическое положение, в которое попал Кутепов, было им разрешено: он отдал приказ на свой страх и риск — атаковать раньше красных!

Он опередил противника на считанные дни и, вместо того чтобы оказаться в кольце и быть раздавленным восьмьюдесятью полками, сам отрезал армии Южного фронта красных от красных же армий на Украине.

Успех? Как будто бы. Разбита западная группа противника, обеспечен левый фланг.

А на востоке? В стык между 1-м корпусом и Донской армией повалила лавина красных. С той стороны у Кутепова были лишь разъезды добровольцев, маячившие в степи, как редкая казачья стража во времена монгольских нашествий. Красные занимают

Валуйки, Купянск, Волчанск. Они уже возле Корочи и Белгорода, влезли уже в самые тыловые печенки 1-го корпуса, до Харькова остается пустяк — 40 верст.

Надо было срочно перебросить войска. Кутепов успевает развернуть главные силы к Короче. Харьков же с востока был по-прежнему открыт, но если бы красные двинулись в этом направлении, то со стороны Корочи добровольцы могли ударить им в тыл и фланг.

Эта картина борьбы каждый день изменялась. На чаши весов бросались все новые и новые человеческие жизни. Залитые кровью чаши колебались.

Красные не решились подрубить кутеповский выступ, на Харьков не пошли и завязали жестокие бои у Корочи и Белгорода, надеясь перемолоть массой своих лавин добровольческие полки. Эта нерешительность стоила им потери инициативы.

Деникин перебросил на помощь Кутепову Конный корпус Шкуро в три тысячи сабель. Кутепов и Шкуро рядом маневров смогли окружить красных и сломили их сопротивление.

Снова меньшая сила одолела большую. Тоже чудо?

Бывший генерал Селивачев, командующий армейской группой красных, вылетал на самолете для разведки и видел воочию эту апокалиптическую панораму битвы. В основание клина, вбитого войсками Селивачева в белый фронт, со стороны Белгорода ударили три дивизии и конники Шкуро, со стороны Красного — две донские дивизии. Серые фигурки солдат, пылящие цепи, маршевые колонны, казачьи лавы, бронепоезда, батареи, взрывы, пыль, пожары, рытье могил, митинги, прячущиеся крестьяне, поля пшеницы, проселки, деревни, русская земля... Селивачев летел над родной землей и жаждал победы. Но это было уже за чертой отпущенного ему Богом.

Счастье всего чуть-чуть, но улыбнулось белым офицерам. К концу июня деникинские войска занимали

огромный фронт от Днепра до Волги по линии Царицын — Балашов — Белгород — Екатеринослав — Херсон. Все бы хорошо, но Колчак отступал.

Теперь — на Москву!

«Май 1919 года. Само сочетание этих двух слов вызывает как бы прилив свежего дыхания. Начало большого наступления, наш сильный порыв, когда казалось, что с нами поднимается, докатится до Москвы, вся живая Россия, сметая советскую власть.

Я вижу их всех, моих боевых товарищей, их молодые улыбки, веселые глаза. Я вижу нашу сильную и светлую молодежь, слышу ее порывистое дыхание, то взрывы дружного пения, то порывы «ура» — так вспоминал это время командир Дроздовского полка А. В. Туркул^{53}.

Белокаменная уже все глаза проглядела, высматривая добровольцев. Деревни смотрели в сторону юга, ждали с нетерпением и молились об избавлении от беспощадной продразверстки. Жестокость момента передает одно распоряжение председателя Совнаркома: «Необходимо соединить беспощадное подавление кулацкого лево-эсеровского восстания с конфискацией всего хлеба у кулаков и с образцовой очисткой излишков хлеба полностью с раздачей бедноте части хлеба даром. Телеграфируйте исполнение. Предсовнаркома Ленин».

Эта беспощадная четкость «с конфискацией всего хлеба», «образцовой очисткой» сейчас агитировала против большевиков лучше всего.

Белые старались действовать культурнее, расплачивались деньгами. Насколько позволяли условия Гражданской войны, белые стремились к законности, что порой приводило население в недоумение, так как оно видело бесцеремонность красных реквизиций. В Курске для кавалеристов Марковской дивизии потребовалось две тысячи подков. Добровольцы

понадеялись на благотворительность курян. Те пожертвовали десять штук.

«Кузнецы и владельцы лошадей! — обратилась газета к землякам. — Вас просят устыдиться!»

Армия просила. Она могла требовать, но предпочитала отличаться от своих противников.

С наступлением осени командование обратилось к горожанам за помощью и в обеспечении теплыми вещами. Куряне жертвовали ни много ни мало одну шубу.

«Вечернее время» так писало об этом: «То, что происходит сейчас в Курске, эта жуткая картина приходящих санитарных поездов, переполненных ранеными, которых никто из населения не встречает, от которых в панике разбегаются шкурники-извозчики, не желающие их перевозить, эти грустные вести из лазаретов, перевязочных и эвакуационных пунктов, где почти отсутствует общественная помощь и где, как рыба об лед, бьется безо всякой поддержки военное общество, — все это не может быть терпимо ни одного часу».

Что ж, это был город Курск. Именно здесь неизвестный пятнадцатилетний гимназист записался добровольцем в офицерский полк и погиб на следующий день, завещав отцу передать Кутепову свою любимую книгу «Рассказы о Суворове».

«Настроение здесь сплошь антибольшевистское, но придавлено террором, не знающим границ. Усталость всех растет, как и смертность, с каждым днем». Так значилось в донесениях белых разведчиков летом 1919 года.

А добровольческие дивизии наступали и наступали.
Корниловцы пели свой марш:

За Россию и свободу, если позовут,
То корниловцы и в воду, и в огонь пойдут.

Верим мы: близка развязка с чарами врага.
Упадет с очей повязка у России, да!
Загремит колоколами древняя Москва.
И войдут в нее рядами русские войска.

Дроздовцы откликались:

Пусть вернемся мы седые от кровавого труда,
Над тобой взойдет, Россия, солнце новое тогда.

Они шли с открытым забралом, словно возвращались домой, где их ждали отец и мать. Лица этих людей светятся и до сих пор из темноты истории.

Сколько их было? Очень немного. Большинство населения выжидало, как всегда.

Вот описание одного из героев. «Особенного в нем не было ровно ничего, если не считать его свежей молодости, сияющей улыбки, сухих и смуглых рук и того, что он картавил совершенно классически, по «Войне и миру», выговаривая вместо «р» — «г»...

Но именно этот армейский капитан, простой и скромный, с его совершенной правдой во всем, что он делал и думал, и есть настоящий «герой нашего времени». Его, можно сказать, предчувствовали даже писатели и, например, капитан Тушин Толстого, босой, с трубочкой-носогрейкой, у шатра на Аустерлиц-ком поле, несомненный предтеча капитана Иванова, так же, как Максим Максимович, шагающий за скрипучей кавказской арбой, или поручик Гринев из «Капитанской дочки»...

Как и все, Иванов был бедняком-офицером из тех русских пехотинцев, никому не ведомых провинциальных штабс-капитанов, которые не только не имели поместий и фабрик, но часто не знали, как скрыть

следы времени и непогоды на поношенной офицерской шинелишке, да на что купить новые сапоги...»^{54}.

Капитан Петр Иванов, которого прозвали за красоту и храбрость Иисусом Навином, был убит разрывом шрапнели.

«На площади, в темноте, меня удивил тихий тягостный вой. Сгрудившаяся толпа солдат как будто бы была с зажатыми ртами. Это была четвертая рота. Солдаты смотрели на меня из темноты, не узнавая, не отдавая чести, опустевшими, дикими глазами. Этот невнятный звук, удививший меня, был подавленным плачем. Так плачут наши простолюдины, не разжимая рта. Четвертая рота плакала»^{55}.

Рота не стала его хоронить, не желая допустить надругательства над телом капитана. И в течение двух месяцев, отступая, солдаты везли в железном гробу тело своего командира до самого Азова, где похоронили в конце декабря, отдавая прощальный салют.

Что-то мистическое, древнее в этой необычной истории, словно отражение предания или мифа. Прощай, Иванов!

Вернемся к живым. Пока еще живым.

Кутеповский корпус шел все дальше, хороня убитых и вовлекая в свои ряды молодых людей из освобожденных городов и сел. Не было времени остановиться, укрепиться на занятой территории.

«Хоть цепочкой, хоть цепочкой, но дотянуться бы до Москвы!» — говорил на совещании высших военных начальников начальник штаба ВСЮР генерал И. П. Романовский, как будто офицерская цепь обладала магической силой.

Мысль о Первопрестольной кружила головы.

Москва! Все надежды связаны с ней.

И было почти не услышано известие, что в июле части Кавказской армии Врангеля, перешедшие на

левый берег Волги, вошли в связь с уральскими казаками, левым флангом колчаковской армии. Но это был короткий контакт, уже ничего не решавший. Центральная власть, как всегда, оказывалась сильнее сопротивления окраин.

«Из глубины истории, — писал Кутепов в приказе от 7 сентября по случаю занятия Курска, Льгова и Рыльска, — встают образы русских чудо-богатырей, и вы, их потомки, равны им. Пусть в сердце каждого наградой за их нечеловеческие усилия будет сознание, что пройден еще один тяжелый этап на путях к златоглавой Москве и что в этот момент сотни тысяч людей, освобожденных вашими подвигами, благословляют вас».

Курская газета «Вечернее время» посвятила Кутепову такие возвышенные строки: «Если вы были в Мадриде, наверное, видели в картинной галерее Прадо кисти Веласкеса портрет Хозе Альваро. Этот офицер, во славу Бурбонов и Габсбургов, завоевал в Новом Свете целые страны. Завоевал с горстью таких же, как и сам, храбрецов и дерзких искателей буйных романтических приключений. Молодой генерал-лейтенант внешностью своей весьма и весьма напоминает конквистадора, и не только внешностью. Но Хозе находился в лучших условиях. Он воевал с безоружными дикарями, Кутепов — с вооруженными до зубов красноармейцами, дерущимися с бешенством отчаяния и ведомыми целой фалангой опытных офицеров Генерального штаба.

В завоеванных губерниях он мудро правит. Он успевает объезжать завоеванные города.

Воспитанный в гвардейских традициях славной Петровской бригады, генерал Кутепов, как истинный рыцарь, чуток до щепетильности к чести офицерского мундира. Он требует и умеет властно подтвердить свое требование, чтобы каждый офицер его корпуса без страха и упрека и с достоинством носил свой мундир и свои погоны.

Таков внешний и духовный портрет одного из лучших, самых героических вождей Добрармии, идущего со своим железным корпусом по большой Московской дороге, чтобы освободить Иверские святыни».

В газетной статье сегодня видится какая-то чрезмерность, но в 1919 году, когда добровольческих командиров вообще отмечали очень скромно, этот пафос являлся выражением благодарности.

Курск был взят с ходу: в ночь с 6 на 7 сентября три бронепоезда под командованием полковника Зеленецкого, с потушенными огнями, внезапно для красных ворвались на станцию Курск, открыли орудийный огонь по бронепоездам красных и посеяли страшную панику. Затем в город вошли 1-й и 2-й Корниловские полки.

Среди суматохи, тревоги и больших ожиданий совсем незаметным прошло известие, что несколькими днями раньше под Курском в селе Софроновке конная разведка корниловцев задержала оказавшуюся в прифронтовой зоне знаменитую певицу Надежду Васильевну Плевицкую и ее мужа, артиллерийского капитана Левицкого. Обоих доставили в штаб 2-го Корниловского полка, которым командовал полковник Яков Антонович Пашкевич. Он родился в крестьянской семье, был верующим человеком и каждое дело начинал с крестного знамения. Его до глубины души потряс чудесный голос певицы. Может быть, в этом он увидел доброе предзнаменование: ведь Плевицкая раньше выступала и в Царском Селе, и перед офицерами, и на торжествах в честь столетней годовщины Бородинской битвы. Она была частью дореволюционной России. И как было не радоваться сейчас ее песням?

Черные глаза Плевицкой загорались, лился звонкий чарующий голос.

Все это соединяется в одну картину: герои, обыватели, подвижничество, равнодушие... И в этой картине где-то сбоку, не выпячиваясь перед молодыми героями, стоят крестьяне. Они ждут от белых не самопожертвований, а ответа на простой, даже очень простой вопрос: как они распорядятся землей?

«Третья» Россия настороженно глядит на Белую, старую Россию. И что же она видит? Непонимание. Деникинский закон предлагает мужикам отдавать каждый третий сноп владельцам земли. Да, прежние собственники возвращаются. Деникину некуда деть этих добродушных помещиков, не умеющих жить. Они прилепляются к армии и тащат ее назад, куда-то в трясины.

Да, добровольцы лучше, возвышеннее, у них — душа. Но мужикам этого мало. Они видят: чужие, не понимают.

Если это так, то вся белая эпопея была обречена с самого начала, несмотря на все героические ледяные походы, несмотря на кровь трехсот русских юношей у бесчисленных донских, кубанских, курских, орловских Фермопил. Обречена!

И летний рейд казачьего конного корпуса генерала Мамонтова, пронизавший красные тылы, как стрела, и победы на Украине, и щедрая помощь оружием и снаряжением со стороны Англии, решившей наконец вести свою многослойную политику с учетом интересов Вооруженных сил Юга России, — все это пустяки перед лицом хмурого мужика.

К тому же российские промышленники и торговцы, прежде такие патриоты и так заинтересованные в защите своих рынков от зарубежных конкурентов, теперь находились словно в очумении и не могли стать выше сиюминутных своих выгод. Чего стоили, например, призывы деникинского Управления торговли и промышленности к донецким шахтовладельцам продавать уголь Добровольческой армии? Почти ничего

не стоили. Шахтовладельцам было выгоднее продавать уголь в Константинополь, где стоял флот союзников, и получать твердую валюту, чем отечественные «колокольчики» (купюры, на которых был рисунок Царь-колокола).

«Они, как свиньи, своим бессердечием подтачивают великий дуб, желудями которого кормятся», — без оков оковостей припечатывало «Вечернее время».

Никто не понимал, что это конец.

Неужели эти пятнадцатилетние гимназисты, юнкера и капитаны Ивановы должны были выковывать белую победу? Они одни? Да, с ними великие тени — Петр I, Екатерина II, Суворов, Скобелев, Столыпин.

Мертвая Великая Россия пыталась победить.

В обозе добровольцев неудержимо двигалась месть.

Будто не было революции, будто ничего не произошло, надвигалась она на простонародную Россию.

«По дошедшим до меня сведениям вслед за войсками при наступлении в очищенные от большевиков места являются владельцы, насильно восстанавливающие, нередко при прямой поддержке воинских команд, свои нарушенные в разное время имущественные права, прибегая при этом к действиям, имеющим характер сведения личных счетов и мести. Приказываю такие явления в корне пресекать и виновных привлекать к строгой ответственности». Эта телеграмма Деникина должна была остановить помещиков или хотя бы заставить задуматься.

Деникин надеялся уравновесить интересы, чтобы объединить крестьян, землевладельцев, промышленников, интеллигенцию. В итоге он никого не объединил. В его обозе находились все те же разрозненные силы.

С взятием Курска кутеповский 1-й корпус выдвинулся вперед. Слева и справа от него шли конные

корпуса Шкуро и Юзефовича. Напор был сильным, дух — крепким.

В этот решающий для наступления момент командующий Добровольческой армией генерал Май-Маевский приказал выделить из кутеповского корпуса шесть полков для отправки их на Украину против Махно. Шкуро отдавал бригаду Терской дивизии, Юзефович — два полка.

Кутепов не находил себе места. Почему ослабляется корпус?

Спорить он не мог, надо было подчиняться. Он чего-то не понимал. Разве нельзя было оставить на Украине только сдерживающие силы, а все бросить на Москву?

Ему мог бы ответить генерал Слащов, который в ту пору как раз воевал с батькой Махно. Вот его записки: «Союзники давали деньги, рассчитывали возместить свои расходы русским углем и нефтью.

Началась разбойничья политика крупного капитала. Появились старые помещики, потянувшие за собой старых губернаторов. Интересы мелкой русской буржуазии, создавшей Добровольческую армию, стали как бы попирались интересами крупного международного капитала.

Борьба из внутренней постепенно и совершенно незаметно стала превращаться в борьбу интернационального капитала с пролетариатом. Даже мелкобуржуазные массы почувствовали гнет и частью отхлынули от белых. Пролетариат поднял голову, начались восстания. Создались внутренние фронты»^{56}.

Вряд ли Кутепов согласился бы тогда со слащовскими выводами. Его корпус борется на стороне британских банкиров против русских людей? Что за чушь! Он борется за Российскую державу, за Отечество.

Перед кутеповским корпусом собирались все новые красные дивизии и полки. Наиболее крупные части — Латышская дивизия сосредоточивалась на левом фланге

под Карачевом, а Конная армия Буденного — на правом, в стыке с Донской армией.

Кутепову предстояло брать Орел. У него не было сомнений, что он легко возьмет этот город. Дело в другом: в целесообразности мгновенного занятия Орла.

На совещании в штабе корпуса Кутепов прямо объяснил свои сомнения:

— Об этом я только что говорил по прямому проводу со штабом армии. Говорил, что я Орел возьму, но мой фронт выдвинется, как сахарная голова. Когда ударная группа противника перейдет в наступление и будет бить по моим флангам, то я не смогу маневрировать — часть своих полков мне и так пришлось оттянуть к соседним корпусам после того, как их ослабили, да у меня самого отняли шесть полков... А мне все-таки приказали взять Орел.

Большого энтузиазма в его словах никто не слышал.

Да и откуда быть энтузиазму? Что-то не увязывалось. На Украине — Махно, на Дону — строптивые казаки, на Кубани — «самостийники» из Кубанской рады. И меж ними словно нет России.

Орел заняли, Май-Маевский прислал Кутепову веселое поздравление: «Орел — орлам!»

А тревога росла.

Белая Россия была окружена врагами. Она уповала, что народ сам очнется и разберет, на чью сторону вставать. А народ ждал, кто победит.

Красные, хоть и лучше владели жестокими средствами управления народом, в отличие от белых этого молчаливого народа все-таки боялись. Против Добровольческой армии были брошены латышские, эстонские, китайские, украинские части, ничем не связанные с населением Центральной России. Они должны были сцементировать оборону. Ленин придавал этому настолько большое значение, что лично

подсчитывал по карте срок прибытия латышских стрелков к Орлу и следил за ходом переброски.

О том, как сражались червонные казаки, известно. Нет, не жестокость боев, не дерзкие прорывы вызвали к ним злобу. В конце концов и белые стреляли и рубили не ласковее. Но белые не опускались до провокаций. Чтобы возбудить среди мирного населения ненависть против белых, червонные наряжались в белогвардейскую форму, надевали погоны и устраивали массовые расстрелы приветствовавших их крестьян.

В Москве правительство готовилось к эвакуации. Белые занимали территорию в 16-18 губерний с населением в 42 миллиона человек.

Четырнадцатого октября ударная группа красных получила приказ наступать. В ночь на 15 октября после ожесточенных боев 2-я бригада Латышской дивизии отбила Кромы и создала угрозу флангу и тылу Корниловской дивизии, занимавшей Орел.

Кутеповский корпус был нацелен на Тулу. Но теперь следовало избавиться от фланговой угрозы, снова занять Кромы.

Холодная осенняя пора, облетевшие леса, побуревшие мокрые поля — глухое предзимье сурово глядело в глаза добровольцев, словно вопрошало, почему они опоздали воспользоваться безвозвратно ушедшим летним теплом. И что могли ответить офицеры в разбитых сапогах?

Чаши весов качались.

Добровольцы вновь овладели Кромами и Севском и начали движение к Липецку, Лебедяни и Ельцу.

Первая Конная армия Буденного заняла Воронеж и получила задачу двигаться главными силами на Курск, в тыл добровольцам.

Кутепов приказал оставить Орел.

Все висело на волоске. В эту пору любое точное решение могло переломить ход назревшего кризиса.

В штабе корпуса собралось совещание, чтобы определиться в этой тактической неразберихе. По давно заведенной традиции первое слово было предоставлено самому младшему по чину офицеру. И этот офицер предложил неожиданное:

— Прежде всего надо приказать всем штабам выйти из вагонов и перейти в войска. А обозы, больных и раненых скорее отправить в тыл. Затем собрать все наши силы в один кулак и обрушиться на Латышскую дивизию. Латыши уже сильно потрепаны корниловцами, и наш корпус, безусловно, их уничтожит. Остальные советские полки будут после этого нам не страшны. Мы снова возьмем Орел. Не будем в нем задерживаться, двинем быстрым маршем на Москву. За Орлом никого, кроме только что мобилизованных частей, нет, они нам не страшны. Москву мы возьмем. Это разрушит все управление красными армиями, их карты будут спутаны. Центр страны будет наш. Мы получим все преимущества центральной власти. А рейд Буденного по нашим тылам в конце концов выдохнется...

Предложение это вызвало большое оживление, но кто-то резонно заметил, что армейский штаб никогда не утвердит такой операции. (Как потом выяснилось, подобный рейд на Москву силами кавалерийского корпуса предлагал и генерал А. Г. Шкуро.)

— А мы должны только предупредить Харьков о ней и немедленно прервать связь, — сказал офицер.

С ним никто не согласился. А что было бы, если бы согласились?

Спустя несколько лет, уже в Париже, генерал Кутепов вспомнил об этом. Тогда шел разговор о судьбе, о даруемых ею каждому человеку пяти минутах, ухватив которые можно достичь наивысшей удачи. Ему

напомнили то штабное совещание. Может быть, именно там он упустил свои пять минут?

— Если бы я пошел на Москву, каких бы собак на меня потом навешали в случае неудачи, — ответил Кутепов.

Но тот самый офицер возразил:

— В случае неудачи вас бы давно не было в живых, все легли бы костями. Ну а при удаче — победителей не судят.

Может быть, и вправду они дошли бы до Москвы, как весной восемнадцатого года дошли до Екатеринодара.

Советское правительство уже готовилось к эвакуации.

Но пусть дошли бы. И что дальше? Снова обнажились бы все разломы, началась бы борьба за власть между монархистами, демократами и военными при участии западных правительств.

Прорыв кавалерии Буденного под Касторной на стыке Добровольческой и Донской армий, а также и дивизии червонных казаков на Фатеж (снова был маскарад с переодеванием) заставил белых отступить.

Как ни горько было ощущать движение исторического маятника в чужую сторону, но с каждым днем добровольцы начинали все больше понимать, что Московский поход уже завершился, надо думать о спасении армии.

Наступил новый период в Белом движении. На протяжении огромного фронта в 1150 километров у белых было всего 48 400 штыков и 22 100 сабель. О сплошном фронте не могло быть и речи. К тому же, как всегда при отступлении, резко обозначились тыловые противоречия и столкновения генеральских амбиций. Ко всем трудностям добавлялись вспышки сепаратизма на Дону и Кубани, где во избежание подъема цен на продукты питания местные власти запретили вывоз за

пределы областей. То есть добровольцы как бы официально объявлялись чужими.

В свою очередь генерал Май-Маевский издал приказ, запретивший на Украине преподавание в школах на украинском языке.

«Недоверие к высшему командному составу росло — грабежи и кутежи лиц этого состава с бросанием огромных сумм денег были у всех на виду, и младший командный состав пошел по стопам старшего и тоже стал собирать дары «от благодарного населения», внося еще большую разруху и еще больше озлобляя население. Богатое казачество, пострадавшее материально в 1918 году, пожелало пополнить свои убытки и отправляло вагонами награбленное имущество в свои станицы и туда же гнало лошадей табунами. Дело дошло до того, что казачьей части нельзя было спешиться для боя, потому что ни один казак не хотел оставить сзади свою лошадь с седлом, к которому были приторочены его сумы, где, очевидно, лежало достаточное количество драгоценностей»^{57}.

Безраздельно властвовала «колдунья в шапке-невидимке». Это название журналисты из «Донских ведомостей» дали безудержной спекуляции, с которой не могли справиться ни гражданские, ни военные власти. Ни строгие приказы, ни аресты, ни реквизиции не смирляли безудержность «колдуньи». Среди арестованных были даже офицеры. Так, в Новороссийске за хищение вина из казенного имения Абрау-Дюрсо был арестован чиновник для особых поручений при черноморском губернаторе де Роберти.

В октябре генерал Врангель приказал повесить заместителя начальника станции Царицын, весовщика и составителя поездов. Они за взятки отправляли с воинскими эшелонами частные грузы, задерживали раненых и снаряжение. Бедняги попали под железное колесо судьбы, оно изрубило их, но вокруг все

оставалось по-прежнему. Обвинять стрелочников и чиновников можно было до бесконечности.

Среди офицеров широко расходились копии писем Врангеля Деникину с жесткой критикой стратегии главнокомандующего, не пожелавшего соединиться с армией Колчака.

Некоторые начинали понимать, что национальная Россия в отличие от советской не получила яркой объединяющей идеи, что деникинское правительство, Особое совещание, — это неопределенная и малодейственная смесь монархистов, либералов и кадетов. В середине ноября член ЦК конституционно-демократической (кадетской) партии Н. И. Астров подал Деникину записку: «Тезисы по вопросу о политическом курсе». Он нарисовал безнадежную картину разложения Белого государства и разрыва связей между народом, армией и торгово-промышленными кругами вкупе с интеллигенцией. Требовались новые идеи, новый курс.

Но кто мог проложить такой курс? Кто мог предложить такие идеи? Белое движение в целом представляло собой героическую и малоконструктивную реакцию Февраля на Октябрь. (Уже в эмиграции «Белая Россия» призналась: «Какое глубочайшее недоразумение — считать русскую революцию не национальной!»)^{58}.

В белой армии подавляющее большинство офицеров не являлись дворянами, не владели никакой недвижимостью и выражали демократические идеи. Даже генерал Корнилов, символическая фигура движения, был настроен республикански, принимал участие в аресте семьи Николая II в Царском Селе. Деникин тоже выступал против самодержавного строя.

Опыт авторитарного управления адмирала Колчака оказался неудачным: массовые крестьянские восстания и оппозиционность демократических слоев разрушили армии «Верховного правителя». В конце ноября 1919

года ближайшие соратники адмирала, братья Пепеляевы (председатель правительства и командующий 1-й армией), вместе с командиром корпуса Зиневичем организовали мятеж с целью передачи власти «народным избранникам» (то есть эсерам). В конце декабря «Верховный правитель» был лишен власти. В начале января 1920 года он был выдан большевикам и ими расстрелян.

Деникин тоже оказался зажат в тиски разломом в среде правящей элиты. Ему не суждено было из них вырваться, чуда «спасения утопающего в двенадцатибалльный шторм» не могло произойти.

Кутеповский корпус отступал. Сдали Курск, откатывались к Харькову. Отстоять город было трудно — фланги оголены, постоянно грозило окружение.

Оставляемый войсками город — жалок и незащищен. Когда уходит одна власть и еще нет другой, наступает ужас безвластия. В этот период ни у кого нет защиты, все дозволено, и только Господь взирает с ужасом на грешных людей.

Предчувствие отхода белых повергало Харьков в тоску. Уже взламывались скрепы военного порядка, уже лихие молодцы пытались сбивать замки с пакгаузов и грабить обывателей.

Кутепов приказал своему конвою и охранной роте обходить улицы и вешать грабителей на месте преступления. Казалось, только и остается — расстреливать и вешать. Полтора года Гражданской войны никому не прибавили милосердия и сердечности.

Когда в Пятихатках под Харьковом махновцы окружили вокзал и из пулеметов сквозь окна расстреляли офицерский бал в зале первого класса, они уничтожали не просто золотопогонников, а нечто высшее и чужое, что стояло над ними. Еще в феврале 1918 года в своем имении Торосово под Петроградом

был убит двоюродный брат генерала Врангеля Георгий Врангель, причем убийцы выкололи глаза на родовых портретах, разбили севрский фарфор, рояль и старинную мебель. Высшему не было места в той междоусобице. Оно должно было либо погибнуть, либо опроститься, влезть в другую шкуру.

Кутепов предпочитал до конца оставаться самим собой и не склонять голову перед обстоятельствами. Солдафон? Хорошо, пусть солдафон. Вешатель? Пусть вешатель.

В Харькове к нему шли на прием и нормальные люди: с требованиями или просьбами о возвращении добровольцами долгов. Так перед ним оказался и главный инженер одного завода, выполнявшего заказы Добровольческой армии; рабочим задолжали за три месяца, а казначейство было уже эвакуировано.

Инженер смотрел на Кутепова без особой надежды. Генерал мог отказать, но поблагодарил за откровенный разговор, открыл денежный ящик и выдал необходимую сумму. Он был человеком долга и понимал: пусть добровольцы уходят из города, но все-таки они остаются. Потом, во время эвакуации Севастополя в ноябре 1920 года, белые оставили красным все склады с имуществом, не взорвали.

В записках Врангеля этот период показан так: «Гонясь за пространством, мы бесконечно растянулись в паутину и, желая все удержать и всюду быть сильными, оказались всюду слабыми. Между тем, в противоположность нам, большевики твердо придерживались принципа полного сосредоточения сил и действий против живой силы врага... Продвигаясь вперед, мы ничего не делали для закрепления захваченного пространства; на всем протяжении от Азовского моря до Орла не было подготовлено в тылу ни одной укрепленной полосы, ни одного узла

сопротивления. Теперь армии, катящейся назад, не за что было зацепиться.

Беспрерывно двигаясь вперед, армия растягивалась, части расстраивались, тылы непомерно разрастались. Расстройство армии увеличивалось еще и допущенной командующим армией мерой «самоснабжения» войск...

Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами — в грабеж и спекуляцию. Каждая часть стремилась захватить побольше трофеев. Бралось все; что не могло быть использовано на месте — отправлялось в тыл для товарообмена и обращения в денежные знаки. Подвижные запасы войск достигли гомерических размеров — некоторые части имели до двухсот вагонов под своими полковыми запасами. Огромное число чинов обслуживало тылы. Целый ряд офицеров находился в длительных командировках по реализации военной добычи частей, для товарообмена и т. п.

Армия развращалась, обращаясь в торгашей и спекулянтов...

Население, встречавшее армию при ее продвижении с искренним восторгом, страдавшее от большевиков и жаждавшее покоя, вскоре стало вновь испытывать на себе ужасы грабежей, насилий и произвола»^{59}.

Зима была ранняя, морозная. После сдачи Харькова Врангель возглавил Добровольческую армию, сменив Май-Маевского. Отступление продолжалось. Часто на станциях можно было видеть раскачивающиеся на телеграфных столбах заиндевевшие трупы с прикрепленными к груди табличками: «Мародер».

Как будто бы возвращались те безысходные дни июльского отступления 1917 года под Тарнополем, когда Корнилов пытался остановить развалившуюся армию. Впрочем, краха еще не было, был надлом. Наверное, еще можно было вернуть удачу. Еще оставались за спиной армии огромные пространства,

еще воевали храбрые и талантливые командиры, еще не затупились казацкие шашки.

Однако Врангель уже предчувствовал беду и предложил Деникину вообще оставить самостоятельные казачьи Дон и Кубань и отступить на Крым, где прочно закрепиться. На этой стратегии настаивали и французы, имевшие в виду поддержку со стороны белых правого фланга польской армии^{60}.

Деникин же не мог бросить казаков-союзников. На Дону, по его соображениям, отступление должно было кончиться. По рекам Тузлов и Самбек и их притокам были выстроены рубежи обороны с окопами и проволочными заграждениями. Оборонительный пояс окружал Ростов и Новочеркасск, железнодорожные станции и станицы. Англичане тоже настаивали на донском направлении, имея в виду свои стратегические интересы на Кавказе.

Добровольческая армия откатывалась. Вот уже очищен Донецкий бассейн. Армию приказом Деникина свели в Добровольческий корпус под командованием Кутепова. Критически настроенный Врангель был отрешен от должности.

Нет, не было удачи белым частям!

Под Новочеркасском генерал Мамонтов успешно атаковал конные части С. М. Буденного. Генерал Гуселыциков уже было зажал в тиски красных, а находившаяся восточнее города конная дивизия генерала Лобова готовилась ударить им в тыл. Но Лобов не решился на удар и отошел за Дон. Участь Новочеркасска была предрешена. В ночь на Рождество белые оставили город.

«Звезды кровавые горят в эту Рождественскую ночь, — писала газета «Приазовский край». — Пустыня задушила наши сады, оголила наши деревья, смяла цветы. Пустыня победила. В горячке, в бреду, но мы не смеем останавливаться, не смеем падать духом. Надо

нести свой крест и идти, двигаться, будить в себе и окружающих настойчивые зовы жизни. Слышишь ли, путник? Надо идти. Перевяжи свои раны, утри горький пот со своего чела, смахни налипшую пыль, и дальше, дальше».

В Ростове командовал Кутепов, там царили другие настроения. Он объявил всеобщую трудовую повинность, запретил мужчинам уезжать из города, организовал рытье окопов. Проводилась мобилизация. На улицах задерживали пьяных, грабителей и воров вешали.

А перед Ростовом был дан бой наседавшему противнику. Добровольцы вместе с конницей генерала Барбовича отбивали все атаки и отбросили красных на семь верст.

В беседе с журналистом «Приазовского края» Кутепов говорил: «Тут и там трусливо шушукаются, что добровольческих частей якобы не существует, что армия бежит, что все потеряно. Преступная клевета!» Он собирался защитить Ростов и не подозревал, что в связи с потерей Новочеркасска окажется в трудном положении: колонны красных выйдут ему в тыл.

Оставили и Ростов, ушли за Дон, в Батайск. Здесь можно было держаться.

Поезд Кутепова стоял на станции Каял.

В морозном воздухе разносился кислый запах гари из паровозных топок. В окно вагона был виден угол станционного здания из красного кирпича и слышались какие-то разговоры часового с неизвестным человеком, явно невоенным. Командир корпуса вышел в тамбур. Кто там? Оказалось, четырнадцатилетний мальчик просится на прием к Кутепову.

— Пропустите.

Мальчик был в алексеевской форме с белыми погонами.

— Кадет? Гимназист?

Это был кадет 2-го Московского кадетского корпуса Борис Пылин. Он пристал к добровольцам в Ливнах, считал себя белогвардейцем.

Кутепов стал расспрашивать о родителях, и Борис рассказал, что отец — преподаватель гимназии, мать умерла от туберкулеза, а сейчас отец женился снова. При эвакуации из Харькова отец потерялся, мачеха же с младшей сестрой находится где-то в Крыму. Еще мальчик поведал о юных офицерах, 18-20 лет, с которыми он сдружился в Алексеевском полку, только у одного была отсохшая после ранения рука, а у другого — черная повязка на глазу.

К Кутепову Бориса привело желание пойти на разведку в Ростов. В полку его не пускали, не хотели подвергать риску, поэтому он решил обратиться к командиру корпуса.

— Нет, ни за что! — категорически ответил Кутепов. — Я не имею права рисковать твоей жизнью.

— Да я пройду! Мне безопасней, чем любому взрослому! — стал доказывать кадет.

В глазах его появились слезы, генерал не уступал.

Может быть, его горячность заставила Кутепова вспомнить других подростков, обращавшихся к нему и уже погибших, и вспомнить себя самого в таком же возрасте, притулившегося к армейскому полку. Борис доказывал, что хоть ему и немного лет, но он уже много видел и пережил, поэтому на него можно положиться. И Кутепов в конце концов сказал:

— Ну, хорошо, беру этот грех на себя. Иди, бог с тобой.

Борис пошел в красный Ростов, был арестован, несколько дней просидел в тюрьме, потом его выпустили, и он кое-что разузнал о бронепоездах и артиллерии. Он мог погибнуть на обратном пути, но только отморозил себе щеку, а в остальном Бог,

действительно, был с ним. Генерал Барбович, к которому привели кадета, возмутился, что «детей посылают не туда, куда нужно». Но Борис не считал себя ребенком. Командир полка произвел его в старшие унтер-офицеры, на его погонах появились три лычки. Новоиспеченный унтер был счастлив, и даже саднящая, перевязанная правая щека не слишком огорчала его. С первым поездом он отправился на станцию Каял, к Кутепову. Тот принял его и был очень доволен, что все обошлось и что разведка тоже прошла удачно. Командир корпуса вышел в соседнее купе, принес Георгиевский крест и прикрепил его к гимнастерке Бориса.

— Оставайся при штабе корпуса, — предложил генерал.

Но Борис отказался и вернулся в полк. С той поры они больше не встречались^{61}.

«На реце на Каяле тьма свет покрыла: по Русской земле про-строшася половци...» Эти строчки из «Слова о полку Игореве» вспоминали тогда на станции Каял. Что ж, и степь была та же, что и 700 лет назад, и новые половцы давили, и разрозненные русские князья пытались держать оборону.

В начале февраля генерал Кутепов приказал корпусу перейти в наступление.

Все было на стороне красных: численное превосходство, занимаемый высокий берег реки, сильный мороз при резком ветре. Ночью корниловцы во главе с полковником Скоблиным перешли по льду Дон, внезапно заняли станицу Гниловскую, вышли во фланг Ростова и ворвались в город. Противник понес большие потери, пленных насчитывалось около шести тысяч человек.

Снова добровольческий меч был победным.

Чуть раньше против красных на Манычский фронт двинулась вся донская конница под командованием

генерала Павлова. Она отбросила дивизию Гая. Казаки шли на Буденного, который перед этим прорвался сквозь кубанские полки. Никто не мог предугадать, чем кончится столкновение. Может быть, повторялся Ледяной поход? Мороз с ветром гнал донцов вперед к станице Шаблиевской. Люди застывали и обмораживались. Проходили час за часом, верста за верстой, а белая безлюдная степь была все так же враждебна и медленно убивала тысячи всадников. Обессиленный Донской корпус все-таки атаковал красных конников, но удара уже не получилось. Донцов отбросили в степь. Ворота в тыл добровольцам распахнулись перед Буденным, и он кинулся в направлении Тихорецкой и Ставрополя, не оглядываясь на занятый Ростов. Под угрозой обхода добровольцы сами оставили город. Без боя.

Кутепов уже третий раз уходил из Ростова. В третий раз казаки надламывались. Был ли предел этому?

Добровольцы отступали. По дорогам вместе с войсками шли беженцы, усталые лошади тащили сани и повозки. Впереди была еще одна водная преграда — река Кубань, где белым еще можно было держать оборону. А если не удержатся, то будут прижаты к морю. И тогда не на что уповать.

Двигались по местам первого Кубанского похода. До Кутепова дошли донесения о действительных обстоятельствах конного рейда Павлова. Лошади гибли от бескормицы, ночевать приходилось под открытым небом, в лучшем случае в зимовниках, приспособленных для небольших табунов. Но теперь эти донесения ничего не вызывали, кроме ярости. Профукали победу под Ростовом!

Его корпус отступал и был страшен для красных. Замыкали отступление дроздовцы. Время от времени полковник Туркул сворачивал свой полк в каре и под звуки военного оркестра бросал его в контратаку.

Под Егорлыцкой произошел еще один бой — снова конницы. Он начался редкой стрельбой в станице: наверное, туда залетел красный разъезд. Небольшие отряды кубанских казаков покидали станицу, не хотели драться. На высоком берегу ручья Ей, отделявшего Донскую область от Кубанской, появились темные четырехугольники резервных колонн красной конницы. На холме с этой стороны стояли конные батареи белых. Они открыли огонь. Дистанция была в три версты, шрапнели разрывались прямо над колоннами, разбивая их ряды. На смену рассеянной коннице выкатились красные батареи. Ни о каких закрытых позициях не было и речи. Все видно как на ладони. Весь склон покрылся батареями и полками. Батареи снимались с передков, устанавливали орудия. Белые пушки били непрерывно, не давая противнику угнестись. Но красные разворачивались под обстрелом, теряя коней и людей, и все же начали отвечать огнем. В утреннем небе шипели снаряды, а внизу, в долине ручья, сошлись две конные массы.

По склону туда стекали красные резервные колонны, новые, еще не развернувшиеся. Шрапнель выкашивала их. Но упорно они атаковали в лоб, не обращая внимания на жертвы и не стремясь обойти фронт с фланга. В их движении чувствовался громадный численный перевес и незамысловатая жестокая воля.

Вот здесь и должен был быть нанесен кубанскими казаками удар по правому флангу буденновцев.

Накануне калмыки почти полностью вырезали красную бригаду, потом прошли по станице, неся на пиках отрубленные головы, колотя в бубны и размахивая захваченными красными знаменами. Это было устрашающее дикое зрелище.

Если бы сейчас казаки налетели на буденновские части, то поле боя осталось бы за ними. Но кубанцы не сдвинулись с места.

Только под вечер терские казаки генерала Агоева охватили левый фланг красных и заставили их отойти. Но казаки-терцы не стреляли. И красные тоже по ним не стреляли. Это походило на столкновение призраков, уставших от войны.

На реке Кубани удержаться не удалось. Там погиб 4-й батальон Корниловского полка, погиб не в бою, а из-за предательства своих. Кубанские казаки лишили его возможности переправиться через реку, перегнав все лодки на левый берег.

Двенадцатого марта Кутепов неожиданно направляет Деникину резкую по тону телеграмму:

«Комкора Добрармии генерала Кутепова, № 1415 на имя Главкома.

Ставка. Главнокомандующему. События последних дней на фронте с достаточной ясностью указывают, что на длительное сопротивление казачьих частей рассчитывать нельзя. Но если в настоящее время борьбу временно придется прекратить, то необходимо сохранить кадры Добркорпуса до того времени, когда Родине снова понадобятся надежные люди. Изложенная обстановка повелительно требует принятия немедленных и решительных мер для сохранения и спасения офицерских кадров Добркорпуса и добровольцев. Для того, чтобы в случае неудачи спасти корпус и всех бойцов за идею Добрармии, пожелавших пойти с ним, от окончательного истребления и распыления, необходимо немедленное принятие следующих мер, с полной гарантией за то, что эти меры будут неуклонно проведены в жизнь в кратчайшее время. Меры эти следующие: 1) немедленно приступить к самому интенсивному вывозу раненых и действительно больных офицеров и добровольцев за границу; 2) немедленный вывоз желающих семейств офицеров и добровольцев, служивших в Добрармии, в определенный срок за границу с тем, чтобы с подходом Добркорпуса к

Новороссийску возможно полнее разгрузить его от беженцев...» В телеграмме явно прорывалось недоверие главнокомандующему. Чтобы Кутепов решился на такое, надо было совершиться чему-то необычайному. Далее командир корпуса требовал подготовить три или четыре транспорта с конвоем миноносцев и подводных лодок; немедленно поставить в строй всех офицеров. Особенно вызывающе звучало предложение: все учреждения Ставки и правительственных учреждений должны грузиться одновременно с последней эвакуируемой частью Добровольческого корпуса и никак не раньше.

Еще Кутепов требовал: передать в исключительное ведение корпуса железную дорогу Тимашевская — Новороссийск с узловой станцией Крымская включительно; с подходом корпуса вся власть должна принадлежать командиру корпуса, от которого «...исключительно должен зависеть порядок посадки на транспорты и которому должны быть предоставлены диктаторские полномочия».

«Докладывая о вышеизложенном Вашему Превосходительству, я в полном сознании ответственности за жизнь и судьбу чинов вверенного мне корпуса и в полном согласии со строевыми начальниками, опирающимися на голос всего офицерства, прошу срочного ответа, для внесения в войска успокоения и для принятия тех мер, которые обеспечат сохранение от распада оставшихся борцов за Родину. Все вышеизложенное отнюдь не указывает на упадок духа Доброкорпуса...

27 февраля. Ст. Тимашевка № 1415 Кутепов».

Главнокомандующий, определенно, был раздражен, получив эту телеграмму. Его ответ не оставляет в этом сомнения.

«Комкордобр генералу Кутепову

На № 1415. Вполне понимаю Вашу тревогу и беспокойство за участь офицеров и добровольцев,

прошу помнить, что мне судьба их не менее дорога, чем Вам и что, охотно принимая советы моих соратников, я требую при этом соблюдения правильных взаимоотношений подчиненного к начальнику. В основание текущей операции я принимаю возможную активность правого крыла Донской армии. Если придется отойти за Кубань, то в случае сохранения боеспособности казачьими частями будем удерживать фронт на Кубани, что легко, возможно и весьма важно. Если же казачий фронт рассыплется, Добркорпус пойдет на Новороссийск. Отвечаю по пунктам. Первое. Вывоз раненых и больных идет в зависимости от средств наших и даваемых союзниками. Ускоряю сколько возможно. Второе. Семейства вывозятся, задержка только от их нежелания и колебаний. Третье. Транспорты приготавливаются... Правительственные учреждения и Ставка поедут тогда, когда я сочту это нужным. Ставку никто не имеет права и основания упрекать в этом отношении. Добровольцы должны верить, что Главнокомандующий уйдет последним, если не погибнет раньше...»

Если не погибнет раньше!

Деникин не рисовался. Это ему не свойственно. Настроение у него и впрямь было невеселое, если не сказать безнадежное. Он приукрашивал положение. В отличие от него Кутепов лучше знал и чувствовал обстановку.

Заканчивался деникинский ответ в тех же определенных, твердых выражениях:

«.. Железная дорога передана быть не может, власть принадлежит Главнокомандующему.

Екатеринодар 28 февраля 20 г.»^{62}.

Но как ни заблуждался Деникин, в главном он был прав: нельзя было отдавать «диктаторские полномочия», — тогда бы все рассыпалось еще быстрее.

Надо было погибать дисциплинированно, сцепив зубы.

Войска отступали. Настроение было ужасное. Политики продолжали губить армию: Донской круг постановил разорвать взаимодействие Донской армии с Добровольческим корпусом, выразил Деникину недоверие.

Кубань, по которой отступали белые, фактически контролировалась «зелеными». Эти партизаны налетали на обозы и колонны, не разбирая ни добровольцев, ни донцов. Казалось, развал скоро дойдет до молекулярного уровня, когда все начнут резать всех.

Самые страшные сцены разыгрались при переходе через реку Кубань. Она вздулась от дождей и несла свой желтый вспененный поток с бешеной скоростью, лишив отступающих даже малой надежды переправиться вплавь. Екатеринодар был забит телегами, арбами, обозами, складами, беженцами, ранеными, тыловыми учреждениями, кавалерией, пехотой, артиллерийскими частями. Никакого плана эвакуации не было. Все рвались к железнодорожному мосту. Человеческая масса, охваченная паникой, образовала пробку. Время от времени за околицей города раздавались выстрелы, минуты таяли, пролетел слух, что мост взорвут, чтобы задержать красных. Никто не считал, сколько человек спрыгнуло в воду и утонуло, а сколько было сброшено очумевшей толпой.

Наконец командир казачьей бригады генерал Голубинцев догадался послать один свой полк на северную окраину, чтобы обезопасить переправу от неожиданного налета красных. Вскоре выставил заставы еще один полк. Постепенно паника улеглась.

Впрочем, за Кубанью Донская армия уже представляла из себя только тень прежних дивизий и корпусов.

«Вообще надо заметить, что казаки, при всех своих положительных военных качествах и доблести, при неудачах восстаний, как это подтверждает нам история, часто стремятся расчитаться головами своих вождей и начальников», — свидетельствует один казачий генерал, который пережил опасность быть выданным в те дни красным.

«На донских казаков нельзя было надеяться, как я уже говорил, они были дезорганизованы, сражаться не желали и только думали, как скорее уйти в тыл. Правый фланг Добровольческого корпуса они постоянно обнажали, ставя корпус в тяжелое положение. Здесь впервые раздались из уст добровольцев в адрес казаков слова: «Предатели! Предатели!»{63}.

Дошло до того, что отношения Кутепова и командующего Донской армией В. И. Сидорина стали враждебными.

Настроение мобилизованных солдат было агрессивным и часто выражалось недвусмысленно: «Взять бы всех этих добровольцев — и красных, и белых — да перерезать всех зараз»{64}.

«Между тем Новороссийск, переполненный свыше всякой меры, ставший буквально непроезжим, залитый человеческими волнами, гудел, как разоренный улей. Шла борьба за место на пароходе — борьба за спасение... Много человеческих драм разыгралось на стогнах города в эти страшные дни. Много звериного чувства вылилось наружу перед лицом нависшей опасности, когда обнаженные страсти заглушали совесть и человек человеку становился лютым врагом.

13 марта явился ко мне генерал Кутепов, назначенный начальником обороны Новороссийска, и доложил, что моральное состояние войск, их крайне нервное настроение не дают возможности остаться далее в городе, что ночью необходимо его оставить...»{65}

Во второй раз Кутепов давил на главнокомандующего. Заподозрить Кутепова в мыслях о перевороте и тому подобных насильственных действиях, о чем ходили слухи, вряд ли возможно. Он понимал, что для армии это будет губительным. Он не мог знать, что Деникин уже решил уходить и не будет драться за власть с новым поколением генералов-добровольцев, со всеми теми, кто был готов на краю бездны дать последний бой.

Деникин согласился с Кутеповым; эвакуация началась.

«Как воспоминание, характеризующее Новороссийск этого дня, осталась в памяти картина «ликвидации» огромных армейских складов, в тот день наполненных шумной толпой военных. С треском разбивались ящики, чтобы узнать их содержимое; здесь же раздевались и примеряли одежду; закусывали только что найденными консервами, пробовали содержание бутылок. К счастью, алкоголя не было. Наверное, в винные склады толпу не пускали. Это не был грабеж, так как это было разрешено. Даже ссор, насколько мне помнится, не было. Всего было много и всем хватало: всех видов военное обмундирование, начиная с шерстяных носков и теплого белья до кожаных теплых курток; разного рода консервы, шоколад, галеты, сгущенное молоко; медикаменты, медицинское оборудование и др.»^{66}.

Приказ Кутепова об эвакуации подводил черту под тысячелетней историей России. Все кругом разваливалось, но строки этого приказа дышали спокойствием и уверенностью. Он послал офицерские караулы на стоявшие у причалов суда, обеспечив порядок погрузки. Кутеповский легион дошел до края и не опустил флага.

Миноносец «Пылкий» отвалил от причала и, дымя трубами, пошел к выходу из бухты. Все неотрывно

смотрели на удаляющуюся пристань, забитую людьми.

Крики. Махание рук. Проклятия.

Кутепов, прищурившись, молча глядел на город.

Низко осев, медленно уходили баржи, транспорты, буксиры. На берегу — стон. В город вошли передовые части красных. Сигнальщик с «Пылкого» по приказанию Кутепова сигналил английскому дредноуту «Император Индии». Трехорудийная носовая башня поворачивается, нацеливаясь куда-то в горы, откуда идет наступление. С ревом, сотрясая пристань и горы, бухают двенадцатидюймовые пушки. Не видно, кого они поражают, — далеко. Но для оставшихся это звучит похоронным салютом.

Прощайте!

Впрочем, Кутепову предстояло вернуться. Ему донесли, что оставлен 3-й Дроздовский полк, прикрывавший посадку корпуса.

«Пылкий» повернул обратно.

На молу уже стояли красные с трехдюймовым орудием. «Пылкий» открыл огонь всеми тремя своими орудиями, не обращая внимания на красные шрапнели.

— Готовить сходни!

Волна от миноносца ударила в пристань, он стукнулся о причальный брус, сдирая с борта серую краску. Упали сходни.

Быстро сбежал вниз конвой комкора с револьверами в руках, с борта нацелились пулеметы.

Кутепов крикнул:

— Брать в первую очередь раненых и сестер милосердия!

Понесли носилки, заковыляли на костылях одноногие.

Кутепов командовал:

— Не напирать! Грузиться в полном порядке. Вещи бросать в воду.

А много ли возьмешь? Капитан «Пылкого» доложил: перегрузка, больше нельзя взять ни одного человека.

Конец?

Конец.

Кутепов не всемогущ. Можно погибнуть, но всех не спасешь.

Он крикнул:

— Сейчас вернемся! Перегрузим на «Беспокойный». Возьмем всех.

Миноносец, взбурлив воду винтами, отошел.

На переполненную палубу английского дредноута высадили спасенных и повернули назад.

И в третий раз вернулись за дроздовцами^{67}.

«Потом все стихло. Контуры города, берега и гор обволакивались туманом, уходя в даль... в прошлое.

Такое тяжелое, такое мучительное»^{68}.

Последним покинул Новороссийск не Деникин, а Кутепов.

Глава пятнадцатая **ВРАНГЕЛЬ СМЕНЯЕТ** **ДЕНИКИНА.** **ГОСУДАРСТВО КРЫМ**

В Крыму армия была в безопасности. Немногочисленный корпус генерала Слащова (Слащева) сумел защитить Сальковский и Перекопский перешейки благодаря остроумной тактике своего командира. Генерал предпочел не оборонять пустынную местность, где к тому же нельзя было разместить свыше трехсот солдат, а решил оставлять ее противнику, чтобы тот, в случае своей атаки, выбил бы оттуда небольшое охранение белых и остался там мерзнуть.

Яков Александрович Слащов был на три года младше Кутепова. Дворянин, сын полковника. Выпускник Академии Генерального штаба. Германскую войну закончил в чине полковника, награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, Георгиевским оружием и всеми другими боевыми орденами, пять раз ранен. В Добровольческую армию вступил в самом начале 1918 года, служил начальником штаба в кубанском отряде А. Г. Шкуро. Он был романтик, честолюбивый, склонный к бравade. По свидетельству Деникина, «обладал несомненными военными способностями, порывом, инициативой и решительностью. И корпус повиновался ему и дрался хорошо».

Слащовский план обороны Крыма был успешно выполнен. Части 13-й красной армии трижды захватывали перешейки, и трижды Слащов заставлял их отойти. Деникин за успешные действия 3-го армейского

корпуса переименовал его в Крымский. Слащов отстоял полуостров.

Конечно, с точки зрения истории безразлично, что за человек генерал Слащов. Разве не все ли равно, был ли он кокаинистом, носил ли псевдогусарский, им самим придуманный наряд — белый доломан и лиловые рейтузы? Как-то Врангелю сказали о чудачествах Слащова, он ответил: «Какое вам дело? Если он даже воткнет павлинье перо себе в задницу, но будет продолжать так же хорошо драться, это безразлично».

Врангель ошибся, ибо декадентство военного человека было не только смешно, но и грозило обернуться непредсказуемым поступком.

А тогда, в начале 1920 года, Слащов умело воевал, решил в считанные дни проложить железную дорогу для снабжения обороны Перекопа и добился этого.

В это горькое время на Кутепова свалилась еще одна малоприятная обязанность.

«В Симферополе генерал Кутепов со всей своей энергией приводил в порядок войска и обуздывал всех тех, кто во время бедствия потерял чувство долга и чести. Еще до ухода Деникина со своего поста Кутепов издал приказ от 19 марта, в котором писал, что виновные в малейшем насилии над личностью и собственностью граждан будут немедленно предаваться военно-полевому суду.

«С просьбами о помиловании по таким делам обращаться ко мне запрещаю, несмотря ни на служебное положение, ни на прошлые боевые заслуги» — так заканчивался этот приказ. Очень скоро два солдата были приговорены к расстрелу за кражу поросят, а три офицера за конокрадство»^{69}.

В феврале 1920 года Деникин уволил Врангеля в отставку. В своих «Очерках...» генерал указывает, что Врангель в декабре 1919 года встречался на станции Ясиноватая с командующим Донской армией Сидориным

и, «жестко критикуя стратегию и политику Ставки, поднял вопрос о свержении главнокомандующего». Генерал Шкуро тоже свидетельствовал о намерениях Врангеля устранить Деникина.

Врангель же утверждает, что его контакты с донскими и кубанскими генералами мотивировались необходимостью согласования действий Добровольческой армии на казачьих территориях.

В марте уволенный и никому не нужный Врангель уже готовился отбыть из Константинополя в Сербию, но неожиданно получил письмо — верховный комиссар Великобритании адмирал де Робек приглашал его позавтракать на флагманский корабль «Аякс». Почему? Вскоре это выяснилось.

Врангель выходил из здания российского посольства на улице Пера, когда ему передали телеграмму, гласившую, что генерал Деникин решил отказаться от своей должности и назначил военный совет для выбора своего преемника, куда просил пригласить и Врангеля.

Судьба генерала круто менялась.

На «Аяксе» все мысли Врангеля вертелись вокруг телеграммы. Он не тешил себя иллюзиями: борьба была обречена на гибель, он мог сложить голову в Крыму, но вряд ли способен был что-либо изменить. Отказаться? Не ехать на совет? Отступить в ту минуту, когда может сбыться его мечта и он возглавит русскую армию, с которой шел ее крестным путем? Рассудок подсказывал ему отказаться, но душа звала вернуться. Пусть там у него будет один шанс из ста, все равно этот шанс надо использовать.

Завтрак закончился. Адмирал пригласил Врангеля и генерала Мильна в кабинет и там сказал, что готов предоставить в распоряжение Врангеля судно.

— Я знаю, — продолжал де Робек, — положение в Крыму и не сомневаюсь, что тот совет, который решил собрать генерал Деникин для указания ему преемника,

остановит свой выбор на вас. Знаю, как тяжело положение армии, и не знаю, можно ли ее еще спасти... Мною только что получена телеграмма моего правительства. Телеграмма делает положение вашей армии еще тяжелее. Я не буду скрывать ее от вас, хотя она адресована Деникину. Вы должны ее знать, прежде чем принимать решение. Я повторяю, я не вправе утаивать ее от вас и, зная, о чем она, оставить вас в неведении. Вы должны узнать все сейчас, а не тогда, когда будет поздно.

В телеграмме значилось:

«Секретно. Верховный комиссар Великобритании в Константинополе получил от своего правительства распоряжение сделать следующее заявление генералу Деникину.

Верховный Совет находит, что продолжение гражданской войны в России представляет собой, в общей сложности, наиболее озабочивающий фактор в настоящем положении Европы.

Правительство Его Величества желает указать генералу Деникину на ту пользу, которую представляло бы собой в настоящем положении обращение к советскому правительству, имея в виду добиться амнистии как для населения Крыма вообще, так и для личного состава Добровольческой армии в частности. Проникнутое убеждением, что прекращение неравной борьбы было бы наиболее благоприятно для России, великобританское правительство взяло бы на себя инициативу означенного обращения, по получении согласия на это генерала Деникина, и предоставило бы в его распоряжение и в распоряжение его ближайших сотрудников гостеприимное убежище в Великобритании.

Британское правительство, оказавшее в прошлом генералу Деникину значительную поддержку, которая только и позволила продолжать борьбу до настоящего времени, полагает, что оно имеет право надеяться на то,

что означенное его предложение будет принято. Однако, если бы генерал Деникин почел себя обязанным его отклонить, дабы продолжить явно безнадежную борьбу, то в этом случае британское правительство сочло бы себя обязанным отказаться от какой бы то ни было ответственности за этот шаг и прекратить в будущем всякую поддержку или помощь какого бы то ни было характера генералу Деникину.

Британский Верховный комиссар. 2 апреля 1920. Константинополь».

Теперь Врангелю становилось ясным: ни малейшей надежды не оставалось. Белые были обречены.

Адмирал выжидательно смотрел на него. Как рационально мыслящий европеец, он понимал, что генерал лишен возможности выбора, но то обстоятельство, что тот был русским, могло оказаться решающим.

— Благодарю вас, — ответил Врангель. — Если у меня еще могли быть сомнения, то после того, как я узнал содержание этой ноты, у меня их более быть не может. Армия в безвыходном положении. Если выбор моих старых соратников падет на меня, я не имею права от него уклониться.

Англичанин молча протянул руку, приветствуя его выбор.

Врангель сказал, что выезжает немедленно.

На следующий день броненосец «Император Индии» с генералом на борту покинул рейд Мода и через сутки бросил якорь на Севастопольском рейде. Родная земля встречала будущего главнокомандующего голубым небом, солнцем, белыми домами на берегу.

Чувство утраченной прекрасной Родины владело Врангелем.

Вот он и вернулся. Надолго ли? Об этом не хотелось думать. Позади остались неприятные минуты, когда он, опальный отставной генерал, лишенный всяких средств

к существованию, только при помощи бывшего министра земледелия, ближайшего соратника Столыпина А. В. Кривошеина, получил небольшой заем в банке и готовился к эмигрантской жизни.

Яркое солнце было добрым знаком, который генерал воспринимал с надеждой.

В это время его соратник и оппонент Антон Иванович Деникин подписал приказ:

«§ 1. Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России.

§ 2. Всем, честно шедшим со мной в тяжелой борьбе, низкий поклон.

Господи, дай победу армии, спаси Россию.

Генерал-лейтенант Деникин».

Начиналась короткая, восьмимесячная история врангелевского «государства Крым», похожая на эпилог реформаторских планов имперской России. С первых же шагов Врангель действовал с византийской дипломатичностью, словно воздух Константинополя навевал ему мысли о старинной связи Второго и Третьего Рима. Генерал высказал свой замысел весьма определенно: «Англичане решили выйти из игры. Отказ наш от их посредничества даст им возможность отойти в сторону, умыв руки. Никаких переговоров с большевиками с нашей стороны я, конечно, не допускаю. Мне представляется в настоящих условиях необходимым прежде всего не дать возможности англичанам выйти из игры. Переложить на них одиум переговоров, всячески затягивать таковые, а тем временем закрепить, привести армию и тыл в порядок и обеспечить флот углем и маслом на случай эвакуации...»^{70}.

Он начинал политику «две России» (белая и красная). Впоследствии мир увидел продолжение этого разлома в двух Германиях, двух Китаях, двух Кореях.

Однако для того, чтобы в 1920 году действовать по такой схеме, нужно было пережить внутренний переворот и отказаться, пусть на время, а может быть, и навсегда, от «Единой и неделимой». Государственник должен был признавать презренный сепаратизм. Для этого требовалось не меньшее мужество, чем для конной атаки на германскую батарею.

В Константинополь британскому верховному комиссару была направлена телеграмма, из которой следовало, что новый главнокомандующий согласен на прекращение военных действий с большевиками, но для этого требуется не менее двух месяцев подготовки, в течение которых «союзники должны продолжать снабжать армию и население занятых областей всем необходимым».

Врангель хотел запутать англичан. Вначале это имело успех, британский министр иностранных дел лорд Керзон обратился к наркому иностранных дел Советской России Чичерину с решительной нотой, грозя в случае отказа принять британское посредничество, направить английский флот в Черное море для защиты белых. Но спустя всего неделю Англия уже добивалась торгового соглашения с Москвой и отвернулась от Крыма.

На счастье Врангеля, кроме английских интересов, в России еще были интересы у Франции. Франция прекрасно понимала, что с выбыванием России из европейского оркестра некому будет противостоять Германии. Теперь Париж поставил на Польшу, надеясь создать противовес Берлину. Белая же армия в Крыму была нужна французам как дополнительная военная сила.

Согласно информации от 1 марта 1920 года для командования Волынским фронтом, подготовленной по указанию главнокомандующего и начальника Польского государства Ю. Пилсудского, Польша намеревалась оторвать Украину от России, взять ее под контроль и

«обеспечить экспансию Польши как экономическую, так и политическую».

Двадцать пятого апреля поляки начали войну с Советской Россией — атаковали Красную армию по фронту от Припяти до Днепра. 6 мая они заняли Киев.

Им противостояли советские Западный и Юго-Западный фронты. 14 мая Западный фронт перешел в наступление и остановил поляков, вынудив их взять резервы с украинской территории. На Юго-Западный фронт с Северного Кавказа была переброшена Первая конная армия, которая нанесла удар по тылам противника. 12 июня был освобожден Киев, 11 июля — Минск, 14 июля — Вильно, 17 июля — Лида, 19 июля — Гродно и Барановичи. В Москве на заседании 2-го конгресса Коминтерна было заявлено о революционной войне, «чтобы вся Европа стала советской». В приказе командующего Западным фронтом М. Н. Тухачевского прозвучало: «Вперед на Запад! На Варшаву! На Берлин! На штыках мы принесем трудящемуся человечеству счастье и мир!»

Шестого июня Врангель, руководствуясь директивой французов, начал наступление в Северной Таврии, имея задачей удар в тыл советскому Юго-Западному фронту.

В июле советское руководство приняло нереалистичный план — занять Варшаву до 12 августа. Было отвергнуто предложение Англии («нота Керзона») о мире. Ленин считал, что «следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии», советизировать Венгрию, Чехию и Румынию.

Сжавшимся на полуострове, потерпевшим поражение и ужасную катастрофу новороссийской эвакуации войскам — снова воевать?

Воевать!

Занимаемые белыми позиции были ненадежны: летом Сиваш сильно мелел, и их можно было обойти

вброд. Надо было выдвинуться вперед, занять выходы из Сальковского и Перекопского дефиле.

Так и начиналось это русское государство в Крыму: защищались от измены англичан, искали связей с французами, планировали военную операцию и обеспечивали возможную эвакуацию. Впрочем, это только внешние действия, очерчивающие некий силовой круг внутренней жизни, жизни в совсем маленькой осажденной крепости.

Шансов почти не было, один из ста, как признавали сами белые генералы. Если говорить о их самочувствии, то они ждали приближения гибели.

И делали все, чтобы выжить.

В полках подтягивали дисциплину, карали пьянство и дебоши, виновных офицеров разжаловывали в рядовые. Восстанавливали воинскую этику и мораль.

Но при этом, понимая, как тяжела задача, новый главнокомандующий приказал готовить флот к возможной эвакуации, чтобы избежать повторения ужасов Новороссийска.

Затем он обратился за поддержкой к двум столпам национальной России — бывшему министру земледелия в правительстве Столыпина Кривошеину и академику П. Б. Струве, на которого возложил ведение международных переговоров. Он уповал на сподвижника Столыпина и не ошибся: Кривошеин ясно осознавал необходимость учитывать новые обстоятельства истории, не закрывать глаза на то, что революция произошла. До Врангеля и Кривошеина с революцией только боролись, не признавая ее.

В заявлении для печати главнокомандующий четко обрисовал перспективы: «Создание для населения Юга России, занятого моими войсками, такого правопорядка, при котором население могло бы быть удовлетворено в своих чаяниях возможно шире — вот основные задачи власти.

Мною намечен целый ряд мер, чтобы наибольшее количество земли могло бы быть использовано на правах частной собственности теми, кто в эту землю вложил свой труд. Мелкому крестьянину-собственнику принадлежит сельскохозяйственная будущность России, крупное землевладение отжило свой век... Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа»^{71}.

Прозвучала столыпинская идея: ставить на крестьянина-собственника, видеть в нем опору государственности. Деникинское «непредрешенчество» закончилось. Врангель отказывался от особой, «добровольческой» политики, считал, что она разделила противобольшевистский фронт, поссорила с другими антибольшевистскими силами — Грузией, Украиной, Азербайджаном, едва не привела к борьбе с казаками, которые составляли половину белой армии. По сути, Врангель совершал кардинальную реформу, занимаясь, как выразился один из руководителей крымского земства В. А. Оболенский, «перестройкой всего государственного строя на новой социальной базе».

Деникинский период уходил в прошлое. «С этим знаменем было легко умирать, — и добровольцы это доказали, — но победить было трудно... Мы предлагали умирать за Родину, народ вождедел землю. Отсюда большая народность даже Махновщины с лозунгом — «За землю, за мужиков, против большевиков, буржуев, помещиков», и ненародность Добровольчества с нашей «Единой и Неделимой»^{72}.

Если бы генерал Врангель находился у власти не восемь месяцев, а несколько больше, то можно было бы сравнивать врангелевскую перестройку и ленинскую

новую экономическую политику, которые родились примерно в одно время.

Добровольческий корпус тоже поддержал Врангеля. Когда принимался «Приказ о земле», именно военные добились, чтобы он стал реальностью. Военские части помогали крестьянам в сельскохозяйственных работах, что явилось сильным пропагандистским ходом. Но для военных главным делом было воевать, а не устраивать гражданскую жизнь на новых основаниях. Военные не хотели надолго вмешиваться в несвойственное им дело, предоставляя это политикам и чиновникам, как бы мы сказали сегодня, аппарату. Здесь Кутепов не был исключением. У него, в отличие от Врангеля, имевшего, кроме военного, и инженерное образование, интересы были отчетливее, прямолинейнее.

Тридцать первого марта (ст. ст.) в районе Перекопа разыгрался жестокий бой — латышские стрелки и красная конница пытались овладеть Перекопским валом и, встретив сильное сопротивление, отступили, признав неудачу. На следующий день к ним подошла свежая стрелковая дивизия, и атака повторилась. Снова была отбита.

Но давление оказалось сильным.

Кутеповские полки редели. Кровь смешивалась с водой, пропитывала землю. Подростки и юноши, самые дерзкие, еще не задумывающиеся о смерти, поднимались в решающие атаки. На Таганаше генерал Слащов повел юнкеров Константиновского военного училища под артиллерийским огнем штурмовать гать с мостом, впереди шел оркестр. И ошеломили.

О, русская военная музыка!

Не в каждой дивизии была знаменитая Плевицкая, как у корниловцев, но в душе каждого звучала мелодия либо «Преображенского марша», либо «Бородина», либо какой-то другой родной и привычной песни. Например,

песня Николаевского кавалерийского училища, в стенах которого учились и поручик Лермонтов, и генерал Самсонов, и защитники Кавказа, Севастополя, освободители Болгарии...

Едут, поют юнкера Гвардейской школы,
Трубы, литавры на солнце блестят.
Грянем «ура!», лихие юнкера,
За матушку Россию, за русского царя!

Вот так, с музыкой, начиналась последняя кампания Гражданской войны. Впоследствии жена добровольца Сергея Эфрона Марина Цветаева в поэме «Перекоп» найдет точные слова для описания тех боев, начиная с эпитафии: «Через десять лет забудут! Через двести — вспомнят!»

Главное все же происходило в тылу. Войска выполнили поставленную задачу.

Меры генерала Кутепова в Симферополе, где он, по выражению Врангеля, «железной рукой приводил свои войска в порядок, беспощадно предавая военно-полевому суду и подвергая смертной казни грабителей и дезертиров», вызвали возмущение местного самоуправления. Городской голова Усов от имени городской общественности заявлял протесты.

Главнокомандующий вызвал Усова в Севастополь. Пресса восприняла это как пролог к смещению Кутепова.

Однако Врангель заявил городскому голове:

«Я знаю о неладах ваших с генералом Кутеповым, являющимся исполнителем моих приказаний. Я не хочу разбирать вопроса, кто прав. Я ли, дающий эти приказания, или вы. На мне лежит ответственность перед армией и населением, и я действую так, как мой

ум и моя совесть мне повелевают. Вы на моем месте действовали бы, конечно, иначе, однако судьба во главе русского дела поставила не вас, а меня, и я поступаю так, как понимаю свой долг. Для выполнения этого долга я не остановлюсь ни перед чем и без колебания устраню всякое лицо, которое мне в выполнении этого долга будет мешать. Вы протестуете против того, что генерал Кутепов повесил несколько десятков вредных армии и нашему делу лиц. Предупреждаю вас, что я не задумаюсь увеличить число повешенных еще одним, хотя бы этим лицом оказались вы»^{73}.

О да, Врангель все же не был либералом. Он понимал, что реформам прежде всего потребуются сильная воля и твердая власть. Воля у Врангеля была, военная сила тоже. Чего же не было? Людей. Аппарата. Старые чиновники оказались непригодны. Они цеплялись за старые бюрократические привычки, ища в них опору, вместо того чтобы искать гибкие творческие методы действий. Деникинские сотрудники, пришедшие из старого чиновничьего аппарата и руководства кадетской партии, больше говорили, чем делали.

Врангель послал письмо Кривошеину в Париж. За Кривошеиным сразу встал «веховец» Петр Струве. За Струве — молодой ученый Петр Николаевич Савицкий, будущий теоретик «евразийства». Савицкому было 25 лет. В 1917 году он окончил Петроградский политехнический институт, получил степень кандидата экономических наук, его научным руководителем был Струве. Затем служил коммерческим советником русского посланника в Христиании. Струве пригласил его начальником экономического отделения Управления внешних сношений в правительство при Врангеле. Ничего особенного. Он еще не вошел в историю. Но вскоре станет одним из идеологов белой эмиграции.

Вот несколько отрывков из писем Савицкого Струве.

«Одесса. 2 марта 1919 г.

Дорогой, глубокоуважаемый Петр Бернгардович!

Страшно рад за Вас, что Вы вырвались из большевистского плена и что находитесь сейчас среди людей, на которых мы, находящиеся сейчас на территории, хотя и освобожденной от большевиков, но продолжающей гнить и разлагаться, возлагаем последние свои упования.

Говорю: последние упования, так как период французской оккупации для нас явился временем самых горьких разочарований, приведших к состоянию, граничащему с отчаянием... Кто только не изображает теперь собой пророка грядущей всемирной социалистической революции?! Но мне все еще не хочется верить в гибель мировой культуры, неизбежность краха всего того, чем мы привыкли жить... Вопрос о мировом большевизме гнетет меня еще потому, что *за последнее время я потерял недавно окрылявшую меня веру в возможность возрождения России, главным образом, силами Добровольческой армии* (курсив мой. — С. Р.). В той отвратительной социально-психологической атмосфере, в которой ей здесь на Юге приходится действовать, она не в силах справиться со стоящими перед ней громадными задачами. Кроме того, ее правительство страдает пороком, всегда губившим русскую интеллигенцию: отсутствием воли. Мы это особенно видим в финансовой области: необходима решительная борьба, направленная на уничтожение советской валюты, а здесь на это никак не могут решиться...»

«2/15 марта 19 г.

...Зимой и весной 1917/18 был «помещиком и солдатом собственного войска, собственного хуторского гарнизона». В ноябре-декабре «гетманским солдатом Особого корпуса» и участвовал в сражениях в Киеве; теперь же у меня некоторое осложнение со здоровьем, и я безраздельно предаюсь экономике»^{74}.

Но сколько можно жить предчувствием будущего? Когда будущее, возможно, и не наступит. Пора было взять в помощники всех, кого Бог послал, и делать дело. Кривошеин согласился приехать в Крым помогать Врангелю. Начиналась последняя реформаторская волна.

Струве как политик и экономист был ее интеллектуальным лидером. Его перу принадлежит эссе, некролог деникинскому правлению, оказавший большое влияние на Врангеля. Струве считал, что борьбу ведут два меньшинства, основная масса населения только наблюдает и склонится на сторону победителя. Победит же та сторона, которая будет не количественно, а качественно сильнее.

«Размышляя над тем, как развивалась Добровольческая армия в 1918-1919 годах, он отмечал неуклонную тенденцию жертвовать качеством ради количества. Именно такая политика, по мнению Струве, привела к катастрофе. Первоначально Добровольческая армия, рождение которой он лично наблюдал двумя годами ранее, была вдохновляемым общей идеей элитным подразделением, которое, благодаря своему качественному превосходству, могла снова и снова побеждать численно превосходящего неприятеля. Но по мере расширения отвоеванной у большевиков территории Деникин приступил к созданию большой армии, основанной на призыве. В результате численность его вооруженных сил заметно увеличилась, но при этом они утратили былую дисциплину и мораль... Он не считал Деникина настоящим вождем, поскольку тот не интересовался своими подчиненными. Из-за своего безразличия — он жил как «улитка в скорлупе» — Деникин закрывал глаза на коррупцию и разложение, в конце концов погубившие армию. Человеку, шедшему ему на смену, кто бы он ни был, предстояло внимательнее относиться к людям и проявлять

лидерские наклонности, по возможности ему следовало бы также разбираться в политике и экономике, чего Деникин, как почти все офицеры старой школы, совсем не умел делать»^{75}.

Струве считал, что белым надо признать результаты аграрных преобразований большевиков: назад возврата не было.

Основные идеи крымских реформ принадлежали Врангелю, но в главном они продолжали столыпинский принцип передачи крестьянству большей части помещичьей земли.

Прежде всего Врангель установил основы нормального правопорядка в армии. Стихия самоуправства, сводившая судопроизводство до расправы, развращала армию. Военно-полевые суды подчинялись не прокурорам, не военным судам, а непосредственным войсковым начальникам. Белая Фемида не имела повязки на глазах. Приказом главнокомандующего этот порядок отменялся. Предание суду должно было происходить путем внесения в суд прокурорского обвинительного акта. Было провозглашено: «Опора — в праве».

Затем была создана комиссия по разработке земельного вопроса. Ее возглавил Г. В. Глинка, один из ближайших сотрудников А. В. Кривошеина, бывший начальник Переселенческого управления и товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием.

И сразу вокруг комиссии разгорелись страсти. Кому отдавать землю? У кого забирать? Как быть с бедняками, уже захватившими участки?

В июле 1920 года Кривошеин на встрече с журналистами сказал: «Русская революция потому и приняла анархический характер, что крестьяне жили земельным укладом царя Берендея. Если Западная Европа, треща и разваливаясь, все еще обошлась без большевизма (и обойдется), то потому, что земельный

быт французского, немецкого, английского, итальянского фермера давно устроен... В будущей России центр тяжести устройства жизни должен переместиться книзу, в толщу народных масс».

Комиссия работала. Интерес к ней был огромен. Газеты со статьями о ее работе проникали за линию фронта, и в Севастополь из Северной Таврии пробирались крестьяне, горя нетерпением поскорее узнать о сути дела. Эти ходоки попали к Врангелю на прием. Точнее, он сам их позвал, чтобы понять, что нужно делать.

Им было сказано следующее. Земля должна была перейти в вечную, наследственную собственность крестьян. Собственность должна была сплотить крестьян, организовать их, привлечь к защите порядка и государственности.

Правительственное сообщение по земельному вопросу, которое написал Кривошеин, гласило: «Сущность земельной реформы, возвещенной в приказе Главнокомандующего о земле, — проста. Она может быть выражена в немногих словах: земля — трудящимся на ней хозяевам. Эта руководящая мысль приказа опирается на два основных стремления: охранить всякое землепользование, как оно установилось к настоящему времени, от нарушений, насилий и захватов, и передать трудящимся на земле хозяевам пригодные для ведения хозяйства земли, казенные и частновладельческие.

Приказ имеет в виду создать в деревне твердый земельный порядок и обеспеченность жизни, дабы трудящийся на земле хозяин не страдал от посягательств в настоящем и от неопределенности в будущем».

Впервые так ясно было сказано: опора государственности — на миллионы и миллионы.

Может быть, результаты Гражданской войны были бы совсем иными, если бы в начале добровольческой

эпопеи Деникин принял подобный земельный закон.

В разговоре с Шульгиным Врангель сказал: «Я чего добиваюсь? Я добиваюсь, чтобы в Крыму, чтобы хоть на этом клочке сделать жизнь возможной... Ну, словом, чтобы, так сказать, — показать остальной России... вот у вас там коммунизм, то есть голод и чрезвычайка, а здесь: идет земельная реформа, вводится волостное земство, заводится порядок и возможная свобода... Никто тебя не душит, никто тебя не мучает... живи, как жилось... Ну, словом, опытное поле... До известной степени это удастся... Конечно, людей не хватает... Я всех зову... Я там не смотрю, на полградуса левее, на полградуса правее, — это мне безразлично... Можешь делать — делай. И так мне надо выиграть время... чтобы, так сказать, слава пошла: что вот в Крыму можно жить. Тогда можно будет двигаться вперед, — медленно, не так, как при Деникине, медленно, закрепляй за собой захваченное. Тогда отнятые у большевиков губернии будут источником нашей силы, а не слабости, как было раньше... Втягивать их надо в борьбу по существу... чтобы они тоже боролись, чтобы им было за что бороться...»^{76}

В этом монологе главнокомандующего ключевая мысль: чтобы крестьянам было за что бороться.

«Мы отдали мелким крестьянам собственникам не только власть земскую, но и власть административную, — сказал Кривошеин в интервью газете «Великая Россия». — В этом отношении наш закон идет дальше любого из западных...»

Оставалось эту власть защитить перед лицом огромной Советской России.

Армия должна была нести крестьянам «землю на штыках», как выразился Врангель.

Добровольческая армия была переименована в Русскую армию, чтобы показать разрыв с пороками добровольчества.

В начале мая 1920 года Красная армия была занята войной с Польшей, от которой терпела тяжелые поражения. Поляки, за которыми стояла Франция, заняли огромную территорию в Белоруссии и на Украине, включая Киев.

Двадцатого мая Врангель обнародовал воззвание: «Слушайте, русские люди, за что мы боремся: За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси. За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе Хозяина. Помогите мне, русские люди, спасти Родину.

Генерал Врангель».

Но, кажется, было уже поздно. Шел третий год Гражданской войны, и население уже утратило свои надежды. Если бы раньше, во время Московского похода, как призывали командующий Добровольческой армией генерал Май-Маевский и главноначальствующий Новороссии генерал Н. Н. Шиллинг, белые признали бы права крестьян на захваченную помещичью землю, то ситуация сложилась бы по-другому. А сейчас они неохотно подчинялись мобилизации в Русскую армию и реквизиции лошадей, и здесь не очень помогла аграрная реформа Врангеля. Более того, когда стало очевидно, что необходимо применять силовое воздействие к уклоняющимся от призыва, приказом главкома стали призывать родственников дезертира или даже жителей данного села^{77}.

Тем не менее отсиживаться в Крыму было никак нельзя. Во-первых, необходимо обеспечивать армию и

беженцев продовольствием. Во-вторых, французы, единственные союзники, настаивали на ударе по Красной армии, чтобы помочь полякам.

И Русская армия приготовилась к наступательной операции.

Намечалось два удара: один через Перекоп корпусом Кутепова, второй морским десантом частей Слащова в район Кирилловки.

Десант попал в сильный шторм, высадка затянулась. Лошадей так укачало, что они едва шевелились. Все же первой выгрузилась кавалерия. Но и подвод в нужном количестве не было, поэтому вслед за ней двинулась только одна бригада пехоты. Артиллерия отстала. Наступление разворачивалось, спотыкаясь.

На Перекопе белые заняли несколько деревень. Кутеповский корпус атаковал главные силы 13-й красной армии. Против него твердо стояли латышские полки, словно в осенние бои под Курском. Белые пустили вперед танки и броневики. Красные в упор били по ним из пушек. За танками пошла пехота, за пехотой подтягивалась конница. В рассвете было хорошо видно, как проворачивается огромное колесо боя, подминая людей, лошадей, сжигая танки.

Вот белые кавалеристы на рысях обогнули горящий танк и стали настигать красную пехоту. Она побежала, на бегу перестраиваясь в каре, и остановилась. Командир эскадрона, против которого оказалось каре, скомандовал: «Шашки вон, пики к бою, в атаку марш, марш!» Кавалерия пошла галопом, поднимая клинки.

Каре латышей стояло неподвижно, оцетинившись винтовками. Грянул дружный сильный залп.

Эскадрон врубился в каре. Латыши подняли на штыки ротмистра Гудим-Левковича.

Кавалеристы рубили пехоту, сбивали ее конями. На помощь подлетел еще один эскадрон. Несколько минут

— и в живых не осталось ни одного красного латыша. Но и эскадрон потерял половину всадников.

Красные отступали, затем оправились от удара. В штыковые атаки сходились юнкера и красные курсанты. Рассыпавшись цепями, роты шли по цветущей степи, не стреляя. Пулеметы молчали. У тех и других была одна мысль — скорее кончить бой. Фланги цепей вихлялись, не выдерживая напряжения. Никто не произносил ни слова. Шелестела трава. Долго это не могло продолжаться. Кто-то должен был уступить и погибнуть. И белые оставили село.

Когда 2-й Дроздовский полк снова занял Первоконстантиновку, он был поражен: на улицах и в степи лежало множество убитых белогвардейцев. И было видно, что убиты они в беспомощном состоянии, заколоты штыками. Вот у одного подпоручика перебита нога и штыком разворочено горло... Трупы хоронили до вечера.

А вокруг наливались сады, созревала ранняя вишня. Начавшееся лето не хотело знать о войне.

Войскам же надо было спешить. Срывали с деревьев ветки, усыпанные вишнями, и спешили на подводы. Вперед! На вражеские штыки, под красные пули. Кто-то, смеясь, срубил топором целое дерево и затащил на подводу. Ели вишни, стреляли вишневыми косточками, не думали о следующем бое. Что думать? Хоть день, да мой!

Удача улыбалась Русской армии, но потери кутеповского корпуса были велики. В 1-м Дроздовском полку убиты или получили тяжелые раны все командиры батальонов и рот.

Едут, поют юнкера Гвардейской школы,
Трубы, литавры на солнце блестят.

Или можно было переиначить эту бравую песню:

Гибнут, поют юнкера...

За два дня боев 1-й корпус взял в плен 3500 человек, 25 орудий, 6 броневиков и подошел к Каховке.

Слащовский корпус занял Мелитополь.

На польском фронте произошла перемена: красные перешли в наступление, прорвав фронт в районе Белой Церкви. 31 мая они заняли Киев.

Успехи Врангеля раздражали англичан. Они уже вели переговоры с Москвой, надеясь первыми заключить выгодные торговые сделки. «Политика англичан стала нам резко враждебной», — отметил Врангель, приводя в своих воспоминаниях ноту британского правительства, предупредившего, что англичане не смогут «более принимать какое-либо участие в судьбе Вашей армии»^{78}.

Тем не менее Русская армия завладела богатыми уездами Северной Таврии, Крым получил продовольствие. Ставка главнокомандующего перешла в Мелитополь.

Надолго ли все эти успехи?

На этот вопрос они отвечали сами.

«Генерал Врангель отдает себе отчет в трудностях своего собственного и международного положения. Он далек от мысли, что восстановление в России порядка и свободы может быть достигнуто исключительно чисто военными действиями. Он понимает необходимость длительной умиротворительной работы, направленной в первую голову на удовлетворение потребностей крестьян, составляющих большинство русского населения. Это население не желает ни восстановления старого порядка, ни коммунистической тирании. Дать удовлетворение потребностям крестьянского населения,

оздоровить моральную жизнь страны, восстановить экономическую жизнь, объединить все элементы порядка — вот цели, которые себе поставил Главнокомандующий Вооруженными силами на юге России и достижение которых, по его мнению, выведет Россию из состояния анархии, в которое ее ввергнул коммунистический режим, сделавший из нее опытное поле для чудовищных социальных экспериментов, неслыханных доселе в истории...» Это строки из письма Струве премьер-министру Франции Мильерану от 20 июня 1920 года^{79}.

Французы обещали поддержку. Насколько их обещание было исполнимо, никто не брался загадывать. Одна крупная неудача на фронте могла все опрокинуть. И эта неудача не заставила себя долго ждать. Красные подтянули конный корпус Д. Жлобы. Врангель приказал, не дав противнику сосредоточиться, выдвинуться для атаки. Жлоба атаковал первым, и в жестоком бою, достигавшем ярости рукопашных схваток, сильно потеснил 3-ю Донскую дивизию генерала Гусельщикова. Одновременно с этим атаковал и 2-ю Донскую дивизию. Казаки отступали.

В это время корпус Слащова наступал в северном направлении на Пологи. Жлоба перерезал его тыловые коммуникации. Что было делать? Отступать? Решили прикрыть Мелитополь частями кутеповского корпуса, с юга и востока повернуть на красных кавалерийские дивизии Морозова и Калинина, ударить с воздуха аэропланами, а с севера отрезать бронепоездами.

Завертелись жернова, перемалывая людей. Одиннадцать аэропланов выдающегося летчика Первой мировой генерала Ткачева летали над красной конницей, поливая ее пулеметным огнем. Корпус Жлобы замедлил ход, предпочел двигаться ночью. К Мелитополю успели подтянуться дроздовцы и стали напирать на красных. Кавалерия белых завязала

встречный бой. Жлоба ломил. Врангель требовал от донцов стойкости, чтобы кутеповская пехота успела выйти в тыл Жлобе. Напряжение достигло предела, в резерве главнокомандующего остался только один юнкерский полк.

Корниловская дивизия кутеповского корпуса успела подойти на помощь изнемогавшим казакам. Пушки выкатили на открытые позиции и стали засыпать красных шрапнелью. Двинулись вперед броневики. Авиация ударила сверху. Жлоба быстро перестроился и повел атаку на корниловцев. Они стояли в неподвижном каре, оцетинившись штыками. Белая артиллерия взялась на передки и зашла атакующим во фланг. Казаки тоже пришли в себя и надавили. Жлоба бросился на север. Там его караулили четыре бронепоезда на высокой насыпи Токмакской железной дороги. Он метнулся к югу. Там были дроздовцы, они тоже стояли в каре. Кутепов был здесь. Несгибаемые добровольцы гибли у него на глазах.

В шифрованном донесении Врангелю Кутепов телеграфировал «о почти полном уничтожении кадрового состава добровольческих полков, о пополнении войск исключительно пленными красноармейцами, о низком культурном уровне присылаемых на укомплектование из тыла офицеров». Он предупреждал, что это приведет к серьезным последствиям.

Разгром корпуса Жлобы был праздником для «государства Крым».

Корпус Кутепова занимал важнейший участок, опираясь левым флангом в Днепр, правым прикрывал Мелитополь и дороги в Крым. Донские дивизии доходили до западных районов Донбасса. Ударив во фланг группировке красных войск, оборонявшей Орехов и Александровск, они позволили корпусу без потерь

занять эти города и выйти к днепровским берегам у острова Хортицы.

— Как они прекрасны, — сказал Кутепов о бойцах Донских дивизий. — Я был бы счастлив вот теперь идти вместе с ними, чтобы помочь им лично... Как просто, без страха, гибнут драгоценные для России жизни патриота-офицера и рядом с ним русского солдата.

Но, может быть, вера в чудесное возрождение поднимала убитых. 18 июня 1919 года корнет Мошин упал с простреленной грудью, пуля вошла в сердце в тот миг, когда оно сжалось. И он выжил. Спустя год, 18 июня 1920 года, под Каховкой он снова упал, сраженный пулей в грудь. Она вошла в ту же точку и опять, когда сжалось сердце. И во второй раз он выжил.

Все эти бессмертные юноши, гимназисты, корнеты, юнкера, поручики должны были выжить, судьба им готовила иную смерть. Поэтому когда двадцатилетний ротмистр-конногвардеец Петр Арапов стоял под артиллерийским огнем, а вокруг него, съезжившись от страха, укрывались за расколотыми памятниками распаханного снарядам кладбища его однополчане, он, наверное, верил, что уцелеет.

Перенесемся на несколько мгновений в будущее, туда, где Кутепов воюет с советской контрразведкой, где евразийцы новой идеологией пытаются преодолеть большевистскую пропасть, где чекистская организация «Трест» затягивает белоэмигрантов в ловушку... Савицкий в 1937 году сделал такую запись на черновиках своих писем Н. С. Трубецкому: «Первое появление Петра Семеновича Арапова, игравшего огромную — сначала конструктивную, потом разлагающую — роль в евразийстве с 1922 по 1929 год. Очень способный человек, с великолепным «жезлом», тончайший сноб, парадоксальное сочетание глубокой принципиальности и циничной беспринципности (эта последняя с годами в нем возрастала). Исключительная

наружность. Совершенное знание ряда языков. Покоритель женских сердец (Т. Н. Родзянко, Исакова, кн. Е. Г. Голицына), всегда пренебрегавший женщинами. (Подобно многим гвардейцам он их не «признает».) В Крыму и позже состоял при П. Н. Врангеле. Вспоминаю, что он участвовал в расстрелах и убийствах «по приказу» — что очень потрясло его психологию»^{80}.

Петр Арапов погиб в Соловецких лагерях, будучи втянут «Трестом» в безнадежный поединок с советской контрразведкой.

Но пока — лето 1920 года, постмонархическая Россия бродит, обливаясь кровью, ищет свой путь между невозвратным прошлым и ужасным будущим, нависшим над маленьким Крымом.

Газета «Военный голос» оповестила в «Официальной части»: « № 316. Июля 14 дня 1920 года. Крепость Севастополь.

1. Присужденного Севастопольским Крепостным Военно-Полевым Судом к 20 годам каторжных работ за двукратную службу у большевиков на ответственной должности и активную борьбу за установление советской власти на Юге России, а затем помилованного Главнокомандующим и освобожденного от отбывания наказания Надворного Советника Петра Соломоновича Кузанова, оставление коего на территории вооруженных сил Юга России, как продолжающего и после освобождения явно сочувствовать большевикам, представляет опасность государственному порядку и общественному спокойствию, приказываю в порядке приказов Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России от 11 мая с. г. за № 3182 (п. 3 раздел 11) и от 14 июня с. г. за № 3338 выслать в пределы Советской России.

Исполнение сего приказа в 3-дневный срок возлагаю на начальника Отдела Государственной Стражи

полковника Юденича, коего названного Кузанова направить под конвоем в распоряжение коменданта Штаба 2-го Армейского Корпуса для дальнейшего выселения в Советскую Россию, и об исполнении мне донести.

Генерал-лейтенант Стогов».

Власть стремилась к умиротворению, подобные приказы не единичны. Прощают рабочих-забастовщиков, устраивают для них особые дешевые продовольственные магазины. От действий правительства веет социализмом. Как говорил Врангель, «с кем хочешь, но за Россию».

Земельная реформа, самоуправление, кооперативы, дешевая распродажа на базарах продуктов питания и зерна, опора на правовые нормы, разрешение татарам преподавания в местных школах на татарском языке, объявление борьбы с канцелярщиной, по словам Врангеля, «стародавним русским злом», — это были вехи самой настоящей верхушечной революции.

Много ли было у нее шансов на успех?

Скорее всего, не было вовсе. Увеличивалась спекуляция, кооперативы стремились скупить побольше зерна и отправить его за границу, получив за него твердую валюту. Рубль упал так низко, что крестьяне отказывались брать деньги, требовали оплату хлеба товарами. Но откуда у армейских интендантов товары? Они расплачивались с мужиками по низким государственным расценкам. Крестьяне оказывались перед выбором: продать зерно кооператору, который дает взамен спички, ткань или оконное стекло, либо подержать врангелевские реформы, уступив интендантам за бесценок.

Газета «Вечернее слово» писала в передовой статье «Труд и спекуляция»:

«История скажет: Россия погибла не столько от революции, сколько от спекуляции... Идет бескровный,

но страшный и поистине смертельный поединок труда и спекуляции. Необходимо прекратить куплю-продажу иностранной валюты...»

Надежды на патриотизм кооператоров и купцов не было.

Цены росли, призывы правительства к торговым кругам встречали полное понимание на словах, а на деле оно выражалось в деликатных просьбах: выдать вывозное свидетельство на продажу зерна в Константинополе.

Газета «Вечернее слово»: «Многие говорят: «Все равно ничего не выйдет, так как организация не налаживается, нет живой работы, общество бездеятельно, низшие представители власти не умеют, не хотят проводить в жизнь ценных мероприятий Главнокомандующего, низы враждебны и проч.».

Неужели мы не поймем, что спасение не в чужой немощи, а в национальной организованности?

Мы перестали быть честными, чуткими людьми, не многие посмеют посмотреть совести прямо в глаза».

«Если мы последовательно прочтем все приказы генерала Врангеля — во всех них неуклонно проведен русский принцип. Мы видим стройную и твердую систему прогресса и вероисповедания. Казалось бы, она должна стать обязательной для всех, однако руководящие идеи Вождя нередко встречают глухое молчаливое, упорное сопротивление, а иногда и полное отрицание.

Все тот же спекулятивно-грабительский интернационал, что и пять месяцев назад, с полным забвением родины и «наплеванием» на нее, все те же — бойкот и саботаж в деле и почине собирания России. И по-прежнему русский человек и русское понимание в забытом углу, в униженном положении на последнем месте, как нечто недостойное и отверженное.

Нет хода русскому человеку, но всему, что враждебно России, что равнодушно к ней или не верит в нее — широкий размах и широкое поле... Полное расхождение людей и системы».

«Консорциум банков ведет игру на понижение русского рубля, на падение русских ценностей. Стоит только внимательно присмотреться, после чего следует это повышение или понижение.

Так, ответом на начало переговоров Англии с Советской Россией о возобновлении торговых отношений было то, что все эти Лианозовские, Бакинские и др. (акции. — *С. Р.*) сделали скачок вверх. В ответ на переход русской армии в наступление — последовало резкое понижение русских ценностей и рубля.

Все делается по обдуманному плану. Все это выкачивание из России золота и драгоценностей, скупка романовских и других ценностей делается по мановению дирижерской палочки разных Шиффов, Фордов и К⁰.

Происходит определенное обескровливание России, чтобы потом без великого труда забрать русский народ в кабалу».

Выводы «Вечернего слова» убийственны для «государства Крым». Движение биржевых ценностей на Константинопольской и особенно Лондонской фондовой биржах подтверждает наблюдение русских журналистов. Международный капитал борется с Врангелем и поддерживает Москву. Почему? Ответ, видимо, в том, что белые стремятся восстановить Россию в прежних границах (хотя Врангель не выдвигал такого лозунга), а Запад поддерживает новообразованные государства в Прибалтике и на Кавказе. Поэтому при наступлении Врангеля Бакинские нефтяные акции да и весь район Кавказа становятся для английских биржевиков менее доступными. И, наоборот, при сохранении статус-кво цены нефтяных акций на Лондонской бирже росли. В июле Врангель, уступая

давлению французского правительства, признает новые государственные образования — Эстонию, Литву, Латвию.

Это признание — в разгар военных успехов.

Ничего не поделать, по одежке протягивай ножки.

Короткая история «государства Крым», зажатого между наковальней большевизма и молотом Запада, развивалась трагично.

Газета «Россия», издаваемая в Софии, поместила одну заметку, которая показала будничность этой трагедии:

«Запасы хлеба и угля в Бердянске, после взятия его войсками генерала Врангеля, так велики, что свободно могут питать Крым в течение 2-х месяцев.

Положение вещей позволяет направить суда с хлебом в Марсель для нужд союзных Держав».

Газета «Юг России» поместила такое объявление:

«Умоляю о спасении от голодной смерти. Кто чем может. После воспаления кишок слаба, беспомощна, без всяких средств, продать уже нечего. Лежу в семье бедного офицера. Жена полковника. М. Морская, 34, кв. 15».

Жалко полковницу? Но что поделаешь...

А то, что англичане направили в распоряжение белых войск миссию Красного Креста, состоявшую полностью из разведчиков, и «не исключается возможность передачи большевикам сведений военного характера, добываемой этой миссией для передачи в Лондон»?^{81} На этом фоне бедная полковница вообще была не видна!

Оставалась, конечно, надежда на французскую помощь. Но и она, увы, пока сводилась к тому, чтобы обязать Врангеля выплатить долги его предшественников. Французский премьер-министр Мильеран заявил в парламенте, что для признания Крымского правительства необходимо выполнить

предварительное условие — «объявить себя солидарным и ответственным за все обязательства, принятые на себя прежними русскими правительствами в отношении иностранных государств»^{82}.

Порой Врангеля охватывало отчаяние. Проведение в жизнь важнейшего земельного закона тормозилось чиновничьим аппаратом, к тому же в его ближайшем окружении были противники реформаторской деятельности Кривошеина. Однажды Врангель сорвался и «громовым голосом» закричал, обращаясь к генерал-квартирмейстеру Коновалову: «Где же мне взять честных, толковых людей? Где они, Герман Иванович?!.. Где их, наконец, найти!.. Где?!..»^{83}.

Что ему можно было ответить? Он почти дословно повторил слова Столыпина, говорившего, что в России не найти пятьдесят толковых губернаторов.

Отметим, что в свое время Деникин критически отзывался о возможностях земельной реформы, так как, по его мнению, в обществе не было необходимого ядра.

Белые продолжали наступать. В районе Орехова части под командованием генералов Кутепова, Бабиева и Барбовича разгромили несколько красных дивизий. Был занят Александровск (Запорожье).

Всего три месяца прошло с даты основания «государства Крым». Чудо как будто свершилось. Кутепов стал командующим 1-й армией, объединившей три корпуса.

Девятнадцатого августа 1920 года было совершено десантирование пятитысячного отряда под командой генерала Улагая на черноморское побережье Кубани. Цель операции — создать новый фронт против советских войск и поднять на борьбу казаков. Если бы план удался, Русская армия снова создала бы южный фронт, заняла бы Северный Кавказ и Дон и получила бы доступ к бакинской нефти. Первоначально операция развивалась

успешно, противнику был нанесен ряд поражений, была разгромлена Кавказская казачья дивизия красных. К десанту присоединились две тысячи казаков освобожденных станиц. Однако вскоре красные подтянули свежие силы и, воспользовавшись медлительностью Улагая, отбили наступление, вынудив белых эвакуироваться обратно в Крым. Это было тяжелое поражение.

Оно усугубилось кардинальным изменением стратегической обстановки на советско-польском фронте. В итоге ошибочно избранной стратегии (расходящиеся удары фронтов на Львов и на Варшаву) истощенные советские армии потерпели поражение на подступах к Варшаве, были оставлены Западная Украина и Западная Белоруссия.

В районе между рекой Нарев и границей с Пруссией несколько десятков тысяч бойцов Красной армии сдались в плен. Врангель получил из Парижа телеграмму из русского посольства, что «Польша, вероятно, очень скоро заключит мир в этнографических границах, на которые имеется согласие великих держав».

Из этого следовал страшный вывод. «Заключение Польшей мира сделало бы наше положение бесконечно тяжелым. Неудача Кубанской операции отнимала последнюю надежду получить помощь за счет местных средств русских областей. Предоставленные сами себе мы неминуемо должны были рано или поздно погибнуть»^{84}.

Поэтому главнокомандующий предложил французам, воспользовавшись успехами поляков, нанести совместно с ними новый удар по Красной армии, надеясь втянуть Париж в новую фазу борьбы и получить помощь. Начались переговоры с Парижем и Варшавой, поляки соглашались организовать 80-тысячную армию

из пленных красноармейцев. Одновременно велись польско-советские мирные переговоры.

Во второй половине сентября стали поступать сведения о переброске в направлении Крыма Первой конной армии Буденного. 14 октября в Риге был заключен польско-советский мир, согласно которому Советская Россия уступила Польше Западную Украину и Западную Белоруссию. Надежды Крыма на помощь с запада рухнули. «Поляки в своем двуличии остались себе верны»^{85}.

После Заднепровской операции Кутепову стало ясно, что овладеть Каховским плацдармом невозможно, и он предложил Врангелю начать отступление из Северной Таврии за Перекоп. Тогда они могли бы зимой отсидеться в Крыму. Против белых к середине октября красные выдвинули шесть армий.

Однако моральное состояние кадровых офицеров Русской армии было хорошим. Порой происходили поразительные случаи, напоминавшие давно минувшие гусарские времена.

Служили в 3-м Корниловском полку два приятеля, полковник Василий Щеглов и полковник Роман Пух, оба участники Ледяного похода. «Среди сохранившихся официальных полковых документов и рапортов есть один листок из полевой книжки со стихотворением Щеглова, написанным по такому случаю... В Таврии под Никополем у села Знаменка Пух командовал сводным отрядом и срочно послал Щеглову просьбу о присылке ему на помощь всех конных, имевшихся в 3-м полку. Пух немедленно получил такой ответ.

Пух! Просишь Ты конных — их нет у меня,
Несчастных коней измотали
В бою до того, что, поев ячменя,
И ныне бодрее не стали.
Счастлив Ты, что в Знаменке кротко сидел,

Об отзыве грезы лелея,
И не был вчерашних участником дел...
Не рыпайся — будешь целее.
А дальше, послушай, Тебе я спою,
Вчера что случилось с нами,
Чуть было грешную душу мою
Не вспомнить ныне блинами.
Вчера из Рогачика еле утек,
Вовсю отбиваясь пехотой.
Как вспомню про это, то сердце ек-ек,
И аж отрыгнется тошнотой.
Но полно смеяться: растаял мой полк,
Рогачик вчера атакуя.
Сижу в Ольгофельде и я, старый волк,
Объятия Музы смакуя...
Пишу тебе рифмы, любезный мой Пух,
Друг боя и винной бутылки.
Читай и, стихами чаруя свой слух,
Не жди, милый, конных присылки.
А в общем — целую, будь крепок, здоров,
Всегда твой до гроба полковник Щеглов.

*15. X — 20 г. 2 час. Кол(ония)
Ольгофельд»^{86}.*

Еще один случай — два концерта певицы Надежды Плевицкой в 1-м и 2-м Корниловских полках в вечерних сумерках во рву на Перекопе.

Во второй половине октября в Крым прибыла французская делегация во главе с графом де Мартелем.

«Французский верховный комиссар произвел на меня и на А. В. Кривошеина довольно неблагоприятное впечатление. Весьма неблагоприятно был поражен я, увидев в числе его ближайших помощников полковника

Бюкенщюца, неблагоприятная роль которого в Сибири, в дни, когда граф де Мартель представлял правительство Франции при адмирале Колчаке, была мне хорошо известна. Полковник Бюкенщюц усиленно заигрывал с враждебными адмиралу Колчаку эсеровскими кругами»^{87}.

Среди врагов адмирала Колчака, как пишет член его правительства, «самой могущественной была партия социалистов-революционеров». Кроме того, французский военный представитель генерал Жанен поддержал восстание против Колчака^{88}.

Врангель не вспоминает, что ко времени, когда он возглавил белые армии, в Париже уже был заключен Версальский мирный договор, согласно которому Германия была расчленена и повержена, как тогда казалось, навсегда, и, соответственно, белая Россия утратила возможную роль геополитического противовеса немецкому государству. Более того, белые становились обременительны. Начиналось новое время, и союзникам по Великой войне можно было сказать «прощайте». В Версальском договоре был раздел «Россия и русские государства», в котором говорилось о «постоянной и неотчуждаемой независимости всех территорий», входивших ранее в состав Российской империи.

Уже находясь в эмиграции, главнокомандующий отметил: «В политике Европы тщетно было бы искать высших моральных побуждений. Этой политикой руководит исключительно нажива»^{89}.

Тридцатого августа в английских газетах был напечатан текст договора между правительством Франции и «государством Крым». Взаимоотношения Русской армии и французского правительства были зафиксированы в договоре, подписанном генералом Врангелем.

«Текст этот содержал признание финансовых обязательств русских правительств по отношению к Франции в полном объеме и выплату долгов с рассрочкой в 35 лет и с годовым процентом в 6,5 процента. Выплата эта должна была гарантироваться, в частности, предоставлением Франции эксплуатации всех русских железных дорог, предоставлением всего экспортируемого с Украины и Кубани зерна, правом (получения) $\frac{3}{4}$ русской продукции нефти и $\frac{1}{4}$ угля Донецкого бассейна...»^{90} Однако не известно, был ли этот договор подписан Врангелем. Согласно другим данным, по этому договору французы еще получали право на взимание таможенных и портовых сборов во всех портах Черного и Азовского морей^{91}.

«В конечном итоге помощь Франции ген. Врангелю оказалась далеко не покрывавшей его действительные нужды. Не без основания считает К. А. Кривошеин, что «в сущности, французская помощь сводилась, в финансовом плане, к тактическому ходу, позволившему бы Франции получить с Врангеля выплату долгов его предшественника (т. е. ген. Деникина) и продать ему в рассрочку чужое, ненужное ей имущество»^{92}.

Уже после окончания Гражданской войны летописцы Белого движения с горечью отмечали, что союзники были «вовсе не намерены оказать бескорыстную помощь России... В Закавказье Англия покровительствовала независимой Грузии и не допускала Добровольческих войск для занятия Баку. На севере генерал Марш предал армию генерала Юденича и поддержал образование независимых Латвии и Эстонии»^{93}. Такая вполне романтическая и наивная точка зрения, что западные страны должны пренебречь собственными интересами и вопреки им отблагодарить Россию за ее жертвы в мировой войне, была свойственна большинству генералов и офицеров белых армий.

Конец белого Крыма был не за горами.

Эвакуация Русской армии приравнена к одному из успехов Врангеля. По сравнению с новороссийской катастрофой она прошла организованно. Но этот успех можно было сравнить с панихидой.

Кутепов отступил в Крым одним из последних. Одним из последних он оставлял и Севастополь. Юнкера военных училищ и заставы добровольческих полков прикрывали посадку войск на корабли.

«Дальнейшие наши пути полны неизвестности», — говорил Врангель в последнем приказе.

Как далеко ушло их великое прошлое, Петровская империя, Великая Россия... И возврата не было.

Можно было только подвести итоги и опускать занавес.

И занавес опустился!

Глава шестнадцатая **ГАЛЛИПОЛИ — РУССКОЕ** **ГОСУДАРСТВО** **НА БЕРЕГУ ДАРДАНЕЛЛ**

Кутепов оставил Севастополь вместе с последними частями в ночь на 14 ноября (н. ст.) 1920 года, погрузившись вместе со своим штабом на пароход «Саратов», вместимость которого составляла 1860 человек.

Город был уже оставлен почти всеми военными, и только патрули юнкеров да кутеповские заставы еще сдерживали толпы, пытающиеся громить военные склады. Врангель приказал для прикрытия погрузки занять линию укреплений времен Крымской войны 1853–1856 годов, когда Севастополь обороняли от атак английских и французских войск. В этом угадывалась какая-то странная символичность. Он оставлял богатейшие запасы, не стал их уничтожать, считая это добро достоянием России. Оставлял и тяжелораненых, которых нельзя было транспортировать. Надеялся, что на той стороне такие же, как и он, русские люди. И Господь был ему судьей в этом выборе: жечь или не жечь, оставлять или не оставлять.

Кутепов, измученный и не вполне понимающий, что произошло, смотрел с палубы на город, мерцающий редкими огнями. Это был полный крах или же оставалась надежда?

Погрузка на пароход навела на тяжелые мысли. Что-то подобное уже было в Новороссийске — чувство страха, близкое к панике. Здесь оно готово было вырваться наружу при малейшей оплошности. Как

напишет в отчете об эвакуации начальник эшелона парохода «Саратов» генерал-майор З. А. Мартынов, «тут именно сказывался тот закон психологии масс, когда все дурное суммируется, а все хорошее разлагается. И надо сознаться, что элемент солдат и казаков был куда сдержаннее в этом отношении, нежели офицерский состав, особенно военного приготовления. У солдат и казаков сказалась та высокая национальная черта покорности судьбе, которая перенесет всякие лишения, вытерпит свое горе, а затем в тяжелую минуту спасет свое родное, близкое, отдав ему всего себя...

Приспособленный на 1860 человек максимум, при нормальном устройстве нар и всех приспособлений, пароход, когда были сняты нары и взяты многие приспособления, принял 7056 человек, из которых 2900 человек корниловцев, 900 гвардейцев и затем, кроме штабов, мелкие вспомогательные части и одиночные группы и люди различных частей, главным образом 2-го корпуса. Штатских было не более 200 человек. Женщин — 157, детей — 55. Из 303 раненых тяжелые составляли 75 человек, легкораненые — 228 и, кроме того, больных было около 120 человек.

Когда пароход вышел и стал на якорь на рейде против Стрелецкой бухты, посадка продолжилась с прибывавших барж, паровых катеров и отдельных лодок.

По приказанию генерала Кутепова, несмотря на сильное переполнение парохода, спустили снова поднятый было трап и брали всех на борт»^{94}.

Добавим к отчету генерала Мартынова одну подробность. 14 ноября, в полдень, «Саратов» вышел из Килен-бухты и стал на якорь против Стрелецкой. Но на пристани неожиданно появились больше ста солдат и офицеров Алексеевского полка, брать которых было уже некуда. В город уже входили красные. Кутепов приказал спустить трап и забрать всех, выбросив, однако, их

личные вещи за борт. Он действовал как в Новороссийске, когда подбирал оставшийся на молу Дроздовский полк.

Перед уходом Врангель приказал снять с охраны Севастополя караулы юнкеров Сергиевского военного училища, собрал их перед Главным штабом, поблагодарил за службу и сказал: «Оставленная всем миром, обескровленная армия, боровшаяся не только за наше русское дело, но и за дело всего мира, оставляет родную землю. Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании выполненного до конца долга»^{95}.

Вечером, в 18 часов 30 минут, пароход «Саратов» в составе эскадры снялся с якоря и взял курс на Константинополь. Всего из Крыма на 126 судах ушло 145 693 человека, не считая судовых команд. Что это значило по сравнению с красным валом? Песчинка, отколовшаяся от горы.

Все было кончено. Они еще не знали, что станут нищими и почти никто не вернется назад.

Это путешествие было мучительно. Ощущение краха овладевало людьми, ибо у них уже ничего не осталось. У многих — даже багажа.

Эскадра беженцев удалялась, ярко светило солнце, в спокойном море отражалось безоблачное голубое небо. Французский крейсер «Вальдек Руссо» салютовал двадцать одним орудийным выстрелом русскому флагу.

На «Саратове» в первые часы творился настоящий хаос. Люди расползлись по всем уголкам и щелям, забили все закоулки, садясь буквально друг на друга. Пройти от бака к корме почти невозможно. Но нужно было ходить за пищей, естественными надобностями, по делам службы. Путники сталкивались, возникали заторы, кипятки или суп в жестянках расплескивались. Неужто приказывать, как надо ходить? И пришлось. Только с установлением порядка движения наступило

облегчение: к баку стали ходить по правому борту, к корме — по левому, поперечные переходы тоже были размечены соответствующим образом. Этому правилу подчинились легко. Как и необходимости выстаивать долгие очереди за супом и кипятком. Но никакие корабельные порядки не могли остановить краж, дразг, ругани в адрес начальства.

Мало кто надеялся, что в Константинополе дело поправится и люди обретут душевный покой. Выбор прост: либо воевать, либо умирать. Для русского человека, впрочем, это понятно всегда.

«И ужас этого зрелища усугубляется еще тем, что это есть не убийство, а самоубийство великого народа, что тлетворный дух разложения, которым зачумлена целая страна, был добровольно, в диком, слепом восторге самоуничтожения, привит и всосан народным организмом.

Если мы, клеточки этого некогда могучего, ныне агонизирующего государственного тела, еще живем физически и морально, то это есть в значительной мере та жизнь по инерции, которая продолжает тлеть в умирающем и которая как будто возможна на некоторое время даже в мертвом теле. Вспоминается мрачная, извращенная фантазия величайшего русского пророка — Достоевского. Мертвецы в своих могилах, прежде чем смолкнуть навеки, еще живут, как в полусне, обрывками и отголосками прежних чувств, страстей и пороков; уже совсем почти разложившийся мертвец изредка бормочет бессмысленное «бобок» — единственный остаток прежней речи и мысли...» (С. Франк. Из глубины).

Что бормотала врангелевская армия?

Несколько десятков русских мыслителей определили диагноз (или диагнозы) самоубийства России, а простые, морально разбитые русские люди уже не знали, каким богам молиться, какой родине служить. Бобок! Пропади все пропадом!

А что Константинополю пришедшая эскадра? Над рейдом Мода развевались флаги Англии, Франции, Америки, Греции, Италии, Сербии. Российского — не было.

Сиял солнечный свет, блестел голубой Босфор, возносились к небу маяк, остатки каменных стен Византии, кипарисы, мраморные минареты и купола прекрасных мечетей, среди которых великая Айя-София, бывшая некогда византийским православным храмом. На азиатском берегу Скутари — розовые дома, поросшее кипарисами кладбище.

Русские, начиная с екатерининской великой эпохи, рвались сюда, и вот — добрались!

Встречали корабли десятки и десятки быстрых лодок-каиков, в которых расторопные турки везли халву, апельсины, лаваш и предлагали все это обменивать на что угодно — часы, револьверы, обручальные кольца, шинели. Хочешь — бери, не хочешь — вольному воля.

«Продается все: и белье, и обувь, и одежда, и золото, и оружие буквально за гроши, — взывал в приказе по эшелону парохода «Саратов» генерал Мартынов. — Господа, воздержитесь от продажи вещей, потерпите немного...»

Напрасно он уговаривал. Каждый жил своим умом, своим неверием в спасение.

Но здесь проявилась вся железная натура нашего героя. Он приказал никого постороннего к кораблям не подпускать, беженцам и военным отойти от бортов, нарядам на верхних палубах открывать по нарушителям огонь.

Кутепов, впрочем, отдавал и иные приказы. Первый приказ в Константинополе, 18 ноября, когда союзные власти объявили, что русские должны сдать оружие, гласил:

«1. Приказываю в каждой дивизии распоряжением командиров корпусов всем чинам за исключением

офицеров собрать в определенном месте оружие, которое хранить под караулом.

2. В каждой дивизии сформировать вооруженный винтовками батальон в составе 600 штыков, которому придать одну пулеметную роту в составе 60 пулеметов.

3. К исполнению приступить немедленно и об исполнении донести.

Генерал-лейтенант Кутепов».

За этим приказом стояла негибкая воля, для которой спасение людей было возможно только через спасение армии. Сохранив часть оружия, армия оставалась воинской структурой.

Но никому в Константинополе не нужна была эта армия беженцев. Наоборот, она могла стать опасной. Французы смотрели на нее как на источник неприятностей и незапланированных расходов и торопились забрать с кораблей побольше русского имущества. Они сгрузили с прибывших судов тонны военной амуниции, десятки тысяч единиц оружия, сотни тысяч пудов зерна, сахара, чая, табака — всего на сумму около 110 миллионов франков. В залог своих расходов, прошлых и будущих. Особенно запомнилось изъятие 42 тысяч шинелей, френчей и шаровар, 340 тысяч рубашек и кальсон, 640 тысяч носков, 285 тысяч полотенец, 58 тысяч сапог и ботинок, 140 тысяч одеял — этого имущества остро не хватало вскоре высадившимся на голую землю воинам^{96}.

На заявления бывших союзников о «бесконечно тяжелых жертвах» впоследствии был дан такой ответ: «По подсчету Русского Совета, французские власти захватили имущество, вывезенное из Крыма, стоимость которого, не считая судов военного и торгового флота, определялась в 133 миллиона 500 тысяч франков. Стоимость дневного пайка определялась в менее 4,5 франка, значит, считая, что на иждивении было около 60 тысяч человек, с 15 ноября 1920 года по 1 мая 1921 года

было израсходовано 44 миллиона франка. Следовательно, за покрытием их расходов, к 1 мая 1921 года на русском счете оставалось у французов свыше 105 миллионов франков. Это были наши русские деньги, которыми распоряжались французы, неся «тяжелые жертвы»^{97}.

Однако по французским подсчетам цифры были другие: из государственного бюджета к марту 1921 года на помощь русским беженцам было израсходовано 200 миллионов франков. Кроме того, в Париже не собирались списывать долги царского правительства, которые надеялись как-то получить уже не с армии Врангеля, а с Советской России.

Поэтому сразу же после крымского исхода французы определили свою позицию без излишних сантиментов: отправить в Балканские страны максимальное число беженцев; содействовать русским общественным организациям и русским представителям в Париже в создании благотворительного общества для помощи беженцам; поставить генерала Врангеля в известность, что французское правительство считает его армию гражданскими беженцами; объявить, что Франция не будет чинить препятствий в возвращении беженцев в Советскую Россию и будет содействовать их репатриации.

Девятнадцатого ноября армия была сведена в 1-й русский армейский корпус под командованием Кутепова. Приказом Врангеля он был произведен в генералы от инфантерии.

Пехота перемещалась на полуостров Галлиполи, протянувшийся с севера на юг узкой полосой в 90 километров вдоль европейского берега Дарданелл, донские казаки — в лагерь возле селения Чаталджа. Кубанцы — на остров Лемнос. Корабли Черноморского флота французы направили в тунисский порт Бизерта.

Врангеля к войскам не допустили, отделили от армии. 8 декабря 1920 года в интервью газете «Сегодня» он высказал явно неприемлемую для союзников позицию: «Никогда не соглашусь играть роль Петлюры или Скоропадского». Армия должна была сохраниться «как ядро будущей русской армии».

Двадцать первого ноября пароходы «Саратов» и «Херсон» с частями корпуса пошли на Галлиполи. Было холодно, ветрено. В борт тяжело били волны. Желтовато-серой полосой тянулся берег, изрезанный высокими холмами. Утром следующего дня пришли к городку Галлиполи, полуразрушенному недавним землетрясением и бомбардировками английского флота в 1915 году. В древности он назывался Херсонес Фракийский. У небольшой квадратной гавани, именуемой под стать обстановке Кисмет (рок), возвышалась четырехугольная каменная башня, помнившая еще генуэзцев. Это была горькая для русских земля. Здесь содержались в неволе пленные запорожцы, русские солдаты времен Крымской войны и Русско-турецкой войны за освобождение Болгарии.

Появление на турецком берегу Русской армии генерала Врангеля еще раз напомнило о неразрешимом геополитическом противоречии Первой мировой — стремлении России овладеть Константинополем и Проливами и препятствовании этому Англии и Франции, а также о притязаниях болгарского царя и греческого короля на византийский престол. Попытка союзников опередить Россию («держать медведя на расстоянии») и в 1915 году захватить Константинополь закончилась неудачей. И вот пять лет спустя Русская армия все же появилась здесь.

Двадцать второго декабря суда стали на рейде. Их снова облепили лодки торговцев, завязалась жалкая меновая торговля, которая вскоре закончилась кровопролитием. Кутепов распорядился прекратить

торговлю в течение часа. Двое солдат замешкались, он распорядился их расстрелять. Этот жестокий приказ — следствие отчаяния. Армия была на грани бунта.

Находившиеся на транспорте части были взбудоражены известием о том, что войска могут покинуть все желающие; штаб 2-го корпуса произвольно поддержал эти слухи, неправильно истолковав приказ о сведении всех частей в один корпус.

«И все принялись решать, что будет выгоднее для каждого: остаться в рядах армии или выйти из нее и перейти в разряд беженцев. На пароходе получился настоящий Содом»^{98}.

Узнав об этом, Кутепов приказал арестовать начальника штаба 2-го корпуса.

В городке Кутепова встречали комендант, французский майор Вейлер, полный блондин среднего роста, и солдаты-сенегальцы из батальона колониальных войск, рослые парни в желтых мундирах. Кутепову подвели коня, и они с Бейлером отправились к месту будущего лагеря.

В семи верстах от городка, возле устья маленькой речки Буюк-Доре, впадающей в Дарданелльский пролив, Кутепов осмотрел неширокую, в полверсты, полосу между проливом и невысокими горами, отведенную для русских войск. Дул холодный северо-восточный ветер, гнул заросли терна и шиповника.

— Это и все? — спросил генерал.

Майор молча кивнул.

Надо было принимать свою судьбу. Кутепов повернул лошадь обратно. Предстояла высадка измученных людей на голые камни и песок. Чем он мог поднять их дух? Они потеряли родину, потеряли веру, потеряли все, кроме жизни. Но зачем такая жизнь?

Войска высаживались под мерную дробь барабанов. Горнисты играли «сбор». Солдаты в коротких

английских шинелях шли под дождем. Их сопровождали сенегальцы. Печальная картина!

Вначале войска устроились в двух длинных сараях на окраине Галлиполи. Вместо крыш — небо. Это временное пристанище угнетало еще больше, чем бездомность. Городок превратился в русскую толкучку. Бродили хмурые люди в шинелях, собирали щепки для костров и продавали на базаре разные вещи. Чести старшим не отдавали, считая армию мертвой. Еще несколько дней, и от армейской организации останется враждебная всем и каждому толпа. Все дозволено! Этот хаос безначалия расползлся даже в штабах, где из-за недавней реорганизации большинство начальников не знали своих новых подчиненных, а многие офицеры потеряли свои должности и стали рядовыми.

Кутепов был единственным, кто мог что-то изменить. Он должен был стать капитаном на тонущем корабле. Он видел все: и тифозных больных, и ослабевших женщин с детьми, и худые сапоги солдат. Надо было поскорее построить лагерь, чтобы защититься от дождя и ветра. Но строительство должно было основываться на чем-то понятном для всех, а не только на одной мысли спасти собственный живот. Самоспасение было прямой дорогой к полному разложению, когда из-за кружки воды можно было идти прямо по головам больных и ослабевших.

Первого января 1921 года в Галлиполи пришла телеграмма: «Славные соратники!

Еще один год русского лихолетья отошел в вечность. Позади — поруганная Родина, ряд дорогих могил, разбитые надежды. Впереди неизвестность... Но милостив и справедлив Господь! С мечом в руке и крестом в сердце шла наша армия за правое дело и выполнила свой долг до конца. Да сохранит ее Всевышний на славу будущей России. Да положит он в

будущем году конец русскому лихолетью. С Новым годом, русские воины, с новым счастьем.

Генерал Врангель»^{99}.

Горьким было поздравление главнокомандующего.

Кутепов строил не поселок беженцев, а военный лагерь согласно российской военной традиции. У него в руках было только одно сильнодействующее средство: требование полного подчинения воинскому порядку. Он написал в приказе: «Для поддержания на должной высоте доброго имени и славы русского офицера и солдата, что особенно необходимо на чужой земле, приказываю начальникам тщательно и точно следить за выполнением всех требований воинской дисциплины. Предупреждаю, что я буду строго взыскивать за малейшее упущение по службе и беспощадно предавать суду всех нарушителей правил благопристойности и воинского приличия».

Кутепов заявлял этим, что не отпускает их души, что он не даст им разложиться, как бы они ни хотели уйти, уползти из-под тяжелой длани долга.

Какие у него были средства? Гауптвахта в старой генуэзской башне, куда сажали под арест, а также наказания, определяемые уставом внутренней службы, военно-полевой суд. Все это — принуждение. Но как мало одного принуждения для того, чтобы влить в безвольную человеческую массу духовную силу! Особенно для русских, для которых ругать начальство всегда было одним из привычных способов самовыражения. Усилия Кутепова воспринимались большинством с недовольством, как игра в солдатики. У него было только одно безотказное средство — собственная воля и нравственная сила. С утра он обходил Галлиполи и лагерь, следил за работой, налаживал ее, поддерживал дух работающих. Он всегда был подтянут, тщательно одет и уверен в себе, будто за

ним стоял не корпус эмигрантов, а Преображенский полк и Великая Россия.

Лагерь строился по правилам устава внутренней службы. Ставились полковые палатки, полковые церкви, грибки для знамен и часовых, линейки украшались песком и камнями. Перед каждой воинской частью из дерна и песка выкладывали двуглавого орла.

Постоянно дул сильный северо-восточный ветер, как в Крыму.

День начинался в 6 часов утра сигналом горниста. Все бежали к колодцам, умывались ледяной водой, затем — назад, надевали шинели и строились на линейку. «Смирно! Равнение налево! Господа офицеры! Здорово, молодцы!» Горнист играет «На молитву», и через минуту все поют молитву. По окончании — в наряды: собирать вереск для походной кухни, рыть ямы для нужников, нести из Галлиполи мешки с хлебом и крупой. В 14 часов — учение, долгое и утомительное. В 17 часов — обед, потом снова учения и караулы. В 19 часов — вечерняя молитва. И после наступал желанный отдых.

Трое суток обустроивали лагерь, ночуя под открытым небом. Поставили палатки, вырыли землянки, сложили очаги из камней и кирпичей. Устроились. Упали на землю, не боясь ни простудиться, ни отойти в мир иной. Но Кутепов снова поднял, приказав каждому построить себе койку и набить матрас морскими водорослями или сухой травой. Он не давал ни времени для самокопания, ни права болеть.

В конце ноября произошло событие, еще более отягчившее положение русских. Премьер-министр Франции Ж. Лейг заявил в парламенте, что склонен разрешить торговлю с Советской Россией, а после поражения генерала Врангеля Франция считает себя свободной от всяких обязательств и только по гуманным

соображениям будет поддерживать эвакуированных солдат.

Французы, не располагавшие, впрочем, большими интендантскими запасами, обеспечивали русских скудным питанием и всячески подчеркивали их зависимость. Сперва в паек входило: 500 граммов хлеба, 200 граммов мясных консервов, 80 граммов риса, фасоли или бобов, 20 граммов кокосового масла, 20 граммов сахара-песка, чай, соль, лавровый лист. Иногда выдавали по осьмушке табаку. Раз в месяц была выдача денег, офицеру — две лиры, солдату — одна. Тут же делались вычеты — на оркестр, офицерское собрание, церковь и пр.

Постепенно приспосабливались к лагерной жизни, подчинившись суровому командиру корпуса. При церквях создавались певческие хоры. В воскресенье и праздники посещение службы было обязательно для всех. Обязательно! — вот, пожалуй, тот безжалостный принцип, которому следовал Кутепов. Для солдат Гражданской войны с психологией добровольчества это было открытым возвращением к дореволюционным порядкам.

Но когда пел молитвы лучший в корпусе хор Корниловского ударного полка, регентом которого был капитан Симеон Дмитриевич Игнатьев, сжимались сердца и глаза наполнялись слезами. (От Корниловского хора протянулась связь к знаменитому белоказачьему хору под управлением С. Жарова, а от него, после соответствующего указания Сталина и Ворошилова, к хору Красной армии под управлением бывшего регента храма Христа Спасителя А. Александрова.)

Гражданская война была далеко не тем явлением, которое приближало людей к Церкви. Но теперь подавляющее число офицеров и солдат вернулось в ее лоно, словно блудные дети к родному отцу.

Выдающуюся роль в культурной жизни галлиполийцев сыграли корпусной инженер полковник (впоследствии генерал-майор) В. Ф. фон Баумгартен и его жена, сестра милосердия Ксения Михайловна, урожденная Бенуа, племянница знаменитого художника. Они организовали «Студию 1-го армейского корпуса», в которую входили художники, скульпторы, поэты. Поручик (впоследствии капитан) Николай Акатьев вошел в историю как автор Галлиполийского памятника, поручик Владимир Предаевич расписал в Сербии многие православные храмы. Сам же Баумгартен стал автором нескольких архитектурных проектов построенных в Белграде зданий.

Тринадцатого февраля 1921 года в Константинополе стал выходить альманах «Зарницы», который отразил на своих страницах небывалую историю «Кутепии», белого «града Китежа», просуществовавшего на берегу Дарданелл больше года.

Уже тогда становилось ясным, что в русской душе произошли большие перемены. Вот редакционная статья «Наш долг»:

«Плохо живут русские в Константинополе. Хуже, чем где-либо. Ютятся по трущобам окраин, по лагерям и предместьям. В поисках за куском хлеба не брезгуют ничем.

Среди них так много молодежи. У большинства семьи разбиты или остались у красных. Средств никаких. На вид неказисты. Но присмотритесь внимательно: не унывают. Жива русская душа. Голова не переставала работать, по-прежнему отзывчиво усталое сердце. В среде молодежи происходит любопытнейший процесс. Боятся опуститься. Из последних сил стремятся к свету. В общежитиях, ночлежках, по палаткам лагерей страшная жажда духовной пищи. Не все, конечно, но многие ценят газету и книгу наравне с куском хлеба. Не прочь отказаться

ради них от самого необходимого. При первой возможности учатся, стараются наверстать потерянное за войну время.

Общим сочувствием была встречена попытка организовать студенческий союз. Идут приготовления к открытию юридического факультета, пополненного рядом предметов коммерческого института. Организуются технические курсы, лекции, кружки.

У части молодежи, особенно среди кадров молодого офицерства, просыпается потребность заняться серьезным пересмотром трафаретно-интеллигентского мировоззрения.

Опыт войны и революции заставляет на многое посмотреть совсем по-иному. Грубая демагогия, заученные мертвые лозунги сейчас холодно встречаются среди молодежи. Она жаждет искреннего нового слова, свежей русской мысли. Пережитые несравненные страдания сделали ее какой-то строгой, научили глубоко презирать всякое фиглярство, всякую фальшь.

Даже сенсации, разоблачения, публичная стирка белья не производят впечатления. Ждут серьезного, убежденного, искреннего слова.

Эта удивительно сильная и в отдельных случаях прямо трогательная потребность нашей молодежи в духовной пище заслуживает самого серьезного внимания.

Молодые силы ведь это все, что осталось у честной России. На их плечи пала непосильная тяжесть многолетней борьбы. Не многие остались в живых. Теперь эти юноши, начавшие воевать еще детьми, выброшены в чужой стране, среди разлагающейся трактирной грязи. Часть борется с окружающей пошлостью и готова работать над собой. Это самые нужные люди. Все, что осталось культурного, должно им протянуть руку помощи. Это наш долг...

Среди молодежи есть и, конечно, будут и правые, и левые. Многие уже и теперь по-разному смотрят на будущее России, на разрешение основных проблем русской жизни. Но сейчас всех начинает объединять сознание национального единства. Все хотят быть русскими...

Валерий Левитский».

Все мыслимые и немыслимые силы были уже исчерпаны, осталась последняя — национальная.

«Из всего состава Галлиполийской армии 50 процентов офицеров, остальные 50 процентов — в огромном большинстве — солдаты из русских интеллигентов.

Студенты, учащиеся старших классов средних школ, ушедшие разновременно в эпоху Гражданской войны за идею Великой России в ряды Добровольческой армии, адвокаты, инженеры, агрономы и т. д. Есть полки, где из солдатской массы более 70 процентов людей с высшим образованием или средним»[{100}](#).

«Был вечер. Шел дождь. В тумане — матовые пятна фонарей, как глаза холодных враждебных привидений. По опустевшей Галатской лестнице я спускался к мосту и из лавчонки услышал граммофон. Он играл вальс «Ожидание», старинный, простенький вальс, под который влюблялись на гимназических балах, писали милые смешные записки. Я остановился... Какие-то чужие звуки мешали музыке. У ворот соседнего дома, прислонившись к стене, плакал рослый юноша, плакал наивно, по-детски, с громким всхлипыванием...

— Что с вами?

— Так... Вспомнилось...

Донес память о схороненной юности до грязной Галатской лестницы и отслужил панихиду под вальс «Ожидание».

...Это смешно, это невероятно, но вот из этих швейцаров, пекарей, продавцов газет, из всех этих сумевших кусаться, царапаться, но не сдаваться, вырастает грядущая родина.

Когда они сойдут с кораблей, перед ними преклонятся знамена...

Искупившие смертью и страданием вольные и невольные грехи свои, мы придем строить.

Эльпе».

Но не сбылось.

И никогда не было преклоненных знамен. Ни через год, ни через двадцать лет, ни через семьдесят пять. В Гражданской войне не бывает преклоненных знамен.

После ухода белых в Крыму не было жизни оставшимся врангелевцам. Объявили регистрацию офицеров на Дворянской улице в Симферополе, в здании цирка в Севастополе, и пришедших брали и расстреливали в Петряевской балке и на еврейском кладбище. Руководили террором пламенные революционеры Бела Кун и Розалия Землячка. Кун опубликовал заявление: «Троцкий сказал, что не приедет в Крым до тех пор, пока хоть один контрреволюционер останется в Крыму; Крым — это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит, а так как Крым отстал на три года в своем революционном движении, то быстро подвинем его к общему революционному уровню России...»

Троцкий же прислал командующему Южным фронтом М. В. Фрунзе телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «Попробуйте ввести в заблуждение противника через агентов, сообщив ту переписку, из которой вытекало бы, что ликвидация отменена или перенесена на другой срок»^{101}.

По данным Особого отдела Южного фронта, в Крыму осталось до 10 тысяч офицеров, не пожелавших покидать страну. Почти все они погибли. Обреченных

расстреливали пулеметами, рубили шашками, топили в море, мозжили головы камнями, хоронили полуживыми. Стон и ужас стояли над полуостровом. Оставленных на милость красных раненых, а вместе с ними врачей и сестер милосердия расстреливали прямо в лазаретах. В Севастополе расстреляли свыше 500 портовиков, работавших во время погрузки на корабли белых войск. Екатерининская и Большая Морская улицы, Нахимовский проспект, Приморский бульвар были увешаны трупами офицеров, арестованных на улицах и казненных без суда.

Галлиполийцы провожали взглядами проходящие по проливу корабли и думали об оставленной Родине. Ее уже не существовало, но она еще жила.

Она жила в Галлиполи, преодолевая нечеловеческие испытания. Как бы ни было тяжело, люди чувствовали себя будто дома, под сенью родных богов, под защитой родных традиций. «Трогательная подробность — в помещении каждой роты, отделенной от центральной залы щитами из одеял — памятные доски с именами убитых товарищей»^{102}.

По-прежнему вставали в шесть часов утра, завтракали, шли на работы: прокладывать собственную узкоколейную железную дорогу из города в лагерь, ремонтировать городской водопровод, строить разгрузочные пути и станции, строить кухни, общественные городские туалеты, лазареты, бани, склады, мастерские, хлебопекарни. Весной в Корниловском полку был засеян огород. Затратив 50 лир на семена и инвентарь, собрали урожай на 800 лир — картофель, капусту, огурцы, помидоры, салат, морковь, лук, кабачки.

Кроме этих работ, в остальном шло, как заведено от веку, — учения, подготовки к смотрам, несение караульной службы.

Но это было еще не все. Жизнь требовала духовной пищи, и появились библиотека, театр, гимназия, детский сад, академическая группа ученых, спортивные и технические кружки, гимнастический и футбольный кружки, несколько хоров, корпусная фотография, рукописные и литографированные журналы.

За всем этим стоял Кутепов. Он появлялся всюду. Увидев его, все подтягивались и ощущали, что есть сила, способная помочь, поддержать, покарать или защитить.

Части корпуса переставали быть разрозненными и постепенно спланивались в своеобразный Белый орден. Были разрешены дуэли между офицерами, принят Дуэльный кодекс: для защиты оскорбленной чести.

«Не следует забывать основной идеи рыцарского поединка: «Божий суд», а не заведомое превосходство одного из противников», — гласил Дуэльный кодекс. Поэтому, чтобы сгладить разницу в стрелковом мастерстве, у дуэльных револьверов сбивались мушки, а при поединке на шашках дуэль прерывалась после первой крови, «ибо дальнейший бой ставит раненого настолько в неравные условия, что продолжать бой было бы для рыцаря постановлением себя в неудобное положение как джентльмена».

Кутепов запретил даже употребление бранных слов, на которые богат русский язык. Может быть, данный запрет и одновременное разрешение дуэлей были чем-то романтическим и свидетельствовали о непонимании реальности? Просто реальностей было несколько. Самая главная, объединяющая большинство, была такова, что кутеповское управление ей не противоречило.

Эта тяга к очищению, обновлению бросалась в глаза.

Особое внимание уделялось детям, которых в Галлиполи было 224 человека, из них 90 мальчиков-сирот, которых взяли на воспитание воинские части, а

затем поместили их в созданный для них интернат. Была создана гимназия, носившая имя генерала Врангеля.

А как было сохранить внешний вид офицеров и рядовых, если их форма истрепалась и быстро становилась рваными обносками?

Сначала Кутепов потребовал, чтобы все сохранили погоны и кокарды, а кто не имел — тому разрешалось обозначить их химическим карандашом. Как говорилось в одном стихотворении Ивана Савина, «с чернильной звездочкой на сломанном плече».

Замену износившимся френчам нашли в перекрашенных пижамах, а затем — в однообразных белых рубахах из бязи, которая была вывезена из Крыма. Постепенно восстановили традиционную воинскую форму.

На охрану города и лагеря выделялись воинские караулы. Передвижение по городу разрешалось только с 7 до 19 часов, каждый прибывший в Галлиполи из палаточного лагеря должен был иметь увольнительную.

«Никогда я так сильно не ощущал, как в этом лагере, — говорил Шульгин, — что не единым хлебом жив человек. В первый раз в жизни я почувствовал, что мы, писатели, — «предмет первой необходимости». Люди просто умоляют дать им газет, книг. Книг — каких угодно, но больше всего хотели бы классиков: иметь в руках томик Пушкина или Лермонтова было бы счастьем для них. Трогательно смотреть на эту вдруг вспыхнувшую в людях жажду культуры, страстное желание не опуститься до животной жизни. Характерно также то, что произошло необычайное обострение национального чувства. Казалось бы, что после всего пережитого люди должны были бы чувствовать себя униженными и угнетенными. Это и есть, но только в политическом отношении. Но никогда еще, быть может, за всю свою историю, русские не гордились своей культурой. Наоборот, мы всегда предпочитали все

иностранное. Теперь же, в этих условиях жизни, любовь к своему вспыхнула с необычайной силой: люди требуют с необычайной искренностью, почти с мучением русской книги, русской музыки, русского Бога...

В лагере нет никаких иных властей, кроме русского командования, и вообще нет ни одного иностранца; де-факто лагерь экстерриториален.

В заключение не могу не отметить прекрасных отношений между галлиполийской армией и местными турками. Оказывается, что можно воевать веками и искренне полюбить друг друга в течение месяцев. Мне кажется, что русские никогда не должны забывать той деликатной ласковости, которую проявили к ним турки в самую тяжелую минуту исторической жизни обоих народов».

Казалось бы, при чем здесь турки? Но прежде всего именно от них, тоже испытывающих горечь поражения, беженцы ощутили поддержку. Старые турчанки приходили в галлиполийские общежития, устроенные в развалинах, молча рылись в кухонной утвари обитателей, вызывая их удивление, потом уходили и возвращались кто с горшком, кто со сковородкой. В Константинополе при переходе по мосту через Золотой Рог со всех брали плату в два пиастра, а русских пропускали бесплатно, сочувствуя им и угадывая их среди идущих. Таких примеров было много, словно турецкая горечь протягивала руку русской.

Белый орден существовал и выражался в сильной, почти религиозной тяге к абсолютному идеалу. Когда они молились в семи построенных палаточных церквях, пели хором, штудировали науки, занимались спортом и даже разыгрывали Кубок 1-го армейского корпуса по футболу, — они отвергали серую действительность и жили возвышенным духом. Они обыграли на футбольном поле англичан в Сан-Стефано со счетом 2:0, причем соперники не выдержали морально и покинули поле за

двадцать минут до конца матча. Они боготворили Плевицкую, которая приехала в лагерь и стала женой генерала Скоблина, командира корниловцев, боготворили за то, что она была в их глазах частицей России. Они поняли о себе что-то поразительно важное, поняли свою особенность.

Шульгин так писал в «Зарницах»: «Если мы белые по существу, рано или поздно Россия — наша... Если мы только «крашенные», — то хотя бы мы взяли Кремль, нам его не удержать: облезлых, грязно-серых нас выгонят оттуда через короткое время.

Будущее русское государство не может существовать без *настоящей армии*. Настоящая же армия во всех странах мира базируется на известной минимальной нравственности. Нельзя носить кокарду и быть хулиганом. Нельзя... Ибо неминуемо армия превратится в бандитов, а на бандитах власть удержаться не может.

Если путем временной потери всей русской территории мы купили это «сознание», то продешевили мы или нет, — об этом еще судьба не сказала своего последнего слова. Потому что в тех мыслях и чувствах, которые мы сейчас переживаем, в той психологии, которая сейчас в нас зреет, — будущность России...

С этой точки зрения и надо смотреть на 1920 год».

Рядом с Константинополем, где русские беженцы быстро опускались на дно, Галлиполи возвышался как скала.

В Галлиполи была армия, она позволяла сохранить надежду, что русские не затеряются, не будут унижены и оскорблены. Впервые в истории люди, лишенные отечества, начали строить его вне своей страны, сохранив себя как национальное целое.

Восемнадцатого декабря, месяц спустя после исхода, в лагерь прибыли Врангель и французский

адмирал де Бон. Перед ними были уже не растерянные беженцы, а настоящие войска. Врангель твердо заявил: «Армия остается!» Де Бон, показывая на клумбу с двуглавым орлом, выложенным ракушками и цветными камнями, предсказал: «Он взлетит».

Было ли это простой любезностью? Скорее всего. Французы не хотели сохранять Русскую армию, не хотели, впрочем, и ее мгновенной ликвидации, чтобы не иметь дела с вооруженными толпами, а стремились постепенно рассеять ее по миру. А русские идеалисты желали воссоздать на чужбине что-то свое.

Первое столкновение произошло вскоре после перебазирования в Галлиполи: сенегальский патруль арестовал двух русских офицеров за то, что они шли по базару и громко пели. При аресте офицеры сопротивлялись, их избили прикладами до крови. Начальник штаба Русского корпуса генерал Б. А. Штейфон, как только узнал об этом, тотчас явился к французскому коменданту и потребовал освободить офицеров. Майор Вейлер отказал и вызвал караул, подкрепляя свой отказ. Тогда Штейфон вызвал две роты юнкеров Константиновского военного училища и двинул их на комендатуру. Сенегальцы разбежались, бросив два пулемета. Воевать всерьез им было страшно. Юнкера освободили товарищей из заточения, и с тех пор французы перестали высылать свои патрули в город.

Юнкера, когда проходили строем мимо французской комендатуры, весело выдавали песню на стихи поручика Михаила Лермонтова:

Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана...

Им жизненно важно было остаться русскими. Только русскими, чтобы выжить.

А неподалеку, в Константинополе, их соотечественники опускались и гибли. Женщины становились содержанками или проститутками, мужчины — мелкими торговцами, игроками, жуликами. Эти превращения дали пищу творческой фантазии Михаила Булгакова, Алексея Толстого, Аркадия Аверченко. Тараканьи бега — это не выдумка писателей, а бытовая подробность существования русских беженцев.

В районе Гранд-базара было множество русских харчевен и столовок. Выстроенные из фанеры и обтянутые палаточной парусиной, они украшались надписями «Казбек», «Ростов», «Одесса-мама», «Закат». Там подавали борщ и котлеты, «горькую русскую», «перцовку». На площади перед мечетью шла торговля обручальными кольцами, часами, серьгами, столовым серебром, одеялами, подушками, одеждой. Предприимчивые интенданты продавали через агентов целые партии белья и обмундирования, пожертвованных иностранными благотворительными организациями для русских беженцев. А бедняки за неимением товара пускались во все тяжкие и продавали медные кольца как золотые, стекляшки — как драгоценные камни, за что, случалось, были и жестоко биты турками — порой до смерти. Все шло на продажу с лотков: спички, карандаши, конверты, бублики, пончики, книги — «История государства Российского», учебники, томики стихов Пушкина.

Веселая была жизнь.

На площади Таксим, где Всероссийский земский союз получил бесплатно участок земли, устроили палатку-столовую для беженцев. На Таксима каждый день толклись тысячи. Одни устраивали лотереи-крутилки на подставке-треноге и за пять пиастров предлагали

проходим выиграть мыло, папиросы, рахат-лукум, дешевое вино, консервы. Другие предлагали силомеры, знаменитые мошеннические игры «три листика», «красное выигрывает, черное проигрывает», красочные панорамы, лотки с пончиками и прочие изобретения собственного ума. Наиболее удачливые даже процветали, слившись в компании, и открывали новые предприятия: кинотеатр в дощатом бараке, цирк шапито, кегельбан, воздушные качели. Особый интерес вызывал «Паноптикум», где демонстрировались женщина с хвостом и человек-зверь с далеких несуществующих островов, который питался только своим собственным мясом. Владельцами «Паноптикума» были греки, а экспонатами — русские беженцы.

Весело было и в цирке, где зрители смотрели «небывалый в Константинополе и во всем мире номер — женскую французскую борьбу». Перед началом представления перед цирком выходила полуголая женщина и звонила в тяжелый колокол, призывая на русско-турецком немыслимом языке:

— Эффенди, гелбурда, рус-ханум хорош борьба!

Эта борьба вызывала у турок большой интерес, и они азартно кричали, когда «мадам Лида» укладывала на лопатки «мадам Галю».

От площади Таксим рукой подать до богатой улицы Пера, на которой расположено российское посольство. Оно построено на русской земле, ее привезли по приказу Екатерины Великой на кораблях из России. Но кто сейчас вспоминает об этом? Почти напротив посольства, вниз по направлению к Галатской лестнице, возле кованых железных ворот военного лицея, украшенных круглыми щитами, в жару, холод, дождь всегда сидит слепой солдат и играет на тусклой нечищенной валторне бередящие душу вальсы «Березка» и «На сопках Маньчжурии». Что занесло его сюда? Где потерял он глаза? Кто он? Льется рыдающая музыка. Вокруг слепого

солдата толпятся праздные прохожие и угрюмые русские беженцы.

Если бы эти вальсы слышали в Галлиполи, то там они вызвали бы не глухую горечь. Там военная музыка поднимала дух, а здесь — рыдала. Разница была несоизмеримая.

В Константинополе — затяжной шок, неловкие попытки приспособиться к чуждой действительности оборачивались в конце концов превращением русского беженства в эмигрантскую пыль.

Что оставалось несчастным?

Одни опускались на дно, другие возвращались в Советскую Россию на гибель, как генерал Слащов, третьи вырывались в Европу. Но мало кому могло прийти в голову перебраться в Галлиполи. Там не было рая. Там росло кладбище умерших от болезней или застрелившихся. Оттуда бежали слабые. Там была тюрьма на бывшем броненосце «Георгий», где нарушители дисциплины искупали вину.

И всюду — горе.

А для тех, кто утратил веру, — горе вдвойне.

Только над клочком земли в Галлиполи, в страшной для многих «Кутепии», развевался русский флаг. Что построил Кутепов, еще трудно было разглядеть, то ли казарму для последних воинов Белой идеи, то ли военный орден.

Для российских либералов галлиполийцы были «врангелевцами», с которыми надо было скорее покончить как с реакционерами. Их мнение выражал основатель конституционно-демократической партии, бывший министр иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюков, утверждавший, что поражение белых вытекает из их «неразрывной связи с определенной социальной группой», не сумевшей отказаться от своего классового эгоизма.

Однако были и иные мнения.

«В конце 1920 и начале 1921 года в Галлиполи совершилось русское национальное чудо, поражающее всех и заражающее всех, непричастных к нему.

Разрозненные, измученные, духовно и физически изнуренные остатки армии генерала Врангеля, отступившие в море и выброшенные зимой на пустынный берег разбитого городка, в несколько месяцев, при самых неблагоприятных условиях, создали крепкий центр русской государственности на чужбине, блестяще дисциплинированную и одухотворенную армию, где солдаты и офицеры работают, спят и едят рядом, буквально из одного котла, — армию совершенно отказавшуюся от партизанщины и личных интересов, нечто вроде нищенствующего рыцарского ордена.

Во главе этой невиданной в истории русских войн армии стоит еще молодой генерал, — человек совершенно русский, совершенно решительный и совершенно честный.

Топором, не резцом обтесывал он здание, которое строил. Летело много щепок, а вышло совсем хорошо.

Что же сделал в Галлиполи со своими войсками генерал Кутепов?

Он вдохнул в толпу идею, которая была у него самого»^{[103](#)}.

Эти слова принадлежат Сергею Резниченко, представителю Российского земского союза в Галлиполи. Ими он убеждал своих руководителей, находившихся в Константинополе и смотревших на Галлиполийский корпус как на осколок прошлого, которое необходимо поскорее изжить.

Вопреки бытовавшему в милюковском окружении мнению, что в Галлиполи собрались одни монархисты, на самом деле здесь были как сторонники конституционной монархии, так и республиканцы. Однажды вечером 19 января «несколько офицеров Дроздовского полка (правда, подвыпивши) начали стрелять по палаткам

штаба лагерного сбора из-за того, что оркестр во время ужина заиграл там «Боже, Царя храни!»^{104}.

Чтобы не углублять идейного раскола, Кутепов приказал не исполнять в частях царского гимна и не выражать монархических чувств. Также в гимне Корниловского полка была изменена строка «Мы о прошлом не жалеем, царь нам не кумир» на нейтральную «Русь Великую жалеем, она нам кумир».

Белая идея выдвигала на первый план героических людей, способных на самопожертвование или долгую мучительную подвижническую работу.

Приехала в Галлиполи знаменитая певица Надежда Плевицкая и сразу стала любимицей. Кто не слушал ее дивного пения и у кого не перехватывало горло? Глядя на иссушенные лица, Плевицкая отдавала песне всю страсть, будто молилась. Для нее, крестьянской дочки, выбившейся из глубины жизни и достигшей самых царскосельских высот, где ее слушали царская семья и вся аристократическая Россия, Галлиполи стал уголком родины. Пела, а перед ней вставали картины прошлого: Троицкий монастырь, где она была послушницей, откуда сбежала, первые выступления в киевском кафешантане «Аркадия», первые концерты, успех, слава, Петербург, замужество за поручиком Кирасирского полка Шангиным, начало войны, поступление сиделкой в госпиталь, тяжелое ранение Шангина, смерть, революция, пучина горя...

У ее слушателей были сходные воспоминания. Над Галлиполи реяли русские грезы.

И вряд ли прошлое Марии Захарченко, скромной раздатчицы питательного пункта, выделялось из общего ряда. В Галлиполи она отметила свое 27-летие. По сравнению с Плевицкой Захарченко не отличалась большими талантами, если не считать небывалого для женщины бесстрашия. Ее девичья фамилия Лысова, она

происходила из дворян Пензенской губернии, приходилась племянницей Кутепову. Матери своей она не помнила, мать умерла почти сразу после рождения Маши. Девочка воспитывалась в отцовском имении, достаточно запущенном для того, чтобы приносить большой доход, но вполне жизнеспособном для того, чтобы давать его владельцам чувство свободы. Мария вырастала хозяйкой, любящей окружающую родную землю. Она слыла хорошей наездницей, лошади были для нее любимыми существами. А если учесть, что ее отец по службе почти постоянно находился в Пензе и не мог уделить ей сколько-нибудь заметного внимания, то жизнь девочки в поместье, хозяйкой которого она ощущала себя с ранних лет, предстает полуромантической, полусиротской.

Четырнадцать лет Мария поступила в третий класс Смольного института, который окончила в 1911 году. Затем провела год в Лозанне, откуда вернулась в пензенское имение, которое стала приводить в порядок. Она поняла, что привязана к дому, земле, лошадям, что ей не надо ни Петербурга, ни Швейцарии. Мария настойчиво вела хозяйство, создала при имении небольшой ремонтный конезавод, сделала его образцовым.

Зимой 1913 года она гостила в столице в семье капитана Семеновского полка Штейна, и там судьба свела ее с капитаном Михно, добровольцем Японской кампании, доблестным офицером. В октябре того же года Мария вышла за него замуж. Поместье отодвинулось на второй план, лошади позабыты до поры до времени. Она влюблена.

А дальше — война, капитан Михно умирает у нее на руках от тяжелой контузии. Через три дня после смерти мужа у Марии рождается дочь. Но над Марией тяготеет какой-то рок. Не долго было ей дано нянчить ребенка. В январе 1915 года, потеряв близких людей, Мария

преодолела невероятные преграды и добилась возможности вступить вольноопределяющейся в Павлоградский гусарский полк. В чем-то ей было суждено повторить судьбу Плевицкой, только она пошла не в госпиталь и вытерпела войну до конца.

Женщина на войне, в кавалерии, в разведках, атаках, в повседневных тяготах — вот что она перенесла. Ее наградили двумя Георгиевскими крестами. Первый получила за разведку, которая закончилась неудачно: Мария с двумя солдатами наскочила на немецкую заставу, один был сразу сражен наповал, второй ранен в живот. Мария, сама раненная в руку, под огнем вынесла подстреленного солдатику к своим.

Второй орден она получила за поиск под деревней Локница. Она вызвалась добровольно провести команду разведчиков в тыл немецкой части и прошла вброд ледяную ноябрьскую реку и болота, а в результате была пленена рота противника.

Впрочем, ордена отражали только внешнюю сторону ее боевых подвигов. Нравственно она была много сильнее большинства офицеров-мужчин, что особенно проявилось осенью рокового семнадцатого года, когда фронт развалился, а она вернулась в пензенское имение. Окрестные помещики не выдержали страха погромов, бежали в Пензу, бросив дома на разграбление. Мария не уехала и заставила себя уважать, создав из пензенской гимназической молодежи и юнкеров группу самообороны, которая отвечала на разбои решительными мерами. Мария не остановилась даже перед захватом большого села, жители которого организовали грабежи, добилась выдачи зачинщиков, они были расстреляны, а уведенный скот вернула хозяевам.

Но долго ли могли два десятка человек сражаться с целой губернией?

Мария была вынуждена, распустив свой отряд, скрываться в Пензе во флигеле своего дома. Там она занималась переправкой офицеров через чехословацкий фронт к Колчаку, отправляя их вместе с обозами на восток за солью, и сама ходила вместе с ними, проверяя надежность дороги.

Казалось, судьба хранила ее. Она вышла замуж за мужниного друга, полковника Захарченко. Но кто мог обещать сохранение жизни в России в 1918 году?

Вскоре власти заподозрили Марию в содействии белогвардейцам. Надо было скрываться. Бежать как можно быстрее. И они с мужем устремляются на юг. Полковник Захарченко трезвее ее, он понимает, что надо делать — путь его лежит в Персию. Там он прежде служил в Персидской казачьей бригаде и потому имел обширные связи.

И вот Мария с мужем в Персии, где сильно российское влияние и где можно пересидеть смуту. Пока Захарченко устраивался, она после короткого затишья, после первых же слухов о борьбе белых на юге России решила все изменить и вернуться. Они едут обратно кружным путем — через Индию и дальше на английском пароходе через Суэцкий канал, Босфор и Дарданеллы, Черное море. В Новороссийске полковник Захарченко вступает в командование кавалерийским полком, а Мария становится его ординарцем. Затем — поход на Москву, тиф, снова кавалерийское седло. Потом — Новороссийская катастрофа, Крым, бои в Северной Таврии.

Полковник Захарченко был счастливее ее и умер от ран перед эвакуацией из Крыма. Мария похоронила его, оставшись после этого в строю, где искала под пулями утешение.

В одном из последних боев она была ранена, отстала от полка и только каким-то чудом, с отмороженными руками и ногами, добралась до Керчи, успев на пароход.

Что было в Галлиполи, воспринималось ею терпеливо, ибо она верила, что здесь ее жизнь не закончится и еще придется воевать за Россию.

Мария Захарченко была одной из песчинок Русской армии на холодном берегу пролива. Для нее оставались три опоры — Бог, Россия, Кутепов. Она не нашла маленького семейного счастья, для которого ее готовили в Смольном институте. Может быть, она бы тихо угасла от тягот, болезней, тоски, если бы не могучая вера в свое предназначение.

Армия возрождалась. 25 января, в день святой Татьяны прошел незабываемый военный парад. К нему готовились давно, он должен был показать всему миру, что белые не исчезли.

Войска подготовлены, и еще до начала парада по одному их виду было понятно, что эти стоявшие «вольно» люди заряжены огромной силой. Над строем возвышались старые императорские и новые знамена. Наконец прозвучала долгожданная команда: «Смирно, на караул!» Заиграл оркестр, знамена внесли в палатку, где совершалось богослужение. После богослужения вынесли из палатки крест, иконы, хоругви. Вышел греческий митрополит Константин в красной мантии, с маленьким хрустальным крестом в руках, которым благословлял. За ним — священники. За духовенством вынесли знамена, вслед за ними шел генерал Кутепов в сопровождении французских офицеров, греческих и турецких чиновников. Оркестр заиграл «Коль славен». Офицеры взяли под козырек. Торжественно-величаво проплывали знамена. Командир корпуса обходил фронт. Все с нетерпением ждали парада.

И вот — пошли! Стройными колоннами, отбивая шаг, с застывшими на плечах винтовками проходили части. Блестели в салюте офицерские шашки. Гремел Преображенский марш.

И всем стало ясно, что свершилось чудо воскрешения. Армия жила! «Господи, неужели это те самые беженцы? — мелькало у многих. — Неужели два месяца назад...»

Но с кем воевать? Троцкий и Ленин далеко, а ближе всего французы, которые смотрят на русскую военную силу как на занозу. Союзники прямо говорили, что им тяжело содержать Русскую армию, что это не может продолжаться бесконечно. О взятых в залог кораблях русского флота и военном имуществе речи не шло. Зато на галлиполийских складах французские сержанты требовали принимать продукты по указанному на этикетках весу, а никак не по фактическому. Недовесы съедали до половины продуктов.

Тем временем над армией сгущались тучи. В январе 1921 года английский посол в Париже лорд Хардинг передал во французский МИД ноту своего правительства, в которой оно высказало озабоченность пребыванием Русской армии в районе Проливов. Британцы не случайно увидели угрозу в белогвардейских частях. Оккупационный режим в Константинополе должен был скоро закончиться, и поэтому русские вполне могли войти в соглашение с турецким национальным лидером генералом Кемалем (Ататюрком) и даже с советской Москвой. В таком случае создавалась бы прямая угроза интересам Британской империи на Ближнем Востоке, где располагалась энергетическая (нефтяная) база ее флота.

Столь откровенное вмешательство Лондона в судьбу Галлиполи предвещало большие трудности. Французский и английский премьеры А. Бриан и Д. Ллойд Джордж подписали секретный протокол о «распылении» Русской армии^{105}.

Первого апреля верховный комиссар Франции в Константинополе сообщил Врангелю о прекращении выделения средств.

Одна из поставленных в Галлиполи пьес А. Н. Островского называлась «В чужом пиру похмелье», вторая — «Без вины виноватые». И было в названиях этих пьес что-то символическое.

Правда, «Волки и овцы» уже трудно было бы отнести к этому ряду. Здесь аналогии кончаются.

Кутеповский корпус показал французам, что готов защищать свое достоинство. Это произошло открыто, с некоторой насмешкой: «Вам нужно наше оружие? Так придите и возьмите», — в ответ на приказ генерала Шарли сдать оружие.

Давление французов заключалось не только в подобных требованиях. Они сократили паек и повели настоящую пропагандистскую кампанию, выпуская различные обращения и объявления, в которых рекомендовали беженцам уезжать в Бразилию или Советскую Россию, где якобы для них были приготовлены хорошие условия.

Семнадцатого апреля французское правительство выпустило сообщение: «Все русские, находящиеся еще в лагерях, должны знать, что армии Врангеля больше не существует, что их бывшие начальники не имеют больше права отдавать им приказания, что они совершенно свободны в своих решениях и что впредь им не может быть предоставлено продовольствие».

Это было очень похоже на конец.

Новый французский комендант, полковник Томассен, маленький, сухощавый, пожилой господин в форме колониальных войск и с моноклем, был очень строг. Он, не церемонясь, заявил генералу В. К. Витковскому (Кутепов в это время находился в Константинополе), что русские должны подчиняться ему, Томассену, абсолютно все, от солдат до высших чинов.

Витковский ответил вполне определенно. Тогда Томассен пригрозил, что примет все меры, чтобы

приказания французского командования исполнялись, а русский генерал, не исполняющий его приказаний, не может оставаться в Галлиполи. Витковский сказал, что русские войска будут подчиняться только своим начальникам. На том разговор прервался.

Штаб корпуса тотчас отдал все нужные распоряжения на случай тревоги и скорейшего захвата городского телеграфа. Командир броненосца «Георгий Победоносец», стоявшего на рейде неподалеку от французской канонерки, должен был по получении особого приказа выполнить задачу по ее затоплению, чтобы уничтожить ее радиостанцию и ослабить французские силы.

Столкновение, казалось, неминуемо. По ночам в лагере проводились тревоги, разрабатывались планы прорыва с полуострова в направлении Константинополя.

Наверное, тогда все были бы обречены на гибель, ведь в Константинополе стоял союзнический гарнизон. Неужели галлиполийцы были готовы сражаться со всей Европой?

Может быть, готовы не только сражаться, но и победить.

Кутепов принял следующий план. В случае прекращения французами снабжения и предъявления ультиматума о разоружении корпус двинется походным порядком на север, распространя слух о своем стремлении перебазироваться в Болгарию. Затем, приблизившись к Константинополю, повернет на восток и форсированными маршами займет позицию возле Чаталджи, а потом и Константинополь.

Кутепов понимал, что шансы его минимальны. Но он рассчитывал на внезапность, на усталость европейских войск от войны, на благоприятное соотношение противоборствующих в этом районе сил, турок-кемалистов и греков, не скрывавших своих чаяний овладеть Царьградом.

С военной точки зрения в этом плане не было ничего невозможного. К тому же греки обещали поддержку продовольствием, перевязочными средствами, проводниками.

Было разведано и самое уязвимое место у Булаирского перешейка, где стоял французский миноносец, — опасались огня его пушек. Но оказалось, что огонь не действителен, так как дорога защищена с моря каменистой грядой.

Все было разработано до мелочей. Юнкера Сергиевского училища должны были обезвредить сенегальский батальон. Семьи офицеров должны были следовать вместе с главными силами...

Судьбе было угодно пощадить галлиполийские войска. Кутепов не прибил щита к воротам Царьграда. Но французы, поняв, что они не в силах мирно вытеснить русских, решили умерить пыл. После подхода к Галлиполи французской военной эскадры полковник Томассен заявил Кутепову, что будет высажен десант для учебного маневра по овладению городом, и натолкнулся на хладнокровный отпор: «По странному совпадению завтра назначены и маневры всех частей моего корпуса по овладению перешейком».

Французы отменили маневры, ночью эскадра ушла.

Галлиполи, ставшее в местном фольклоре «Голым полем», что звучало гораздо роднее, породило целую волну литературного творчества. В машинописных журналах печатались карикатуры, стихи, рассказы, словно офицеры все поголовно вспомнили, что офицерские погоны носили многие русские писатели — Державин, Лермонтов, Давыдов, Толстой, Фет, Гумилев... В одном из самых талантливых галлиполийских журналов «Развей горе в голое поле», редактируемом полковником А. Козинцом, была помещена такая карикатура. Умирающего белого солдата французский генерал, ругаясь, засовывает в коробочку с надписью

«Галлиполи» и передает на хранение сенегальцу. Это в ноябре 1920 года, а в мае 1921-го он, к ужасу собравшихся иностранцев, выскакивает оттуда здоровым, в полной форме и с пулеметом.

В журнале «Эшафот», который делали всего двое — Сергей Шевляков и Николай Муравьев, печатался с продолжением юмористический роман «Браслет графини». Кроме того, они проводили выпуски «Устной газеты», пользовавшейся огромной популярностью. Состоялось 500 выпусков.

Мы почти ничего не знаем об этих людях. Первый сочинял в «Эшафоте» тексты, второй рисовал. Изображенный Шевляковым поручик Муравьев, бледный, юный, в перешитых из юбки брюках, предстает перед нами с этих страниц. И тут же отступает в сумерки истории. А Сергей Михайлович Шевляков, поручик Технического полка, организатор «Устной газеты» и ее бессменный редактор, скончался в Болгарии от развившегося в Галлиполи туберкулеза.

Тогда же вольноопределяющийся А. Михайлов сочинил такое стихотворение.

ГАЛЛИПОЛИЙСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, мой милый, воин русский, баюшки-баю.
Сторожит арап французский колыбель твою.
Пусть тебе приснится лира, сахар, хлеб, инжир:
Хоть во сне, счастливый в мире, ты устроишь пир.
Там за далью Дарданелльской в страхе, чуть дыша,
Манит пальцем бог турецкий, сам Кемаль-Паша:
Мол, тебе за службу лиру и халву даю.
Спи, боец за счастье мира, баюшки-баю.
Русь же пусть тебе не снится — жизнь там нелегка,
Ждет тебя там Лева Троцкий и подвал Чека.

Спи у гор Галлиполийских, как в родном краю,
Спи, боец полей Тавриды, баюшки-баю^{106}.

Это были славные молодые люди, умевшие подшутить и над собой, и над генералами. По приказу Врангеля пребывание в Галлиполи и других лагерях стало засчитываться как пребывание на фронте, и поэтому началось производство в следующие чины. Это послужило толчком к появлению невеселой карикатуры «Смотр войскам гарнизона города Галлиполи в 1951 году». На ней все были изображены с генеральскими погонами. «Вдоль строя, опираясь на палочку, идет генерал Врангель в сопровождении престарелых генералов Кутепова и Витковского. Вдали возле кухни возится кашевар, единственный из всех чинов еще в форме полковника. Врангель обращается к войскам: «Держитесь, орлы! Пройдет еще два месяца — и нас признают»^{107}.

Много их было, несдавшихся веселых молодых людей.

Шульгин подметил верно: они особые, из них возродится Россия, преодолев красное безумие. Но когда?

С одной стороны, служение Белой идее было духовной опорой, а с другой — все больше и больше становился разрыв между мечтами о возвращении в Россию и самой Россией, окутанной красной мглой.

Докатились было отголоски Кронштадтского мятежа, возродившего надежду на возвращение, но быстро затихли. Большевики жестоко подавили мятеж, и в Галлиполи вновь печально опустили головы.

Весна обманула. Цвели шиповник, терн, бобовник, покрывая гористые склоны розовыми облаками. Вокруг города цвели черешня, айва, персики, абрикосы. Буйно

зеленели травы — такие же, как на родине — мятлики, клевер, лисохвост, костры.

И чем щедрее распахивалась весна, тем неопределеннее становилось положение Русского корпуса.

Полковые церкви всегда были полны.

Французы не оставляли мысли рассеять корпус по европейским странам. И рано или поздно это должно было случиться.

Врангеля не пускали в Галлиполи. Он не считал нужным сдерживать свои чувства и на одном приеме в Константинополе не подал руки французскому генералу. Обострение перешло в оскорбление. Вскоре французы объявили, что прекращают довольствие Русского корпуса.

Врангель вызвал к себе Кутепова. Генерала провожали невесело, предполагая, что он может и не вернуться в Галлиполи. А не вернется Кутепов, что тогда будет с корпусом?

Впервые мысль о незаменимости сурового, безжалостного генерала возвысилась над всеми упреками и обвинениями в его адрес. Неужели без Кутепова не прожить? Смогут ли другие генералы — Витковский, Туркул, Пешня, Манштейн, Штейфон — заменить его?

Кутепов должен был вернуться при любых обстоятельствах.

В Константинополе, объясняясь с французами, он спокойно и твердо сказал:

— Ваше право прекратить доставлять продукты моим войскам, и я не могу входить в обсуждение ваших возможностей, но прошу вас принять во внимание и мое положение. Я не могу допустить, чтобы мои люди умирали с голода или превратились в банду разбойников. Я отдал распоряжение даже в случае моего отсутствия поступить так, как вы сами, генерал,

поступили бы на моем месте, имея на руках голодные части и сознавая свою ответственность за них.

Это были полные достоинства слова боевого офицера, знающего цену офицерскому слову. Ни повышенного тона, ни угрозы не услышали от него бывшие союзники.

Французское командование возобновило доставку продовольствия.

Кутепов благополучно вернулся в Галлиполи.

Его несли на руках. Оказалось, его ждали с нетерпением, как вождя. Он стал вождем.

Начинались короткие месяцы его триумфа.

Они были отмечены возвышенными и жестокими событиями, подобными грохоту грома и блеску молний, озаривших галлиполийскую сцену последнего акта Российской империи. Здесь было все: и благородство, и сила духа, и безжалостность, и красота погибающей русской Атлантиды.

Чтобы понять происходившее, представим тот городок на берегу Геллеспонта, помнившего и аргонатов, и спартанцев, разбивших здесь афинян, и полчища Ксеркса, и томившихся в неволе русских солдат. В сорока километрах от Галлиполи, на азиатском берегу пролива, находилась легендарная Троя, воспетая Гомером. Все говорило о том, что время человеческое конечно. Срок пребывания белых тоже должен был скоро закончиться.

Врангель вел переговоры с королем Сербско-Хорватско-Словенского королевства (Югославии) Александром и с правительством Болгарии о перемещении туда Русской армии. Слухи о переменах будоражили обитателей лагеря.

Сколько месяцев можно прожить на чужбине в палатке, не ведая, что ждет тебя в скором будущем?

Изо дня в день повторяется одно и то же: караул, наряды, учения. Неподвижно стоят часовые в тени возле

грибков у покрытых чехлами знамен. Кто-то полощет в речушке рубаху. Из кухни плывет дым. Со стороны кладбища доносится легкое металлическое позванивание, это сделанный из жести венок постукивает о составленный из двух кусков рельса большой крест...

Смерть в Галлиполи была частью обыденного существования. Умирали от ран, от болезней, кончали жизнь самоубийством. Каждый день кто-нибудь умирал. И кладбище росло.

Но уступать непрекращающемуся давлению французов, унынию и даже смерти не хотели.

Штаб корпуса объявил конкурс на лучший проект памятника. Приказ Кутепова гласил: «Русские воины, офицеры и солдаты! Скоро исполняется полгода нашего пребывания в Галлиполи. За это время многие наши братья, не выдержав тяжелых условий эвакуации и жизни на чужбине, нашли здесь безвременную кончину. Для достойного увековечения их памяти воздвигнем памятник на нашем кладбище... Воскресим обычай седой старины, когда каждый из оставшихся в живых воинов приносит в своем шлеме земли на братскую могилу, где вырастал величественный курган. Пусть каждый из нас внесет свой посильный труд в это дорогое для нас и святое дело и принесет к месту постройки хоть один камень. И пусть курган, созданный нами у берегов Дарданелл, на долгие годы сохраняет перед лицом всего мира память о русских героях...»[{108}](#).

На конкурс было предоставлено восемнадцать работ. Первое место и премию в пять лир получил проект часовни в псковском стиле, второе и три лиры — проект надгробия в римско-сирийском, выполненный поручиком Технического полка Николаем Акатьевым. Результаты конкурса утверждал Кутепов. Он выбрал второй проект, так как его осуществление было проще и дешевле, выбрал, не подозревая, что таким же будет и памятник

на его символической могиле на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Согласно приказу Кутепова каждый, невзирая на чин и служебное положение, принес по одному камню весом не менее четырех килограммов. В несколько дней было собрано 24 тысячи камней, даже малые дети несли гальку и камешки.

Девятого мая 1921 года памятник был заложен.

Как это назвать? Данью невозвратному прошлому? Знаком для будущего? (В мае 2007 года, завершая виток исторического процесса, при содействии российских общественных организаций этот памятник, разрушенный во время землетрясения накануне Второй мировой войны, был восстановлен.)

Но одновременно с этим в лагере возрастали напряженность и усталость. Все больше подавалось рапортов о переводе в беженцы, то есть о выходе из полков. Это можно было назвать смягченной формой дезертирства, во всяком случае Кутепов не жаловал упавших духом. Их рапорты подолгу не рассматривались, а в конце концов беженцев изолировали в отдельном лагере на расстоянии километра от воинского. Но и там они должны были подчиняться воинской дисциплине, чтобы не расшатывались основы воинской организации в корпусе.

Постепенно расслоение стало осознаваться не только в штабе, но и в каждой палатке. Одни уже отказались в душе от всякой борьбы, другие же видели единственную возможность спастись только в полковом товариществе.

Тут случилось событие, которое со всей очевидностью выявило болезненность раскола. В Галлиполи прибыл пароход, и французский комендант объявил, что набираются желающие уехать на работы в Болгарию. Соблазн был огромен, ведь появлялся наконец шанс вырваться из неизвестности. К тому же

снова затормозились переговоры об организованном перемещении в славянские страны. Перед Кутеповым вырастала нерешаемая задача.

Около тысячи человек перебралось на пароход. 23 мая он отплыл в Бургас.

Мучительный для галлиполийцев день. Не было никакой уверенности, что завтра или послезавтра пароход не вернется забирать новых пассажиров. Французы получали возможность раздробить монолит непрерывными целенаправленными ударами.

Следовало ответить более мощным психологическим ударом. Что делать? Выставить пулеметы? Загнать слабодушных за решетку? Нет, закрыть границу Кутепов уже не мог. Надо было найти что-то другое. И он нашел. Генерал отпускал всех, дав три дня полной воли, с 23 по 27 мая. Теперь не действовали никакие приказы. Все внешние скрепы сняты. Три дня лагерь бушевал. Волна усталости и своеволия наталкивалась, била по традиционной русской крепости. 27 мая все было кончено. Ушло две тысячи человек. Всего две.

Кутепов победил окончательно в этом самом трудном поединке, где не имела никакого значения воинская дисциплина. Возможно, ему помогли Скобелев, храм Христа Спасителя, скромные иконы палаточных галлиполийских церквей... Сны о России...

С 28 мая корпус снова зажил по законам армии. Но это был выздоровевший корпус. Снова проводились учения, караулы, работа. Действовали шесть военных училищ, классическая гимназия. Работали штаб-офицерские курсы, офицерские курсы при Константиновском военном училище, Военно-образовательные курсы при Корниловском полку, Курсы для младших офицеров Марковского полка, Курсы ротных командиров, Офицерская артиллерийская школа, Обер-офицерские артиллерийские курсы, Курсы офицерской кавалерийской школы, Офицерская

инженерная школа, Радиотелеграфная школа, Военно-административные курсы, Курсы для подготовки воинских начальников, Гимнастическо-фехтовальная школа, Высшие образовательные курсы, Курсы иностранных языков, Бухгалтерские курсы, Технические курсы, Курсы телефонного и телеграфного дела, Радиотелеграфные курсы, Курсы теории и двигателей внутреннего сгорания, Курсы конструкции мостов.

1-й армейский стал академическим корпусом.

Кутепов делал все от него зависящее, чтобы молодежь получала образование. В силу своей скромности он не призывал никого учиться, а помогал организовывать учебу. Благодаря ему в Прагу в Карлов университет направили сто молодых офицеров из Галлиполи. Должно быть, Кутепов вспомнил тогда далекую пору своей молодости, когда он на свое жалованье давал образование младшим братьям и сестре. На проводах генерал сказал: «Помните, вы сыны великой России и вам на чужбине теперь более чем когда-либо надо с достоинством нести русское имя и представительство своей нации».

О приказе № 323 в лагере помнили все. Еще слишком мало прошло времени. И угроза военно-полевого суда была не пустой.

В скором времени в этом убедились. Был отдан под суд сорокапятилетний полковник Петр Николаевич Щеглов. Кадровый офицер, он окончил Николаевское инженерное училище в 1897 году, служил в саперных и железнодорожных частях, в 1918 году сформировал Добровольческий железнодорожный отряд и присоединился к Добровольческой армии. Он был старше Кутепова и многих генералов.

Полковник надломился, не выдержав лагерной жизни. Он записался в беженцы, чтобы свободно

покинуть Галлиполи на первом пароходе. Но пароход не пришел, и полковник остался здесь навеки.

Его вина не вызывала ни у кого сомнений. Она видна из его собственных показаний: «...Последнее время... при самом обыкновенном разговоре, невольно для себя перехожу быстро в горячий спор и сильно повышаю голос чуть не до крика. О генерале Кутепове я действительно говорил как ходящий слух, что он получает жалованье 200 лир в месяц, что имеет стадо баранов и состоит пайщиком Московского кооператива — гарнизонной столовой. О генерале Врангеле говорил, что по слухам он имеет мануфактурный магазин в Константинополе на улице Пера, и о других генералах, которые все обеспечили себя предприятиями. Мы же, все офицеры, до сих пор ничего не можем создать и остаемся нищими. Касаясь политического положения нашей армии во время генерала Деникина, я говорил, что было бы гораздо лучше принять посредничество Англии войти в соглашение с большевиками для того, чтобы остаться в Крыму и там организовать свое маленькое государство, где и ожидать дальнейших событий... Я не помню, чтобы я говорил, что настоящая Русская армия — есть Красная армия, но что я недоволен только порядком в нашей армии, когда старшие офицеры должны служить рядовыми, а вчерашние гимназисты командуют полками и выше, каковое неудовольствие возникает не только у меня, но у всех старших офицеров и что большинство офицеров с высшим образованием и кадровых служит сейчас в Красной армии потому, что Добрармия их оттолкнула. По приезде в Галлиполи я случайно попал в армию, будучи записан на пристани. Хотел же остаться только беженцем, никому не мешая действовать в желательном направлении. Больше добавить ничего не могу.

Полковник Шеглов».

Бедный Петр Николаевич надеялся, что суд простит его прегрешения против строгих порядков нищенствующего галлиполийского ордена. Да, он отказался от армии, по-обывательски повторял слухи, которые не имели под собой никаких оснований, поспорил с молодыми офицерами, а они посчитали себя оскорбленными... Какая ему полагалась кара?

Умышленно распространял заведомо для него ложные слухи, явно порочащие и подрывающие авторитет и доверие к высшим военным начальникам, вел разговоры, возбуждающие сомнения и убивающие веру в дело белой армии, чем мог вызвать беспорядки и волнения в войсках. А за это одна кара — смертная казнь через расстрел.

Свидетелями на суде были молодые офицеры: штабс-капитан Марковского пехотного полка Алексей Клементьевич Смола-Смоленко, подпоручик Марковского конного дивизиона Сергей Владимирович Гринев, штабс-капитан Алексеевского пехотного полка Николай Алексеевич Лентуков. Все годились в дети полковнику Щеглову.

Тридцатого июня приговор был объявлен. Прошение о смягчении приговора Кутепов оставил «без уважения».

В ночь на 1 июля, в самую глухую пору, в 2 часа 20 минут Щеглова расстреляли.

И дело не в личной оскорбленности командира корпуса, у которого не было никаких сбережений, а всех привезенных рублей хватило для обмена на несколько лир. Дело в той незримой черте, которую нельзя было преступать, ибо за ней начинался развал.

Кутепов понимал, какой новый грех он взял на себя, но в его душе не было сомнений, на чаше весов тысячи жизней легко перевесили одну.

Наутро после казни продолжилась будничная жизнь корпуса и продолжилось строительство памятника.

Жарким утром 16 июля памятник был открыт и освящен.

Когда сняли брезент, открылся шестиметровый мрачно-величественный каменный курган, увенчанный белым четырехконечным мраморным крестом. На белой мраморной доске сияли золотые буквы:

«Упокой, Господи, души усопших.

1-й корпус Русской армии — своим братьям-воинам в борьбе за честь Родины, нашедшим вечный покой на чужбине в 1920–1921 гг. и в 1854–1855 гг.

Памяти своих предков-запорожцев, умерших в турецком плену».

Надпись повторялась на турецком, греческом, французском языках.

У кладбища выстроились войска с развернутыми знаменами, оркестр играл марши.

Во время торжественной службы священник корпуса Федор Миляновский произнес такое сильное слово, что многие, на чьих глазах здесь, на этом холме, не раз отпевали умерших, почувствовали особый смысл происходящего. Седой, в горящем на солнце облачении, вздымая в руках крест, священник говорил:

— Путник, кто бы ты ни был, свой или чужой, единоведец или инооведец, благоговейно остановись на этом месте, — оно свято: ибо здесь лежат русские воины, любившие Родину, до конца стоявшие за честь ее.

Через несколько минут стало понятно, что он обращается не только к живым, но и к мертвым, и к будущим, еще нерожденным людям.

— Вы — воины-христолюбцы — выдайте братский поцелуй умершим соратникам вашим.

Вы — поэты, писатели, художники, баяны-гуслиеры серебристые, вы запечатлейте в ваших творениях образы почивших и поведайте миру о их подвигах славных.

Вы — русские женщины, вы припадите к могилам бойцов и оросите их своею чистою слезой, слезою русской женщины, русской страдальцы-матери.

Вы — русские дети, вы помните, что здесь, в этих могилах, заложены корни будущей молодой России, вашей России, и никогда их не забывают.

Вы — крепкие! Вы — сильные! Вы — мудрые! Вы сделайте так, чтобы этот клочок земли стал русским, чтобы здесь со временем красовалась надпись: «Земля Государства Российского» и реял бы всегда русский флаг.

Отец Миляновский кончил говорить. Генерал Кутепов повернулся к войскам и скомандовал:

— Всем парадом, слушай, на караул!

Дрогнули, блеснули и застыли штыки и шашки. Оркестр заиграл «Коль славен наш Господь».

Каменный рукотворный курган с белым крестом наверху возвышался над людьми. У его подножия лежало множество венков, на одном была надпись: «Тем, кому не нашлось места на Родине».

Родина! Несчастливая великая Родина, ты была по-прежнему жива на этих галлиполийских камнях. И многие не сдержали слез.

Двадцать первого июля 1921 года один из галлиполийцев, Владимир Даватц, в прошлом профессор математики в Харьковском университете, ставший белым офицером, записал в дневнике: «Ей, России, принесем мы в подарок сбереженные реликвии нашей государственности. Ей отдадим мы наши старые знамена, сохраненные в годину лихолетья. К ногам ее положим трехцветные знамена и скажем:

— Суди!

И она рассудит.

И генералу, который принял на себя всю тяжесть жизни, труда, непонимания и клеветы, — скажет, как умеет говорить только она:

— В тяжелые дни ты думал только обо мне...»^{109}

Неужели Даватц ничего не знал о полковнике Щеглове? Знал. Но он знал и слова Кутепова: «Мы русские, мы ее последние солдаты и нас ожидает Россия». Знал, что другого пути у Кутепова нет. Ни демократического, ни либерального, ни реформаторского. Все это для Галлиполи — путь в пропасть.

Вот несколько слов Ивана Лукаша о генерале: «Он шел по крови. Он и в атаках под огнем шагал так же упруго и вперевалку. Он рубит в щепья. Виселиц не боится. Смертной казни во время войны он отменять не будет.

Он литой и решительный солдат, из тех солдат, что делают человеческую историю.

В Галлиполи не было русских нищих, воров, грабителей, проституток, насильников. Вот в чем итог кутеповского управления. В спасении осколка России, который потом покрыл тончайшим слоем почти все страны. В русском национальном чуде».

«На стене галлиполийской развалины нарисованный русской рукой вид Московского Кремля в снегах, с его башнями, высокой колокольней Ивана Великого и старыми соборами. Какие чувства вынудили выложить на песке мелкими камнями надпись: «Родина ждет, что ты исполнишь свой долг»? А вот еще: «Только смерть избавит тебя от исполнения твоего долга». «Помни, что ты принадлежишь России...» Что же, все это сделано из-под палки, при грозном окрике генерала Кутепова?»^{110}

Галлиполи в итоге победил, и в августе началась переброска частей в Сербию и Болгарию. Но перед отправкой в лагере собрали однодневный паек и направили его в Россию, где страшный голод косил людей. Эти жалкие крохи жалких пайков были собраны праведниками.

Пятнадцатого декабря 1921 года последний эшелон 1-го корпуса покидал Галлиполи. Накануне погрузки на корабль войск и штаба возле памятника прошла прощальная панихида. Утром в день отъезда состоялся последний парад. Муниципалитет назвал одну из улиц города именем Врангеля. На богослужении присутствовали греческий митрополит, мэр города, префект, муфтий. Французские офицеры надели русские ордена.

В час прощания в городе закрылись магазины, зазвонили в греческой церкви колокола, население вышло провожать русских. Оркестр играл Преображенский марш, Марсельезу и гимн Греции. Последним на борт парохода «Ак-Дениз» поднялся Кутепов. Провожая взглядом уходившие в дымке город и горы, он сказал: «Закрылась история Галлиполи... И я могу сказать, закрылась почетно»^{111}.

Всё. История Галлиполи, российской крепости на берегу Дарданелл, была дописана до конца. Хотя в городе еще оставались двести русских солдат и офицеров, дух Галлиполи ушел вместе с Кутеповым.

СПИТЕ, ОРЛЫ БОЕВЫЕ

Спите, орлы боевые,
Спите с покойной душой,
Вы заслужили, родные,
Счастье и вечный покой.
Долго и тяжело страдали
Вы за отчизну свою,
Много вы грома слышали,
Много и стонов в бою.
Ныне, забывши бывшее,
Раны, тревоги, труды,
Вы под могильной землею
Тесно сомкнули ряды.
Спите ж, орлы боевые,

Спите с покойной душой,
Вы заслужили, родные,
Счастье и вечный покой.

Это стихотворение было написано русским кадетом Константином Олениным в мае 1927 года в Сараеве для литературного конкурса кадетов.

В декабре 1952 года в Общество галлиполийцев пришло известие, что памятник на берегу Дарданелл разрушен землетрясением. Главный секретарь общества, капитан Полянский, обратился ко всем «с призывом морального и материального обязательства его восстановить под Парижем». В июне — июле 1961 года памятник был воздвигнут в уменьшенном размере на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. В 2008 году памятник был восстановлен в первоизданном виде в Галлиполи благодаря усилиям российского Центра национальной славы и Фонда Святого апостола Андрея Первозванного.

Завершим на этом галлиполийскую историю.

Холодным декабрьским днем 1989 года автор этих строк побывал в турецком городке Гелиболу — и не увидел никаких следов белогвардейской жизни. Северовосточный ветер гнал рябь по серой воде пролива. На берегу бухты Кисмет, где некогда звучали русские песни в греческом кафе «Олимпиум», по-прежнему располагалось кафе, в котором несколько озябших посетителей пили чай из маленьких стаканчиков. По-прежнему стояла генуэзская башня, в которой прежде помещалась знаменитая кутеповская гауптвахта, но не было рядом с ней усатых русских часовых с винтовками... Когда-то здесь, в Галлиполи, находились и двадцатилетний Виталий Иванович Григорьев, дед автора, и тысячи белых воинов. А теперь — никого! Ни юнкеров в белых гимнастерках, ни православных

священников, ни французских колониальных офицеров и сенегальцев в желтых мундирах, ни добродушных турок в фесках. Страницы этой истории были прочитаны до конца.

Глава семнадцатая **ЕВРАЗИЙЦЫ ХОТЯТ СМЕНИТЬ ГЕНЕРАЛОВ. ОПЕРАЦИЯ «ТРЕСТ»**

Да, Турция осталась позади, теперь можно было перевести дух и обдумать новую жизнь, понять себя. Насколько нужно было сохранять прошлое? Чтобы иметь возможность бороться против всех? Или, смягчившись, получить возможность стать европейцами?

Еще 1 августа 1921 года Кутепов написал коменданту Галлиполи полковнику Томассену: «В вопросах чести никакое подчинение и никакие угрозы не могут заставить нас забыть ни своего личного достоинства, ни, в особенности, традиции нашей армии, знамена которой находятся в нашей среде.

В этом отношении, конечно, никакие соображения о пайках и т. п. не могут повлиять на наше поведение».

Теперь надо было ответить себе на простой вопрос: кто мы такие? Можем ли мы приспособиться к новым условиям? Насколько мы русские и насколько европейцы?

Для каждого вставала проблема: Россия и Запад.

То, что Россия отличается от европейских стран, понимали многие, но теперь осознание этой разницы становилось решающим. Кто же мы, русские?

Может быть, стоило отвечать, глядя на себя со стороны. Один из исследователей русского национального характера Вальтер Шубарт, прибалтийский православный немец, в своей книге «Европа и душа Востока», сравнивая европейцев с русскими, делал вывод, что русский человек «чувствует

себя призванным создать на земле высший божественный порядок, чей образ он в себе роковым образом носит. Он хочет восстановить вокруг себя ту гармонию, которую он чувствует в себе... Он не разделяет, чтобы властвовать, но ищет разобщенное, чтобы его воссоединить. Им не движет чувство подозрения и ненависти, он полон глубокого доверия к сущности вещей. Он видит в людях не врагов, а братьев; в мире же не добычу, на которую нужно бросаться, а грубую материю, которую нужно осветить и освятить. Им движет чувство некоей космической одержимости, он исходит из понятия целого, которое ощущает в себе и которое хочет восстановить в раздробленном окружающем».

Оглянемся на галлиполийский опыт, на стремление Кутепова сохранить целое в противовес желанию французов распылить белую армию. Вспомним этот чудом выросший российский мир на берегу Дарданелл. Откуда он взялся? Разве не верна мысль Льва Карсавина, что русский идеал есть взаимопроникновение Церкви и государства?

Да, Галлиполи стал для многих русских эмигрантов символом великого духовного подъема, действительно граничащего с чудом. Они сохранили себя. Они выстояли перед лицом угроз и голода. Они не опустили своих знамен.

Но, предупреждал Карсавин, если русский усомнится в абсолютном идеале, то он может дойти до крайнего скотоподобия или равнодушия ко всему, способен перемениться от невероятной законопослушности до самого необузданного безграничного бунта.

Разве это не так?

Народ, который никого на свете не боялся, который создал могучую империю с православным царем во главе, оказался настолько слаб внутренне, что обезумел и ослеп.

«Только смерть может избавить тебя от исполнения долга» — определяла абсолютную задачу армии надпись, выложенная из камней в галлиполийском лагере. Кутепов стал военным и идейным вождем. Именно идейным. В каждом полку, в каждой церкви, в каждом гимназическом классе знали: в его руках знамя борьбы.

А в Болгарии еще продолжалась инерция галлиполийства. Здесь еще была жива память об освободительной войне России за своих славянских единовверных братьев, еще были живы ветераны той войны, в том числе и в рядах белых, и тень Скобелева — Белого генерала, освещала и белогвардейского генерала Кутепова.

Болгария по Нейскому мирному договору как союзница Германии осталась фактически без армии, не имела права на объявление всеобщей воинской повинности. Ее вооруженные силы, включая и полицию, не превышали 6,5 тысячи человек.

Русских встретили гостеприимно. В Софии генералу Кутепову и генералу Абрамову, командиру Донского корпуса, был дан банкет. Герои Плевны и Шипки, казалось, явились вместе с ними в Софию.

Армии разрешалось ношение формы, ее подразделения были размещены во многих городах, благо казармы болгарской армии пустовали. Было привезено и оружие, болгары смотрели на это сквозь пальцы.

Штаб 1-го армейского корпуса разместился в старой болгарской столице Велико-Тырново, где русским на каждом шагу многое напоминало победоносное шествие войск Александра II Освободителя, чей портрет украшал все присутственные места.

Разоренная жестокими контрибуциями Болгария смотрела на присутствие русских с наивным

простодушием, словно надеялась на их помощь. В ресторанах Софии было установлено два постных дня, и часто за столиками высказывалось предположение: «Вот дед Иван сумел бы простить нас и защитить от контрибуции». А у кутеповских офицеров нередко с недоумением спрашивали: как могло случиться такое несчастье, что они покинули Россию? Нельзя ли им вернуться ей служить?

Но они были вынуждены работать на чужбине по прокладке железных дорог и шоссе, добывать уголь, строить, пахать, корчевать лес. Причем воспоминания об исторических явлениях не мешали болгарам платить русским поменьше, чем своим. Там, где болгарину полагалось 70 левов, русский «братушка» получал 50. Как только русский офицер, юнкер или солдат, занимающийся приработками, останавливался перекурить, сразу же раздавалось понукание хозяина: «Айда, руснак!», «Айда, братушка!» Это «айда» многих достало до печенок, и при заключении договоров условливались, чтобы это слово не употреблялось.

Разные бывали приключения и случаи: то приходилось наемным работникам искать от прижимистых хозяев заступничества у деревенского общественного мнения, то вступать с ними в дипломатические переговоры. Однажды группу юнкеров Сергиевского артиллерийского училища, подрядившихся делать саманные кирпичи, прижимистый хозяин вздумал кормить одной фасолью, ссылаясь на религиозный пост. Бедным юнкерам можно было бросить начатую работу, но было жалко оставлять заработок, и они придумали пойти в корчму, где заказали плотный ужин, объяснив окружающим, что их держат на голодном пайке. На следующий день хозяин «перевоспитался», односельчане допекли его.

Однако бывало, что дело оборачивалось совсем по-иному. Например, молодые офицеры, взявшись покрыть

черепицей крышу дома, быстро обнаружили свое неумение и вызвали ярость хозяина, который кинулся на них с палкой. Офицеры успели скоренько поднять лестницу и долго уговаривали разгорячившегося болгарина, что не стоит так волноваться и бранить русских, ведь если бы не они, то наверняка вместо хозяина был бы турок, а он сам в эту минуту сидел на крыше. Дипломатия в конце концов восторжествовала, и хозяин даже заплатил незадачливым работникам за поднятую на крышу черепицу.

В общем, в Болгарии русским жилось хоть и не сладко, но гораздо вольнее, чем в Турции. Армия по-прежнему сохраняла свою структуру. Мало-помалу к разрешенным местными властями нескольким винтовкам на полк стали прибавляться винтовки в каждой роте; в ротах появились ружейные пирамиды. Шли обычные армейские процедуры: подъемы, разводы, проверки. Плац-адъютанты высылались каждый день в театры и кинематографы. По улицам ходили патрули. Действовали и гауптвахты, где часто не хватало на всех места.

При каждом полку были устроены мастерские: слесарная, столярная, сапожная, швейная. С весны 1922 года завели и огороды.

Однако эта временная жизнь рано или поздно должна была чем-то завершиться.

А завершилась она не так, как они ожидали. К власти пришло правительство Александра Стамболийского, представлявшее Болгарский земледельческий народный союз, и отношение к белым изменилось. В белогвардейской среде «земледельцев» называли «полукоммунистами» за их приверженность леволиберальному течению.

Бедственное положение потерпевшей поражение страны заставило Болгарию искать союзников. Страны Антанты были для нее суровыми контролерами,

заставляющими выплачивать контрибуцию Румынии и Сербии. Германия, традиционно имевшая здесь сильные позиции, сама находилась в полузадушенном состоянии. Поэтому нет ничего удивительного, что на Генуэзской конференции в апреле 1922 года, на которой Англия и Франция потребовали от Москвы уплаты долгов царского правительства, Стамболийский пошел на сближение с Советской Россией. То же сделала и Германия, заключив в местечке Рапалло с ней договор.

Отныне белые становились нежелательными гостями. Это был тяжелый моральный удар. Верилось с трудом, что в дружественной стране, какой считалась Болгария, с царем, православными церквями, уважением к истории, может произойти эта невероятная переоценка.

Местные коммунисты провели несколько массовых демонстраций под лозунгом «Врангелевцы, вон из Болгарии!», в Народном собрании поставили вопрос о статусе Русской армии и необходимости ее разоружения и расформирования. Особенно тяжело стало в мае 1922 года, когда в Софии был арестован начальник кутеповской контрразведки полковник Самохвалов. (Конференция еще не закончилась, Стамболийский оставался в Генуе, где уже взял обязательство распустить белогвардейские части, численность которых доходила тогда до 35 тысяч человек.)

У Самохвалова были найдены разведывательные сводки, расположение болгарских укреплений и воинских подразделений, полицейских участков, электростанций, вокзалов, складов оружия. Одновременно с арестом полковника болгары провели обыск в русской военной миссии, обнаружили у генерала Вязьмитинова документы о возможности участия белых частей в военном перевороте против правительства Стамболийского. Впрочем, русские доказали, что эти документы фальшивые.

Обыск произвели и у Кутепова. Ничего не нашли, но вызвали генерала в Софию, где и арестовали, хотя перед этим обещали неприкосновенность. А в Велико-Тырново на улицу имени генерала Гурко, что вилась по скалам над рекой Янтрой, он уже не вернулся. Вскоре его выслали из страны. В течение мая и июня 1922 года было выслано в Югославию 58 русских офицеров, в том числе 35 генералов.

Оставим и мы в нашем повествовании Болгарию, хотя там еще долго находились десятки тысяч русских. На прощание пройдемся по улицам Ловеча вместе с военным священником Михаилом Поповым. Навстречу нам идет капитан Любимов. Вид у капитана мрачный, и священник видит на его лице печать смерти. «Бросьте эти нехристианские мысли, капитан. Умереть всегда успеете, — и лучше, со славой», — сказал батюшка. Капитан поразился, ведь угаданы его сокровенные мысли. Что дальше? Священник и офицер начнут встречаться, беседовать о Боге, о душе, о загробной жизни. Капитан Любимов говорил, что не боится смерти и всегда готов сделать ей вызов. Бедный капитан, он был сильно контужен в германскую и ранен в Гражданскую войну. У него от болей раскалывалась голова, он не мог спать. По ночам к нему являлись видения: бои, монашки, Врангель, Кутепов. Священник тайком уносил его револьвер, но капитан «страшно сердился и бранил меня: «Батюшка, брось! Не револьвер, так бритва или цианистый калий...» Потом он плакал и просил прощения. Утром капитан шел в канцелярию батальона и усидчиво работал, поддерживал письменную связь со всеми чинами, находящимися на работах. В донесении полковника Жимилева будет указано: «За сокращением штата и ограничением сумм ему предстояло перейти на рабочее положение, и эта перспектива не могла не повлиять на его решение покончить с собой»^{112}.

Николай Никитич Любимов продержался до 21 февраля 1925 года. Он застрелился.

Нет, далеко не случайно одной из любимых песен белых стала песня о раскаявшемся разбойнике.

Жило двенадцать разбойников,
Жил Кудеяр-атаман.
Много разбойники пролили
Крови честных христиан.
Много добра понаграбили,
Многих убили в лесу,
Сам Кудеяр из-под Киева
Вывез девицу-красу.
Днем с полюбовницей тешился,
Ночью набеги творил.
Вдруг у разбойника лютого
Совесть Господь пробудил.
Бросил своих он товарищей.
Бросил набеги творить.
Сам Кудеяр в монастырь ушел.
Богу и людям служить.

И словно отвечая на новые вопросы, в Софии появляется сенсационный сборник статей музыковеда П. П. Сувчинского, экономиста П. Н. Савицкого, лингвиста князя Н. С. Трубецкого и богослова Г. В. Флоровского «Исход к Востоку». Константинопольский альманах «Зарницы» сразу отозвался на его появление, выделив главное: «Русские народные массы подвержены были в своем историческом развитии культурному влиянию Запада лишь в хозяйственной, но не в духовной сфере. Культурные верхи в России именно потому и отделены пропастью от ее низов, что источником их культурной

жизни является не Восток, которым живут низы, а Запад, с которым низы не имеют ничего общего».

С выхода в свет этого сборника и повело свое начало евразийство.

Из письма П. Н. Савицкого П. Б. Струве:

«З. 08. 21... Не восхваление большевизма и не апологетическое отрицание происходящего в России морального и материального ужаса, но нечто иное было скрепой, связавшей «евразийство». Этой скрепой явилось стремление, осознав ужас, найти ему определение в духе... Для того, чтобы нам не погибнуть, нам нужно верить, и верить не только в то, что на обломках мы снова построим свой дом... но и в то, что этот дом будет домом Божиим... Среди разорения, которое пережил каждый, среди роковых вестей, которые приходят к каждому, во сколько раз легче предаваться ненависти против тех, кто все это сделал, и самоуничтожению по отношению к судьбам России, — чем отвергнуть, просто забыть о ненависти — и вынести, как светильник из тьмы, предчувствие будущего!»^{113}

Вряд ли галлиполийцы могли предвидеть в авторах той небольшой книжки провозвестников своего будущего, указывающих и сроки избавления России. Но, выполнив первую задачу — выжить, белые воины искали путей к возрождению. Путь к Востоку? Что ж, прекрасно! От Запада они уже вкусили за годы смуты и испытывали к нему непреходящую благодарность.

К Востоку! Домой!

В предисловии к софийскому сборнику, однако, говорилось: «Мы не имеем других слов, кроме слов ужаса и отвращения, для того чтобы охарактеризовать бесчеловечность и мерзость большевизма. Но мы признаем, что только благодаря бесстрашно поставленному большевиками вопросу о самой сущности существующего, благодаря их дерзанию по размаху, неслыханному в истории, — выяснилось и установилось

то, что в ином случае долгое время оставалось бы неясным и вводило бы в соблазн: выяснилось материальное и духовное убожество, отвратность социализма, спасающая сила Религии. В исторических сбываниях большевизм приходит к отрицанию самого себя и в нем самом становится на очередь жизненное преодоление социализма».

Это пророчество евразийцев о самоубийстве социализма было тогда многим понятно, но заключавшееся в нем указание на то, что оно может случиться в далеком будущем, ставило на повестку дня вопрос о смысле борьбы.

Что же делать? Только молиться? Или рыдать? Или просто учиться, сажать огороды, чинить сапоги, задумчиво глядеть на плывущие по проливу пароходы?

Георгий Флоровский фактически прочитал отходную молитву: «Попыткою не считаться с жизнью, попыткою пойти напролом было «белое» движение, и здесь именно коренился его неизбежный неуспех.

...Скажу открыто и прямо: белое дело родилось из беззаветного и бескорыстного патриотического порыва, оно росло и питалось чувствами чистыми и святыми. Именно святыми: белая борьба не была ни политикой, ни классовой авантюрой, она не была гражданской войной, — под белые знамена влекла не какая-нибудь программа, а чистое нравственное задание — положить конец преступному террору, надругательствам и разврату. Это был именно протест совести...

В отдельности каждый может сражаться за «видение, непостижимое уму», но коллективное предприятие должно иметь свой «будничный» лозунг. Ведь лично оправдан и свят также и тот, кто, совершенно не умея плавать, в порыве жертвенного милосердия и любви, «больше кое же никтоже имать», — бросился спасать ближнего своего в двенадцатибалльный шторм. Но, если Богу не будет

угодно совершить чудо, он только погибнет — за други своя. Белое дело аналогично именно такому святому, но безнадежному порыву. Оно родилось на той же психологической почве, на которой строилась неудавшаяся работа Временного правительства; оно родилось из того же стремления внести мир и лад в разъярившиеся исторические стихии одною формальною энергией воли, одною дисциплиною, одним темпераментом власти. В нем была та же нечуткость к глубине и сложности тех жизненных противоречий, которые привели к революционному взрыву и питали его затем. И отсюда истекала та же невнимательность к необходимости творчески преодолеть эти противоречия и направлять свою работу не по линии усмирения и дисциплинарной сдержки, а по линии культурно-бытового и действительно духовного перерождения и созидания.

...И в «исторических ошибках» есть своя логика и неотразимость, — в известном смысле вооруженная борьба с большевиками *была* необходима; но следует признать, что не «белое» дело есть подлинное и *конечное* русское дело. Та борьба кончилась, а та новая, которая должна только начаться, должна для успешности своей протекать по новому руслу»^{114}.

Каково это было осознавать рядовым участникам Белого дела? Это была жестокая истина.

Итак, генерал Кутепов покинул Болгарию. Его прощальный приказ по корпусу заканчивался словами: «При всех обстоятельствах берегите честное имя русского воина и любите Родину выше всего».

Генерал поселился на окраине Белграда в маленьком доме из трех тесных комнат. С ним, кроме жены и брата, еще были адъютант, личный секретарь и вестовой. Все жили на скромное жалованье Кутепова.

Время от времени сюда приходили ходоки-офицеры, жаловались на жизнь, просили помощи. Сколько их прошло, нищих, несчастных, жаждущих поддержки, никто не знает. У Кутепова были небольшие суммы пожертвований, поступавшие от частных лиц на помощь галлиполийцам. Он буквально трясся над ними, как скупец, не позволял себе слишком разжалобиться. Но этот твердый и решительный человек, когда видел, что установленной им раз и навсегда суммы разовой помощи явно недостаточно, добавлял из своих средств, в долг. Редко кто эти долги возвращал. И домашние его часто питались одними макаронами.

Нищенствующий орден, увы, не разбогател, да и не мог разбогатеть. У него была другая цель. В 1923 году планировался новый военный поход, но он не состоялся. (К слову сказать, когда история повернула свое колесо и русские эмигранты стали устраиваться в жизни, то к концу XX века оказалось, что в Соединенных Штатах среди групп национальных меньшинств русские занимают первое место по уровню образования и благосостояния.)

К середине 1920-х годов в положении Русской армии на Балканах произошли большие перемены, началось организованное переселение в Западную Европу, в основном во Францию и Бельгию, где экономические условия были лучше. Переместились и штабы 1-го армейского корпуса, Корниловского и Марковского пехотных полков, отдельных военных училищ. Осенью 1926 года генерал Врангель тоже переселился в Париж, а затем — в Брюссель. Главный штаб из Сремских Карловец был переведен в Париж, где с той поры и сложился политический центр русского зарубежья.

Память о Русской армии еще долго сохранялась в Белграде, Праге и Софии и в деятельности университетов и гимназий, где преподавали русские профессора, и в росписях десятков православных

церквей, в театральных постановках, в реформировании сербской армии, но время стерло эти следы. Остались только памятники на могилах русских и уникальные архитектурные проекты, которые воплощены в прекрасных зданиях Белграда — Министерства финансов, Министерства сельского и водного хозяйства, Министерства лесов и горной добычи, Патриархии, Главной почты и других общественных и частных постройках.

В это время Европа переосмысливала свое новое положение. Франция требовала от обессиленной Германии выплаты репараций и заявляла, что в случае невозможности уплаты готова захватить Рурский бассейн и Прирейнскую область. Англия же никак не соглашалась на такое усиление союзницы. США были готовы поддержать Германию займом, чтобы завладеть там экономическими высотами. Но, как писали газеты в Советской России, «тяжесть Версальского мира может быть сброшена с Германии только мечом революционного правительства».

Еще не наступила пора мучительного пробуждения униженной и расчлененной Версальским договором Германии, от которого содрогнется мир.

До каких же пор можно было терпеть разорванность русского сознания? Кто-то должен был попытаться замостить провалы и пропасти и поднять новые знамена.

Эту миссию взяла на себя группа молодых российских интеллигентов, словно замаливая грех того, что Струве назвал «безрелигиозным отщепенчеством от государства». Георгий Флоровский, Петр Савицкий, Николай Трубецкой, Петр Сувчинский взялись сказать прощальное слово старой России и открыть новые пути для новой, послереволюционной страны.

Но что такое Россия? Прежде всего надо было отвечать на этот вечный вопрос. Они ответили так:

Россия — это Евразия. Ни в коем случае не Европа. Стремление Русского государства стать частью Европы ведет к геополитическому поражению, а в области культуры — к подражательству и деградации.

Эти идеи прозвучали для зарубежной России как эпатаж, как дерзкая выходка молодых людей. В чем-то они напоминали славянофильство, но во многом и расходились с ним. Славянофилам Россия представлялась только православной и славянской. Евразийцы видели в своем отечестве широкое море народов славянских, азиатских, угро-финских, — неповторимый государственный и культурный материк, который противостоит Европе и Азии и одновременно объединяет, связывает их.

Евразийцы как будто оглянулись на свое прошлое и открыли в нем тайную доминанту: Россия всегда будет проигрывать Европе, когда будет забывать, что ее главные силы сосредоточены именно на ее азиатской половине. Николай Трубецкой, словно заглядывая в наше «демократическое» время, написал: «Будущая Россия — колониальная страна, подобная Индии, Марокко или Египту». Правда, тут же добавил: «Азиатская ориентация» становится единственно возможной для настоящего русского националиста».

А как же свершившаяся революция? Как незавершившаяся борьба с большевизмом, ввергшим Россию в чисто европейское социальное экспериментаторство? Как с русской культурой? Как жить русским в изгнании?

Революция была неизбежна, но от нее, по словам Георгия Флоровского, погибла «только Петербургская Россия». Это «только Петербургская» лежит на одном уровне с розановским: «Не довольно ли писать о нашей вонючей Революции, — и о прогнившем насквозь Царстве, — которые воистину стоят друг друга».

Евразийцы говорили об империи без всякого пиетета. Более того, они дерзали обвинять белую эмиграцию в невероятной косности. Понятно, кто входил в круг обвиняемых.

Большевики? Что ж, конечно, большевики в представлении евразийцев были тем злом, с которым приходится мириться, ибо их владычество неизбежно приведет к власти (под видом партийцев новой волны) национальные слои российского общества.

И здесь, в точке пересечения новой власти с культурным и духовным российским потенциалом, необходимо протянуть ей руку для сотрудничества. «Великая Россия восстановится лишь после того, как начнет созидаться русская православная культура» (Г. Флоровский).

Если отбросить теоретические условности, евразийцы поставили перед собой величественную и страшную задачу. Та новая, грубая жизненная сила, которую они хотели приручить, могла их уничтожить.

И вскоре уничтожила. «Ворота патриотизма», как выразился Троцкий, через которые Москва хотела заманить своих внешних и внутренних противников, вели в лучшем случае к национал-большевизму.

Патриотизм был привлекателен и для председателя ОГПУ Феликса Дзержинского. Обязанный по долгу своей чекистской службы разбираться и учитывать русскую национальную психологию, он быстро понял, что здесь можно без особых затрат создать широкую контрразведывательную сеть.

В ноябре 1921 года сотрудник комиссариата внешней торговли Александр Александрович Якушев, находясь в командировке в Норвегии и Швеции, проездом посетил Ревель, где навестил своих русских знакомых. Разговоры они вели откровенные, в результате бывший белый офицер Юрий Артамонов

написал письмо другу-однополчанину князю Ширинскому-Шихматову в Берлин.

Артамонов писал: «Якушев крупный спец. Умен. Знает все и вся. Наш единомышленник. Он то, что нам нужно. Он утверждает, что его мнение — мнение лучших людей России. Режим большевиков приведет к анархии, дальше без промежуточных инстанций к царю. Правительство будет создано не из эмигрантов, а из тех, кто в России. Якушев говорил, что лучшие люди России не только видятся между собой, в стране существует и действует контрреволюционная организация... Мимоходом бросил мысль о «советской» монархии. По его мнению, большевизм выветривается...»

Это письмо было перехвачено в Эстонии агентами ГПУ. В январе 1922 года на заседании коллегии ГПУ Дзержинский сообщил, что раскрыта тайная монархическая организация, но есть смысл не арестовывать ее, а использовать в своих целях. Главный чекист решил, что наиболее подходящей фигурой для игры с эмиграцией считает Якушева, про которого известно, что он ставит интересы России выше всего. Так начался «Трест».

Помимо Якушева в нем участвовали такие достаточно крупные военные, как бывшие генералы Зайончковский (командир полка во время Русско-японской войны, в котором служил подпоручик Кутепов) и Потапов.

Генерал-лейтенант российской армии Андрей Медардович Зайончковский был профессором советской военной академии. Генерал-лейтенант Николай Михайлович Потапов после революции был начальником Генерального штаба, а затем руководил военной контрразведкой.

Не потребовалось больших усилий, чтобы белая эмиграция восприняла всерьез МОЦР — Монархическое объединение Центральной России, законспирированное

под названием «Трест». Для связи с ней использовалась эстонская дипломатическая миссия в Москве, пресс-атташе которой Роман Бирк был советским агентом.

Поздней осенью 1922 года Якушев выехал в служебную командировку с заданием внедриться в руководство белой эмиграции и навязать ему «трестовскую» стратегию борьбы.

В Риге к Якушеву присоединились Артамонов и Петр Арапов, племянник Врангеля, активный евразиец.

С этой поры Арапов «на крючке» ГПУ.

Якушев проникает в Высший монархический совет, располагает к себе, убеждает в глубине и жизненности своих идей. Под влиянием его пропаганды в «Еженедельнике ВМС» была напечатана статья о необходимости сохранения Советов в освобожденной России: «Наша эмиграция должна теперь усвоить, что в местных Советах, очищенных от коммунистической и противонародной накипи, находится истинная созидательная сила, способная воссоздать Россию. Эта вера в творчество истинно русских, народных, глубоко христианских Советов должна сделаться достоянием эмиграции. Кто не уверует в это, оторвется от подлинной, живой России».

Хотел ли контрразведывательный отдел ГПУ того или не хотел, но в русском зарубежье тоже начинались активные изменения. В программных выкладках ВМС появилась отправная точка будущего государственного устройства страны — царь и Советы, то есть — конституционная монархия.

Арапов ввел Якушева в ближайшее окружение генерала Врангеля и через генерала фон Лампе организовал ему встречу с генералом Климовичем, ведавшим врангелевской контрразведкой. Климович задал гостю простой вопрос: как удастся такой большой подпольной организации избежать внимания чекистов?

Якушев ответил как будто убедительно, что у них в каждом советском учреждении и в армии есть свои люди, поэтому удастся вовремя отводить угрозы...

Однако, когда он ушел, подозрения остались. В итоге Врангель не доверился Якушеву и не стал участвовать в «Тресте». Бог миловал главнокомандующего.

Зато многие другие видные деятели были не так подозрительны, и надежда заслонила для них даже чувство самосохранения. Но как долго воевавшим людям можно было оставаться хладнокровными и медленно погружаться в эмигрантский быт, когда борьба еще не закончилась, а наоборот, получила неожиданную поддержку из самых российских глубин, которые так долго молчали?

Якушев продолжал внедряться в белогвардейское руководство. Представителем «Треста» в Париже стал князь Ширинский-Шихматов, в Берлине — Арапов. Якушева принял великий князь Николай Николаевич и целых три часа разговаривал с ним.

Кутепов жил неподалеку от Врангеля. От кутеповского домика на Душеноваце до врангелевской виллы в Топчидере можно было дойти пешком через обширные пустыри, заросшие шиповником и разными травами вроде лисохвостов и костров, подобных галлиполийской растительности. Если не было дождей и пустыри не раскисали, Кутепов часто приходил к главнокомандующему.

Оба любили длинные пешие прогулки и часто гуляли вдвоем на пустырях. Между ними не было душевной близости, они представляли разные российские силы, один — Петербургскую Россию, другой — провинциальную. Оба чувствовали, что главное в их судьбе уже завершилось, но еще не осознали этого и искали прохода в сплошной невидимой стене,

преградившей им путь. Кутепов мечтал о продолжении вооруженной борьбы, а Врангель стоял на перепутье и все больше уходил в политическую тень. Роль главнокомандующего разбросанными по Европе частями была уже во многом условна. Для объединения эмиграции нужна была более реальная фигура.

Врангеля и Кутепова связывало прошлое. А что впереди? Мирно доживать свой век?

Белые офицеры покидали армию, ее остатки. В конце концов генералы могли оказаться в одиночестве.

Требовалось новое дело, новая организация.

Европа к тому времени уже пыталась вырваться из тисков Версальского мира. В июне 1923 года в Болгарии было свергнуто левое правительство Стамболийского, к власти пришли круги, опирающиеся на военных и национально-консервативные силы. Отношение к русским частям сразу же изменилось и угроза их выдачи в Советскую Россию улетучилась. Попытка коммунистов поднять в сентябре восстание была сорвана при помощи белогвардейских частей.

Этот год был переломным: Германия находилась в унижении и нищете, революция подняла свою страшную мстительную руку, и призрак мировой коммунистической смуты загорелся над Старым Светом. Красная армия начала готовиться к освободительному походу в Европу, а председатель Реввоенсовета Троцкий выступил с призывом поддержать германскую революцию.

Верховный штаб Антанты санкционировал ввод французских войск в Рурскую область. Британский министр иностранных дел лорд Керзон предъявил Москве ультиматум: если Красная армия перейдет советско-польскую границу, Англия окажется в состоянии войны с СССР. Военная разведка РККА доносила Сталину об активизации белой эмиграции. Советские разведчики создавали тайные склады оружия, агентурные сети.

Москва искала союзников везде, где могла, и не останавливалась перед парадоксальными ходами. В июне заведующий информационным отделом ЦК РКП(б) Карл Радек выступил с речью на заседании расширенного пленума Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (Коминтерна) и предложил германским нацистам сотрудничество. Он говорил о молодом немецком националисте Лео Шлагетере, расстрелянном французскими оккупационными властями в Руре за террористические акты против французских войск. Радек выразился так: «Мы не должны замалчивать судьбу этого мученика германского национализма, имя его много говорит германскому народу... Шлагетер, мужественный солдат контрреволюции, заслуживает того, чтобы мы, солдаты революции, мужественно и честно оценили его... Если круги германских фашистов, которые захотят честно служить германскому народу, не поймут смысла судьбы Шлагетера, то Шлагетер погиб даром...

Против кого хотят бороться германские националисты? Против капитала Антанты или против русского народа? С кем они хотят объединиться? С русскими рабочими и крестьянами для совместного свержения ига антантовского капитала или с капиталом Антанты для порабощения немецкого и русского народов?.. Если патриотические круги Германии не решаются сделать дело большинства народа своим делом и создать таким образом фронт против антантовского и германского капитала, тогда путь Шлагетера был дорогой в ничто».

Это была сенсационная речь, полная политического расчета и лишенная каких бы то ни было сантиментов. Москве нужен был союзник. Этим все и объяснялось. Отношение интернационалистов к внутренним русским задачам было по-прежнему жестоким и утилитарным.

Но был еще один парадокс. Русское зарубежье, явно стремившееся к идее национальной государственности и культуры, было враждебно национал-большевикам. И национал-большевики были враждебны ему.

В этой европейской необъявленной войне русскому зарубежью отводилась роль антантовской «пятой колонны». Насколько эта роль отвечала русскому национальному чувству? Большинство эмигрантов были невольны выбирать. Поэтому они оказались в известном смысле беззащитными, как дети, когда речь заходила об интересах России. Им были непостижимы манипуляции, подобные радековской.

Когда Троцкий на XII съезде ВКП(б) заявил о евразийстве, даже не заявил, а отозвался с некоторым намеком на понимание, то зарубежье восприняло это как большую надежду.

«Россию, — сказал Троцкий, — теперь некоторая часть заштатной интеллигенции называет Евразией... Как хотите, это в точку попадает... И Москва наша искони была евразийской, то есть имела с одной стороны архиевропейский характер, даже с намеком на американизм, и в то же время несла на себе черты чисто азиатские».

Шла великая игра. Национальные традиции и чувства рассматривались в ней как сильнейшее оружие. Сталин же обрушился на «великорусский шовинизм», который проник в партийные учреждения и «бродящий по всем углам нашей федерации».

Председатель Коминтерна Зиновьев вторил ему: «Сейчас поднимает голову великорусский шовинизм» и призвал выжигать опасность каленым железом.

Приказ генерала Врангеля от 14 января 1926 года передает мироощущение белых:

«...Как в бою разворачивается полк, разбивается на батальоны, роты, взводы, звенья, принимает рассыпной строй, так Армия — изгнанница из лагерей Галлиполи,

Лемноса, Кабакджи разошлась по братским славянским странам, рассыпалась по горам Македонии, шахтам Болгарии, заводам Франции, Бельгии, Нового Света. Рассыпалась, но осталась Армией, — воинами, спаянными между собой и своими начальниками, одушевленными единым порывом, единой жертвенной готовностью. Среди тяжелых испытаний Армия устояла. Не ослабла воля. Не угас дух. Придет день, протрубит сбор, сомкнутся ряды и вновь пойдем мы служить Родине. Бог не оставит нас. Россия не забудет»^{115}.

Вот так и распределялись силы, и запутывались узлы и завязки будущих трагедий. В Париже, Белграде, Софии, Праге, Берлине русские смотрели на Москву, ожидая скорого воскрешения своей родины. И Москва манила их «Трестом», зная, что на этот манок они непременно пойдут.

Но в рыцарстве белых таился неустранимый изъян, который еще в 1920 году выразил В. Шульгин. «Знамя Единой России фактически подняли большевики. Конечно, они этого не говорят... Конечно, Ленин и Троцкий трубят Интернационал. И будто бы «коммунистическая» армия сражалась за насаждение «советских республик». Но это только так сверху... На самом деле их армия была поляков, как поляков. И именно за то, что они отхватили чисто русские области...

Социализм смоется, но границы останутся»^{116}.

Глава восемнадцатая **РУССКИЙ ОБЩЕВОИНСКИЙ СОЮЗ. БОРЬБА РОВСА И ОГЛУ**

Несмотря на тайную войну Коминтерна с ее социальной романтикой и беспощадными методами, история двигалась по накатанной геополитической колее. Две мощнейшие континентальные державы, Россия и Германия, обескровленные войной, тянулись друг к другу, словно воскрешая старый союз прошлого века, причинивший столько хлопот атлантическим странам. В этой зоне взаимного притяжения оказались советские руководители, белые эмигранты и «евразийцы».

Еще во время Гражданской войны проницательные русские политики поняли, что союзники стремятся вывести Россию из числа великих держав мира. Борьба с коммунизмом при содействии союзников завершилась Крымским исходом, Галлиполийским сидением и прощанием с самими союзниками. Белая армия Петербургской России оказалась на распутье.

Офицеры старой закалки особо не раздумывали над тем, что произойдет, если армия сохранит старые ориентиры. Более молодые склонялись к мысли, что в результате победы белых и иностранных интервентов Россия окажется разгромленной.

Савицкий позже сделал такой прогноз: «Русская культура была бы оттеснена к границам Великороссии. Но даже на территории нынешней РСФСР ей наносили бы удары в спину сепаратизмы типа казанско-татарского, башкирского и т. д., которым интервенты

несомненно оказывали бы самое горячее покровительство. Не говорим уже о юго-восточных окраинах РСФСР, вроде Казахстана и Киргизии, которые были бы просто потеряны для России. Весьма вероятно, что и на исконных русских территориях была бы сделана, в этом случае, попытка превратить русский язык и культуру в язык и культуру «второго сорта»...

«Но, — предупреждал философ, — Советский Союз является очередным этапом в эволюции русского государства. Следующий этап может родиться только из него самого. Если конец ему придет извне, это будет конец и русского государства...

Пока мир остается таким, каким он есть — именно «военные силы», именно армия, красная или иная — есть последний довод в этих вопросах».

Это — ответ Савицкого, это мост, на противоположной стороне которого стояли агенты ГПУ на фоне кремлевских куполов. Неспроста он говорил, что судьба страны важнее судьбы режима. Судьба Отечества — дороже любой идеологии. Но что делать, если это мост для одиночек и в конце его — смерть?

Цель одна: вернуться в Россию под флагом государственности, а уж потом переходить к смене красного флага. Они ничего не боятся. Фашизм для них — одно из течений леворадикального социализма. Муссолини был социалистом, Радек был социалистом, но эта идеология выдыхается. Революция неизбежно сменится эволюцией, и тогда проржавевшие обручи большевизма рассыплются.

Но спасение не придет с Запада!

«Я хотел бы напомнить, что и в эпоху «великой разрухи» русской начала XVII века был момент, когда национальные расчеты строились на вмешательстве иноземной силы: это было в 1610 году, когда польского королевича Владислава избрали на Московский стол, и польские войска шли «восстанавливать порядок» в

ставшей добычей «воров» и голытьбы России. Но слишком скоро обнаружилось, что эти-то чужеземные носители государственности и порядка в гораздо большей мере, чем анархическая бунтарская масса, — и суть главная помеха подлинно-национальному оздоровлению охваченного смутю государства... Эта сторона дела обычно ускользает от внимания из-за мечтательного убеждения, что Европа себя будет защищать, вмешиваясь в русские дела, что ей самой опасна большевистская зараза...»

Это Георгий Флоровский, знакомая нам статья «О патриотизме». Это вечное предупреждение для российских мечтателей, уповающих на чужую помощь. Каждое поколение по-новому открывало сию вечную истину геополитики, проходя через искушение сделать Россию полностью европейской и платя за это великими жертвами.

Для многих бездействие означало моральное падение, измену себе. Для офицеров — особенно. Им требовалась новая организация, способная сплотить их, не дать рассыпаться в эмигрантскую пыль. Армейская форма уже не годилась. Но ее надо было сохранить в новом облике. Поэтому 1 сентября 1924 года родился Русский общевоинский союз (РОВС). Он связал белые организации и союзы всех стран русского рассеяния, в том числе и образованные воинами армий А. В. Колчака и Н. Н. Юденича. Его верховным руководителем стал великий князь Николай Николаевич, командующим — генерал Врангель.

Как сказал в те дни в докладе об армии генерал-лейтенант Е. К. Миллер:»... существование Армии есть факт не только сегодняшнего дня, но и завтрашнего, ибо никакие силы физические не могут ее уничтожить и обратить из бытия в небытие»^{117}.

В бумагах Кутепова среди справок о РОВСе есть «Доверительная записка», в которой говорится: «РОВС

должен создать живую религию, основанную на глубокой вере правоты совершаемого, на любви к Родине и на надежде в будущее воскресение России. Имя этой религии — национализм».

Вряд ли Кутепов мог измениться. Его дух был нестигаем, а враги давно определены. Но его звездный час миновал. Осталась легенда о галлиполийском чуде, становящаяся все больше и больше идеологической основой для белогвардейской пропаганды. Оставалась вера в освобождение и готовность к самопожертвованию.

Евразийцы пошли своим путем, Кутепов — своим, не подозревая, что это одна дорога.

Кутепов тоже переехал во Францию, стал одним из самых приближенных сотрудников великого князя Николая Николаевича и расширил свое влияние. Он был в центре борьбы и руководил засылкой в Россию молодых офицеров.

Конечно, генерал внутренне изменялся, вынужден был принимать то, что раньше казалось ему немыслимым. Петербургская Россия уже не могла возродиться после ухода большевиков. Но ее здание «должно покоиться на надежном фундаменте, заложенном нашей многовековой и славной историей».

Он понимал, что посылает людей на смерть, что у них мало шансов вернуться. Это понимали и отправляемые им офицеры.

Одной из первых поехала в Россию Мария Захарченко. Та самая бесстрашная женщина, пошедшая добровольно на войну и заслужившая два Георгиевских креста. После Галлиполи она оказалась в Сербии вместе с кавалерийским эшелоном, давала частные уроки и каждый день искала возможности вырваться из эмигрантской клетки. Она задумала вернуться в Россию для продолжения борьбы. Но где это видано, чтобы

женщина начинала войну с государством? Она явно шла на смерть.

Вместе с Марией Владиславовной — ее третий муж, штабс-капитан Георгий Николаевич Радкевич. Они добираются до Берлина. У них сербские паспорта, а Сербия не признавала государства-новообразования, и поэтому Захарченко и Радкевич не могли попасть в Прибалтику. Они две недели убили на то, чтобы раздобыть германские удостоверения личности.

Конец сентября 1923 года. Пароход до Ревеля. На борту — чета Шульц. Уже достаточно холодно. В глазах супругов нетерпение. Они вспоминают невозвратные мгновения, которые как будто вновь возвращаются: петербургский бал, где юная смолянка познакомилась с будущим штабс-капитаном. Но образ Шульц уже не отпустит Марию Владиславовну. Она уже никогда не станет Машей Лысовой.

В Ревеле к ним присоединяется гардемарин Буркановский. Советско-эстонская граница возле Изборска. 3 октября. Холодно, ноль градусов. Болото. Солнце уже зашло, смеркается. Болото тянется и тянется, и ночь бесконечна. Гардемарин отстал. Мария Владиславовна не останавливается, тянет за собой Радкевича. Только к рассвету они выходят на твердый берег. Гардемарин же погиб от пуль пограничников.

Позже участники эстонской войны уверяли, что в том болоте во время боев утонула целая рота.

Но Марии Владиславовне суждено было пройти. Ее берегла судьба до поры до времени. И потом еще не один поход преодолела она, а однажды, когда уже лежал снег, перебралась вплавь через разлившуюся реку, держа над головой снятую шубу.

Кутепов говорил своим немногочисленным боевикам: «Наше дело там, в России. Оно требует жертв. Без жертв лучших русских людей Россия не восстановится, и они

необходимы, они будут всегда. Многие погибли, погибнут еще, погибнем все мы, начавшие, но зерно брошено, и плоды будут там, на Русской земле».

Мария Владиславовна была уполномочена Кутеповым, который приходился ей дядей, установить связи с «Трестом». Они не могли знать, чем закончится эта связь.

В письме от 12 октября 1923 года Шульцы сообщали: «Прибыли в Петроград 9-го утром. А. В. не нашли, на его квартире сообщили, что он ушел менять деньги 27-го сентября, оставив дома все вещи и неотправленное письмо в Париж, и больше не вернулся. В настоящее время там идут облавы, многие пойманы, город терроризирован. Выехали в три часа дня в Москву. Попали в воинский вагон, занятый матросами, комсомольцами. Впечатление от разговоров самое отрицательное. Эта молодежь ими воспитана и настроена сейчас воинственно».

До Москвы они добрались благополучно. У них была явка к Стауницу, в квартиру на Маросейке, и они явились к нему, не ведая, конечно, что хозяин никакой не Стауниц, а чекист Эдуард Оттович Опперпут, который раньше принимал участие в охоте за Савинковым.

«Трест» принял гостей солидно. «Впечатление от этой группы, — сообщали они в Париж, — самое благоприятное: чувствуется большая спайка, сила и уверенность в себе. Несомненно, что у них имеются большие возможности, прочная связь с иностранцами, смелость в работе и умение держаться...» «Возможности получать сведения у них большие, и они сами говорят, что иностранные миссии перед ними заискивают: по-видимому, их люди имеются всюду, особенно в Красной армии».

Кутепов получил десятки донесений о солидности «Треста». Отступать генералу не было никаких видимых причин. Он пошел навстречу своей гибели.

Если бы он был несколько осторожнее, у него наверняка вызвало бы подозрение письмо от 22 ноября 1923 года. Как он оставил его без внимания, трудно объяснить.

«Есть распоряжение устроить меня на службу в контрразведывательный отдел при ГПУ через имеющуюся оказию таможенного отдела. Этот отдел ГПУ, ведущий наблюдение за приграничной полосой и поступающей контрабандой, предложил на этих днях Всерос. инвалидному комитету (ВИКО), а в частности У., взять на себя организацию подставных лавок в Москве для поимки контрабандных товаров. Согласно плана Там. Упр. все заведующие лавками будут считаться агентами отдела по борьбе с контрабандой Там. Упр. и в своей работе будут инструктироваться сотрудниками последнего.

Отдел по борьбе с контрабандой работает в теснейшем контакте с контрразведывательным отделом ГПУ. Многие сотрудники отдела по борьбе с контрабандой являются и секретными сотрудниками к.-р. отд. при ГПУ. Задачей является поставить себя в такое положение, чтобы, заручившись доверием и знакомствами среди членов ГПУ, получить их предложение сделаться их сотрудником в отделе к.-р. сначала секретным, а потом и открытым, приняв которое использовать свое положение для целей М. О. Р.».

Возможно, Кутепов утратил осторожность. Но если «Трест» представлял здоровую клетку в больном теле, то как можно было надеяться на постоянную безошибочность всех решений? Всех связей «Треста»?

Стауниц снял для четы Шульц ларек на Центральном рынке, куда сотрудники польского посольства приносили пакеты для «Треста» и получали почту для отправки за границу. Завязалась большая игра. Чем она кончится? А может, Кутепову удастся проскользнуть по чекистским тропинкам раньше самих чекистов?

Евразийцы тоже вскоре попали в ГПУ. Они ввели в свой круг Александра Алексеевича Лангового, который был соответственно подготовлен в контрразведывательном отделе. Он был сыном профессора медицины, добровольцем воевал в рядах красных, был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Его сестра являлась сотрудником ОГПУ. Ланговой стал руководителем евразийской секции «Треста» и, побывав в Варшаве, где встречался с Артамоновым, завязал первые контакты с эмиграцией.

Весной 1924 года через эстонскую границу в Россию прибыл товарищ Арапова Мукалов. Он побывал в Москве, съездил в Харьков. Ему организовали встречи с подставными командирами воинских частей. Он был доволен поездкой и поверил в силу тайной организации.

Вскоре Якушев пригласил в Москву Арапова, познакомил его с Ланговым, и тут вспыхнул настоящий фейерверк изобретательности чекистов. На заседании евразийской секции присутствовали увлеченные сторонники евразийства (сотрудники ГПУ), которые выступали за российские интересы и православные традиции. Ланговой предсказал дальнейшее развитие страны как советской монархии.

Для Арапова слышать это было удивительно. Он помнил Москву по 1918 году, когда его, гвардейского офицера-фронтовика, большевики держали в Бутырской тюрьме. Тогда казалось, что назад возврата не будет. Но теперь его окружали милые русские люди, прозревшие и готовые служить Родине.

Арапов был растроган и легко проглотил чекистскую наживку. Может быть, он больше нигде не испытывал таких приятных минут. Блудный сын вернулся домой, и здесь не забыли его, он был своим.

Контрразведывательный отдел закрепил его впечатления встречами с генералами Зайончковским и Потаповым. Евразийство тесно соединялось с «Трестом».

В Берлин Арапов вернулся полностью очарованным. Храбрый офицер, расхаживавший под артиллерийским обстрелом с преспокойным видом, здесь уступил острому чувству патриотизма и отверг все доводы разума.

Савицкий отмечал: «С ним (Якушевым. — С. Р.) свел евразийцев и, в частности, в числе других, меня — в 1923 г. в Берлине П. С. Арапов. Его с Якушевым связал Артамонов. Якушев казался умным, но совершенно «непрозрачным» человеком. Он и развертываемые им перспективы проникновения евразийства в Россию нас интересовали, но мы, конечно, отнюдь ему не доверяли. Арапов же был горячим пропагандистом сотрудничества с ним».

В 1924 году 5 ноября Якушев и Потапов приехали в Париж и были приняты великим князем Николаем Николаевичем. Они просили 25 миллионов долларов на организацию восстания и убеждали, что через полгода большевиков не станет. У великого князя денег не было. Он посоветовал им обратиться к российским промышленникам. Но и промышленники ничего не дали и отказались брать займы у иностранных банков.

Якушев и Потапов хотели встретиться с Кутеповым — не удалось.

Для ГПУ Кутепов представлял особый интерес, ибо небольшие группы его боевиков по два-три человека легко проходили через границу для разведки и террористических актов. К тому же РОВС был связан с разведками соседних стран. На Кутепова надо было выйти во что бы то ни стало.

В следующий приезд в Париж Якушев взял с собой Марию Владиславовну. Их беседы втроем расположили генерала к «Тресту», повторив ту же психологическую канву, по которой уже проследовал Арапов. Кутепов согласился стать представителем «Треста» в Париже, сохраняя при этом полную самостоятельность в

действиях. Должно быть, он надеялся, что в конце концов вернется в Россию и помогут ему в этом неведомые простые люди, которые виделись ему за полузагадочным «Трестом».

Если бы Кутепов располагал деньгами, он бы поделился с Якушевым. Но больших денег не было.

Постепенно сводились в одну точку Кутепов, евразийцы, ГПУ.

В 1925 году евразийцы начали активно привлекать военных к сотрудничеству. Сувчинский (был женат на дочери А. И. Гучкова) встречается с начальником Корниловской дивизии Скоблиным и так пишет о нем: «Он всецело сочувствует нефти (конспиративное обозначение евразийства. — *С. Р.*), готов способствовать самой энергичной пропаганде в галлиполийских организациях Франции, Бельгии и Болгарии и предоставляет своих лучших людей для отправки на Восток».

В марте он пишет Савицкому: «Сегодня выехал к Вам в Прагу Твердое (Скоблин. — *С. Р.*), на которого мы возлагаем большие надежды. Он освоился идейно с евразийством».

Савицкий отвечает: «Военно-корпоративное начало есть начало ценнейшее. Но если его сделать самодовлеющим, то вместо евразийства и евразийской секции получится ухудшенное издание белого движения. Последнее погибло между прочим из-за этой корпоративности... Сопряжение гражданского начала, как общего, и военного, специального, которое осуществили коммунисты, есть единственно правильное. Вне осуществления этого сопряжения нет евразийства»^{118}.

Да, белые генералы должны были рано или поздно попасть в круг интересов евразийцев. Появление Скоблина здесь не случайно. Однако для евразийцев

генералы были менее ценны, чем среднее офицерство. Генералы вряд ли откажутся от догм белой борьбы. И Савицкий отмечает: «Ведь в настоящее время нами заинтересовались люди вполне определенной формации. Это промежуточный командный слой, который внутренне наиболее близок к аналогичным контингентам с *другой* (выделено мной. — С. Р.) стороны».

Вот где разгадка! Евразийцы уже идут по мосту обратно в Россию, и им важно найти там опору. Не случайно в заметках Савицкого есть открытое противопоставление евразийства и Кутепова. Кутепов с его непримиримостью уже не воспринимается. В «Секретной переписке» Совета евразийства о людях Кутепова говорится отрицательно: «Решительно не понимаю, на что они нам нужны... Все, кто видел г-жу Шульц при первом ее появлении вместе с Федоровым (Якушевым. — С. Р.)... единогласно охарактеризовали ее самым нелестным образом... Если же мы наберем себе окружение из господ вроде племянников (конспиративное имя четы Шульц. — С. Р.), то это окружение станет для нас обузой и свяжет нас так, что мы скоро и рта не сможем открыть...»^{119}

Жажда борьбы, которой было пронизано каждое движение Марии Владиславовны, для евразийцев была пережитком Гражданской войны. Если в «Тресте» они не заметили опасности, то в своей среде все оттенки воспринимались ими отчетливо. И действительно, расхождения между идеологией белой борьбы и евразийством были велики. Для ГПУ рано или поздно эти расхождения стали бы заметны и тогда неизбежно должны были последовать попытки использовать их для разрушения всего РОВСа.

В начале 1925 года чета Шульц была использована советскими контрразведчиками для заманивания на

территорию СССР английского разведчика Сиднея Рейли. Косвенно в этом принимал участие и Кутепов, с которым Рейли встречался в Париже. К возможностям эмиграции англичанин был настроен критически, зато силы «Треста» казались ему значительными.

Двадцать четвертого сентября Рейли перешел финскую границу. 27 сентября он был в Москве, сопровождаемый Якушевым и евразийцем Мукаловым. На даче в Малаховке состоялось заседание политсовета «Треста». Рейли предложил сотрудничество с Интеллидженс сервис. Вечером он должен был возвращаться в Ленинград. Вместо невских берегов он увидел стены камеры на Лубянке. Правда, перед арестом ему дали возможность отправить за границу открытку, которой он хотел удостоверить свое опасное путешествие в большевистскую столицу.

В ночь на 29 сентября на финской границе возле деревни Ала-Кюль была инсценирована перестрелка, в которой якобы погибли Рейли и его спутники. «Трест» должен был остаться вне подозрений.

Звезда Рейли закатилась, с ним расправились шутя. А Мария Владиславовна писала Якушеву: «У меня в счзнании образовался какой-то провал. У меня неотступное чувство, что Рейли предала и убила лично я... Я была ответственна за «окно».

Но тем не менее, когда в Гельсингфорс приехала жена Рейли Пепита, Мария Владиславовна убедила ее в непричастности «Треста» к гибели разведчика.

В Москве тоже была легко разыграна сцена скорби, в которой участвовал и ничего не подозревавший Мукалов. Его же вместе с чекистом Зубовым направили на расследование к деревне Ала-Кюль, где он убедился в том, в чем хотели его убедить авторы этой контрразведывательной драмы.

Мукалов обеспечил еще одно алиби «Тресту», однако Марии Владиславовне этого было недостаточно. Она

заставила Радкевича спешно выехать из Финляндии в Москву для самостоятельного расследования. Ничего нового он не узнал.

«Трест» сохранил свое доброе имя, а Рейли погиб. Его расстреляли 3 ноября 1925 года.

Попал в сети «Треста» и Василий Витальевич Шульгин, тот самый депутат Государственной думы, который вместе с А. И. Гучковым принимал отречение Николая II.

Якушев взялся организовать поездку Шульгина по линии «Треста», гарантировав безопасность. У Шульгина в Гражданскую войну в последние дни врангелевской эпопеи пропал сын. По некоторым сведениям, он был ранен во время атаки буденновцев на белую батарею и попал в плен. И поэтому, несмотря на недавнюю гибель Рейли, Шульгин решительно настаивал на необходимости своей поездки. Его окружение ему возражало. Даже Врангель отговаривал Шульгина. Ни к чему это не привело. Магия «Треста» оказалась сильнее.

Впрочем, для чекистов путешествие по СССР непримиримого противника большевиков и его благополучное возвращение было бы прекрасным подтверждением непричастности «Треста» к провалу Рейли. Шульгин занимался литературным трудом, и как раз его перо могло послужить ГПУ для маскировки, для пропаганды.

В ночь на 23 декабря 1925 года Шульгин перешел польскую границу с паспортом на имя Иосифа Карловича Шварца. Сначала он прибыл в Киев, затем приехал в Москву. По-видимому, главным сюжетом этой поездки ее устроители планировали «трестовскую игру». И она удалась на славу.

О встречах с «племянниками» Шульгин написал так: «Я был отдан Марии Владиславовне Захарченко-Шульц и ее мужу под специальное покровительство. Муж ее был

офицер. По ее карточкам, снятым в молодости, это была хорошенькая женщина, чтобы не сказать красивая. Я ее узнал уже в возрасте увядания, но все-таки кое-что сохранилось в ее чертах. Она была немного выше среднего роста, с тонкими чертами лица. Испытала очень много, и лицо ее, конечно, носило печать всех испытаний, но женщина была выносливой и энергии совершенно исключительной. Она была помощницей Якушева... Оба супруга, она и муж, часто навещали меня, они жили там же, возле меня, постоянно выезжая в Москву, оттуда примерно час езды до их дома... Мне приходилось вести откровенные беседы с Марией Владиславовной. Однажды она мне сказала: «Я старею. Чувствую, что это мои последние силы. В «Трест» я вложила все свои силы, если это оборвется, я жить не буду».

Шульгин был обречен поверить «Тресту». Разве он мог усомниться, когда слышал от своих новых знакомых уверения в том, что народ и государство уже оправляются от страшных ударов, которые им нанес социализм? Что никакого коммунизма больше нет, а есть глупая болтовня севших в лужу людей. Что социалистическая отрыжка пройдет.

Тут же Шульгину внушали, что напрасно в эмиграции торопятся, ведь сами понукающие далеко не готовы взять государственный руль и не знают, что делать с Россией.

Если Шульгин и мог что-то заподозрить в этих уговорах, то последующие доводы снимали все подозрения: устоями России должны быть уважение к религии и моральному началу, здоровый национализм, не переходящий в шовинизм, сознание важности духовной культуры, свобода трудиться и мыслить, всяческая поддержка сильных творческих людей.

Если закрыть глаза, то можно представить, что находишься не в красной Москве, а в столыпинском

Петербурге и слышишь речи о Великой России. Может быть, в «Тресте» были люди, искренне верившие в возможность переиграть чекистов. И они играли в странную жуткую игру со своим прошлым, веря, что смогут вырваться из западни. Они раскрыли глаза только тогда, когда к ним прикоснулась смерть.

Шульгин оказался случайным свидетелем этой истории, о чем написал книгу «Три столицы». Эта книга человека с закрытыми глазами и открытым сердцем. Она рассеяла сомнения в «Тресте». Исчезновение Рейли было забыто.

В конце жизни Шульгин сделал одно открытие, которое кое-что прояснило. В тайной жестокой борьбе за власть между Сталиным и Троцким «Трест» и Якушев занимали определенную троцкистскую позицию. Вслед за Троцким они ориентировались на атлантический Запад, который не хотел допустить возрождения евразийского гиганта. Сталин же стоял на национал-большевистских позициях. Геополитическое противостояние отразилось не только в борьбе двух лидеров, но и в судьбах многих ничего не подозревавших об этом людей.

Евразийцы первыми поняли неразрешимую загадку советской России, оказавшейся в тисках между враждебным ей Западом и убийственным большевизмом. Где выход? Есть ли он?

И там, и здесь российские интересы были в железной узде. Тот, кто хотел бороться за Россию, должен был прежде всего отстаивать совсем иные интересы.

Поэтому, может быть, прав был генерал Врангель, отказавшийся от всякого сотрудничества с «Трестом». Даже после благополучной поездки Шульгина. В равной степени он был далек и от боевой деятельности Кутепова. Он был настроен на длительную борьбу.

Но имелась еще одна сила — Германия. Она тоже находилась между атлантическим Западом и

большевистской Россией, и логика выживания толкала ее к Востоку.

В конце концов, в поле российско-германского притяжения попали многие белоэмигранты. Одни из них знали, что вступают в связь с советской и германской контрразведками, другие просто следовали исторической неизбежности.

Вряд ли в Москве надеялись, что «Трест» надолго удержит Кутепова от активных действий. Надо было соглашаться принимать боевиков. И с ведома Якушева границу пересекли три офицера: Сусалин, Каринский и Шорин.

Полковник Сусалин вскоре бесследно исчез. Он прямодушно высказал свои сомнения в «Тресте» чекисту Старову, одному из «трестовиков», окружавших Захарченко и Радковича, и этого было достаточно, чтобы незадачливого полковника «якобы опознали болгарские коммунисты, знавшие его еще по Софии».

Кутепов начинал беспокоить чекистов все сильнее.

Во время очередного приезда в Париж Якушев настойчиво приглашал генерала в Москву для встречи с политсоветом «Треста», но Кутепов не принял приглашения.

С другой стороны, Стауниц сумел подобрать ключ к сердцу Марии Владиславовны, надеясь через нее иметь беспрепятственный доступ к Кутепову. Больших секретов он не узнал, а стремление Марии Владиславовны к активным действиям хоть и настораживало, но пока еще было подконтрольно.

Нет нужды углубляться во взаимоотношения Марии Владиславовны и Стауница, ибо для разведки любовь всегда является одним из средств. Какое нам дело до того, как эта сероглазая тридцатитрехлетняя женщина влюбилась перед своей гибелью? Все смешалось:

героизм, провокации, пошлость, обман, патриотизм, любовь.

Мы можем обратиться к подобной ситуации, случившейся с советским разведчиком Дмитрием Быстролетовым. Для того чтобы получить доступ к документам итальянской контрразведки, ему пришлось выдать свою жену Иоланту замуж за итальянского полковника Вивальди. Иоланта могла отказаться или принести себя в жертву. Она была свободна, хотя уже принимала участие не в одном деле, вплоть до убийства провалившегося «источника». Но то было все же иным. А тут следовало убивать в себе. Быстролетов называет это «подлой работой» и добровольной жертвой «во имя победы нашего дела».

После страшных душевных мучений Иоланта согласилась. Она назвала его «убийцей», убившим ее. Она сказала, что, становясь женой полковника, она перестает быть женой Быстролетова.

И все пошло по утвержденному плану. Полковник «клюнул», потом ему не повезло, и он застал ночью постороннего мужчину в своем доме за фотографированием бумаг. Он понял, что случилось. Ему пришлось кончить жизнь самоубийством.

Вот и вся история про любовь. Иоланта покончила с собой позже, в воркутинских лагерях. Быстролетов был арестован в 1938 году за работу «на чехословацкую контрразведку» и вышел на волю в 1954 году полным инвалидом.

Возможно, в 1925 году в Праге, когда он, студент-белоэмигрант, начал сотрудничать с чекистами, ему грезилась освобожденная Родина. И он шагнул в огонь.

В конце марта 1927 года в финском городке Териоки было назначено совещание Кутепова с военными представителями «Треста». Накануне совещания преемник Дзержинского Менжинский наставлял

военного руководителя «Треста» Потапова: всячески оттягивать сроки начала вооруженного выступления и компрометировать идею террора. На прощание Менжинский сказал, что существование «Треста» несколько затянулось, ведь в конце концов чекисты не могут так долго оставаться слепыми, а иностранные разведки, не получающие нужных сведений, соглашаться на связь с ним. Но с другой стороны, как без «Треста» сдерживать Кутепова?

На встрече в Териоках Кутепов сообщил, что в его распоряжении значительные офицерские силы в европейских странах и террористические группы, первую группу из восьми человек можно отправить в любой день. Он спросил о сроках восстания. Потапову пришлось юлить, жаловаться на отсутствие денег. Стало очевидно, что еще немного времени — и Кутепов начнет действовать самостоятельно.

После совещания Мария Владиславовна предложила Стауницу готовить террористический акт. Без консультаций с «Трестом».

Чекисты должны были решить непростую задачу: либо сразу арестовать боевиков и начинать открытую борьбу, либо нанести Кутепову более изощренный удар, но не со столь очевидными результатами, как в первом варианте.

Было решено «сдать» всю «трестовскую» организацию.

Рискуя получить пулю, Стауниц признался Марии Владиславовне:

— Мария, ты думаешь, «Трест» — это подпольная организация монархистов? Нет, я чекист. Якушев и Потапов тоже чекисты, над нами — контрразведка ОГПУ. Но меня заставили под угрозой расстрела. Теперь я больше не хочу этой грязи! Надо бежать, пока не поздно.

Она была поражена и почти без раздумий согласилась. Да, бежать! Финское «окно» еще открыто.

В ночь на 13 апреля 1927 года они перебрались в Финляндию.

Успели скрыться и предупрежденные Стауницем Радкович, Каринский и Шорин.

Двадцать первого апреля в советских газетах было помещено сообщение о ликвидации контрреволюционной шпионской группы, руководимой белым генералом Кутеповым. Кутепов обвинялся в связях с иностранными разведками. Ни одно имя арестованных по делу не было названо.

Но эта публикация предназначалась для широкой публики. «Трест» кончился, однако следовало выгородить его главных персонажей. Для этого пятью днями ранее Потапов направил Кутепову с польским курьером обманное письмо, которым стремился запутать генерала. По словам Потапова, Стауниц завяз в спекуляциях и к тому же был узнан одним из его бывших сослуживцев и опознан как чекист. Впрочем, не все связи оборваны, провинция почти вся осталась не задетой арестами.

Лубянка не ограничилась этим письмом. 9 мая в рижской газете «Сегодня» была напечатана статья «Советский Азеф», о Стаунице. Он выставлялся предателем монархической организации в России, затем савинковского «Союза защиты Родины», антисоветской группы сенатора Таганцева, обвинялся в службе на разведки ряда стран. К тому же сообщалось, что он расстреливал офицеров в Кронштадте и Петрограде.

Выходило, что ОГПУ «сдавало» и своего сотрудника. Почему? В чем-то он нарушил игру.

Семнадцатого мая Стауниц поместил в той же газете свой ответ:

«...Ночью 13 апреля я, Эдуард Опперпут, проживающий в Москве с марта 1922 года, под

фамилией Стауниц, и состоявший с того же времени секретным сотрудником контрразведывательного отдела ОГПУ (КРО ОГПУ), бежал из России, чтобы своими разоблачениями раскрыть всю систему работы ГПУ и тем принести посильную помощь русскому делу...

...Немедленно по прибытии на иностранную территорию я не только открыл свое прошлое, но в тот же день установил связь с соответствующими представителями ряда иностранных государств, чтобы открыть работу ГПУ и заручиться их поддержкой для разгрома ее агентур. ГПУ тотчас изъявило согласие на уплату мне единовременно 125 тысяч рублей золотом и пенсию в тысячу рублей в месяц при условии, что я к разоблачениям не приступлю. (Стауниц не написал, каким образом ГПУ узнало о его действиях за рубежом в первые дни после побега. — С. Р.) Я дал на это мнимое согласие, дав гарантию соответствующим лицам, что все переведенные суммы будут мною передаваться организациям, ведущим активную борьбу с советским правительством. Двумя телеграммами ГПУ подтвердило высылку денег нарочным, однако они доставлены не были и, полагаю, что главной причиной этого были поступившие в ГПУ сообщения, что главнейшие разоблачения мною уже сделаны».

Стауниц-Опперпут отверг обвинения в предательстве и расстрелах и в свою очередь обвинил Лубянку в том, что там пытаются его дискредитировать, чтобы замять его разоблачения. Он заявил, что «Трест» был создан в январе 1922 года ответственным сотрудником КРО Кияковским. «Основное назначение данной легенды было ввести в заблуждение иностранные штабы, вести борьбу с иностранным шпионажем и направлять деятельность антисоветских организаций в желательное для ГПУ русло...» «Благодаря легендам, настолько значительные суммы из ассигнованных штабами на разведку попадали в ГПУ,

что таковые не только дали возможность существовать КРО ОГПУ на хозяйственных началах, но и уделять некоторые суммы дезинформационному центру Разведупра, которое фабриковало передаваемые иностранным штабам военные, политические и экономические осведомительного характера материалы»...

В записках перебежчика Стауница-Опперпута было столько поразительных сведений, что ему трудно было не поверить. Читая их, Кутепов испытывал бешенство и бесконечную горечь. Его обманули! Обманули, сыграв на самом душевном, что только есть у человека, — на его любви к родине. Ему приходила в голову обезоруживающая мысль: надо ли продолжать? На что надеяться, если у них нет ничего святого, если они всегда, когда будет выгодно, сменяют обличье и обманут любого? Сегодня они выдают себя за русских патриотов, завтра предают православных, чтобы войти в доверие к Турции, послезавтра поднимают над пропастью Андреевский флаг, чтобы заманить всех простодушных.

Когда он посылал своих людей в Россию, он верил, что там всегда найдется опора. Но где же она?

Раньше были православный царь и христианская держава, в которой ни одному народу не было тесно. Кутепов со своими молодыми офицерами надеялись, что русская душа сохранила память о прежних формах своей государственной жизни. Он понимал, что без народной памяти и государственной защиты душа исчезнет, превратится в оболочку любого «Треста», какой только ни создадут власть предержащие. И его охватывал ужас пострашнее того, испытанного на японской войне, когда он карабкался по скользкому склону сопки под ружейным огнем. Сейчас на него дохнула преисподняя.

Как быть?

В том жестоком апреле 1927 года Кутепов пишет в письме капитану Келлеру: «Генерал Витковский сейчас в Ницце в поисках работы... Генерал Туркул в Софии, живет, как и громадное большинство русских, в очень тяжелых материальных условиях, но отнюдь не падает духом...»^{120}.

Он мог еще вспомнить, что в Софии бедствует однорукий инвалид, 33-летний генерал-майор Владимир Манштейн (застрелится в 1928 году).

В начале года в поле зрения Кутепова попала аналитическая работа «За нас ли время?», отложенная затем в его архив. Ее идеи он не мог не разделять. Более того, не исключено, что она и была написана в результате своеобразного социального заказа, идущего от генерала. Она отвечала на этот жгучий вопрос «Как быть?».

«Время работает в нашу пользу», — говорят многие противники большевиков.

Действительно, раз мы признаем, что коммунистический режим осужден историей и коммунистические принципы по меньшей мере вредоносны для здорового развития любого государства или народа — мы должны допустить, что в общем время работает против нынешних коммунистических владык России.

Однако надо глубоко проанализировать эту мысль, а не успокаиваться, как это делают многие, на том, что время само сделает все за нас. Такой фаталистический оптимизм был бы вдвойне неправильным. Во-первых, политика вечного выжидания и складывания рук у тех, которые должны и могут быть активными борцами с коммунистическим строем в России, уже сама по себе является фактором в пользу этого строя. Во-первых, из того положения, что время действует не в пользу большевиков, неправильно делать вывод, что оно действует в пользу национальной России. Напротив,

надо ясно осознать, что пока коммунисты у власти, время действует против них и *против России*»^{121}.

В этой статье выражались кутеповские взгляды на историю: Россия выпадает из культурного мира, и надо спешить. Он должен был бороться дальше, несмотря на страшный удар, нанесенный ему Лубянкой. Пусть против него стояла неодолимая сила. Пусть он был обречен. Пусть «Трест» запятнал его имя. Но он жив, и его цель ясна.

Вождь Галлиполи не мог опустить флаг.

На Кутепова накатил тяжелая волна критики, целью которой было задвинуть его в дальний угол эмигрантской жизни. Резко выступил Врангель, всегда враждебно относившийся к «Тресту». Он писал генералу Барбовичу: «С Кутеповым я говорил совершенно откровенно, высказав ему мое мнение, что он преувеличил свои силы, взялся за дело, к которому не подготовлен, и указал, что нравственный долг его, после обнаружившегося краха его трехлетней работы, от этого дела отойти. Однако едва ли он это сделает. Ведь это было бы открытое признание своей несостоятельности. Для того, чтобы на это решиться, надо быть человеком исключительной честности и гражданского мужества».

Можно понять Врангеля и даже его преувеличение насчет честности и гражданского мужества. Околпачили! Возможно, про себя он называл бывшего подчиненного словами и покруче, чтобы заглушить горечь.

Кутепов же устоял. Он должен был ответить террором в России.

Мария Владиславовна была готова сделать первый шаг и погибнуть, но только не дать Белому делу умереть. Именно погибнуть. У нее уже не осталось никаких иллюзий. Она прекрасно уяснила, что апатия советского обывателя в национальных вопросах и страх исключают всякие надежды на поддержку борьбы. В

лучшем случае с тобой согласятся и уклонятся от сотрудничества, в худшем — предадут. И здесь некого винить. С каждым днем ожидания Россия погружается все глубже во тьму большевизма.

Кутепов и Мария Владиславовна больше не обольщались ничем.

Как когда-то в начале германской войны раненый ротный командир Преображенского полка, чтобы не сдаваться в плен, приготовил револьвер для прощального выстрела, так и они, генерал и женщина, были готовы...

Глава девятнадцатая

ТЕРРОР.

ОХОТА НА КУТЕПОВА

Наверное, во время молитвы или ночью, когда Кутепов оставался один, он спрашивал Бога, как могло случиться так, что великая православная держава ушла, подобно Атлантиде, в пучину, и остался только ее образ, мерцающий во тьме, словно тлеющие угли. Ответа не было. И вместе с тем он знал, что его родина не мертва, а живет, живет и в его душе. Он мог повторить слова Марии Владиславовны: «Мы погибнем, но за нами придут другие. Наше дело не умрет вместе с нами».

Кутепову пришлось вынести унижения и упреки, которыми его осыпали великий князь Николай Николаевич и особенно Врангель. У Николая Николаевича было совещание, все волновались, а у хозяина случился даже небольшой удар. Но не все это заметили, Врангель и нефтепромышленник Гукасов продолжали обсуждать положение. Кутепов был подавлен. Врангель прямо бросил ему, что не считает его пригодным для работы в России.

Казалось, престиж Кутепова окончательно упал. Что ему оставалось? Без финансовой поддержки его борьба заканчивалась. Собственных сбережений он не накопил. Оставалось искать посильную работу. Он уже присмотрел себе столярную мастерскую, куда можно было наняться рабочим.

Черной работы он не боялся. Мало ли офицеров прошли через это? В конце концов, он ничем не лучше сотен русских шоферов или слесарей. Но прекращать борьбу?!

На совещании у великого князя Кутепов просил не оставлять его моральной поддержкой, буквально умолял. Разве можно прекращать борьбу? На идее борьбы держалась лучшая часть эмиграции. Ради этих людей Кутепов не чурался заниматься попрошайничеством, выпрашивая у состоятельных по какой-нибудь тысяче франков, чтобы сразу употребить их на дело борьбы.

Между тем обстановка для России была тревожная. Англия, Франция, Польша хоть и в разной степени, но были едины в намерении содействовать присоединению Украины к Польше. Пользуясь тяжелым положением Русской православной церкви, Ватикан усилил пропаганду католичества по всей России. Кроме того, Англия стремилась укрепиться на Кавказе и в Туркестане, ставя своей целью их отделение от СССР. Польская разведка проводила с теми же целями операцию «Прометей».

В справке РОВСа «Работа иностранных государств против России» указывалось: «Всюду проводя свою политику ослабления и «балканизации» России, Англия поддерживает сепаратистские устремления, так английские агенты работают вместе с сепаратистами Украины и казачьих областей (Дон, Кубань, Терек)...

Со своей стороны Япония осторожно направляет свои щупальцы на Дальний Восток, Финляндия не прочь присоединить Карелию, а Румыния — Одессу...

Кроме того, не надо упускать из вида, что престиж национальной России сглаживается из памяти ее друзей. Условия момента заставляют иных (например, Францию, Югославию и др.) искать новых друзей. Образуются новые связи, новые союзы, с которыми возрожденной России придется считаться и которые не всегда выгодны с ее точки зрения.

Разрешен, разрешается или назревает к разрешению ряд вопросов, в которых интересы национальной России, если она к тому времени будет отсутствовать, могут быть болезненно нарушены. Вопрос о Черноморских проливах, столь существенный для России, уже разрешен в отсутствие национальной России. Назревают и другие вопросы, например, Польско-Литовский, Германско-Польский, Галицийский и т. д., намечаются новые экономические и политические комбинации, чрезвычайно интересующие национальную Россию, например, таможенный союз Латвии и Эстонии, проект «Балтийского пакта» и т. п. Отдельно следует упомянуть о дальневосточной и в частности китайской политике, которая может поставить национальную Россию перед лицом совершенно нового и, может быть, крайне невыгодного для нее положения. С каждым годом продолжения коммунистической власти в России международная обстановка может делаться менее и менее благоприятной для национальной России.

Выводы. Вывод из всего изложенного один: каждый лишний год господства большевиков затрудняет возрождение Единой, Великой России... время само по себе работает одновременно и против коммунистов и против Великой России. Но история не просто течение времени — она продукт многочисленных факторов и, главным образом, продукт свободных человеческих сил. Чем яснее мы убедимся, что одно течение времени, погубив большевиков, не возвратит нам возрожденной России, тем с большей энергией мы будем стремиться воссоздать ее сами, но не в пассивном ожидании, а в активной борьбе с ее поработителями».

Склонив голову, Кутепов проделал путь в белую Каноссу. Врангель не простил его ошибок, но большинство смягчилось. Кутепова нельзя было отбросить, за ним стояли тени героев Ледяного похода,

Добровольческой армии и Галлиполи. В конце концов, за ним стояла та грозная и обаятельная сила самопожертвования, которую не могли заслонить никакие «Тресты». История еще не кончилась.

Мария Владиславовна и Опперпут готовили планы новых походов и массового террора. В них они уже доходили до предела, собираясь использовать газы и бактериологическое оружие, отравлять советские товары, идущие на экспорт, будто бы чума, холера, тиф, сибирская язва, которыми предполагалось заражать «коммунистические дома, общежития войск ГПУ и т. д.», могли каким-то образом не затронуть ни в чем не повинных обывателей.

Вдохновителем этого плана был Опперпут. Его предложения были еще страшнее, чем у Марии Владиславовны, и должны были поставить самих террористов под сильнейший удар: «После первых ударов по живым целям центр тяжести должен был быть перенесен на промышленность, транспорт, склады, порты и элеваторы, чтобы сорвать экспорт хлеба и тем подорвать базу советской валюты... Я не сомневаюсь, что даже частичное отравление трех-четырех пароходов, груженных советским хлебом, независимо от того, где это будет сделано, удержит солидные фирмы от покупки советского хлеба... То же самое можно будет попытаться сделать с другими советскими экспортными съестными продуктами, например, с сибирским маслом. При введении своих людей в грузчики, портовые и таможенные служащие это будет сделать нетрудно. Этим был бы нанесен советам удар почти равносильный блокаде... При наличии моторного судна можно было бы устроить потопление должествующего скоро возвращаться из Америки советского учебного парусника «Товарищ». При медленном его ходе настигнуть его в открытом океане и потопить так, чтобы и следов не осталось, не так уже было бы трудно. А на

нем ведь исключительно комсомольцы и коммунисты. Эффект получился бы потрясающий. Потопление советских нефтеналивных судов могло бы повлечь к нарушению контрактов на поставку нефтепродуктов и колоссальные неустойки...

...Для уничтожения личного состава компартии придется главным образом применить культуры микробов эпидемических болезней (холера, оспа, тиф, чума, сибирская язва, сап и т. д.). Этот способ, правда, наиболее безопасен для террористов, и если удастся наладить отправку в Россию культур болезней, то один террорист сумеет вывести в расход сотни коммунистов...»

Это была война на уничтожение живой силы. И трудно было заподозрить Опперпута в двойной игре, каковую на самом деле он вел. Но в конце концов не Опперпут определял суть борьбы, он мог сочинить и что-нибудь пострашнее, чтобы войти в доверие Кутепову.

Кутепову предстояло решать, надо ли рисковать своими немногочисленными боевиками.

Один из офицеров, побывавший вскоре в России, проанализировал перспективы террора и сделал вывод: «Итак, почти гарантированно, что при такой системе почти все люди, идущие туда, обратно не вернутся. Кадры надо все время пополнять и начинать всякий раз с азбуки. Опытных людей в запасе не будет. Каждый из выразивших желание идти на террор сознает, на что идет и к смерти готов, но весь вопрос в том, *целесообразна ли будет их гибель, принесет ли она пользу делу освобождения Родины...* Раньше я верил в осуществление такого систематического террора, теперь ясно вижу, что это невыполнимо, и на вопрос отвечаю — «нет, не целесообразно». Одиночными мелкими взрывами, поджогами и т. д. немногочисленными, и еще вопрос, всегда ли удачными, мы ГПУ не устроим, общественное мнение взволнуем,

но к активности вряд ли кого вызовем. Вернее, ответный террор ГПУ придавит всякое проявление этой активности. Если бы мелкий террор шел снизу, от всей массы населения, тогда он был бы грозным для коммунистов, но ведь трагедия в том, что на это даже рассчитывать сейчас нельзя... Мое мнение, что такая игра не стоит свеч. Мы эту игру не в силах провести в таком масштабе, когда она станет опасной для сов. власти, и результаты не оправдают потерь... Обращаю Ваше внимание еще на одну деталь: именно по этому руслу и пыталось отвести наш террор ГПУ. Вспомните Опп. и его пинкертоновские проекты с публикациями в газетах и т. д.».

Да, план Опперпута был приманкой. Исполняя его, должны были погибнуть кутеповские боевики. Они не боялись смерти, и смерть нашла их.

Вскоре погибли Юрий Петерс, Александр Сольский, Сергей Соловьев, Александр Шорин, Николай Строев, Василий Самойлов, Александр Болмасов.

Десятого июня 1927 года были опубликованы сведения о неудачной попытке Захарченко-Шульц, Опперпута и Вознесенского (Петерса) взорвать жилой дом по Малой Лубянке. В этом доме жили чекисты, о чем, конечно, газеты не писали.

Не писали они и о том, что за боевиками велось наблюдение, один из трех был чекистом. Кто? Мария Владиславовна отпадает. 22-летний Юрий Петерс, выпускник гимназии Святого Алексия финского городка Перкиярви, тоже не подходит на роль сотрудника КРО. Остается Опперпут.

Три года спустя стал невозвращенцем резидент ОГПУ в Турции Агабеков, он-то и подтвердил, что в тройке боевиков был чекист.

Но Мария Владиславовна спутала мудрецам с Лубянки все карты: она все же не вполне доверяла Опперпуту и потому потребовала исполнить явно

незапланированную диверсию. Еще за кордоном она говорила, что как только ее подозрения подтвердятся, она застрелит Опперпута.

Ему пришлось организовать взрыв в общежитии чекистов, размещавшемся в бывшей гостинице «Бристоль» на Малой Лубянке. Вход туда не охранялся. Опперпут ночью прошел в здание, заложил мощный взрывной заряд и на некотором расстоянии от него расставил небольшие мелинитовые шашки, затем полил пол керосином. Мелкие заряды должны были помешать обезвредить основной.

Опперпут поджег бикфордов шнур и выбежал из дома. В подворотне его ждала Мария Владиславовна.

Ударил хлопок от взрыва мелинитовой шашки. И всё. Больше взрывов не было. Проснувшиеся от шума чекисты сумели вырвать бикфордов шнур из толового заряда.

Надо было уходить.

Тройка должна была выбираться из Москвы, ничего по сути не совершив. На ее след чекисты вышли только в Дорогобуже. Собственно, их было уже не трое, а двое. Опперпут исчез. По некоторым данным, он был застрелен преследователями.

Восемнадцатого июня автомобиль штаба Белорусского военного округа, направлявшийся из Витебска в Смоленск, возле местечка Рудня был остановлен Марией Владиславовной и Петерсом. Шофер отказался их везти и был сразу убит. Помощник шофера довез боевиков до станции Дретунь, отстоящей от Рудни на 207 километров по железной дороге. Граница была уже близко. Неподалеку от Полоцка в трех десятках километров проходила желанная разделительная полоса, — в данном случае между жизнью и смертью.

Здесь судьба в последний раз улыбнулась Марии Владиславовне, не позволив ей попасть в руки красноармейцев. Граница была отрезана лагерями и

полигонами красноармейцев. Мария Владиславовна и Петерс шли лесом, неожиданно вышли на полковую хлебопекарню, и какая-то женщина, увидев их, закричала. Мария Владиславовна выстрелила, попала ей в ногу. Они побежали. Но куда бежать?

Всё, Мария Владиславовна. Спереди и сзади русские люди с винтовками, враги ваши.

Она подняла револьвер к виску, крикнула им:

— За Россию! — и выстрелила.

Петерс молча выстрелил себе в рот.

Теперь Мария Владиславовна была свободна от всех преследований, от всех мучений.

Маленькая девочка на лошади, барышня-смолянка на балу, молодая жена в подвенечном платье, вольноопределяющийся под германскими пулями, кавалерийская атака в Северной Таврии... — все летит, летит и гаснет навеки.

Однако террор продолжается. На встрече генералов Кутепова и Маннергейма была достигнута договоренность о содействии финнов в переброске боевиков через советско-финскую границу. 7 марта 1927 года в Териоках, на явочной квартире финской разведки состоялось совещание офицеров РОВСа, на котором Кутепов заявил о необходимости «немедленно приступить к террору». После возвращения в Париж Кутепов, как указывалось в сообщении Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ, «разработал сеть террористических актов в СССР и представил свой план на рассмотрение штаба»^{122}.

В этом плане пунктом первым значилось: убийство Сталина. Кроме того, взрыв военных заводов, убийство руководителей ОГПУ, одновременное убийство всех командующих военными округами.

Тогда же при РОВСе был создан Союз национальных террористов (СНТ), который должен был работать в двух

направлениях — устанавливать связи с бывшими царскими офицерами, служащими в Красной армии, для подготовки вместе с ними военного переворота, а также организовывать диверсии и террористические акты. СНТ сотрудничал с разведками и генеральными штабами Румынии, Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, что, если учесть наличие там во всех структурах бывших российских подданных, делало эти страны предпольем кутеповских операций. (Развернувшееся в 1930 году так называемое дело «Весна», когда в СССР было арестовано около трех тысяч бывших офицеров, напрямую связано с угрозами СНТ.)

Седьмого июня 1927 года в Варшаве девятнадцатилетним русским Борисом Ковердой был убит советский посол П. Л. Войков, бывший ровно десять лет назад комиссаром Уральского совета во время убийства Николая II и его семьи.

На фоне военной угрозы руководство СССР приняло решение о расстреле двадцати «деятелей монархического подполья», бывших царских чиновников. Они были казнены на следующий день после убийства Войкова по предложению ОГПУ, признавшего таким образом, что многолетняя контрразведывательная операция «Трест», которая удерживала белую эмиграцию от террора, не может удержать Кутепова.

Седьмого июня 1927 года группа капитана Виктора Ларионова, вступившего двадцатилетним кадетом в Добровольческую армию в ноябре 1917 года, устроила взрыв в партийном клубе Ленинградского обкома, было ранено 26 человек. Затем в СССР была направлена еще одна, а сразу за ней и другая группа боевиков, но они попали в руки чекистов.

В ответ на активизацию советской политики в Китае и поддержку бастующих английских шахтеров Лондон разорвал дипломатические отношения с Москвой. 15

июня на тайной встрече в Женеве глав МИД Великобритании, Франции, Германии, Бельгии, Японии обсуждался план антисоветских мероприятий, которые предложил английский министр Н. Чемберлен. Лишь одна Германия предпочла не участвовать в этой кампании.

Владелец крупнейшей нефтяной компании «Ройял Датч-Шелл» Г. Детердинг стал вести ценовую войну с экспортом советской нефти. Кроме того, он начал финансирование террористических и других подрывных акций против СССР.

1927 год был для Советского Союза очень тревожным. Заканчивался нэп, было объявлено о построении социализма «в одной отдельно взятой стране». СССР стоял накануне модернизации всей экономики и одновременно готовился к отражению агрессии. Советская разведка предполагала, что Англия начнет морскую блокаду СССР и подтолкнет Польшу к войне, к которой присоединятся Румыния и Финляндия.

1928 год был в России мучительным для многих, ибо крестьяне перестали по низким закупочным ценам поставлять зерно в необходимых объемах, и против них впервые после военного коммунизма власти стали применять насилие.

После двух предыдущих урожайных лет крестьяне наконец ощутили уверенность: запасы хлеба давали им надежду пережить инфляцию и надвигающуюся войну. В итоге 20 миллионов мелких независимых крестьянских хозяйств оказались препятствием на пути модернизации. Преобразование этих хозяйств в крупные сельскохозяйственные производства должно было дать государству необходимый экономический ресурс для индустриализации промышленности.

Как говорил Сталин на собрании актива Ленинградской партийной организации 13 июля 1928

года: «Надо было прежде всего ударить по кулакам и спекулянтам, взвинчивавшим цены на хлеб и угрожавшим стране голодом... пустить в ход чрезвычайные меры». Через год он ответил сам себе на пленуме ЦК: «А что в этом плохого? Почему нельзя иногда, при известных условиях, применять чрезвычайные меры против нашего классового врага, против кулачества?»

Старая Россия с ее общинным миром, который начал гибко реформировать Столыпин, на этот раз в гораздо более трудных условиях должна была быстро и окончательно трансформироваться.

Мир менялся. Уже поднималась на кредитах американских корпораций Германия, рейхсвер строил в СССР авиационный завод, фабрику ядовитых газов, снарядный завод, а также проводил обучение своих танкистов и летчиков. Немцы потребовали очищение Саара от французских войск. В Китае продолжалась гражданская война. Президент США Кулидж предложил заключить международный договор об ограничении военно-морских флотов, но Япония потребовала от Англии особых компенсаций — ограничения вооружений морской базы в Сингапуре, от США — отказа от укрепления Гавайских островов, а это было равнозначно ослаблению баз, на которые могли опираться англичане и американцы в случае войны с Японией.

Кроме того, Эстония и Латвия заключили договор о таможенном союзе, Италия ратифицировала договор о присоединении Бессарабии к Румынии. Российскую империю забывали.

Вот деталь, характеризующая расколотость мироощущения белоэмигрантов. На судебном процессе по делу «пяти террористов», среди которых был и Александр Сольский, внук председателя Государственного совета Российской империи,

обвинитель спросил, давалась ли информация латвийской контрразведке (при помощи которой они проникли в СССР). Подсудимый мичман Николай Строев ответил, что получил от генерала Кутепова приказание передавать латышам за их услуги лишь «мелкие сведения» и *прямой запрет сообщать то, что могло бы пойти во вред России.*

Кутепов постоянно стремился к трудновыполнимому, о чем прямо указывалось в его инструкциях. «С одной стороны, желательно сражаться с властью красного Интернационала, но, с другой стороны, — нельзя бить по национальным интересам России» — так он писал начальнику Дальневосточного отдела РОВСа генералу А. С. Лукомскому^{123}.

В 1927 году, когда в Лондоне и Пекине были совершены налеты на советские учреждения и СССР стоял в шаге от войны, Кутепов ответил на очень важный для себя и всей белой эмиграции вопрос: надо ли поддерживать создание на Дальнем Востоке буферного государства?

«Надо высказаться ясно и определенно, что образование буферного государства для национальной России было бы колоссальным ударом... Пусть лучше везде в этих местах стоит красная армия, чем какой-нибудь буфер под протекторатом Японии, ведь теперешняя красная армия будет потом русской национальной»^{124}.

Двадцать пятого апреля 1928 года в возрасте сорока девяти лет умер генерал Врангель. Великий князь Николай Николаевич, провозглашенный в 1926 году вождем эмиграции, назначил Кутепова председателем РОВСа. В январе 1929 года великий князь скончался, и Кутепов стал главной фигурой русского зарубежья.

Это произошло одновременно с двумя огромными по значению событиями, изменившими мир.

В 1929 году советское руководство приняло решение о коллективизации деревни для создания экономической базы индустриализации. Сталин довольно точно назвал начавшуюся акцию «третьей революцией». Она сопровождалась страшным, но неорганизованным сопротивлением деревни. В стране фактически началась новая гражданская война. В 1929 году было 1307 крестьянских выступлений, в них участвовало около 300 тысяч человек, в январе — марте 1930 года — более 2700 массовых выступлений (это без Украины), в которых приняло участие свыше миллиона человек.

Тридцатого января 1930 года Политбюро приняло директиву «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств и сплошной коллективизации». Кулаки разделялись на три категории и направлялись в концлагеря и ссылку. Затем последовали массовые репрессии против зажиточных крестьян.

В национальных районах (Северном Кавказе, Средней Азии, Казахстане) в отряды восставших входило несколько сотен, даже тысяч человек. Против них направлялись регулярные войска и части ОГПУ.

Начало коллективизации совпало с мировым экономическим кризисом.

В середине октября 1929 года рухнул курс акций на нью-йоркской бирже, а 24 октября, названное «черным вторником», положение стало катастрофическим: было продано 12,9 миллиона акций. На следующий день было продано 16 миллионов. За месяц стоимость акций упала почти на 16 миллиардов долларов, и Америка сразу обнищала. Особенно пострадали мелкие и средние держатели акций. Кризис нарастал, останавливались предприятия, миллионы людей остались без работы.

Крупнейший мировой рынок с грохотом обвалился. Кризис быстро охватил всю Европу и разом уронил цены на все экспортируемые из Советского Союза товары,

поставив там под угрозу начавшуюся индустриализацию.

А жить Кутепову оставалось считанные месяцы. Террор против огромного государства рано или поздно должен был закончиться для генерала катастрофой. Мог ли он, вернувшись, возглавить крестьянские восстания и выступления? Или стать во главе Красной армии? Нет, это было невозможно. Его путь — либо героическая смерть, либо смыкание с гитлеровской Германией, на что потом пошли, например, генерал Петр Краснов и многие белогвардейцы, исповедовавшие принцип «с кем угодно, только против большевиков». Путь генерала Деникина — отход от борьбы — тоже был не для Кутепова.

К тому же мировой экономический кризис внес неожиданные коррективы в борьбу белогвардейцев. Оказалось, что сложившаяся репутация «Треста» как организации, стоявшей во главе казавшегося неизбежным государственного переворота, подталкивала западных партнеров советского Наркомата внешней торговли отказаться от уже подготовленных контрактов. Поэтому, по мнению Сталина, «Трест» можно было закрывать»^{125}.

В начале января 1930 года из Москвы в Берлин прибыли бывшие полковники Попов и де Роберти. Они пригласили Кутепова приехать в германскую столицу для неотложных переговоров. Де Роберти в бытность генерала черноморским военным губернатором был при нем начальником штаба и после отъезда Александра Павловича на фронт совершил несколько злоупотреблений. Кутепов об этом помнил. Однако положение, по-видимому, толкало его, несмотря на удар, нанесенный «Трестом», идти на общение с прибывшими из России людьми. Поэтому дела де Роберти с присвоением денег за реквизированный для

нужд армии и проданный спекулянтам табак и со взятками за разрешения на вывоз пшеницы в Грузию казались Кутепову малозначащими. С той поры миновало столько времени, что не стоило придавать прошлому решающего значения. Гости представляли антисоветскую организацию: Внутренняя российская национальная организация (ВРИО).

Семнадцатого января Кутепов встретился с Поповым и де Роберти у них в гостинице. Они подробно расспрашивали его о денежных делах РОВСа, пытались выяснить, много ли получено средств. Деньги у Кутепова были, но он не собирался раскрывать свои тайны. Да, действительно ходят слухи о получении им свыше 10 миллионов франков из сумм, депонированных правительством Колчака в Японии. Но слухи бывают разные, не надо принимать их всерьез.

Попов и де Роберти торопили поскорее отправлять боевиков в Россию для подготовки восстания этой же весной и предлагали создать в Париже объединение, во главе которого должны встать рекомендованные ими лица.

Вот так просто и по-домашнему шла эта беседа.

На следующий день она продолжилась в ресторане на Доротеен-штрассе. Там де Роберти, воспользовавшись кратким отсутствием напарника, предупредил Кутепова, что ВРИО — это ловушка чекистов. И еще: на Кутепова готовится покушение, оно состоится не раньше чем через два месяца.

Де Роберти оставлял впечатление запутавшегося человека, просил помочь ему перебраться с семьей за границу, обещал содействовать в разоблачениях чекистских операций.

В бумагах В. Л. Бурцева, занимавшегося расследованием исчезновения Кутепова, есть несколько страничек признаний капитана белой армии Александра

Николаевича Петрова. О своей службе в войсках Деникина и Врангеля он пишет так: «Я был очень энергичным офицером, и, кроме пользы, я ей (белой армии. — *С. Р.*) ничего не принес».

Он эвакуировался из Крыма в ноябре 1920 года. Жена с трехмесячным ребенком осталась в Симферополе.

Петров прошел через голод, скитания, лагерь русских в Германии. Работал в каменоломнях, у бауэра, механиком «на карамельной машине».

Он кое-как устроился, но душа болела по оставленной семье. Писал в Россию, искал.

«Однажды в воскресенье ко мне явился русский. — Вы будете господин Петров? — Да. — Вы были командиром поезда у генерала Май-Маевского? — Да. — Вы вашу жену в России еще не нашли? — Нет. — Так вот приезжайте в Берлин, — дав мне адрес. — Вам дадут адрес вашей жены, она вас тоже ищет.

Поговорив о посторонних делах, я его угостил за приятные новости, он уехал, я немедленно прибыл в Берлин по указанному адресу, адреса не помню, около Ноллендорф-плац, и попал в лапы большевиков. Первым встретился мне генерал Достовалов, начальник штаба генерала Кутепова, мы с ним по белой армии были знакомы.

— Не волнуйтесь, Александр Николаевич, садитесь и выслушайте меня. Россия в опасности, иностранцы хотят поделить ее между собой. Мы с вами были в белой армии, мы работали, т. е. воевали в пользу Англии и Франции. Хорошо они приняли белых теперь за границы? Мы — офицеры Генерального штаба — 70 процентов остались в Советской России, создали красную армию, укрепили ее, выгнали из России англичан и французов. Остатки белых армий за границы будут иностранцами еще раз использованы против России. Я вас знаю как очень способного

офицера. Вы должны работать с нами. Вы нам очень нужны»^{126}.

Петрова завербовали, сыграв на его патриотизме и привязанности к семье. Это был почти безотказный способ вербовки. Он проработал на Лубянку несколько лет, внедрился в белогвардейские организации, но в конце концов во всем признался и уехал с семьей, которую чекисты выпустили, в Бельгийское Конго, подальше от их длинных рук.

Петров ускользнул со всеми своими грехами. В Африке ни о каких ужасных чекистах не слышали.

О генерале Достовалове, который так убедительно вербовал капитана Петрова, есть в архивах ОГПУ немало документов. Один из них, подписанный Меером Трилиссером, заместителем председателя ОГПУ Менжинского, гласит: «Достовалова не трогайте. Он через посредника работает по нашему поручению, связи его нам известны и выгодны».

И таких Петровых и Достоваловых было, надо полагать, достаточно много в распоряжении Иностранного отдела ОГПУ. Где пролежала в их душах граница между страхом и патриотическим долгом? То один Господь Бог ведает.

Поэтому дерзкие высказывания сотрудника советского посольства во Франции, чекиста Захара Яковича, о том, что ему ничего не стоит убрать Кутепова в любой момент, были суровой реальностью^{127}.

Если зажечь летней ночью лампу у открытого окна, то на яркий свет налетит столько мошкары и мотыльков, что их число, пожалуй, можно сравнить с числом агентов Москвы, работавших в белогвардейских кругах.

Когда в 1937 году был похищен преемник Кутепова на посту председателя РОВСа генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер, об этом сразу стало известно благодаря предусмотрительности самого Миллера,

оставившего записку, что он идет на встречу, организованную генералом Скоблиным.

Скоблин был женат на певице Плевицкой. Плевицкую финансировал Марк Эйтингон, который торговал в Берлине и Лондоне советской пушниной и был братом чекиста Наума Эй-тингона, организатора убийства Троцкого в 1940 году.

О вербовке Скоблина бывшим его однополчанином, чекистом Петром Ковальским, известно, что она произошла уже после похищения Кутепова. Однако при допросе на судебном процессе Плевицкой бывшего советника советского посольства Г. Беседовского, ставшего невозвращенцем в 1929 году, выяснилось, что деятельность белых организаций освещается изнутри. Главный осведомитель — близкий Кутепову человек. Было сказано, что это «генерал, женатый на певице».

Есть все основания считать, что Скоблин стал работать на советскую разведку еще при жизни Кутепова. Официальная же вербовка с написанием заявлений произошла позже, когда Скоблин был уже полностью в руках чекистов.

Вербовка тоже происходила по «патриотической линии» с призывом служить русскому народу, а не его врагам. Эти слова, или примерно эти, генерал Скоблин уже слышал и ранее от своих знакомых евразийцев, которые неспроста дали ему прозвище Твердое.

Вернувшись из Берлина, Кутепов не забыл предупреждение де Роберти, хотя и отнесся к нему фаталистически спокойно. Вслед за Рождеством отшумели Святки. На крещенский вечер дома у генерала решили гадать. Один из гостей предложил Кутепову задумать, что тот желает. Александр Павлович усмехнулся и сказал, что задумал.

Гость зажег свечу и поднял над огнем сжатый кулак. Потом выбросил из кулака кости на разрисованный китайской тушью лист бумаги. Что он увидел?

Гадальщик медленно, словно ему было трудно говорить, произнес:

— Это будет так неожиданно, так быстро, так ужасно...

Наступило молчание. Никто не знал, что загадал Кутепов, но все почувствовали, что в предсказании таится что-то страшное.

Накануне исчезновения Кутепов разговаривал с сослуживцем и предупредил его, что утром пойдет в Галлиполийскую церковь на панихиду по генералу Каульбарсу. Уже уходя, он вдруг бросил странную фразу:

— А по мне, надеюсь, вы не будете служить панихиды.

К смерти он относился спокойно, даже равнодушно, цenia в жизни не существование физическое, а честь и нравственную силу. Это был один из последних римлян, подобных Столыпину, который глядел прямо в лицо опасности и написал в завещании: «Похороните меня там, где меня убьют».

Отказавшись от охраны, Кутепов был беззащитен. Его объяснение, почему он не хочет, чтобы его сопровождали бывшие офицеры-галлиполийцы, а ныне парижские таксисты, полно скромности и хладнокровия. Ему становилось не по себе от того, что люди должны были из-за него терять дневной заработок.

В воскресенье 26 января 1930 года Александр Павлович вышел из своей квартиры в доме номер 26 по улице Русселе и направился в Союз галлиполийцев на панихиду по» скончавшемуся барону Каульбарсу. Было 10 часов 30 минут. До Союза недалеко, он должен дойти туда минут за двадцать.

На Кутепове было черное пальто. Он шел быстрым шагом, каким привык ходить и каким мог пройти десятки километров.

На углу Т-образного перекрестка улиц Русселе и Удино возле госпиталя, который содержали монахи, стояло два автомобиля, один большой желтого цвета, второй — красное такси. Здесь же, вблизи желтого, находился молодой полицейский. Он впервые появился на перекрестке недели три назад и дежурил только утром по воскресеньям.

Кутепов поравнялся с желтым автомобилем, возле которого стояли двое рослых крепких мужчин в желтых пальто. Они окликнули его. Он остановился, оба приблизились к нему, потом схватили за руки и, несмотря на сопротивление, втолкнули в открытые дверцы машины на заднее сиденье.

Полицейский спокойно наблюдал за схваткой, держа руки за спиной. Как только Кутепов оказался на сиденье, полицейский оглянулся по сторонам, вскочил на переднее сиденье, и в ту же секунду автомобиль дал ход и свернул на улицу Удино, налево. Тотчас вслед отъехал и красный.

Оказавшись в машине, Кутепов понял, что похищен и что спасти его может только чудо. Он стал вырываться, упираясь своими сильными ногами в пол машины и наваливаясь на одного из похитителей. Ему удалось высвободить правую руку. Он стал душить человека слева, сжав ему горло. Сзади его били по спине, по затылку. Он не чувствовал боли. Это был его последний бой за свою жизнь, за то, чтобы умереть с честью. Он уже было одолел человека слева, но в спину ударили ножом. И Кутепов ослабел, застонал. Борьба кончилась. Через минуту Александр Павлович затих.

Автомобиль мчался по улицам Парижа к пригороду Левал-луа-Перре. Тело Кутепова лежало между двух похитителей, поддерживавших его с боков. Казалось, генерал спит.

Желтый автомобиль беспрепятственно доехал до Леваллуа-Перре и скрылся в гараже одного из домов.

Тело вытащили, обыскали, бесцеремонно переворачивая. Затем полицейский оттащил его в угол и завалил коробками.

Дело было сделано. Кутепов перестал быть кому-либо опасен.

Через несколько дней в гараже была вырыта яма, туда сбросили труп и залили бетоном. (Сегодня тот район Парижа застроен многоэтажными домами.)

«Приказ по Р. О. В. С.

27 января 1930 г.

26 января ген. Кутепов в 10½ утра вышел из дому и более не возвращался к себе.

В виду безвестного отсутствия председателя? О. В. С. генерала от инфантерии Кутепова я, как старший заместитель его, вступил в должность председателя Р. О. В. С.

Генерал-лейтенант Миллер».

Несколько человек дали показания полиции, они видели различные эпизоды похищения, начиная с самого начала и до кратковременных остановок желтого автомобиля в уличном потоке. Эмиграция была убеждена, что следы ведут в советское полпредство.

Полиция известила все пограничные пункты, порты и аэропорты. Она заявила также, что на углу улиц Удино и Русселе никогда не было полицейского поста.

Парижские газеты возмущались действиями ОГПУ в центре Франции, призывали премьер-министра разорвать отношения с СССР.

Русский Париж кипел, чины РОВСа были готовы разгромить советское полпредство, но их сдерживало начальство.

Двадцать шестого января Францию покинул первый советник полпредства Аренс, осуществлявший связь с

французской коммунистической партией, а через два дня — второй секретарь Лев Гельфанд.

Но может быть, Кутепов еще жив? Может быть, еще не поздно было перехватить советские торговые суда, на которых его могли увезти?

В храме Святого Александра Невского на улице Дарю после литургии и общего молебна было отслужено архиепископом особое молебствие о здравии и избавлении от бед воина Александра.

Двенадцатого июля 1927 года в Хельсинки в возрасте двадцати семи лет умер белый офицер-доброволец, потерявший на Гражданской войне четверых братьев, выдающийся русский поэт Иван Савин. Его стихи знали наизусть многие молившиеся за спасение Кутепова. И кто-нибудь вспомнил это стихотворение, посвященное братьям поэта, Михаилу и Павлу, тоже добровольцам, расстрелянным в Севастополе в ноябре 1920 года.

Ты кровь их соберешь по капле, мама,
И, зарыдав у Богоматери в ногах,
Расскажешь, как зияла эта яма,
Сынами вырытая в проклятых песках,
Как пулемет на камне ждал угрюмо,
И тот, в бушлате, звонко крикнул: «Что,
начнем?»
Как голый мальчик, чтоб уже не думать,
Над ямой стал и горло проколол гвоздем.
Как вырвал пьяный конвоир лопату
Из рук сестры в косынке и сказал: «Ложись»,
Как сын твой старший гладил руки брату,
Как стыла под ногами глинистая слизь.
И плыл рассвет ноябрьский над туманом,
И тополь чуть желтел в невидимом луче,
И старый прапорщик во френче рваном,
С чернильной звездочкой на сломанном плече,

Вдруг начал петь — и эти бредовые
Мольбы бросал свинцовой брызжущей струе:
Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во царствие Твое...

(1925)

Это были мольбы и о Кутепове, и о белом воинстве, и, наверное, обо всех русских.

Кутепова не нашли.

Спустя много лет был распространен слух, что он умер от сердечного приступа на советском судне вблизи российских берегов. Для чего это было сделано? Наверное, для того, чтобы тайна его исчезновения никогда не была разгадана.

Но тайна открылась. Как бы сама собой.

Перед смертью от неизлечимой болезни старый депутат французского парламента, коммунист Морис Онель облегчил душу, рассказав французскому историку Жану Элленстайну о том, как его брат участвовал в похищении генерала, будучи тем самым переодетым лжеполицейским, и заколол Кутепова ножом, когда тот оказал бешеное сопротивление. (Согласно сведениям, сообщенным автору этих строк одним из генералов внешней (нелегальной) разведки КГБ СССР, труп Кутепова затем был растворен в концентрированной кислоте.)

Понятен поспешный отъезд Аренса из полпредства, похожий на бегство: отсекались связи с французскими исполнителями.

Третьего февраля в советской правительственной газете «Известия» появилась заметка о том, что Кутепов похитил деньги РОВСа и сбежал в Южную Америку. 22 мая 1930 года корреспондент «Морнинг пост» сообщил из Риги о расстреле де Роберти. Там тоже обрубались

концы. В 1930 году в Риге вышел в переводе на русский язык роман французского автора Клода Фелисье «Тайна похищения генерала Кутепова». Скорость издания была удивительной. Еще удивительнее — версия романа: похищение организовала английская разведка. Понятно, кому была выгодна эта версия.

На самом деле устранение Кутепова провели сотрудники Иностранного отдела ОГПУ под руководством Якова Серебрянского, который в 1925–1928 годах был нелегальным резидентом в Бельгии и Франции, а весной 1929 года стал начальником 1-го отделения (нелегальная разведка) ИНО ОГПУ. На Кутепова их вывел бывший помощник военного атташе в Лондоне генерал-майор П. П. Дьяконов, который предложил вызвать его запиской, что «неизвестное лицо желает встретиться по денежному вопросу».

В последней официальной публикации указывалось, что похищенный генерал, «по свидетельству участников операции, скончался от сердечного приступа»^{128}. Эта неопределенная формулировка «по свидетельству...» указывает на то, что подлинные обстоятельства последних минут жизни Кутепова руководство внешней разведки предпочитает не раскрывать.

Кутепова не стало. Скоблин получил возможность влиять на генерала Миллера, сдерживать борьбу в России.

Плевицкая пела свои знаменитые песни: «Занесло тебя снегом, Россия, запуржило седую пургой, и холодные ветры степные панихиды поют над тобой».

А Советская Россия продолжала коллективизацию сельского хозяйства, чтобы получить ресурсы для проведения ускоренной модернизации, той самой, которую не смогла довести до конца имперская элита. Никто тогда не знал, что Советскую Россию нельзя будет победить извне. И никто не знал, что она все же

обречена, как то предсказывали белогвардейские аналитики. Что победят ее только изнутри.

Как сказал У. Черчилль на англо-русском собрании в Лондоне: «Всем легкомысленным, всем неосведомленным, всем простодушным, всем поглощенным личными интересами — я говорю: вы можете покинуть Россию, но Россия вас не покинет... Мир переделать невозможно без участия России».

Да, Россия только временно покинула Европу, потому что ее образованный слой проиграл в 1917 году свое главное сражение. Как говорил философ Л. Карсавин: «У нас была своя Европа в лице дореволюционного правящего слоя»^{129}.

Была и кончилась.

Поэтому и Кутепов, защитник той ушедшей «русской Европы», был обречен.

Впереди похищение чекистами генерала Миллера, разоблачение Скоблина и Плевацкой, бегство в СССР нескольких белоэмигрантов, в том числе и мужа поэта Марины Цветаевой, добровольца Сергея Эфрона. Еще дальше блестящая финансовая афера с деньгами РОВСа, проведенная чекистом Владимиром Багговут-Коломийцевым, в результате чего превратились в дым семь миллионов франков.

Много чего было впереди у русских людей!

Русский XIX век с его дворянско-крестьянской культурой, с жизнью людей по законам веры и чести завершился. Разрушенный мировой войной мир собрался заново, но в нем уже оставалось ничтожно мало места для веры и чести. Цену бытия стали определять жадность к материальным благам, технический прогресс и страх человека за свою жизнь. Лишившись веры и чести, человек стал обманчиво всесильным и смертным.

С гибелью Кутепова стало ясно, что у белой эмиграции нет реальных возможностей силой вернуться к прошлому. Пресеклась историческая линия,

связывавшая настоящее с будущим и прошедшим. Герой кутеповского детства, освободитель южных славян от турецкого ига генерал Скобелев еще раз умер в Александре Павловиче. Умерли Суворов, Кутузов, Сергей Радонежский...

Умерли, чтобы потом все же быть призванными в Россию, когда в 1941 году решался вопрос о ее существовании.

Для чего же История предоставила нам возможность оглянуться на ее лабораторный эксперимент с либеральными реформами Врангеля в Крыму и галлиполийской диктатурой Кутепова?

Тогда, в 1930-е годы, многое казалось обнадеживающим. Евразийцы уповали на перерождение большевиков и готовы были на самопожертвование. Советская мощь представлялась величественной.

Начальник Управления сухопутных войск рейхсвера генерал Гаммерштейн в декабре 1932 года говорил венгерскому посланнику в Берлине Кания: «Все же, по моему мнению, Россия неприступна. И ее соседям придется горько. Русская армия и русские рабочие будут фанатично защищать свою родину. Я знаю, насколько велик рост заводов военной промышленности в Перми, но если они только подготовлены к пуску, то и тогда Россия при ее блестящем географическом положении непобедима. Ну какое для России это может иметь значение, если удастся на время захватить даже Москву»^{130}.

Запись этого разговора советские разведчики передали в столицу, где в Кремле Сталин и нарком обороны Ворошилов, прочитав документ, были удовлетворены.

Но они не подозревали, что им придется еще взывать к русской православной культуре, повторяя на свой лад в ужасных условиях Великой Отечественной войны идею евразийца Фло-ровского о том, что «Великая Россия

восстановится лишь после того, как начнет созидаться русская православная культура».

Для двух миллионов людей, оказавшихся после Октябрьской революции в эмиграции, после мирового экономического кризиса, советской модернизации и окончания жертвенной борьбы РОВСа наступила новая пора. Они были распылены по Европе, Азии, Америке, Африке, Австралии. Где только не служили бывшие российские офицеры — во французском Иностранном легионе, в Югославии, армии албанского короля, польских, канадских, японских, китайских, иранских, парагвайских войсках.

Некоторые искали свое предназначение в новой идеологии, родившейся после мировой войны в Италии, — фашизме. Одним из теоретиков национального государства был молодой эмигрант Александр Казем-бек, возглавивший в 1923 году движение эмигрантской молодежи («младороссов»). Девиз движения — «Не белые, не красные, а русские». Младороссы развили мысль Константина Леонтьева: «славянский православный царь возьмет когда-нибудь в руки социалистическое движение... и с благословения церкви учредит социалистическую форму жизни на место буржуазно-либеральной»^{131}.

Победа национального самосознания над интернационализмом коммунистов считалась залогом обновления России. Казем-бек оказал влияние на руководителя итальянских фашистов Б. Муссолини, но после сближения Муссолини с немецкими нацистами младороссы порвали с итальянскими фашистами^{132}.

В 1926 году генерал-майор П. В. Черский, доброволец и галлиполиец, основал в Югославии, где служил в Загребской дирекции Министерства путей сообщения, Организацию русских фашистов. Ее девиз — «Мы не правые и не левые — мы сыны нашего Отечества и стражи интересов русской нации — мы русские

фашисты»; признавались все полезные нововведения революции.

Однако организованная в Маньчжурии Русская фашистская партия (председатель генерал-майор В. Д. Косьмин, генеральный секретарь К. В. Родзаевский), несмотря на декларирование патриотизма, стала проводником японской экспансионистской политики на Дальнем Востоке^{133}.

Один из ближайших сотрудников Кутепова, отважный капитан Ларионов писал в берлинской газете «Новое слово»: «Жизнь далеко ушла вперед. Мир давно раскололся на два лагеря. Правда в больших муках, но рождается — идея белого интернационала. Нельзя без конца раскачиваться между фашизмом и демократией, выжидая и выбирая друзей. Молодежь понимает эти вопросы яснее проникнутых «кристальной честностью» отцов. Русская молодежь давно уже сделала выбор и отдала фашизму сердце свое.

Легче отмахнуться от фашизма, от новых идей, возложив все на Красную Армию — она все сделает — нам остается лишь ожидать у сложенных чемоданов, у вылинявших знамен, и праздновать годовщины. Воистину, вечное горе старой Русской интеллигенции: «Они нас бомбами, а мы их речами и банкетам...»^{134}.

Свой выбор Ларионов подтвердил в 1941 году, когда вместе с германскими войсками входил в оккупированный Смоленск.

Для большинства эмигрантов национализм не стал путеводной идеологией, воспитанные в многонациональной империи, они не воспринимали идеи национальной исключительности. Достаточно убедительно прозвучала резолюция «О тоталитарном государстве» монархического Белого съезда: «Тоталитарное, т. е. всевластное, государство есть явление противохристианское, болезненное и в России неприемлемое... Поэтому так называемый «русский

фашизм», не имеющий ничего общего с организациями, созданными Муссолини и Франко, есть течение больное. Это новый вид слепого подражания Западу. Это есть проявление творческого бессилия эмиграции. Мало того: когда это течение соединится с беспринципным личным честолюбием, тогда оно будет стремиться захватить власть в эмиграции при помощи иноземной политической полиции и пропаганды, а впоследствии захватить власть в России при помощи иностранных штыков. Пусть иностранные державы сами блюдут свои интересы, как умеют и хотят. Но русские национальные круги должны оградить себя от влияния таких господ»^{135}.

Вооруженная борьба с большевиками, затем террор и мучительные поиски новой идеологии фактически ни к чему не привели. Еще одной усмешкой истории было то, что рядом с родственником Александра Пушкина генералом Врангелем находился председатель Общества галлиполийцев, потомок Ивана Сусанина генерал-майор Петр Никитич Буров.

Вторая мировая война и нападение Германии на Советский Союз раскололи русскую эмиграцию. Одна ее часть стала сотрудничать с немцами, другая участвовала в антигитлеровском Сопротивлении.

Предсказание генерала Деникина, сделанное им в декабре 1938 года в публичном докладе «Мировые события и русский вопрос», оказалось пророческим: «Наш долг, кроме противобольшевистской борьбы и пропаганды, проповедовать идею национальной России и защищать интересы России вообще. Всегда и везде, во всех странах рассеяния, где существуют свобода слова и благоприятные политические условия — явно, где их нет — прикровенно. В крайнем случае, молчать, но не славословить. Не наниматься и не продаваться.

Мне хотелось бы сказать — не продавшимся, с ними говорить не о чем — а тем, которые в добросовестном

заблуждении собираются в поход на Украину вместе с Гитлером: если Гитлер решил идти, то он, вероятно, обойдется и без вашей помощи. Зачем же давать моральное прикрытие предприятию, если, по вашему мнению, не захватному, то, во всяком случае, чрезвычайно подозрительному. В сделках с совестью в таких вопросах двигателями служат большей частью властолюбие и корыстолюбие, иногда, впрочем, отчаяние. Отчаяние — о судьбах России. При этом для оправдания своей противонациональной работы и связей чаще всего выдвигается объяснение: это только для раскачки, а потом можно будет повернуть штыки... Простите меня, но это уже слишком наивно. Наивно, войдя в деловые сношения с партнером, предупреждать, что вы его обманете, и наивно рассчитывать на его безусловное доверие. Не повернете вы ваших штыков, ибо, используя вас в качестве агитаторов, переводчиков, тюремщиков, быть может, даже в качестве боевой силы — заключенной в клещи своих пулеметов, — этот партнер в свое время обезвредит вас, обезоружит, если не сгноит в концентрационных лагерях. И прольете вы не «чекистскую», а просто русскую кровь — свою и своих, напрасно, не для освобождения России, а для вящего ее закабаления»^{136}.

Но Кутепова это раскол уже не мог коснуться.

Судьбе было угодно распорядиться так, что сын генерала Павел Кутепов (1925–1983) учился в русском кадетском корпусе в Югославии, где Закон Божий преподавал священник Георгий Флоровский. Мальчик долгое время верил, что его отец жив и находится в России. Он говорил товарищам, что советский маршал Тимошенко — это и есть его отец, генерал Александр Павлович Кутепов. В голове мальчика слились в один образ белогвардейский генерал и советский маршал. В

сентябре 1944 года Павел Кутепов перешел линию фронта и несколько месяцев служил переводчиком в Красной армии. После Второй мировой войны он был арестован советской военной контрразведкой, провел несколько лет в заключении, а затем много лет работал переводчиком и главным редактором Бюро переводов в Отделе внешних связей Московского патриархата Русской православной церкви.

В 2001 году племянница генерала, профессор МГУ Ирина Сергеевна Свенцицкая (она взяла фамилию матери) прислала автору этой книги письмо с просьбой сообщить о судьбе Павла. В письме, в частности, говорилось: «Что касается других родственников генерала, то все они были уничтожены советской властью (средний брат Борис, мой отец, Раиса Павловна Митусова, этнограф). Дочь Бориса жила в Ленинграде, но после блокады я потеряла ее следы».

Ирина Сергеевна (1929–2006) была выдающимся специалистом по античной истории и раннему христианству, одна из ее работ имеет массовую известность — это школьный учебник «История Древнего мира» для 5-го класса.

Р. П. Митусова (Кутепова) родилась в 1894 году, окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы, антропологическое отделение физико-математического факультета Петроградского университета, работала в Этнографическом отделе Русского музея. Ее муж в 1911–1932 годах был ученым секретарем этого музея. В 1930 году (тогда же погиб Кутепов) Раиса Павловна была арестована и сослана в Кемерово, где после трехлетнего заключения работал бухгалтером и ее муж. Она трудилась в областном краеведческом музее. В 1937 году была арестована «за контрреволюционную связь с С. П. и А. П. Кутеповыми» и расстреляна.

О судьбе Сергея Кутепова автору ничего не известно.

Когда-то Кутепов приводил как пример самоотверженности случай времен русско-персидской войны: в одном из боев путь русским войскам генерала Петра Котляревского преградила широкая скальная расщелина, на постройку моста не было времени, и тогда пушки выкатили по плечам и спинам солдат и офицеров. Несколько человек было раздавлено, но бой — выигран. («Тебя я воспою, герой, // О, Котляревский, бич Кавказа!» — А. С. Пушкин.)

По Кутепову тоже прошло железное колесо. Он добровольно лег под него.

И вот этот человек покинул земной строй. Из рассказанной здесь истории уже никого не осталось в том строю. Все перешли в строй небесный.

Прощайте, маленькие новочеркасские кадеты.

Прощайте, Кутепов.

1992, 2009 гг.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНЕРАЛА А. П. КУТЕПОВА^[2]

«1882, 16 сентября — родился. Вероисповедания православного.

Из потомственных дворян Новгородской губернии.

В Архангельской классической гимназии и Санкт-Петербургском военном училище закончил курс по 1-му разряду.

Женат первым законным браком на дочери коллежского советника Лидии Давыдовне Кют, вероисповедания православного. Имеет сына Павла, родившегося 27 (14) февраля 1925 года.

1902, 1 сентября — на службу вступил в Санкт-Петербургское военное училище юнкером рядового звания.

1904, 9 августа — по окончании училища по 1-му разряду, фельдфебелем, произведен в подпоручики в 85-й пехотный Выборгский Его Императорского и Королевского Величества императора Германского короля Прусского Вильгельма II полк, находившийся в действующей армии (со старшинством с 10 августа 1903 года).

1904, 30 сентября — по окончании 16-дневного отпуска прибыл в деревню Хомутун.

1905, 1 октября — был командирован в город Новгород для обучения молодых солдат.

26 ноября — прибыл к месту командирования. Во время пути участвовал с эшелоном в подавлении восстания в городах: Иркутске, Верхнеудинске и Красноярске.

1906, 18 ноября — прикомандирован к лейб-гвардии Преображенскому полку.

1907, 6 декабря — поручиком.

1 ноября — переведен за оказанные боевые отличия в лейб-гвардии Преображенский полк поручиком.

1911, 6 декабря — штабс-капитаном со старшинством (с 10 августа 1911 года). В полку занимал должности: помощника начальника учебной команды, начальника пулеметной команды, начальника команды разведчиков, командующего 15-й ротой на законном основании в течение одного года двух месяцев и начальника учебной команды.

1914, 19 июля — за расформированием, согласно мобилизационного плана, учебной команды принял 4-ю роту.

1 августа — выступил в поход командиром 4-й роты.

1915, 19 июля — капитаном (со старшинством с 19 июля 1915 года).

1916, 19 июля — полковником на основании приказа по военному ведомству, 1916 года № 563 (со старшинством с 19 июля 1916 года). Во время русско-германской войны командовал: ротой Его Величества, вторым батальоном и лейб-гвардии Преображенским полком.

1917, 2 декабря — состоя командиром лейб-гвардии Преображенского полка в чине полковника, отдал приказ о временном расформировании полка и уехал через Киев на Дон.

24 декабря — вступил в ряды Добровольческой армии.

30 декабря — назначен начальником гарнизона города Таганрога и его района.

1918, 10 января — 1 февраля — после ухода казачьих частей из Донецкого бассейна принял на себя оборону Таганрогского направления и города Ростова, где с отрядом отбивался от большевиков.

2 февраля — вызван из Ростова на формирование 3-го офицерского батальона, на укомплектование которого назначены были офицеры лейб-гвардии Преображенского полка и других гвардейских частей.

9 февраля — принимал участие в обороне города Ростова, после чего выступил вместе с другими частями Добровольческой армии в 1-й Кубанский поход.

11 февраля — 3-й офицерский батальон переформирован в 3-ю роту 1-го Офицерского полка (в станице Ольгинской).

17 марта — после соединения 15 марта 1918 года с «Кубанской армией и переформирования Добровольческой армии назначен помощником командира 1-го Офицерского полка.

30 марта — после смерти полковника Меженцева назначен генералом Корниловым командиром Корниловского полка.

10 июня — возвратившись на Дон из 1-го Кубанского похода, вышел с Корниловским полком во 2-й Кубанский поход.

12 июня — после смерти генерала Маркова под станицей Шевлиевской назначен временным командующим 1-й дивизией.

75 июля — с 1 — й дивизией участвовал в наступлении на Тихорецком направлении, во взятии Тихорецкой и в наступлении на Куцевском направлении. По занятии Куцевки, вследствие возвращения из Москвы генерала Казановича, назначен командиром 1-й бригады 1-й дивизии.

13 августа — после взятия Новороссийска назначен черноморским военным губернатором.

12 ноября — за боевые отличия произведен в чин генерал-майора (со старшинством с 12 ноября 1918 года).

1919, 13 января — назначен командиром 10-го армейского корпуса.

15 апреля — со станции Прохладной вместе со штабом был переведен в станицу Песчанокопскую и был назначен командующим группой на Царицынском направлении.

6 мая — со штабом переброшен в Донецкий бассейн, где вступил в командование частями 1-го армейского корпуса.

23 июня — за боевые отличия, оказанные во время Харьковской операции, произведен в чин генерал-лейтенанта (со старшинством с 23 июня 1919 года).

до 1920, 15 марта — вместе с частями 1-го армейского корпуса совершил отход от города Орла до города Новороссийска и далее в Крым.

4 сентября — назначен командующим 1-й армией.

2 ноября — в составе Русской армии эвакуирован из Крыма в Константинополь и далее в Галлиполи.

20 ноября — произведен за боевые отличия в генерала от инфантерии.

21 ноября — ввиду переформирования армии назначен командиром 1-го армейского корпуса, в составе которого сведены все части Русской армии, кроме казаков.

1921, 17 декабря — вместе с частями 1-го армейского корпуса прибыл из Галлиполи в Болгарию.

1922, 15 мая — болгарским правительством экстернирован за границу и через Грецию прибыл в королевство С.Х.С.

8 ноября — назначен помощником главнокомандующего Русской армией.

1924, 21 марта — ввиду командирования в распоряжение великого князя Николая Николаевича освобожден от должности помощника главнокомандующего Русской армией.

1928, 29 апреля — [назначен] председателем Русского общевойскового союза.

В походах и делах находился:

1) В кампанию 1904–1905 годов

с 30 сентября 1904 года по 12 августа 1905 года.

2) В кампанию 1914–1918 годов

с 1 августа 1914 года по 2 декабря 1918 года.

3) Против большевиков

с 24 декабря 1917 года.

Ранен: 1) В бою 20 Августа 1914 года при деревне Владиславовке Люблинской губернии ружейной пулей в левую ногу ниже колена с раздроблением кости.

2) В бою 30 Марта 1915 года при деревне Корытке Ломжинской губернии осколком снаряда в верхнюю часть правой ступни.

3) В бою 27 Июля 1915 года при деревне Петрилово Владовского уезда ружейной пулей в левый пах (рана рваная).

Имеет ордена и знаки отличии:

Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2-й степени с мечами, Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 2-й степени с мечами, Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Георгиевское оружие, Святого Георгия 4-й степени, Святого Николая Чудотворца 2-й степени и знак за участие в 1-м Кубанском походе 1-й степени.

Светло-бронзовые медали: за участие в русско-японскую войну на Александровско-Георгиевской ленте, в память Полтавской битвы на Андреевской ленте, в память Отечественной войны на Владимирской ленте, медаль в память 300-летия дома Романовых, медаль в память Гангутского боя на Андреевской ленте и медаль за труды, понесенные по мобилизации 1914 года.

Знак в память пребывания Русской армии в Галлиполи в 1920–1921 годах.

Иностранные ордена: Германской Короны 4-й степени с мечами и на ленте Железного Креста (за боевые отличия в русско-японскую войну), шведский — орден Короны, румынский — орден Короны, черногорский — Даниила 4-й степени, французскую серебряную медаль в память приезда президента Лубе в Россию.

Представлен был к ордену Святого Георгия 3-й степени за бой 7 июля 1917 года у города Тарнополя.

В запасе, отставке, плену и без исполнения службы по роду оружия не был.

Под судом и следствием не состоял и не состоит».

1930, 26 января — А. П. Кутепов погиб в Париже при попытке его похищения агентами НКВД.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Генер. Г. С. Меньков.

***Полковник А. П. Кутепов — черноморский военный
губернатор. 1918 г.***

Николай II и великий князь Николай Николаевич на маневрах

***Командующий Добровольческой армией генерал от
инфантерии Л. Г. Корнилов***

***Верховный руководитель Добровольческой армии
генерал-адъютант М. В. Алексеев***

Перед парадом в освобожденном Харькове.

***В центре: генералы А. И. Деникин,
И. П. Романовский, Ю. Н. Плющевский-Плющик.
Июнь 1919 г.***

***Командир 3-го конного корпуса генерал-лейтенант
А. М. Крымов***

***Первый командир Корниловского ударного полка
полковник М. О. Неженцев. 1917 г.***

***Юнкера Александровского военного училища
церемониальным маршем проходят перед
Л. Г. Корниловым. Август 1917 г.***

***Участница Ледяного похода, гимназистка
Тамбовской женской гимназии Ольга Терехова***

***Почетная председательница «Союза бежавших из
плена» М. А. Нестерович-Берт***

***Командир батальона Алексеевского полка капитан
П. Бузун и его жена, адъютант батальона
В. И. Бузун 1919 г.***

***Командир 1-го Марковского полка полковник
Д. А. Марченко***

***Командир 3-го Дроздовского полка генерал-майор
В. В. Манштейн-младший***

***Командир тяжелого бронепоезда «Иван Калита»
полковник А. А. Зеленецкий***

***Заведующий этапным хозяйством 3-го
Дроздовского полка генерал-майор
В. К. Манштейн-старший***

***Бой Добровольческой армии за село Лежанка. 7
марта 1918 г.***

Первые добровольцы, занявшие Курск. Крайний справа: А. А. Зеленецкий. Август 1919 г.

***Последний начальник Дроздовской дивизии
генерал-майор А. В. Туркул***

***Организатор партизанского движения на Дону
есаул В. М. Чернецов***

***Командир 1-й (юнкерской) батареи
Добровольческой армии подполковник
Д. Т. Миончинский***

***Командир 1-й отдельной бригады русских добровольцев Румынского фронта полковник
М. Г. Дроздовский***

Летчики Донской армии у самолета-истребителя «Бранденбург». В центре: (с кортиком) командир 1-го Южного авиаотряда поручик Веселовский

Штаб 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии.

Сидят слева направо: командир артиллерийского дивизиона полковник А. И. Третьяков, командир бригады полковник А. П. Кутепов, начальник дивизии генерал-майор Б. И. Казанович, начальник штаба дивизии полковник В. И. Гейдеман

***Караул перед зданием Харьковской городской
управы.***

***Генерал-майор Кутепов. Справа от него: командир
Иностродческого полка полковник Горбатовский***

***Генерал-майор Н. С. Тимановский выходит из
вагона командующего армией***

Тяжелый бронепоезд «Единая Россия»

Пулеметная команда Алексеевского полка

Командующий 1-м армейским корпусом генерал-майор А. П. Кутепов после освобождения Харькова

Генерал-майор А. Н. Черепов

Генерал-лейтенант В. К. Витковский

Генерал-майор В. Ф. фон Баумгартен

Генерал-лейтенант Я. А. Слащон-Крымский

***Командир 4-го Донского кавалерийского корпуса
генерал-майор К. К. Мамонтов***

Генерал Кутепов на молебне 3-го Корниловского ударного полка в Харькове.

Крайняя справа: дочь генерала Корнилова Наталия

***Командир батальона Корниловского полка
полковник Р. Ф. Пух***

***Командир 3-го Корниловского ударного полка
полковник В. П. Щеглов***

***Командир Черненовского партизанского отряда
подъесаул Попов***

***Начальник Корниловской ударной дивизии
генерал-майор Н. В. Скоблин***

***Председатель совета при главнокомандующем
А. В. Кривошеин, генерал П. Н. Врангель,
начальник штаба главкома генерал-лейтенант
П. Н. Шатилов в Севастополе. 4 августа 1920 г.***

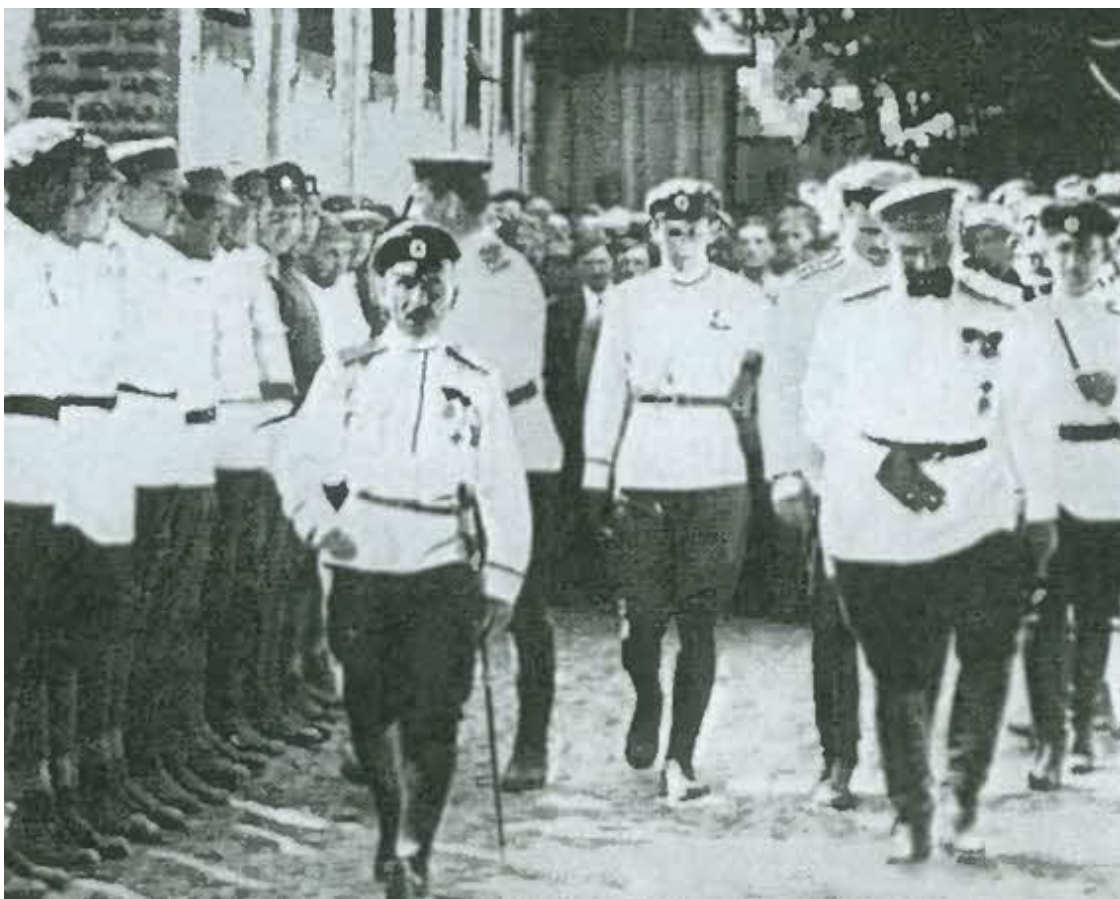
***Эвакуация из Новороссийска. На палубе
британского транспорта***

Генерал-майор П. Кутепов. 1918 г.

***Картина «Кремль», нарисованная на стене дома в
Галлиполи юнкерами Алексеевского военного
училища***

Генерал Кутепов в Галлиполи

Церковь Корниловского полка.

Вся церковная утварь в ней была изготовлена из консервных банок

Штаб 1-го армейского корпуса. Галлиполи

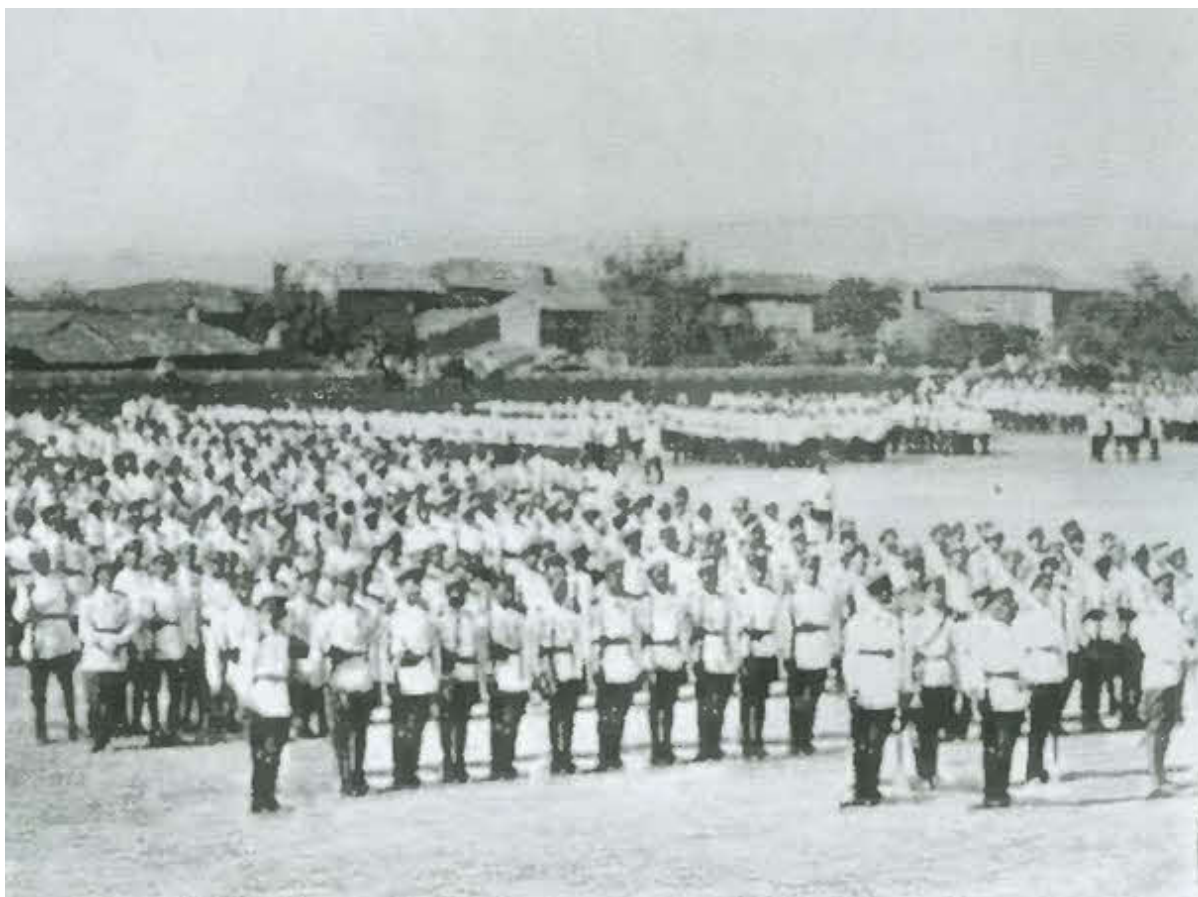

Духовенство 1-го армейского корпуса.

***Во втором ряду третий слева: о. Федор
Миляновский***

Генерал А. П. Кутепов с группой галлиполийцев

Парад военных училищ. Галлиполи

Галлиполийские дети русских воинов

Палатка Алексеевского лагеря. Галлиполи

***Учебные занятия в Галлиполи. Боевые пулеметы
«Максим» и «Льюис»***

Учебные стрельбы вблизи лагеря. Галлиполи

Производство в офицеры.

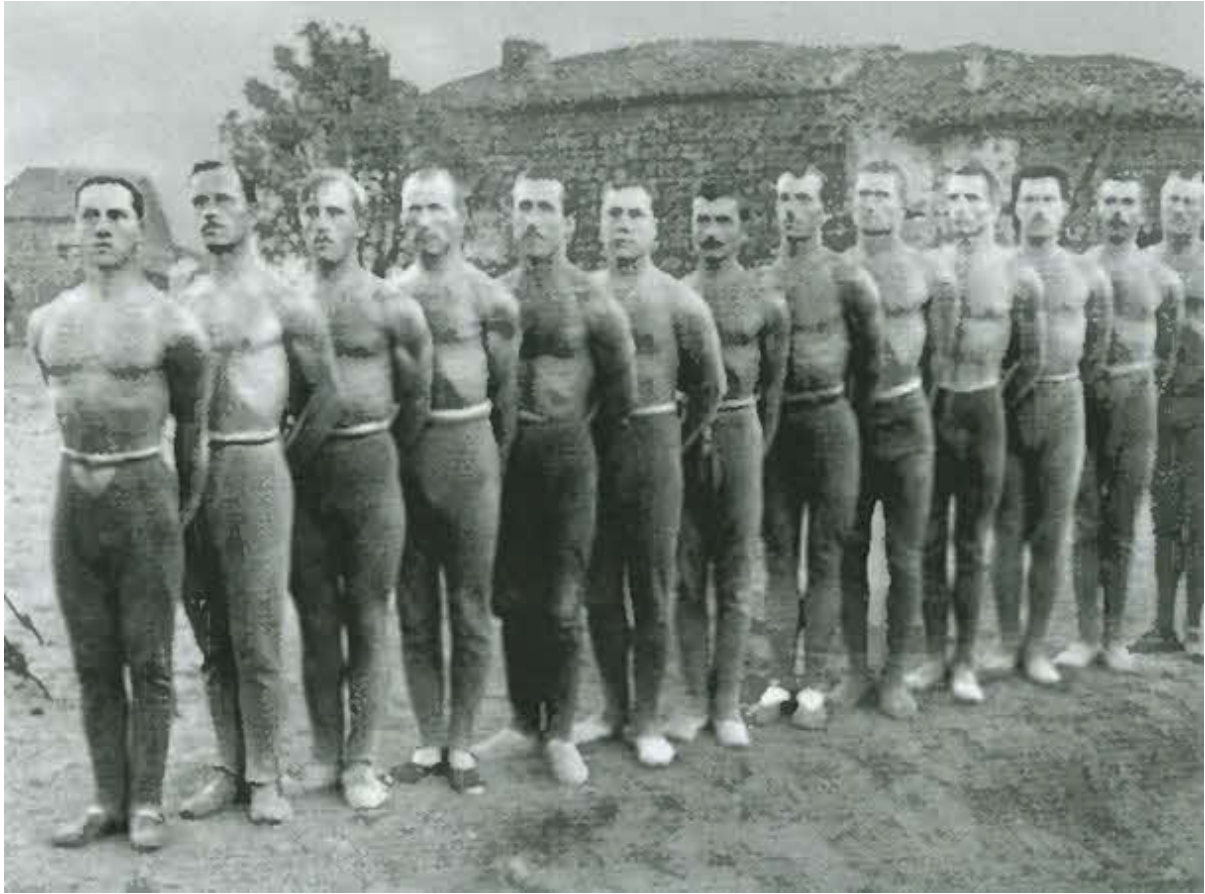
***А. П. Кутепов вручает юнкерам свидетельства.
Галлиполи***

Генерал А. П. Кутепов и его штаб на парадном построении корпуса. Галлиполи

***Портреты на выставке устного галлиполийского
журнала «Развей горе»***

Галлиполийские гимнасты

Футбольная команда — победитель турнира с кубком и грамотой. Галлиполи

Командир кавалерийской дивизии генерал-лейтенант И. Г Барбович

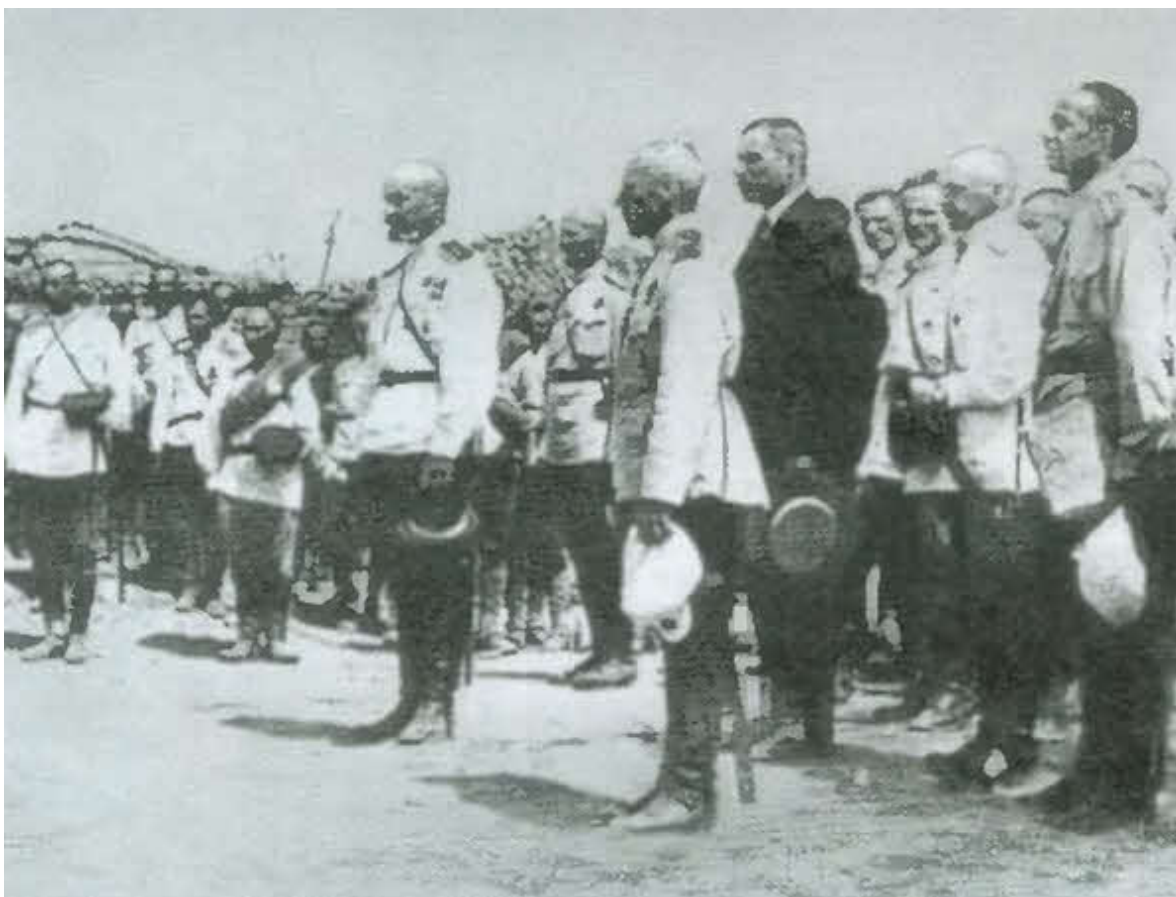
***Генерал А. П. Кутепов и галлиполийская
футбольная рать***

***Закладка А. П. Кутеповым первого камня в
основание памятника русским воинам. Галлиполи***

Торжественное построение Русского армейского корпуса в день открытия памятника. Галлиполи

***А. П. Кутепов, В. К. Витковский и представитель
Земского союза профессор Карташев на молебне
по случаю отъезда войск из Галлиполи в Болгарию***

Константинополь в начале XX века. Открытка

***Начальник охраны А. П. Кутепова капитан
В. А. Ларионов***

***Участница боевой организации генерала
А. П. Кутепова М. В. Захарченко-Шульц***

Выпуск офицеров Корниловского военного училища в Болгарии

Генерал барон П. Н. Врангель. Открытка

***Преподаватель Петербургского юнкерского училища, военный теоретик русского зарубежья
Н. И. Головин***

Теоретики евразийства:

П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, П. П. Сувчинский

***Выдающийся поэт русского зарубежья Николай
Туровров***

***Глава внешнеполитического ведомства в
правительстве П. И. Врангеля академик П. Б. Струве***

***А. П. Кутепов (четвертый слева) в Париже
незадолго до гибели***

Пасхальная открытка в память о Галлиполи.

К. Подушкин. 1960-е гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

Документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)

- Ф. 5802. Оп. 1. Д. 53. С. 150.
- Ф. 5826. Оп. 1. Д. 195. С. 182.
- Ф. 5912. Оп. 1. Д. 100 (Фонд П. Струве). С. 1, 2.
- Ф. 5928. Оп. 1. Д. 100. С. 6–7.
- Ф. 5928. Оп. 1. Д. 66. С. 3.
- Ф. 5783. Оп. 1. Д. 362. С. 140.
- Ф. 5783. Оп. 1. Д. 485. С. 12.
- Ф. 5826. Оп. 1. Д. 195. С. 137.
- Ф. 5826. Оп. 1. Д. 195. С. 45.

Источники

- Белая гвардия. Альманах. М., 1977. № 1.
- Белый Крым / Сост. С. В. Карпенко. М., 2003.
- Белая Россия / Сост. В. Ж. Цветков, Б. С. Пушкарев. М., 2003.
- Бунин И. Окаянные дни. Лондон; Канада, 1974.
- Бобков Ф. Д. Последние двадцать лет: Записки начальника политической контрразведки. М., 2006.
- Беседовский Г. На путях к Термидору. М., 1997.
- Брюс Локкарт Р. Г. История изнутри / Пер. с англ. М., 1991.
- Булгаковы Михаил и Елена. Дневник Мастера и Маргариты. М., 2001.
- Бьюкенен Д. Мемуары дипломата. М., 2001.
- Витковский В. В борьбе за Россию. Франкфурт-на-Майне, 1963.
- Витте С. Мои воспоминания. В 3 т. М., 1960.

Волков-Муромцев Н. Юность. От Вязьмы до Феодосии. Париж, 1983.

Ворошилов К. Сталин и Красная Армия. М., 1938.

Врангель П. Н. Воспоминания барона П. Н. Врангеля. В 2 т. М., 1992.

ВЧК — ГПУ. Сборник документов / Сост. Ю. Фельштинский. Бенсон, Вермонт, 1989.

Генерал Кутепов. Сборник статей. Париж, 1934.

Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2008.

Гуковский А. Ликвидация Пермской катастрофы. М., 1939.

Гражданская война в СССР. В 2 т. М., 1986.

Дело генерала Корнилова: Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. — июнь 1918 г. В 2 т. М., 2003.

Деникин А., Лампе А. Трагедия белой армии. М., 1991.

Деникин А. И., Путь русского офицера. М., 1990.

Дневники и документы личного архива Николая II М., 2003.

Документы по истории Гражданской войны. Т. 1. М., 1941.

Дьяков Ю., Бушуева Т. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992.

Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927.

Евразийский временник. Вып. X. Париж, 1928.

Жадан П. Русская судьба. Нью-Йорк, 1989.

Жуков Г. Воспоминания и размышления. В 2 т. М., 2002.

Зарождение Добровольческой армии / Сост. С. В. Волкова. М., 2001.

Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991.

Исход к Востоку. София, 1921.

Калинин И. М. Русская Вандея. М.; Л., 1926.

Катков Г. Дело Корнилова. Париж, 1987.

Каратеев М. Белогвардейцы на Балканах. Буэнос-Айрес, 1926.

Керенский А. Россия на историческом повороте. М., 1992.

Керенский А. Дело Корнилова. Вермонт, 1987.

Коковцов В. Из моего прошлого. В 2 кн. М., 1992.

Кондратьев Н. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.

Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1989.

Краснов П. На внутреннем фронте. Л., 1927.

Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1991.

Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991. М., 2003.

Лубянка. Сталин и ВЧК — ОГПУ — НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936 / Сост. В. Хаустов, В. Наумов, Н. Плотникова. М., 2003.

Лубянка и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937-1938 / Сост. В. Хаустов, В. Наумов, Н. Плотникова. М., 2004.

Мамонтов С. Кони и люди. Париж, 1981.

Мартынов Е. Воспоминания о японской войне командира пехотного (Зарайского) полка. Полоцк, 1910.

Мартынов Е. Обязанности политики по отношению к стратегии // Хорошо забытое старое. М., 1991.

Мартынов Е. Корнилов. Попытка военного переворота. Л., 1927.

Махров П. В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков: Исследование жизни и деятельности. В 2 т. М., 2005.

Мельгунов С. Красный террор в России. Нью-Йорк, 1989.

Микоян А. Так было. М., 1999.

Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991.

Милюков П. Воспоминания. М., 2000.

Миллюков П. История второй русской революции. М., 2002.

Никитин Б. Роковые годы. М., 2000.

Окороков А. В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990. М., 2003.

Окороков А. В. Фашизм и русская эмиграция. М., 2002.

Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. М., 1996–2004.

Первые бои Добровольческой армии / Сост. С. В. Волков. М., 2001.

Первый Кубанский «Ледяной поход» / Сост. С. В. Волков. М., 2001.

Письма И. В. Сталина к В. М. Молотову. 1925–1936 гг. М., 1995.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». 1923–1939. М., 2000.

Политическая история русской эмиграции. 1920–1940. Документы и материалы / Под ред. А. Ф. Киселева. М., 1999.

Пылин Б. Первые четырнадцать лет, 1906–1920. Калифорния, 1972.

Пятницкий В. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории. Минск, 2004.

Раевский И, Даватц В. Добровольцы. М., 2007.

Реввоенсовет республики. М., 1991.

Родзянко М. Крушение империи. Нью-Йорк, 1986.

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001.

Русская армия в изгнании / Сост. С. В. Волков. М., 2003.

Русская армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии / Сост. С. В. Волков. М., 2003.

Русская армия на чужбине / Сост. С. В. Волков. М., 2003.

- Русские в Галлиполи. Берлин, 1920.
- Совершенно лично и доверительно! Б. А. Бахметьев — В. А. Маклаков: Переписка. 1919–1951. В 3 т. М.; Стэнфорд, 2002.
- Солженицын А. И.* Красное колесо. Март семнадцатого. Париж, 1986.
- Сталин И. В.* Сочинения: В 13 т. М., 1947–1951.
- Сталин И. В.* Сочинения. Т. 14–18. М.; Тверь, 1997–2006.
- Сталин И. В.* Избранные сочинения. В 3 т. Киров, 2004.
- Струве И. Б.* Дневник политика. 1925–1935. Париж; М., 2004.
- Столыпин П. А.* Переписка. М., 2004.
- Столыпин П. А.* Речи. Нью-Йорк, 1990.
- Троцкий Л.* К истории русской революции. М., 1990.
- Туркул А. В.* Дрозд овцы в огне // Дикая дивизия. М., 2007.
- Устрялов Н.* Итальянский фашизм. М., 1999.
- Устрялов Н.* Национал-большевизм. М., 2005.
- Хрестоматия по отечественной истории: 1914–1945. М., 1996.
- Цветаева М.* Письма к Анне Тесковой. СПб., 1991.
- Шишов А. В.* Кутузов. Фельдмаршал Великой империи. М., 2006.
- Шкуро А. Г.* Записки белого партизана. М., 1991.
- Шульгин В.* Дни. 1920. М., 1989.
- Шульгин В.* Три столицы. М., 1991.
- Эфрон С.* Записки добровольца. М., 1998.

Исследования

- Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.
- Алексеев Н.* Русский народ и государство. М., 1998.

Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А. С. Снесарева. М., 2002.

Ахиезер А. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск, 2002.

Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2002.

Вандам А. Е. Геополитика и геостратегия / Сост. И. Образцов. М., 2002.

Вдовин А. Русская нация. М., 1996.

Вебер М. О России. М., 2007.

Вейдле В. Умирание искусства. М., 2001.

Верт Н. История Советского государства. М., 1995.

Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991.

Волкова И. Русская армия в русской истории. М., 2005.

Волков С. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. М., 2003.

Волков С. Трагедия русского офицерства. М., 2002.

Герлиц В. Германский генеральный штаб / Пер. с англ. М., 2005.

Гимпельсон Е. НЭП. Новая экономическая политика Ленина — Сталина: Проблемы и уроки. 20-е годы XX века. М., 2004.

Гладков Т. Артузов. М., 2009.

Гоман-Голутвина О. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006.

Гончаренко О. Белоэмиграция между звездой и свастикой. М., 2005.

Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004.

Готлиб В. В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны / Пер. с англ. М., 1960.

Дамаскин И. Сталин и разведка. М., 2004.

Данилов С. Гражданская война в Испании. М., 2004.

Дойчер И. Троцкий. В 3 т. М., 2006.

Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Пер. с англ. М., 1999.

Жидков В., Соколов К. Десять веков российской ментальности: Картина мира и власть. СПб., 2001.

Зайцов А. А. 1918: Очерки истории русской Гражданской войны. М., 2006.

Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1991.

Иоффе Г. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.

История России: XX век. М., 1999.

Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 / Пер. с серб. М., 2005.

Кара-Мурза С. Гражданская война 1918–1921 — урок для XXI века. М., 2003.

Кара-Мурза С. Советская цивилизация от начала до великой Победы. М., 2004.

Карр Э. Русская революция. От Ленина до Сталина. 1917–1929. М., 1990.

Катков Г. Дело Корнилова. Париж, 1987.

Клаузевиц К. О войне. В 3 т. М., 1941.

Краснов В., Дайнес В. Неизвестный Троцкий. М., 2000.

Кривошеин К. А, А. В. Кривошеин, его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973.

Латышские стрелки в борьбе за советскую власть. Рига, 1926.

Линдер И., Чуркин С. Красная паутина. Тайны разведки Коминтерна. 1919–1943. М., 2005.

Литвин А. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004.

Лосский Н. О. Характер русского народа. М., 1990.

Макаревич Э. Политический сыск. История, судьбы, версии. М., 2001.

Мельтюхов М. Советско-польские войны. М., 2001.

Минаков С. Военная элита 20—30-х годов XX века. М., 2004.

Миронов Б. Социальная история России периода империи. В 2 т. СПб., 1999.

Мозохин О. ВЧК — ОГПУ: Карающий меч диктатуры пролетариата. М., 2004.

На путях. Берлин, 1922.

Наумов А. Фашистский интернационал: Покорение Европы. М., 2005.

Ольденбург С. С. Царствование Николая II. М., 1992.

Пайпс Р. Россия при большевиках / Пер. с англ. М., 1997.

Пайпс Р. П. Струве: левый либерал. В 2 т. М., 2001.

Пеньковский Д. Д. Эмиграция казачества и ее последствия (1920–1945). М., 2006.

Петров А. Московская буржуазия в начале века. М., 2002.

Прайсман Л. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.

Прянишников Б. Незримая паутина. Нью-Йорк, 1979.

Рабинович А. Революция 1917 года в Петрограде / Пер. с англ. М., 2003.

Рыбас Е. Российские вожди в борьбе, любви и смерти. М., 2002.

Рыбас С. Столыпин. М., 2003.

Рыбас С. Генерал Кутепов. М., 2000.

Рыбас С., Рыбас Е. Сталин. Судьба и стратегия. В 2 т. М., 2007.

Рыбас С. Сталин. М., 2009.

Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование / Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001.

Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982.

Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Документы и материалы. В 2 т. М., 1998.

Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. М., 2002.

- Савицкий П. Н.* Континент Евразия. М., 1997.
- Савченко В.* Симон Петлюра. Харьков, 2004.
- Соболев В.* Русская этнокультурная система: внутренние войны за политическую власть и духовную культуру. М., 2007.
- Суханов Н.* Записки о революции. М., 1991.
- Тери Э.* Экономический обзор России в 1914 году / Пер. с фр. Париж, 1976.
- Теплицын В.* Пиренеи в огне. Гражданская война в Испании и советские «добровольцы». М., 2003.
- Тушис М.* ВЧК: Война кланов. М., 2004.
- Улам А.* Большевики: Причины и последствия переворота 1917 года / Пер. с англ. М., 2004.
- Усов В.* Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002.
- Уткин А.* Первая мировая война. М., 2001.
- Уткин А.* Унижение России. Брест, Версаль, Мюнхен. М., 2004.
- Уткин А.* Русско-японская война. М., 2005.
- Хостинг Дж.* История Советского Союза / Пер. с англ. Смоленск, 2000.
- Цветков В. Ж.* Белые армии юга России. 1917-1920. М., 2000.
- Цымбурский В. Л.* Остров Россия. Геополитические и хронологические работы. М., 2007.
- Широкорад А.* Россия и Китай: Конфликты и сотрудничество. М., 2004.
- Шишкин О.* Убить Распутина. М., 2000.
- Шишов А.* Неизвестные страницы русско-японской войны. М., 2004.
- Эндрю К., Гордиевский О.* История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева / Пер. с англ. М., 1990.
- Яковлев Н.* ЦРУ против СССР. М., 2002.
- Яковлев Н.* Франклин Рузвельт: человек и политик. М., 1981.

INFO

Рыбас С. Ю.

Р 93 Генерал Кутепов / Святослав Рыбас. — М.: Молодая гвардия, 2010. — 300[4] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1266).

ISBN 978-5-235-03334-4

УДК 355.484(470+571)(092)
ББК 63.3(2)612,8

Рыбас Святослав Юрьевич
ГЕНЕРАЛ КУТЕПОВ

Редактор *И. В. Черников*
Художественный редактор *И. И. Суслов*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректор *Т. И. Маляренко*

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 21.12.2009. Подписано в печать 01.04.2010. Формат 84х108/32.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 15,96+1,68 вкл. Тираж 4000 экз. Заказ 93297

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Суцевская ул.,

21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сущевская ул., 21

Святослав Юрьевич Рыбас — писатель и общественный деятель. Автор политических биографий: «Столыпин», «Сталин. Судьба и стратегия», «Сталин», «Генерал Кутепов», «Генерал Самсонов», «Сто лет внутренних войн. Краткий курс истории России XX века», а также исторических романов о Гражданской войне и Добровольческой армии. Являлся членом рабочей группы по восстановлению памятника российским воинам в Галлиполи (Турция). Возглавлял Фонд восстановления храма Христа Спасителя. Член Попечительского совета храма Христа Спасителя.

Александр Павлович Кутепов — генерал Добровольческой армии в Гражданскую войну, участник Русско-японской и Первой мировой войн, последний командир лейб-гвардии Преображенского полка. Вошел в историю как создатель «белого Китежа» в Галлиполи, где на берегу Дарданелльского пролива белая армия после трагической эвакуации из Крыма в 1920 году обрела духовные силы и создала объединяющий феномен русской эмиграции в странах рассеяния. Будучи одним из организаторов Русского общевоинского союза, Кутепов вел драматический поединок с советской контрразведкой (операция «Трест») и

погиб, будучи похищен ее агентами в Париже. Впервые в российской литературе Белое движение исследовано на фоне экономических, военных и геополитических проблем Российской империи и СССР.

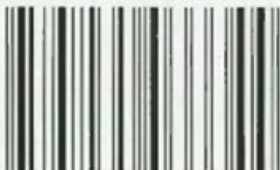
Святослав Рыбас

Святослав Юрьевич Рыбас — писатель и общественный деятель. Автор политических биографий: «Столыпин», «Сталин. Судьба и стратегия», «Сталин», «Генерал Кутепов», «Генерал Самсонов», «Сто лет внутренних войн. Краткий курс истории России XX века», а также исторических романов о Гражданской войне и Добровольческой армии. Являлся членом рабочей группы по восстановлению памятника российским воинам в Галлиполи (Турция). Возглавлял Фонд восстановления храма Христа Спасителя. Член Попечительского совета храма Христа Спасителя.

Александр Павлович Кутепов — генерал Добровольческой армии в Гражданскую войну, участник Русско-японской и Первой мировой войн, последний командир лейб-гвардии Преображенского полка. Вошел в историю как создатель «белого Китежа» в Галлиполи, где на берегу Дарданелльского пролива белая армия после трагической эвакуации из Крыма в 1920 году обрела духовные силы и создала объединяющий феномен русской эмиграции в странах рассеяния. Будучи одним из организаторов Русского общевойскового союза, Кутепов вел драматический поединок с советской контрразведкой (операция «Трест») и погиб, будучи похищен ее агентами в Париже. Впервые в российской литературе Белое движение исследовано на фоне экономических, военных и геополитических проблем Российской империи и СССР.

ISBN 978-5-235-03334-4

9 785235 033344 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я

notes

Примечания

1

Этот генерал вскоре оказал поддержку Февральской революции; в 1918 году убит большевиками в Ставрополе, отказавшись идти в Красную армию.

Приведены по «Краткой записке о службе генерала от инфантерии Кутепова Александра Павловича» (см.: Генерал Кутепов. Сборник документов. Париж, 1934. С. 179-183). Стиль и фактическая сторона документа сохранены.

comments

Комментарии

Вандам А. Е. Геополитика и геостратегия. М., 2002. С. 175.

Ольденбург С. С. Царствование императора
Николая II. В 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 226-227.

3

Там же. С. 227.

Генерал Кутепов. Сб. статей. Париж, 1934. С. 18.

Мартынов Е. И. Воспоминания о русско-японской войне командира пехотного (Зарайского) полка. Полоцк, 1910. С. 27.

Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1999. С. 151.

Мартынов Е. И. Указ. соч. С. 3-4.

Суворин А. С. Дневник. М., 1992. С. 379.

Ольденбург С. С. Указ. соч. Т. 1. С. 299.

Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 157, 158.

Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование / Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 43.

Хромов П. А. Экономическое развитие России. М., 1967. С. 438.

Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 165–166.

Там же. С. 228.

Россия и СССР в войнах XX века. С. 89.

Ольденбург С. С. Царствование императора
Николая II. Вашингтон, 1981. С. 517.

Греков Б. И. Национальный аспект внешней политики Германии в годы Первой мировой войны. Лига нерусских народов России // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 426.

Цит. по: *Уткин А. И.* Первая мировая война. М., 2001.
С. 151.

Готлиб В. В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. М., 1960. С. 68.

Там же. С. 418.

Генерал Кутепов. С. 212.

Цит. по: *Кара-Мурза С. Г.* Столыпин — отец русской революции. М., 2002. С. 171.

Родзянко М. В. Крушение империи. Нью-Йорк, 1986.
С. 212.

Генерал Кутепов. С. 215.

Головин Н. Н. Предисловие// *Зайцов А. А.* 1918: Очерки истории русской Гражданской войны. М., 2006. С. 6.

Генерал Кутепов. С. 171.

Зайцов А. А. 1918... С. 14.

Цит. по: *Ольденбург С. С.* Царствование императора
Николая II. Т. 2. С. 256.

Краснов П. Н. На внутреннем фронте. Л., 1927. С. 15.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 года. М., 1991. С. 367.

Зубов Ю. В. С полком прадедов и дедов в Великую войну 1914-1917 гг. Париж, 1978.

Цит. по: Международная жизнь. 1997. № 10.

Игнатъев А. А. 50 лет в строю. В 2 т. Петрозаводск, 1963. Т. 2. С. 121.

Зарождение Добровольческой армии. М., 2001. С. 256-257.

Там же. С. 316.

Зайцов А. А. Указ. соч. С. 97.

Там же. С. 109.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Май — октябрь 1918 года. С. 301.

Там же. С. 259.

Генерал Кутепов. С. 198.

Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004. С. 390.

Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Киев, 1994. С. 161, 170.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Январь 1919 — март 1920. С. 155.

Там же. С. 166.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. С. 4.

Шишов А. В. Кутузов. Фельдмаршал великой империи. М., 2006. С. 4, 6.

Камбалин А. И. 1-й Сибирский стрелковый полк в Сибирском Ледяном походе // Белая гвардия. Альманах. 1997. № 1. С. 64.

Врангель П. Н. Воспоминания барона П. Н. Врангеля.
В 2 т. М., 1992. С. 226-227.

Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2008. С. 212.

Врангель П. Н. Воспоминания... С. 230.

Там же. С. 257.

Лампе А. А., фон. Причины неудачи вооруженного выступления белых // Деникин А. И., Лампе А. А., фон. Трагедия белой армии. М., 1991. С. 28.

Туркул А. В. Дроздовцы в огне. М., 2007. С. 249-250.

Там же. С. 236.

Там же. С. 247.

Слащов Я. А. Белый Крым в 1920 году. М., 1990. С. 38.

Там же. С. 39.

Устрялов Н. В. Patriotika // Политическая история русской эмиграции: 1920–1940. С. 181.

Врангель П. Н. Записки... Франкфурт-на-Майне, 1969.
С. 258-259.

Военная русская эмиграция 20—40-х годов.
Документы и материалы. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 154.

Пылин Б. Первые четырнадцать лет. Калифорния, 1972. С. 89.

Махров П. С. В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 162.

Там же. С. 195.

Раевский И., Даватц В. Добровольцы. М., 2007. С. 112.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Январь 1919 — март 1920. С. 434.

Пылин Б. Указ. соч. С. 103–104.

Там же. С. 109.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Январь 1919 — март 1920. С. 437.

Русская армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии. М., 2003. С. 250.

Врангель П. Н. Воспоминания... Т. 2. С. 14-15.

Там же. С. 73–75.

Эфрон С. Записки добровольца. М., 1998. С. 167.

Врангель П. Н. Воспоминания... Т. 2. С. 65.

ГАРФ. Фонд П. Струве. Оп. 1. Д. 100. Л. 1,2.

Пайпс Р. Струве: правый либерал. 1905–1944. В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 352–355.

Шульгин В. В. 1920 год. Л., 1927. С. 212.

Цветков В. Ж. Белые армии Юга России. М., 2000. С. 37.

Врангель П. Н. Воспоминания... Т. 2. С. 152.

Там же. С. 194.

ГАРФ. Ф. 5783. Он. 1. Д. 359. С. 16.

Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 262.

Врангель П. Н. Воспоминания... Т. 2. С. 229.

Валентинов А. А. Крымская эпопея // Белый Крым. М., 2003. С. 291.

Врангель П. Н. Воспоминания... Т. 2. С. 278.

Там же. С. 375.

Русская армия генерала Врангеля... С. 251-252.

Врангель П. Н. Воспоминания... Т. 2. С. 381.

Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 513, 544.

Врангель П. Н, Воспоминания... С. 214.

Росс Н. Указ. соч. С. 84.

Мельтюхов М. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 94.

Росс Н. Указ. соч. С. 84.

Даватц В., Львов Н. Русская армия на чужбине // Русская армия на чужбине / Сост. С. В. Волков. М., 2003. С. 38.

ГАРФ. Ф. 5928. Он. 1. Д. 66. С. 3.

Карпов Н. Крым — Галлиполи — Балканы. М., 2002. С. 12.

Левитов М. Корниловцы в Галлиполи // Русская армия на чужбине. С.150.

Матасов В. Конноартиллеристы в Галлиполи // Русская армия на чужбине. С. 230-231.

Кравченко В. Дроздовцы в Галлиполи // Русская армия на чужбине. С. 172.

Раевский Н. Указ. соч. С. 247.

Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Т. 1. С. 63.

Там же. С. 217.

Раевский Н. Указ. соч. С. 146.

Генерал Кутепов. С. 278-279.

Раевский Н. Указ. соч. С. 220.

Пеньковский Д. Д. Эмиграция казачества из России и ее последствия (1920–1945). М., 2006. С. 144.

Информационный бюллетень «Галлиполиец». Париж,
1970. № 83. (Архив автора.)

Кравченко В. Указ. соч. С. 189.

Левитов М. Корниловцы в Галлиполи // Русская армия на чужбине. С. 160.

Генерал Кутепов. С. 276.

Даватц В., Львов Н. Русская армия на чужбине. С. 80.

Даватц В., Львов Н. Русская армия на чужбине. С. 114.

ГАРФ. Ф. 5928. Оп. 3. Ед. хр. 100. Л. 6-7.

ГАРФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 100 (Фонд П. Струве). Л. 3.

Флоровский Г. В. О патриотизме праведном и греховном // На путях. Берлин, 1922. С. 240–243.

Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005. С. 248.

Шульгин В. Дни. 1920. М., 1989. С. 271.

Политическая история русской эмиграции. 1920–1940. Документы и материалы. М., 1999. С. 14.

ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 362. Л. 140.

ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 485. С. 12.

ГАРФ. Ф. 5826. Он. 1. Д. 195. С. 137.

Там же. С. 45.

Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т.
М., 1997. Т. 2. С.127.

Политическая история русской эмиграции. С. 44.

ГАРФ. Ф. 5826. Он. 1. Д. 195. С. 182.

Гладков Т. Артузов. М., 2009. С. 271.

Прянишников Б. Незримая паутина. Нью-Йорк, 1979.
С. 316-317.

ГАРФ. Ф. 5802. Он. 1. С. 39.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3.
С. 113.

Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн.
М., 1993. С. 174.

Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992. С. 137.

Леонтьев К. Избранные письма. СПб., 1993. С. 473.

Бобков Ф. Д. Последние двадцать лет. Записки начальника политической контрразведки. М., 2006. С. 190.

Йованович М. Указ. соч. С. 64–65.

Окороков А. В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990. М., 2003. С. 80–81.

Йованович М. Указ. соч. С. 66–67.

Лехович Д. Белые против красных. Судьба генерала Деникина. М., 1992. С. 320.